протопресвитер
ГЕОРГИЙ
ШАВЕЛЬСКИЙ

Русская Церковь
пред
революцией

Москва
2005

По благословению епископа Майкопского и Адыгейского
Пантелеимона

Текст книги протопресвитера Г. Шавельского публикуется с разрешения Архива российской и восточно-европейской истории и культуры Университета Колумбии (США) — Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University (USA)

© Издательство «Артос-Медиа» — 2005 г.
© Крестовоздвиженское православное братство — 2005 г.
© Священник Сергий Мельникас, права на публикацию текста в России, предисловие — 2005 г.

ISBN 5-98574-011-0

Предисловие

Эту книгу трудно читать, не зная сложной, но несомненно яркой, талантливой и необычайно цельной личности самого автора — Георгия Ивановича Шавельского (1871–1951). Ему, рожденному в семье бедного дьячка где-то на окраинах Витебской губернии, казалось, суждено было прожить жизнью обычного приходского, едва ли не сельского, священника, если б не скорая смерть его супруги Ираиды Мефодьевны. Вдовство, как это не покажется странным, открывает перед ним возможности карьерного роста, а природный ум и твердый характер приводят его на вершину не только церковной, но и всей гражданско-политической жизни России.

Потеряв жену, отец Георгий оставляет приходскую деятельность и поступает в Санкт-Петербургскую Духовную Академию, еще учась в которой, становится настоятелем Суворовской церкви при Николаевской Академии Генерального штаба. С началом Русско-японской войны он по собственному желанию отправляется полковым священником на театр военных действий в Манчжурию. Там он — вместе с солдатами на передовой — в самом пекле сражений вытаскивает из-под огня раненых, утешает несчастных, хоронит убитых, сам получает контузию и вместе с ней награду — крест на Георгиевской ленте. Возвращается с Дальнего Востока о.Георгий уже Главным Полевым священником 1 Манчжурской армии и по итогам войны пишет небольшую по объему книгу «Служение священника на войне», упоминаемую им в своем предисловии. В том, что о ней так лестно отзывался профессор Военной Академии полковник А. К. Кельчевский, нет никакого бахвальства — книга действительно всколыхнула не только церковную и военную общественность, но не прошла незамеченной и в кругах свет-

ской интеллигенции. На нее, в частности, отозвался В. В.Розанов эмоциональной статьей «Русский священник на войне», напечатанной в «Новом времени».

В это время — в период между двумя войнами — Шавельский уже заметная фигура в Петербургских кругах. Он преподает в историко-филологическом и Смольном институтах, организует и принимает живейшее участие в популярных тогда проповеднических кружках и обществах, входит в число членов правления военно-духовного ведомства. Император благосклонен к нему, и в 1911 году отец Георгий становится Протопресвитером военного и морского духовенства, руководителем большого и специфического ведомства, структуры, раскинувшейся по всей необъятной территории тогдашней России. Подчиненность непосредственно Военному Министру по военным вопросам и членство по положению в Святейшем Правительствующем Синоде — должность эта давала огромные полномочия и открывала перед ее носителем широкие перспективы деятельности. Достаточно сказать, что глава военного духовенства был одним из немногих, если не сказать единственным в своем роде лицом в церковной иерархии начала XX века, кто мог свободно в качестве официального представителя передвигаться по всей империи. Шавельский активно использует это право. Он инспектирует подведомственное ему военное и морское духовенство на местах, живо интересуется условиями жизни, проблемами, спецификой деятельности, ставит задачи и вместе со всеми на местных благочинных собраниях пытается решить их. Следствием этих поездок стало проведение в июле 1914 года первого Всероссийского съезда военного и морского духовенства. Второй такой съезд соберется в 1917 году, и на нем в условиях «демократизации» всего общества Шавельский станет уже избранным главой военно-духовного ведомства, а на другом соборе — Поместном Всероссийском — будет выдвинут участниками собора одним из кандидатов на восстанавливаемое патриаршество.

Его талант, опыт руководителя, смелость и решительность в действиях пришлись не по нраву новой власти, которая утвердилась в Петрограде в 1917 году. Отстаивание корпоративных интересов военного духовенства и борьба за сохранение подведомственных институтов в новых условиях отделения Церкви от государства ожесточили против него и без того враждебно настроенное к Церкви революционное правительство, и летом 1918 года Шавельский вынужден бежать. Чуть позже его дочери, оказавшейся на некоторое время в Москве, в одной из большевистских газет того времени попалась на глаза заметка про своего отца под недвусмысленным заголовком: «Такого гуся упустили».[1] А избежавший расправы о.Георгий, стриженый, в крестьянской одежде и с паспортом на чужое имя, появляется в штабе генерала Деникина, который ставит его во главе военного духовенства Вооруженных Сил Юга России. Впрочем, в тогдашней неразберихе гражданской войны, запутанности и шаткости вертикали власти, крайне затрудненными связями, а зачастую и полным отсутствием таковых с полками, воюющими против Красной армии, глухом сепаратизме отдельных воинских формирований и церковном неустройстве он больше занимается общественной и церковно-политической работой. Протопресвитер Шавельский — один из создателей, идеолог и активный деятель Временного Высшего Церковного Управления на юге России. Может быть, именно поэтому смена военно-политической власти в Крыму и передача ее в руки генерала Врангеля в 1920 г. становится концом его карьеры: под благовидным предлогом инспекции церквей в местах поселения русских беженцев заграницей и налаживании там духовной жизни его освобождают от управления военным духовенством и он уезжает, как потом оказалось, навсегда, из России.

В эмиграции о.Георгий полностью и окончательно отходит от политической деятельности, не вмешивается в церковные споры и политические разногласия, существовавшие в среде русских беженцев. Он переходит под омофор Болгарско-

[1] Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, New York, USA, Bar: G.I.Shavelskii, Box: 3, Folder: Maria Novitskaia, p. 21.

го патриарха и, поселившись в Софии и занимаясь преподаванием в столичном университете, отдается воспоминаниям.

«Немножко жаль, что свой административный талант пришлось рано положить под спуд. Зато сколько я смог написать за это время!..» — признавался он, находясь в эмиграции, в своем письме к дочери.[1] Часть из этих трудов читателю уже знакома — это изданные после его смерти «Воспоминания последнего протопресвитера русской армии» в двух томах и вышедшее сравнительно недавно в России «Православное пастырство».

Книгу «Русская церковь пред революцией» нельзя в полном смысле слова назвать мемуарной. Это скорее резюме, подведение итогов и осмысление пройденного и уже законченного этапа не столько собственной жизни, сколько целого сообщества, если не сказать всей страны, через призму церковного устройства и церковной жизни той эпохи, которая привела к революционной катастрофе. Но все же перед нами воспоминания. Воспоминания человека, который был не просто современником происходивших событий, но непосредственным участником их, на себе познавшим жизнь с самых «низов» до самых «верхов» во всех ее гранях и проявлениях и имевшим, как сам он пишет о себе, «полную возможность ознакомиться со всеми сторонами и сферами церковной жизни и деятельности».

Многие суждения Шавельского в этой книге покажутся слишком ригористичными, порой настолько, что иногда даже возникает мысль о предвзятости и субъективизме автора. И, надо сказать, в какой-то мере это так. Отец Георгий обладал критическим складом ума, не любил елейность и патетику, не имел привычки льстить и резко, «невзирая на лица», обращался со льстецами и давал им нелицеприятные оценки, отчего сам был нелюбим среди части высокопоставленных чиновников и некоторых особ в священном сане. Даже родная дочь считала его излишне строгим для современных нравов.

[1] Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, New York, USA, Bar: G. I. Shavelskii, Box: 1, Folder: Correspondence, Letter dated 4, IX, 1948.

Но критицизм Шавельского исходил не от личных амбиций или слепой неудовлетворенности всем и вся — этой извечной спутницы русской жаловливости (все мы, как известно, любим «плакаться»), а из непредвзятости и практичной рассудительности. Он умел мыслить целостно. И как хороший опытный администратор, он разбирался в людях и ценил в них личностные качества. Его характеристики лаконичны и точны, его суждения хоть и критичны, но несомненно справедливы. Он скуп на похвалы, и если пишет в положительных тонах, то на это действительно стоит обратить внимание. Известный деятель русского зарубежья архиепископ Иоанн (Шаховской) высказал свое мнение о нем следующими словами: «В отце Георгии была, если так можно выразиться, духовная великодержавность. Он умел смотреть в сущность вещей».[1]

Но Шавельский был не просто критичным и самокритичным человеком («Ничего я не смог бы сделать», — писал он по поводу возможного избрания его в патриархи[2]), и не только с этой точки зрения следует оценивать его книгу. Перед нами — не просто характер, не просто независимый, умный и наделенный властью человек. Нельзя забывать, что перед нами не в последнюю очередь полковой священник, типичный представитель военного духовенства, человек действия, которому по определению чужды созерцательность и аскетизм (эти черты его бытового «солдатского» мировоззрения особенно заметны в главе о монастырях). Божье Богови, а кесарево — кесарю, и надо сказать, что Шавельский именно как военный человек часто отдает предпочтение последнему. И это не должно вменяться ему во грех или недостаток. Такова специфика войны — когда враг идет с оружием в руках, надо отложить Псалтирь и икону (не забывая, впрочем, о Боге) и самому взять в руки

[1] Еп. Иоанн. «Отец Георгий». В кн. «Письма о временном и вечном». Нью-Йорк, 1960, стр. 205.

[2] Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, New York, USA, Bar: G. I. Shavelskii, Box: 1, Folder: Correspondence, Letter dated 4, IX, 1948.

оружие, чтобы таким образом предотвратить насилие. Этот принцип отчасти послужил причиной известного конфликта протопресвитера с товарищем обер-прокурора князем Жеваховым в 1915 г. по поводу ношения по войскам многочисленных икон. «Сперва надо обновление души, а затем ожидание чуда», — так объяснял он императору свою позицию по этому вопросу.[1]

Как военный человек, он был решителен и смел, ненавидел рутину, шагал в ногу со временем и действовал больше по обстоятельствам, чем по шаблону. Он мог сесть в самолет, что наряду с поездками на автомобилях для духовенства того времени было делом из ряда вон выходящим. Он мог ходить под пулями и в то же время считал, что главное — не умирать геройской смертью, а уметь побеждать в бою. Он был хорошим собеседником, замечательным проповедником и талантливым педагогом, и когда смолянки собирались к нему, они в своих белых платьях с пелеринками и такими же белыми передниками садились вокруг него на полу и слушали, затаив дыхание. А потом вместе ели фрукты, пирожные и пили горячий шоколад. Он любил молодежь, и она платила ему тем же.

Он был прямым человеком, и на замечания дочери о своей принципиальности и бескомпромиссности отвечал: «Пускай осудят, но я говорю правду и только правду, Бог мне судья».[2]

Священник Сергий Мельникас

[1] ГАРФ. Ф. 1486, оп. 1, № 51, л. 13.

[2] Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Columbia University, New York, USA, Bar: G. I. Shavelskii, Box: 3, Folder: Maria Novitskaia, p. 16.

От автора

Летом 1913 г., возвращаясь из Финляндии в С.-Петербург, я встретился с А. К. Кельчевским, тогда полковником, профессором нашей Военной Академии, недавно умершим в Праге. Разговорившись, мы скоро перешли на военные темы и, в частности, на его лекции по тактике артиллерии. «Давно я хотел покаяться пред вами, – сказал мне Кельчевский. – Я ведь начинаю свои лекции первой страницей вашей книжки: Служение священника на войне».[1] И Кельчевский слово в слово процитировал эту страницу.

Не имея теперь данной книжки, я не могу дословно воспроизвести процитированного, но уверен, что не погрешу в точной передаче его содержания. Я писал: «ERRORIBUS DISCIMUS».[2] Это мудрое древнее правило надо помнить всем и каждому. Жизнь – вечное движение вперед. Кто не идет вперед, тот остается позади, иногда за бортом жизни. Идти вперед можно только изучая и исправляя свои ошибки, совершенствуя и себя, и других...»

Сейчас исповедовать эту истину не безопасно. Потерпев беспримерное жизненное крушение, беспрестанно наталкиваясь на новые лишения и невзгоды, русские люди в беженстве все время обращают свои взоры назад, где у них осталось сытое и беспечальное прошлое, идеализируют это прошлое и на всякую попытку критического, хотя бы и самого объективного и доброжелательного отношения к этому прошлому, они готовы смотреть как на некоторого рода святотатство, как на прикосновение к их святыне нечистыми руками злого человека. Подобное отношение к церков-

[1] Протопр. Г. Шавельский. «Служение священника на войне». С.-Пб. 1912 г.

[2] Ошибками учимся.

ному прошлому, с одной стороны, весьма почтенно, ибо оно между прочим свидетельствует о подъеме у нас национального чувства, чем в идеализируемое прошлое время мы не могли хвастаться. Но, с другой стороны, оно может быть весьма опасным, если, убаюкав нас сладкими воспоминаниями, оно затуманит наш духовный взор, лишит нас способности и возможности рассмотреть теневые стороны нашего прошлого, наши маленькие и большие, легко поправимые и роковые ошибки и недостатки и помешает нам использовать мудрое правило «ERRORIBUS DISCIMUS».

Испытав на себе всю опасность критического отношения к нашим прошлым ошибкам и недочетам, я все же останусь тем, каким я был в 1912–1913 гг., исповедуя, что спокойное, благоразумное и доброжелательное критическое отношение к родному прошлому может послужить только к будущему возвеличению нашей прекрасной Родины и ни в каком случае не к принижению или посрамлению ее. Руководясь этой именно точкой зрения, я и начинаю свой труд.

Предметом моего изложения будет Русская Православная Церковь в ее предреволюционном прошлом. Я должен буду указать немало теневых сторон ее тогдашней жизни. Это в особенности может смутить ярых почитателей нашего прошлого, в настоящем смотрящих на нее как на страдалицу и исповедницу, а в будущем как на обновительницу и спасительницу русского народа. Есть и такая категория верующих, которые не допускают никаких недостатков у Церкви и всякое критическое отношение к церковной деятельности принимают за кощунство. Ни богословие, ни церковная история никогда не разделяли такого взгляда. Первое различает в Церкви, кроме божественной — благодатной стороны, и сторону человеческую — ее земных деятелей, не свободных от человеческих недостатков и не гарантированных от разных погрешностей. Вторая же всегда отмечала не только моменты славы Божией, проявляющейся в жизни Церкви, но и все случаи погрешностей, заблуждений и падений, от которых не бывали свободны не только рядовые служители Церкви, но и высшие ее представители, не исключая и пап и патриархов. Достаточно указать на собор 754 г., составленный из 338 епископов, отверг-

ший иконопочитание и поддержавший иконоборцев. Прилагать иную мерку к хотя бы и драгоценнейшей для нас родной Церкви нет оснований.

Картина состояния Русской Православной Церкви в предреволюционное время может показаться мало отрадной. И автору она представляется такой. В жизни учреждений, обществ, государств и народов бывают периоды благосостояния, расцвета, блеска, но бывают и периоды оскудения и упадка. То же и в Церкви. Предреволюционный период в жизни Русской Церкви, может быть, и не был в строгом смысле упадочным, но он, несомненно, был переходным. Великая Русская Церковь не могла остаться в таком положении, в каком она находилась тогда. Это сознавали все проникновенные люди того времени. Этим объясняются и созыв в 1906 г. Предсоборного Присутствия, смело вскрывшего разъедавшие тогда Церковь язвы, и тогдашнее всеобщее ожидание Всероссийского Церковного собора, на который надеялись, что он обновит церковную жизнь.

Ныне российский церковный корабль в огне страданий очищается от разных наростов, накопившихся на нем за время слишком продолжительного стояния в тихой, защищенной гавани. Страдания всегда очищали и возвышали Церковь. И автор горячо верует, что после перенесенных огненных искушений и страданий Русская Церковь предстанет пред миром во всем величии подлинной Христовой невесты, одеянной и преукрашенной, в несравненных ризах праведности, чистоты и церковной мудрости.

Протопресвитер Георгий Шавельский.
22.VIII.1935 г.
Болгария,
София.

Вступление

Великая революция разделила историю Русской Церкви на две резко противоположные половины. Дореволюционная история Русской Церкви — это история величественных храмов и обителей, сиявших золотом и драгоценными камнями иконостасов, беспримерных по своей пышности и величественности богослужений, богатейших монастырей и архиерейских кафедр, безмятежного и мирного жития их обитателей, под постоянной защитой и неизменным покровительством государственной власти, пользовавшихся изобилием земных благ. С конца 1917 года Русская Церковь не только лишилась всякой защиты и попечения со стороны государственной власти, но и подверглась разнообразным притеснениям.

Все духовенство было лишено сначала казенного содержания, а потом и многих гражданских прав; имущества церковные и монастырские были реквизированы; монастыри были закрыты; множество церквей и соборов было разрушено, оставшиеся церкви и их служители были обложены огромными, иногда непосильными налогами. Власть явно преследовала Церковь, смотря на нее как на враждебную и для государства вредную организацию. Надо признать, что сама Церковь в значительной степени способствовала закреплению такого убийственного для нее взгляда: до революции она была усердной союзницей прежнего государственного строя, в известной степени ответственной за многие его грехи; в пору революции, на первых порах, она явно примкнула к контрреволюционному лагерю. Потом, особенно когда Русскую Церковь возглавил благочестивейший и умнейший митрополит Сергий (с 1926 г.), Церковь изменила свое отношение к новой власти, отказавшись от всякой борьбы с нею и выразив желание всячески содействовать ей в ее служении государству. Но советская власть и доселе[1] не может забыть

старого и не изменяет своего отношения к Церкви.

Материальное положение Русской Православной Церкви пред революцией, как увидим дальше, было достаточно хорошим и обещало стать еще лучше. Но каково же было ее внутреннее состояние? Соответствовал ли духовный рост дореволюционной Русской Церкви ее все возраставшему материальному благополучию? В полной ли мере и с подобающей ли целесообразностью пользовалась Русская Церковь как накопившимися у нее богатствами, так и предлагавшейся ей государственной опекой и помощью? На какой вообще высоте стояла пред революцией Русская Церковь; с каким успехом осуществляла она свои великие задачи по устроению и вечного спасения, и земного благополучия своих чад? И т. д. Для ответа на эти вопросы необходимо рассмотрение разных сторон жизни и деятельности дореволюционной Русской Церкви: ее положения в государстве и ее отношений к последнему, ее учреждений и даже лиц, возглавлявших эти учреждения, ее высшего и епархиального управления, приходской жизни, церковных школ, монастырей, миссий, ее отношения к инославным и иноверным и т.д.

Мое служение Церкви Божией так протекало, что я имел полную возможность ознакомиться со всеми сторонами и сферами церковной жизни и деятельности. С 19 августа 1891 до 12 марта 1895 г. я служил псаломщиком, а с 19 марта 1895 г. по 1 сентября 1898 г. священником в сельских приходах Полоцкой епархии. Каникулярное время своего студенчества (1898–1902) я проводил в губернском городе Витебске, помогая в совершении богослужений, проповеди и треб своему родственнику — священнику. В учебное время, в воскресные и праздничные дни я вел народные беседы для петербургского рабочего населения на фабрике Торнтон, в селе Александровском за Невской заставой, на фабрике за Нарвской заставой, в Стрельне, в манеже в. к. Дмитрия Константиновича и в других местах, а также проповедовал в столичных храмах. В 1901 г. я стал священником Суворовской церкви при Никола-

[1] То есть до 1935 года, когда писались эти строки.

евской академии генерального штаба, начав с этого времени знакомиться с высшими кругами столичного общества. С марта 1904 г. по февраль 1906 г. я провел на русско-японской войне, сначала в должности полкового священника, приняв участие во многих сражениях и будучи ранен и контужен в бою под Ляояном, а с 1 декабря 1904 г. в должности священника 1-й Маньчжурской армии. Вернувшись в марте 1906 г. в Суворовскую же церковь, я, по назначению протопресвитера, участвовал, кажется, во всех учреждавшихся тогда ведомственных комиссиях, а в 1910 г. был назначен членом Правления при протопресвитере военного и морского духовенства. 22 апреля 1911 г. состоялось назначение меня протопресвитером военного и морского духовенства.

Великая война чрезвычайно расширила круг деятельности протопресвитера: не только разрослось почти в пять раз число подчиненных ему священнослужителей (в мирное время их было около 730 священников и около 150 диаконов и псаломщиков; во время войны 1914–1919 гг. число подчиненных протопресвитеру священников достигало 5.000 человек), но и осложнилась пастырская работа, увеличилась область протопросвитерского действования, когда в 1916–1917 гг. он должен был, по высочайшему повелению, управлять и Буковинской митрополией, и Галицийскими церквами. С 1 ноября 1915 г. по апрель 1917 г. я был присутствующим (членом) в Св. Синоде, затем товарищем председателя Московского (1917–1918 г.) и Ставропольского (в мае 1919 г.) соборов, членом Высшего Церковного Совета при Патриархе (1917–1918 гг.) и членом Высшего Церковного Управления на юге России (1919–1920 гг.)

Церковно-педагогическая деятельность также не была для меня чуждой. С 1891 г. по 1898 г. я законоучительствовал в начальных министерских и церковноприходских школах; с 1906 г. в Николаевском Смольном институте и женской гимназии в С.-Петербурге; в 1910–1911 г. занимал Кафедру богословия в С.-Петербургском Императорском историко-филологическом институте, оставив ее ввиду назначения на должность протопресвитера. В эмиграции читаю лекции на богословском факультете Софийского университета и преподаю в Софийской русской гимназии.

Столь разносторонний служебный опыт дает мне возможность вспомнить и оценить многие явления, события и стороны нашей прежней церковной жизни. Я отлично сознаю, что живому свидетелю событий, кроме того, не располагающему всем обилием нужных документов, не легко ответить на все поставленные вопросы. Но я и не задаюсь целью исчерпательно осветить их. Моя цель: не зарыть в землю вместе со своим бренным телом добытые длинной и разнообразной службой наблюдения и знания, но поделиться ими с будущими служителями и деятелями церковными, в уповании, что все мое ошибочное и личное они отметут, а верным и нужным они воспользуются для блага нашей св. Церкви и нашего многострадального народа.

Русская Церковь в прошлом. Ее заслуги в отношении русского народа и всего Православия

Зародившись на заре русской истории, Русская Православная Церковь сразу заняла высокое положение. Некультурное, первобытно-простое русское государство увидело в ней высшую духовную силу и доверчиво отдалось ее руководительству. Русская жизнь после этого стала развиваться под преимущественным воздействием Церкви, накладывавшей свою печать церковности на все ее стороны, формы и проявления. Церковность сделалась неотъемлемым атрибутом русской жизни.

Этому нисколько не противоречит то обстоятельство, что в образованных классах русского общества, в особенности со времени Петровской реформы, чувствовались охлаждение к Церкви и отход от ее руководства. Все же и эти круги связи с Церковью не прерывались и совсем уклониться от ее влияния не могли. Но масса простого народа, составлявшего огромнейшую часть населения Российской империи, почти до самого последнего времени находилась под исключительным руководством Церкви, и до самого последнего времени связь с Церковью у этой массы оставалась тесною.

То не секрет, что до конца XIX в. русская государственная власть занималась простым народом слишком мало. Еще в семидесятых годах XIX в. не было редкостью, что на волость с десятитысячным населением приходилась одна начальная сельская школа с 30–40 учащимися; что в ряде деревень нельзя было найти способного написать грамотея, и деревенские мужики и бабы, чтобы состряпать письмо сыну-солдату, должны совершать 10–30-верстные путешествия в село к дьячку, учителю или волостному писарю. Воспитательский аппарат гражданской власти для простого народа фактически сосредотачивался тогда в руках станового пристава, урядника и волостного писаря, исполнявших полицейско-фискальные функции своего звания, далекие от истинно воспитательных целей. Культурные способы воспитания народа в виде бесед и лекций по разным вопросам народного быта, благоустроенных развлечений и зрелищ стали у нас применяться лишь в последние пред революцией два-три десятилетия. До того же времени духовное воспитание народной массы велось исключительно Церковью: священник был таким или иным воспитателем своей паствы, а храм — самой разносторонней школой, единственным культурным центром для всей округи. В храм простолюдин нес и радости, и горе своей трудовой жизни; в храме пред лицом всевидящего Господа он изливал и восторг, и скорби своей души; в храме он слышал небесные глаголы с призывами к любви, правде и добру; благолепно украшенный, просторный, иногда величественный храм воспитывал в простолюдине эстетический вкус — любовь к изящному и прекрасному; в храме, после своей, часто убогой, неуютной и грязной лачуги, наш простолюдин отдыхал и просветлялся душой.

Церковное воспитание оставляло свою яркую печать на душе и на всем быте нашего простого народа. Мировоззрение нашего прежнего простого человека было религиозно-церковным. Такое или иное понятие о грехе служило у него критерием для расценки всех явлений и случаев жизни. Каждое дело простолюдин начинал молитвою и всю свою жизнь старался располагать приме-

нительно к временам и установлениям церковным. Тут в особенности характерно было отношение простого народа к праздникам. Простой народ признавал, соблюдал и свято чтил только церковные праздники. Свечи иногда гасли от спертого воздуха — так переполнял народ храмы в такие праздники. При этом он сразу привыкал к праздникам, вновь, иногда искусственно устанавливавшимся, например, к чествованию дней прибытия в приходской храм выписанных икон новоявленных угодников — прп. Серафима Саровского, Феодосия Черниговского и др., как и дней освящения приходских храмов. Такие дни сразу фиксировались в приходской жизни и уже не переставали праздноваться многолюдно и шумно, часто с большим ущербом для крестьянских хозяйств, ибо такие праздники почти всегда приурочивались к летнему времени. Иначе дело обстояло с национальными праздниками. Даже чисто крестьянский праздник, крестьянская пасха — день освобождения крестьян от крепостной зависимости (19 февраля ст. ст.) не привился в крестьянской среде и проходил совсем незаметно. Не привились и царские высокоторжественные дни, хотя полиция и запрещала работы в эти дни. При всех своих царелюбивых чувствах простолюдин относился к царским праздникам безучастно, как бы не придавая им значения. Сельские да городские церкви, кроме соборных храмов, куда чиновный люд по наряду собирался к царским молебнам, в эти дни бывали пусты, когда даже в обычные воскресные дни народ переполнял их. Точно так же чуждо было нашему простолюдину чествование народных героев. Но церковное поминовение предков в известные дни в храмах и на кладбищах неизменно привлекало массу народа.

Недостаточность в русской простонародной массе гражданского и общекультурного развития, с одной стороны, невысокий культурный уровень многих духовных воспитателей, с другой, часто давали о себе знать, отражаясь, между прочим, и на церковности нашего простолюдина. Именно вследствие малокультурности русского простеца религиозность его была примитивной, вера его окутывалась целой сетью суеверий, а в его моральных взглядах и отношениях второстепенное, малозначащее, ничтожное сплошь и рядом получало довлеющее, первостепенное значение. Для неграмотной крестьянки, например, величайшим грехом считалось «пригубить молока»[1] в среду или пятницу, а все прочее — что она злословила, клеветала, присваивала чужое, привораживала мужа, пользуясь для этого самыми отвратительными средствами, — все это представлялось ей обычным, неизбежным в жизни: без этого она не обойдется. Купец считал непростительным грехом не наставить свечей перед иконами, не наделить нищих копейками и грошами, а в будни обмеривал, обвешивал, обманывал доверчивых людей, пьянствовал, бушевал, развратничал, и совесть его нисколько не тревожилась этим: не обманешь, не продашь; надо же и развлечься.

Не скрывая таких и подобных дефектов в религиозно-нравственно-бытовой жизни русского простого народа, надо однако признать, что именно под влиянием Церкви в народной массе развились многие высокие качества, привились драгоценные добродетели, давшие совершенно особый облик русской душе, выделившие русский народ из ряда всех других народов и подвигшие его на множество беспримерных дел и подвигов. Такими качествами и вместе добродетелями были: жалость и сострадание, незлобие и терпение, самоотвержение и жертвенность, духовность и мистичность и др.

[1] То есть, давая ребенку молоко, прикоснуться к нему губами, чтобы определить, насколько оно свежее.

Укажем другие несомненные исторические заслуги Церкви. Под сенью и покровительством Церкви зародилось, развилось и окрепло русское школьное образование. Первые русские школы были церковными; первыми руководителями этих школ были архипастыри, пастыри и монахи; церковною была и первая высшая русская школа, Могилянская академия в Киеве; первыми писателями и учеными русскими были также духовные лица. Даже в первой половине XIX в. не было редкостью, что не только простые люди, но и дворяне-помещики и чиновники отдавали дьячкам своих сыновей для первоначального обучения.[1]

С 1884 г., как увидим ниже, Церковь усиленно занялась делом народного образования и ко времени революции располагала огромной сетью церковно-приходских школ с более чем двумя миллионами учащихся. Это грандиозное, все разраставшееся дело было оборвано революцией.

В противоположность Римской Церкви наша Церковь ставила своим идеалом не господство над миром и государством, а служение миру — людям и государству. Это однако не мешало ей оказывать свое влияние на все стороны русской государственной жизни. Не стремясь к властвованию, Русская Церковь со времен св. Владимира заняла царственное положение в государстве. Митрополит во всей стране, епископы в своих епархиях были первыми людьми, духовными отцами, авторитетными советниками и великого, и удельных князей, прямо или косвенно принимавшими участие в решении всех государственных дел. Государственная власть прислушивалась к голосу представителей Церкви и старалась устраивать жизнь согласно их указаниям. Церковь же не переставала внедрять в государственную жизнь свои понятия и идеалы. Таким образом, под воздействием Церкви был выношен и созрел идеал православного русского государства, отвергнутый лишь в годы революции; вырабатались новые государственные понятия и отношения, облагородились прежние дикие языческие нравы и пр.

[1] Мой родной дед, по матери, дьячок Ф. А. Ясеновский, начиная с 30-х годов прошлого столетия вел собственную начальную школу, в которую отдавали своих детей соседние священники и помещики. До поступления в Духовное училище и я учился у него. Дед с гордостью вспоминал, что, кажется, в 1837 г. его школу посетили епископы Иосиф Семашко и Василий Лужинский.

Драгоценно было служение Церкви государству в тяжелые эпохи его жизни. В удельный период, когда междоусобицы князей раздирали русскую землю, Церковь чрез своих митрополитов и епископов старалась примирять враждовавших, объединять разрозненных. В пору татарского ига, когда гнет и рабство убили дух в русском народе, морально и физически обессилили народ, Церковь сумела воскресить в народе веру в себя, в свои силы и вдохновить его на освободительный подвиг. Если бы не мужество патриарха Гермогена и не подвиги Троице-Сергиевой лавры, своими героическими выступлениями и призывами поднявшие русский народ на защиту своей земли, Русь, в смутное время подчинившись Сигизмунду и Владиславу, могла бы стать частью Польского государства и пережить многие годы нового рабства, не менее тяжелого, чем было татарское. Надо ли вспоминать о великих заслугах прп. Сергия, митр. Петра и Алексия, патр. Филарета и Никона и многих других, ведомых и неведомых святителях и пастырях, направлявших совесть русских царей и князей своими советами и наставлениями руководивших ими.

Особую услугу оказывали государству наши монастыри, начавшие быстро распространяться с принятием христианства на Руси. Обычно они основывались в местах отдаленных, не заселенных, чаще всего на берегах

рек или озер, и сразу же становились колонизационными пунктами, ибо вблизи их скоро вырастали поселки, начиналась разработка новых земель, развивались промышленность, торговля, судоходство и пр. Некоторые монастыри, как Соловецкий с XVI в., а Ново-Афонский[1] в наше время, стали рассадниками высокой сельскохозяйственной культуры.

Указанные заслуги Русской Православной Церкви пред своим народом и государственностью огромны. Но только по ним нельзя расценивать нашу Церковь. Не переставая пещись о земном благосостоянии своего народа, помогать государству в его насущных и справедливых нуждах, Церковь все же главной своей целью ставила работу для вечности, устроение человеческих душ, созидание Царствия Божия на земле, раскрытие и осуществление евангельских идеалов. Сделанное в этой области, касаясь прежде всего русского народа, выходит за пределы русской земли и приобретает вселенский характер.

Что же сделала, чего достигла в этом отношении Русская Православная Церковь? Русская Церковь получила свое начало от Византийской Церкви, а в своем последующем развитии, в особенности с XVII в., находилась под сильным влиянием как римско-католического, так и протестантского богословия. Однако в своем восприятии христианства она не пошла ни путем Рима, где юридические нормы придавили духовную жизнь верующего, ни путем Византийской Церкви, где теоретические мнения господствовали над жизнью. Русская Православная Церковь сумела связать Христово учение с самыми нежными струнами человеческой души и придать своему православию возвышенно-мистический характер.

[1] На Кавказе, недалеко от г. Сухума.

В данном случае наша Церковь не сделала никакого открытия. Она воскресила учение древних восточных учителей и подвижников: Василия Великого, Григория Нисского, Ефрема Сирина, Антония Великого, Исаака Сирина, Нила Синайского, Феодора Студита, Максима Исповедника, Симеона Нового Богослова и др., продолжила его чрез своих подвижников и богословов: прп. Сергия Радонежского, Нила Сорского, Серафима Саровского, еп. Феофана Затворника и др. — и воплотила его в жизни. В лице лучших своих представителей русское православие показало пример гармонического сочетания веры и устремленной к вечности праведной жизни, мистического христианства, в котором чрезвычайно нуждается современный, погрязший в материализме, омашинившийся мир.

Свой мистицизм Русская Церковь сумела привить не только насельникам обителей, отрекшимся от мира для спасения своих душ, но и всему верующему народу. Идеал святости предносился каждому верующему русскому человеку, страх греха был главным сдерживающим началом в его жизни. Греша, русский человек не переставал вздыхать о святости и, отдаваясь земному и тленному, не переставал вспоминать о небесном и вечном.

Возвышенный мистицизм стал особенностью русского православия. Другие православные церкви веру соблюли, сохранив в неприкосновенности как догматические основы, так и канонические формы православно-церковной жизни. Но восторгом и теплотою веры, устремленностью к небесным идеалам, возвышенным мистицизмом, готовым своею любовью обнять весь мир и душою взлететь к небесам, они оскудели. Это ясно сказалось на их монашестве, обнищавшем и числом, и идеалами. По этой причине они представляются в некотором отношении как бы ущербными, ибо православие

заключается не только в правоте веры, отметающей римско-католические, протестантские и иные отклонения, но и в живом ощущении надземных идеалов и пламенном, деятельном устремлении к ним.

Оскудение возвышенного мистицизма в церковной жизни чрезвычайно опасно для Церкви, ибо без такого мистицизма Церковь может слиться с миром и отличаться от него только внешними формами. Миру, погрязшему в омуте житейских попечений, как никогда раньше, ныне необходима проповедь не словами только, но и делом и жизнью возвышенной веры и ее вечных идеалов. Иные исповедания — англиканское, старокатолическое и, отчасти, протестантское оценили в Русской Церкви ее надземно-мистические устремления, одушевляющие жизнь ее верующих, и все более и более продолжают искать общения с нею. А отдельные представители инославия, как известный во всем мире доктор Мотт, преклоняясь перед возвышенностью ее настроения и миросозерцания, открыто выражают веру в ее вселенскую миссию обновить дряхлеющий христианский мир.

Упомянем, наконец, и о том, что, в частности, сделала Русская Церковь для других православных Церквей.

Со времени падения Константинополя и Византийской империи (1453 г.) восточные православные Церкви оказались в страдном положении. Обездоленные материально, стесняемые иноверной властью морально, они лишились возможности свободно развивать свою жизнь и даже защищать свои права. Им, конечно, надо поставить в огромную заслугу, что они и под иноверным гнетом сумели сохранить чистоту и неповрежденность веры. Но жизнь Церкви, как и всякая иная жизнь, не может удовлетворяться стоянием на месте: она нуждается в действии, в движении вперед, в постоянном развитии и совершенствовании. Лишенные возможности развивать богословскую мысль, школьное дело, общественную, миссионерскую, благотворительную и иную деятельность, восточные православные Церкви до самого последнего времени пребывали в положении застоя. И лишь в XIX в., после освобождения балканских народов, их национальные церкви начали проявлять самостоятельную активность.

С падением Византийской империи вся защита православного дела легла на Русскую Церковь. И она выполняла эту великую миссию усердно и самоотверженно. Это проявлялось в двух отношениях. Во-первых, Русская Церковь энергично и щедро до самой революции поддерживала восточные православные Церкви материальными средствами. Кому не известны те постоянные, по результатам огромные, сборы, которые производились во всей России в пользу восточных Церквей, те многоразличные субсидии и стипендии, которые давались Св. Синодом и русским правительством этим Церквам; наконец, те бесчисленные в пользу их частные пожертвования, на которые так щедры были сердобольные русские люди? Материальная помощь соединялась с духовной, когда на отпускаемые Св. Синодом и правительством стипендии обучались в русских средних и высших учебных заведениях будущие церковные, общественные и государственные деятели — православные греки, болгары, сербы, черногорцы, арабы, сирийцы, лишенные возможности получить такое образование у себя дома. В это самое время Русская Церковь старалась защищать восточные Церкви и их народы от угнетений их мусульманской властью. Русской же Церкви принадлежит большая доля участия в освобождении Греции, Румынии, Сербии, Болгарии от турецкого ига. Она подготовила православный русский народ к этому подвигу: 1) косвенно, сумев воспитать в нем чувства жалости и

жертвенности, как завещанного нам нашим Спасителем служения изнемогающему, страдающему брату (Мф. 20, 25–28; Ин. 15, 13), и 2) прямо, проповедями и призывами архипастырей, пастырей и верующих мирян к освободительному подвигу. Во-вторых, заслуга Русской Церкви пред всем православным миром состоит в том, что она с XVIII в. и, в особенности, с XIX в. стала для него единственным центром богословской мысли и духовного образования. В то время как в восточных церквах их немногочисленные школы влачили нищенское существование и богословская мысль там не имела возможности проявить себя, Русская Церковь в XIX в. располагала четырьмя академиями, множеством семинарий и иных духовно-учебных заведений, как и богословскими кафедрами во всех светских высших учебных школах. Богословская мысль в Русской Церкви росла, наука развивалась. Кладезь русской богословской мысли и учености стал кладезем всего православия, черпавшего из него необходимое для своей жизни и защиты. Без Русской Церкви некоторые восточные православные Церкви могли дойти до такого состояния, в каком и доныне находятся сектантские Церкви — несторианская, монофизитская, маронитская, у которых замерла богословская наука и остается примитивной церковная жизнь.

Отметив несомненные и огромные заслуги Русской Православной Церкви для русского народа и для всего православия, мы дальше постараемся представить картину ее состояния пред революцией, не преувеличивая светлых и не скрывая темных сторон ее положения и жизни.

Начнем с ее внешнего, материального состояния.

Состав Русской Церкви; ее имущество и богатство; ее положение в ряду других православных церквей и ее задачи

В лоне Русской Православной Церкви пред революцией числилось до 130 миллионов верующих. Церковь делилась на 68 епархий[1] и три миссии[2], в которых в 1914 г. числилось 41.270 приходов (одноштатных — 36.155, двухштатных — 4.233, трехштатных — 795, четырехштатных и более — 123) с 47.438 причтами.[3] Штатных диаконских вакансий было 11.954. Кроме того, было два ведомства протопресвитеров — придворного и военного и морского духовенства, с придворными, военными и морскими церквами.

Материальные богатства Русской Церкви были весьма значительны. К ним принадлежали, прежде всего, церковные и монастырские земли с находившимися на них домами, дворами и подворьями, хозяйственными заведениями и строениями, амбарами, житницами, постоялыми дворами, лавками, харчевнями, соляными варницами, банями, лесами, сенокосами, водами и т. д.

Дарители этих имуществ руководились разнообразными побуждениями: одни желали видеть Церковь бла-

---

[1] Состав Св. Прав. Синода и Российской церковной иерархии на 1915 г. Указатель епархий. По этому указателю в 1914 г. русская епархия состояла из 3-х митрополитов, 27 архиепископов и 139 епископов епархиальных, викарных и пребывавших на покое.

[2] Японская, Китайская и Урмийская.

[3] «Церковные Ведомости» за 1914 г. № 28, с. 1240.

гоустроенной и располагающей достаточными материальными средствами для достижения ее разнообразных целей; другие хотели обеспечить во многих местах действительно нуждавшееся в помощи духовенство; третьи признавали спасительным делом во имя Божие пожертвовать часть своего имущества на бедных, помощь которым входила в сферу церковной деятельности, почему и самое церковное имущество в старое время рассматривалось как «нищих богатство».[1] Князья и частные люди, жертвуя, обыкновенно заканчивали свои грамоты проклятиями тем, кто решился бы посягнуть на церковное достояние. А хан Узбек за нарушение церковных имущественных прав угрожал смертью.[2]

По сообщениям некоторых иностранных писателей, количество церковных земель в России достигало чуть ли не 1/3 ее территории. Еще В. Милютин в своей статье «О недвижимых имуществах духовенства в России» (см. Чтения в Импер. Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1860 г. Кн. III, с. 121) доказывал, что эти мнения неверны и крайне преувеличены. По сделанному же Н. А. Любинецким, на основании данных из Св. Синода и Центрального Статистического комитета, подсчету[3], в 1900 г. русским православным церквам принадлежало: 1) в России около 1.696.558 дес. земли (пахотной около 1.164.273 дес., сенокосной — 234.287 дес., лесной — 195.478 дес., не разделенной на угодья — 92.550 дес. и неудобной — около 143.808 дес.).[4] 2) На Кавказе: 72.893 дес. (из них неудобной — 5.539 дес.). 3) В азиатской России 104.492 дес. (в том числе неудобной — 5.019 дес.), — всего около 1.873.943 дес. земли.

[1] Никон. летопись.

[2] Ярлык Узбека приведен у В. Милютина.

[3] «Землевладение церквей и монастырей Российской империи». С.-Пб. 1900 г. Табл. I, II и III; Журн. и прот. Т. IV, прил. С. 50.

[4] Общая сумма 1.696.558 дес. не соответствует общей сумме, какой является 1.830.652 дес.

Монастырских земель было: 1) в европейской России — удобной 451.971 дес. (пахотной — 122.382 дес., луговой 70.601 дес., лесной — 230.680 дес., не разделенной на угодья — 28.308 дес., неудобной — 69.839 дес.). 2) На Кавказе разного рода монастырской земли было 24.297 дес. (в том числе неудобной — 3.829 дес.). 3) В азиатской России — 20.040 дес. (из них неудобной — 2.232 дес.). Таким образом, общее количество церковных и монастырских земель в России равнялось 2.360.231 десятине, или 0,1 процентам всей русской земли.[1]

Другие церковные богатства, в особенности заключавшиеся в золоте, серебре и драгоценных камнях, не поддаются учету. На протяжении многих веков русские цари, князья, бояре и торговые люди щедро украшали и св. храмы, и св. обители. Ризницы множества русских монастырей и церквей хранили у себя редчайшие предметы по древности, по художественному исполнению, наконец, по ценности материала, из которого они были изготовлены: золотые кресты, панагии, сосуды, Евангелия, в драгоценных окладах иконы, вышитые золотом и украшенные драгоценными камнями митры и облачения, ценнейшие дарохранительницы, кадильницы, подсвечники, раки для св. мощей и разные иные принадлежности церковной утвари. Иконостасы и киоты сияли золотом и драгоценными камнями.

Как на совершенно исключительный пример мертвого монастырского богатства надо указать на Новго-

[1] Если же взять одну европейскую Россию, то там процент церковного землевладения весьма значительно повысится. По Всеобщему Русскому календарю за 1911 г. (с. 38) Российской Православной Церкви принадлежало 2.611.635 дес. земли.

родский Юрьевский монастырь. Там в монастырской колокольне было свалено неимоверное количество жемчуга, драгоценных камней и разных иных ценностей. Все это было завещано на вечное хранение монастырю его украсительницей, сподвижницей известного архим. Фотия, графиней А. А. Орловой-Чесменской. Баснословное по своей ценности богатство хранилось под несколькими замками и печатями, не принося пользы; от времени значительная часть жемчуга умерла. Однако никто из властей не решился реализовать это богатство, боясь — как объяснял мне в 1918 г. Новгородский митр. Арсений — нарушить волю жертвовательницы, пока монастырь не попал в руки Советской власти, которая, конечно, не считаясь с завещанием графини Орловой, использовала эти сокровища для своих целей.

Несомненно, что Св. Синод, епархии и многие монастыри обладали и большими капиталами. Сведения об этих капиталах можно было бы найти в синодальном, консисторских и монастырских архивах, если только эти архивы сохранились. В печать же принимали или явно преувеличенные сообщения о миллиардных запасах монастырской казны, или опровержения таких утверждений, без документального однако указания истинных размеров церковных капиталов.

Но что многие монастыри имели большие денежные суммы — это не подлежит сомнению. К примеру, можно указать на следующий случай.

В 1916 г. на одном из своих заседаний Св. Синод обсуждал стоявший на повестке дня вопрос: об усилении средств содержания сибирских архиереев — Иркутского, Томского и Омского. Откуда их взять? Казна не даст; сибирские монастыри малочисленны и бедны; других местных средств нет. Члены Синода затруднялись найти источник, откуда можно было бы почерпнуть средства на удовлетворение этой нужды. Архиеп. Новгородский Арсений разрешил вопрос: «О чем думать? Возьмите полтора миллиона рублей у одного из московских монастырей, например, Перервинского, и из процентов с этого капитала дополняйте содержание сибирских архиереев!» «В самом деле, взять полтора миллиона из казны Перервинского монастыря», — согласились все члены Синода. Постановление состоялось. И присутствующий здесь Московский митр. Макарий ни одним словом не возразил против такого решения. Ясно, что изъятие 1.500.000 руб. ни в какой степени не колебало благоденствия Перервинского митрополичьего монастыря. А ведь полтора миллиона рублей и по тому времени представляли огромную сумму.

Иначе, как богатством Церкви, нельзя объяснить и те колоссальные оклады, которыми пользовались епархиальные архиереи, в особенности виднейших кафедр. Уж не будем говорить о Киевском и Московском митрополитах, первый из которых (при готовом помещении, прислуге, выездах, столе) получал наличными свыше 100.000, а второй свыше 60.000 руб. в год. Лучшие епархии (как Новгородская, Херсонская, Харьковская, Воронежская, Волынская, Ставропольская, Донская, Литовская и др., давали своим архипастырям по 30—50 и более тысяч руб. в год, не считая квартир и прочего содержания, оплачивавшихся из средств архиерейских домов. Кафедры с окладами ниже 10.000 руб. в год (при полном содержании) уже считались бедными.

Надо при этом сказать, что имевшиеся в распоряжении Церкви средства еще в огромной степени могли быть приумножены. Русские люди вообще, а русские купцы в особенности, были чрезвычайно щедры на пожертвования и, для спасения души, не жалели средств на добрые дела. Пастырю, а тем более архипастырю, на-

до было положить немного труда, чтобы расположить русского богача на спасительное дело. Пишущему эти строки в 1910 г. пришлось три или четыре раза побеседовать с симбирской помещицей В. А. Веретенниковой о нашем святом долге заботиться об увечных воинах, и она подарила Скобелевскому комитету свое имение в 1340 десятин земли со всеми постройками и инвентарем для помещения в нем потерявших трудоспособность воинов. А в 1916 г. ему же, после часовой беседы с известным книгоиздателем И. Д. Сытиным о типе необходимой для русского народа начальной школы, последним был предложен чек на 1.000.000 руб. на устройство в Царском Селе образцовой школы, причем было обещано, что в будущем на нужды этой школы будет дано еще пять миллионов руб. Наступившая вскоре революция помешала воспользоваться предложенной жертвой и осуществить намеченную цель.

Невольно думается: что мог бы сделать Московский митрополит или архиепископ какого-либо большого торгового города, если бы он проявил мудрую инициативу в изыскании высоких целей и с отеческой любовью и архипастырской властью постучался в двери сердец его пасомых-богатеев!

Учитывая, таким образом, численный состав дореволюционной Русской Церкви, превосходивший все остальные православные Церкви, взятые вместе, ее духовные и научные ресурсы, как и имевшиеся в ее распоряжении материальные средства, наконец, ту могущественную поддержку, которую могла и, несомненно, желала оказывать ей сильная государственная власть, надо признать, что Русской Церкви в православном мире должно было принадлежать первое место, хотя в ранге церковного чинопочитания она и ставилась на пятое место — после патриархатов: Константинопольского, Александрийского, Антиохийского и Иерусалимского. В этом был бы только выдержан древний принцип, следуя которому 1-й и 2-й Вселенские соборы выдвинули на первые места епископов Рима, Константинополя, Александрии и Антиохии. В возвышении последних сыграли роль не какие-либо особые их благодатные дарования, а исключительно государственное значение их кафедральных городов, бывших в то время столицами великой Греко-Римской империи и делавших их кафедры ответственными и влиятельными. Это возвышение было государственно-историческим, а не церковно-догматическим. Отсюда следуют два вывода: 1) в последующее время таким же порядком могут возвышаться и другие епископы; 2) возвысившиеся могут деградировать при изменении исторических условий, при утрате их кафедрами прежнего значения и влияния. Церковная история полна таких примеров — достаточно вспомнить историю знаменитых в древности кафедр: Карфагена, Коринфа, Ефеса, Кесарии и др., когда-то великих, а потом снизившихся; или русских: Киева, Владимира, Москвы, Петербурга. Нет нужды доказывать, что во главе всякого дела, не исключая и церковного, должна стоять власть интеллектуально и морально сильная, располагающая нужными для воздействия и влияния и духовными, и даже материальными средствами. Власть иного рода недостаток собственной силы и влияния сплошь и рядом пытается восполнить или потворством и заискиванием, или интригами, что для высокого учреждения и непристойно, и недостойно, а для дела неполезно и даже опасно. Города Константинополь, Александрия, Антиохия давно утратили свое значение, а с ними, естественно, понизились в своем значении и их епископы, обессиливаемые, кроме того, игом неверных. Между тем в XVII–XX вв. авторитет и сила Русской

2.Зак. 53719

Церкви достигли значительных размеров. И только не было нового Вселенского собора, который, подобно Второму, указал бы первосвятителю Русской Церкви, епископу нового Рима, подобающее ему место.

Но, по слову Спасителя: «от всякого, кому дано много, много и потребуется» (Лк. 12). На великой Русской Церкви лежали и великие обязательства.

Первый ее долг касался всей православной Церкви. Она должна была стоять на страже вселенского православия, защищая его от всяких посягательств совне, содействуя его росту и раскрытию его содержания внутри. Эта огромная задача была под силу только Русской Церкви, ибо все прочие православные Церкви не располагали нужными для этого силами и средствами.

Второй ее долг касался русского народа и русского государства, именно долг не только заботы о вечном спасении русских душ, но и устроения на началах христианской веры и любви всего их земного бытия, попечения о христианизации не только нравов и быта народного, но и законов и духа всего государственного управления — о водворении на русской земле Царствия Божия. Православная Церковь в русском государстве должна была быть той малой закваской, которая квасит все тесто (1 Кор. 5, 6).

Наконец, третий долг Русской Православной Церкви касался ее самой — ее устройства, организации ее управления, методов и способов осуществления первых двух задач, развития и совершенствования действовавших в ней институтов, целесообразного и наиболее продуктивного использования ее богатств — духовных и материальных и т. д.

Для выполнения же всех этих обязательств от стражей церковных требовалось неустанное бодрствование, горение, устремление вперед — к свету, распознавание

духа времени, запросов и нужд верующих, мудрость змеиная и кротость голубиная, умение дать нужное в свое время, оказав, где можно, снисходительность и, где нужно, проявив строгость.

Надо при этом отметить, что в последние десятилетия дореволюционного времени сама русская жизнь потребовала от Церкви особого внимания и совершенно исключительной работы. Время последнего царствования было временем сильнейшего развития и расцвета всех сторон русской жизни и культуры. Россия в это время сделала огромные успехи в области развития школьной сети, земледелия, промышленности, торговли и т. д. Чтобы рост народный не оказался однобоким и уродливым и опасным, надо было, чтобы и Церковь в такой же степени подняла духовную культуру. Нельзя сказать, чтобы необходимость этого не сознавалась в то время. Предоставим высказаться современнику. «Изъездив вдоль и поперек всю Россию, — говорил 1 июля 1914 г. протопресвитер военного и морского духовенства, — я поражен тем небывалым в истории ростом внешней культуры, который виден во всех уголках нашей Родины. Для величия, для счастья России необходимо, чтобы этот рост внешней культуры совпадал с ростом и внутренней, духовной культуры. Отсюда долг, который наложен на нас и нашим посвящением Царю Небесному, и нашею присягою царю земному, нашим званием христианина, как и званием гражданина, не проспать настоящего момента».[1] Да и как было не заметить! Усиленный рост внешней культуры, все большее приобщение к ней народной массы обострили контраст между христианством и действительной жизнью, кон-

[1] «Церковные Ведомости». № 27. 1914 г. С. 1223.

траст, отмеченный еще в 40-х годах прошлого столетия Н. В. Гоголем в его «Переписке с друзьями». «Лучше ли мы других народов? Ближе ли жизнью ко Христу, чем они — писал Гоголь. — Никого мы не лучше, а в жизни еще неустроенней и беспорядочней всех. Хуже мы всех прочих — вот что мы должны всегда говорить о себе... Если бы я вам рассказал то, что я знаю, тогда бы помутились мысли ваши и вы подумали бы, как бы убежать из России. Но куда бежать?... Европе пришлось еще труднее, чем России. Разница в том, что там этого еще никто не видит... Только Церковь может разрешить все узлы, недоумения и вопросы наши». «Н. В. Гоголь, — скажем словами Д. С. Мережковского, — почувствовал до смертной боли и смертного ужаса, что христианство для современного человека все еще оставалось чем-то сказанным, но не сделанным, обещанным и не исполненным. Христианство не входит в жизнь, и жизнь не входит в христианство; они разошлись и с каждым днем все дальше расходятся».[1]

За 70 лет после приведенных строк Н. В. Гоголя расхождение между христианством и жизнью стало у нас еще более трагичным. Тогда семена христианской веры не прорастали на русской почве главным образом потому, что мало было сеятелей, умело их разбрасывающих; теперь же эта почва становилась все более каменистой, неспособной принимать святые семена веры. Вместе с внешней культурой даже в среду простого народа все больше и больше стали проникать материалистические учения, для борьбы с которыми недостаточно было молебнов и панихид и даже всего богослужебного культа, какой бы высоты и совершенства он ни достигал. Идей-

[1] Д. Мережковский. «Гоголь и Россия». «Возрождение». № 3294. 10. VI. 1934.

ной материалистической пропаганде необходимо было противопоставить идейную, творческую, возвышенно-христианскую культурную работу. Тут необходим был продуманный план, хороший подбор надлежаще подготовленных идейных работников, мудрое руководительство их работой и беспрерывное, неустанное движение вперед. Последующие главы покажут, в каких размерах и с каким успехом велась подобная работа. Предварительно же, ввиду разнообразных и давних обвинений Русской Церкви в цезаро-папизме, в пленении ее государственной властью, необходимо сказать несколько слов по поводу именно этих нападок, чтобы выяснить действительные отношения между Русской Церковью и русской государственной властью последнего времени.

Русская Православная Церковь и русская государственная власть

Вопрос о взаимоотношениях Церкви и светской власти не из легких. Идейно его не трудно представить. Церковь нужна власти, власть не безразлична для Церкви. Церковь своим моральным влиянием и благодатным воздействием, как никто другой, способна возрождать и воспитывать души граждан. Государственная власть не может не ценить такой услуги Церкви. Церковь, как не только царство не от мира сего, но и как учреждение, живущее и действующее в пределах земного бытия и не могущее совсем отрешиться от земного, пользующееся услугами и благами государства, не может не служить ему, не исполнять не противных ее природе требований государственной власти. Церкви естественно защищать престиж власти как основы всякого порядка; государственной власти естественно защищать Церковь как важную для государства моральную силу.

На деле же неизбежны уклонения с той и с другой стороны. Представители Церкви, как мы видим это в истории Римской Церкви, могут посягать на права державной власти; державная власть может вторгаться в чисто духовную область благодатных прав Церкви, давить ее своим авторитетом, обращать ее в одно из подведомственных этой власти учреждений. И то и другое опасно прежде всего для Церкви, ибо первое ведет к ее омирщению, а второе — к порабощению.

Каковы же были отношения между Русской Церковью и государственной властью дореволюционного времени?

Нельзя скрыть того факта, что и прежде часто раздавались, и теперь продолжают раздаваться жалобы на бывшие ненормальными отношения между Русской Православной Церковью и русской государственной властью царского времени. Католики, парируя возражения православных против главенства и непогрешимости папы, обвиняли нашу Церковь в цезаро-папизме. Некоторые православные люди вторили католикам. «В течение более двухсотлетнего пребывания Русской Церкви в полном распоряжении у гражданской власти дух церковной свободы был так умален, что мысль о восстановлении в ней фактической соборности представлялась не только невероятною, но для некоторых угрожающею существованию Церкви», — это писал в 1933 г. не какой-либо мирянин, а православный Литовский митрополит, уроженец Курской губернии Елевферий.[1] «Постоянная опека и бдительный контроль светской власти над жизнью церковной и над деятельностью церковного правительства лишают Церковь самостоятельности и инициативы и, ограничивая область ее ведения почти одними богослужениями и исправлением треб, делают ее голос совсем неслышным ни в частной, ни в общественной жизни, причем постоянной преградою между Церковию и народом и Церковию и государством стоит светский бюрократический элемент». Такую характеристику дореволюционного строя Русской Православной Церкви сделало само же русское правительство — Комитет Министров

[1] М. Елевферий. «Неделя в Патриархии». Париж, 1933 г. С. 41.

после закона 17 апреля 1905 г. И дальше следовал вывод, что необходимо «снять тяжелые цепи, опутывающие внутреннюю жизнь Русской Православной Церкви».[1] «По упразднении патриаршества Церковь стала акефальною. Вместо головы — око (обер-прокурор). Синод был акефальным. Безголовый организм оказался в состоянии летаргии, паралича», — заявлял в Предсоборном Присутствии церковный историк, Херсонский архиепископ Димитрий.[2] Много раньше А. С. Хомяков настаивал на том, что нам нужно понять Церковь вне государственной формы. Он же и другие славянофилы: Киреевский, Ю. Ф. Самарин, И. С. Аксаков, Ф. М. Достоевский — постоянно подчеркивали мысль, что проникновение Церкви государственным началом есть смерть для Церкви. Представители левого лагеря высказывались резче и беспощаднее. «Вот в главных основных линиях наш церковный строй. Дух жизни отлетел. В сакраментальном смысле Церковь существует, в жизнедеятельном — ее нет. Она существует, но не живет. Место Церкви заняло казенное ведомство православного исповедания... Нашу церковную кафедру заняли чиновники и монахи, не иноки-подвижники, долгим и мучительным искусом победившие в себе человеческие страсти, а монахи-честолюбцы, еще на школьной скамье обрекшие себя постригу для блеска архиерейской митры и заранее уже в стенах духовной академии именуемые архиереями. Эта правящая церковная бюрократия... охраняла свою паству жестокими полицейскими мерами, судебными приговорами, стенами тюрем и ссылками», — ораторствовал в 49 заседании Государственной Думы 17 февраля 1910 г. член Думы Караулов.[1] «Служители Церкви обратились в обыкновеннейших чиновников синодального ведомства», — заявлял в 40 заседании 22 марта 1908 г. другой член Думы Белоусов.[2]

[1] Записка Комитета Министров «О современном положении Русской Православной Церкви. С. 5.

[2] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. Т. I. С. 126.

В таких и подобных обвинениях оригинально то, что вину за ненормальные отношения между Церковью и государством одни взваливали на государственную власть, поработившую себе Церковь, а другие на Церковь, за «кавалерии» (ордена) и разные иные блага — выразимся грубо — продавшуюся государственной власти и превратившуюся в ведомство православного исповедания.

Что союз между Русской Церковью и государственною властью был слишком тесным, что покровительство и опека государственной власти нередко бывали тягостными для Церкви, а вмешательство власти в церковные дела иногда нарушало правильное течение церковной жизни — отрицать это не приходится. Но это явление не было исключительно русским, и не на русской земле оно выросло. Оно ведет свое начало от глубокой древности и имеет свою длинную историю, как и свои весьма сложные причины.

Еще в церковном сознании греко-римского мира с очень давних пор установилось воззрение на Церковь и государство как на некоторое органическое единство, которым управляют две разнородные власти: священство и царство, связанные между собою и действующие подобно душе и телу в одном организме человека. Уже апостольские Постановления (II, 34), говоря о священ-

[1] «Церковные Ведомости». 1914 г. № 27. С. 1195.

[2] «Церковные Ведомости». 1914 г. № 49. С. 2036.

ном и царственном достоинстве епископов и сравнивая их с царями, замечают: «последний, (т. е. царь) занимается только военными делами, заботясь о войне и мире, а первый (епископ) проходит священство Божие, отклоняя от опасностей тело и душу. Итак, насколько душа превосходит тело, настолько священство превосходит царство, ибо оно связывает и разрешает достойных наказания или прощения». В 6-й Юстиниановской новелле ясно указывается, что «священство и царство (ierosungkai basileia) происходят из одного и того же начала и утверждаются, что если то и другое исполняют свое назначение, то водворяется некое благое между ними согласие, симфония, приносящая полезное человеческому роду». Взгляд этот был господствующим, и мы находим его и в чисто церковных актах. Восточные епископы, например, в этом духе писали патриарху Тарасию.

Рядом с приведенным взглядом с древнего времени существовала другая теория, обосновывавшая права императора в отношении к Церкви на его священном миропомазании, которое, по развитой доктрине, не только сообщает благодатные дары помазуемому, но и изглаживает даже его грехи. По этой доктрине, император после помазания является не только императором, но и первосвященником, обладающим первосвященническими правами в Церкви. Возможно, что тут сказалась старая традиция греко-римского общества, по которой языческие императоры, как председатели коллегии жрецов, носили звание великого первосвященника — PONTIFEX MAXIMUS — и занимали место глав языческого культа.

Этот взгляд нашел свое выражение у известного канониста XII в. Вальсамона. Последний, толкуя 69 правило Трульского собора, невольно сопоставляет языческого императора Тиверия с христианским императором как

архиереем. Сказав, что православные императоры с призыванием Св. Троицы назначают патриархов и, будучи помазанниками Господа, невозбранно входят в св. алтарь, и кадят, и делают знамение креста трикирием, как архиереи, Вальсамон продолжает: «в 19 слове древнего Иосифа Флавия находится следующая императорская надпись: «Тиверий Клавдий, кесарь август, Германик, величайший архиерей, консул...» А как царствующий император есть и помазанник Господень, по причине помазания на царство, а Христос и Бог наш есть между прочим и архиерей, то благословно и император украшается архиерейскими дарованиями». Некоторые полагают, что это было придумано для оправдания незаконных и противных канонам вторжений светской власти в церковную сферу. По словам Симеона Солунского, это происходило от льстецов.[1]

На деле власть Византийских императоров в области церковной проявлялась весьма существенно и разнообразно. Во время Вселенских соборов император сосредотачивал в своих руках право мирян на участие в церковных делах. Поэтому он или его представители всегда присутствовали на Вселенских соборах. Но его власть простиралась и дальше. Императоры созывали Вселенские соборы, часто даже не будучи христианами, как Константин Великий на I Вселенском соборе, — председательствовали на них, утверждали их постановления, принимали епископские просьбы и жалобы, назначали судей епископов и клириков, считали себя призванными охранять благочестие, умиротворять церковные раздоры и беспорядки и т. д. И все это происходило в то время, когда Римская Церковь была нераздельна с

[1] Migne, CLV, col. 433, pichler, 1, 416.

Восточною, — следовательно, все это касалось не только Восточной, но и Западной Римской Церкви.

С Иоанна III к нам начинают проникать византийские порядки, и государь Московский, с призыванием Св. Троицы и вручением жезла, начинает возводить митрополитов (Симона и последующих). Царь Алексей Михайлович обращался к восточным патриархам с вопросом об отношении патриарха к царю и получил пространный ответ, помещенный в «Собрании государственных грамот и договоров» (IV, № 97). Тут мы читаем: «Царь есть помазанник (cristoj) Божий. Посему и все имеющие архиерейское достоинство, именно патриархи, должны давать верноподданическую присягу царю... Царь есть единственный и полномочный владыка во всех государственных делах, а патриарх подчинен ему как имеющему верховную власть и приставнику (ekdikw) Божию».

На вопрос: может ли патриарх требовать от царя присяги, восточные патриархи отвечали: «Если бы случилось что такое, то в одной монархии было бы два начала, не подчиненные одно другому, там возможны только вражда и беспорядок, как и Христос сказал: всякое царство, разделившееся на себя, не устоит». Таким образом, против двоевластия была выдвинута теория помазания.

При Петре I эта теория была проведена до конца. Петр I и его сподвижник архиеп. Феофан Прокопович, несомненно, находились под влиянием системы территориализма, гласящей: cujus regio, ejus religio, по смыслу которой император является верховным правителем и в религиозной области и, как такой правитель, имеет право производить в Церкви реформы (jus reformandi). В присягу членов Синода ими был включен пункт: «Признаю и клятвенно утверждаю, что верховный судия сего Св. Синода есть император Всероссийский, наш

государь всемилостивейший»[1], а в манифесте об учреждении Синода Петр I прямо указывает на принадлежащую ему «обязанность» (т. е. право) исправления чина духовного, т. е. реформ в области церковной. В Духовном Регламенте государь называется «блюстителем правоверия и всякого в Церкви святого благочиния». В этом смысле в акте о наследии престола государь потом назван «главою Церкви».[2]

Составлявшая отдельный институт Православная Церковь со времени Петра I становится в известном отношении частью государственного аппарата, одним из государственных учреждений, которое, получая от государства материальную поддержку, обязывается нести и государственную службу. А представители Церкви во многих отношениях становятся как бы агентами государственной власти, обязанными отправлять известные, часто государственные, функции.

В духе Петра I рассуждала о Церкви и Екатерина II. В «Инструкции Комиссии о духовных имениях» она выражалась, что данная ей от Бога самодержавная власть побуждает ее заботиться не только о делах военных и гражданских, но и его Божественное писание заповедует ей, яко блюстительнице Церкви Святой, учреждать все порядки и законы, подкрепляющие православие так, чтобы все дела, ею во духовном чину установленные, соответствовали делу Божию и чтобы совесть ее не была отягощена сокрушением».[3]

Петровская система в общем оставалась неизменной до последнего времени. В Своде Основных Зако-

---

[1] С. 11; ср. ст. 42 Осн. зак.

[2] Проф. М. А. Остроумов. «Журналы...» I, 311–316.

[3] Инструкция... Полное собр. зак. Т. XVI, № 11716.

нов[1] отношение государя к Церкви определялось таким образом: ст. 41. «Император, престолом Российским обладающий, не может исповедовать никакой иной веры, кроме православной». Ст. 42. «Император, яко христианский государь, есть верховный защитник и хранитель догматов господствующей веры и блюститель правоверия и всякого в Церкви благочиния». Ст. 43. «В управлении церковном самодержавная власть действует посредством Св. Прав. Синода, ею учрежденного».

Таким образом, тесная связь между государственной властью и Церковью зародилась не на русской земле. На Руси она быстро и прочно привилась, ибо там исторические обстоятельства сложились так, что сразу образовался самый тесный союз между государством и Церковью. Государственная власть, в лице св. Владимира, обращала Русь в христианскую веру, и она же фактически создавала Русскую Церковь. Церковь Русская с первых же дней своего существования, как мы уже говорили, начала проникать во все уголки русской государственной жизни, сделавшись для Русского государства главной культивирующей силой. По выражению И. С. Аксакова, православие стало «духовно-органической силой русской народности».

Наблюдательный иностранец проф. Овербек заявлял, что «Россия с религией — тесно связанное государство». «Православный» и «русский» стали у нас синонимами. Удивительно ли, что теория царского помазания в особенности привилась на Руси и иногда доводилась до крайности. Московский митр. Владимир (1918 г.) в одной из своих проповедей развивал слишком крайнюю мысль, что благодатные дарования государя, как

[1] Т. I. Ч. 1. Изд. 1892 г.

помазанника Божия, простираются и на его министров. В массе верующих авторитет помазанника Божия и в области чисто церковных вопросов, дел и отношений стоял несравненно выше авторитета не только пастырей, но и самых высших архипастырей. Верующей массе представлялись одинаково естественными оба явления: 1) христианизирующее влияние Церкви на все стороны государственной и народной жизни, поддержка и защита Церкви государством и 2) влияние на Церковь и ее жизнь носителя высшей государственной власти — царя, помазанника Божия.

Само собою понятно, что при столь тесном союзе между Церковью и государством не могло обойтись без известного рода недоразумений и злоупотреблений, и прежде всего, со стороны светской власти — без вторжения этой власти в чисто духовную область, даже в область благодатных полномочий Церкви. История дает немало примеров неудачного вмешательства государственной власти в дела Церкви. В особенности нельзя не признать, что весь послепетровский синодальный период Русская Церковь испытывала тяжесть давления не столько со стороны государя, сколько со стороны всевидящего государева «ока» — обер-прокурора Св. Синода, бывшего в Синоде представителем государя и блюстителем государственных законов.

Обер-прокурорская власть была для Церкви тягостнее царской уже потому, что царская власть проявляла себя эпизодически, а эта действовала беспрерывно, проникая во все уголки церковной жизни, распространяя свое влияние решительно на все дела, подведомые Св. Синоду.

Поэтому признаем за несомненный факт, что государственная власть оказывала давление на Церковь, иногда очень сильное, а иногда и очень нежелательное.

Но нам важно установить: парализовало ли это давление жизнь Церкви, лишало ли оно Церковь возможности развивать свою жизнь, отправлять свои функции, устроять Царство Божие на земле.

Прежде всего отметим столь же несомненный факт, что православные цари, считая себя, как помазанников Божиих, в праве вмешиваться в церковные дела, не забывали и своей обязанности быть «защитниками и хранителями догматов господствующей веры и блюстителями правоверия и всякого в Церкви благочиния».[1] Царская власть крепко спаивала Православную Церковь и предохраняла ее от всяческих разделений. А чего стоил для Церкви пример верующего государя! Православная Церковь видела много добра от своих государей. Поэтому именно не только русские епископы, но и епископы эпохи Вселенских соборов и даже самые соборы активное участие императоров в церковном управлении считали явлением нормальным и благотворным, часто за него благодарили императоров и даже о нем просили. «Собор будет иметь подобающий авторитет, а определения его силу только при условии, если за собором будет стоять сильная государственная власть», — писал в своем «мнении» один из преосвященных.[2] А член Предсоборного Присутствия, видный профессор-канонист Н. С. Суворов высказывался еще решительнее: «При современном печальном положении политических и церковных дел в России представляется безусловно необходимым сосредоточение сил не в лице высшего иерарха Русской Церкви с титулом патриарха, а в лице православного государя, который один может послужить оп-

[1] Ст.42 Основных законов.

[2] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. 1, 30.

лотом для спасения погибающего государства, а вместе и для предохранения Церкви от распадения, ибо знамения времени с прискорбною очевидностью указывают на то, что как скоро под предлогом борьбы с бюрократией начинают колебать царскую власть, исчезает всякий порядок и разрушается все».[1]

Наконец, в России давление государственной власти в лице императоров никогда не было настолько сильным и жестоким, чтобы оно лишало архипастырей и пастырей самодеятельности и у всей Церкви отнимало возможность исполнения своих функций и поступательного движения вперед. Какой государь когда мешал епископу быть отцом и вдохновенным руководителем, а не владыкою только или даже, что случалось, деспотом своей паствы, а священнику — истинным пастырем своего стада? Какая власть могла воспрепятствовать епархии жить соборною, а не консисторскою жизнью? Кто мог воспретить епископу с кафедры и в Синоде призывать к ответу, говорить правду и — в крайнем случае — пострадать за нее? И т. д.

Все это в особенности приложимо к последнему царствованию.

Формальная сторона и основы отношений государственной власти и Церкви в царствование императора Николая II оставались прежними. Но течение жизни определяется не одними внешними формами и законами, но и личностями. Личность же императора Николая II была такова, что он мог стать величайшим благодетелем Церкви, мог предоставить ей все то, в чем она существенно нуждалась и что отвечало ее истинной природе и целям.

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. I, 278.

Правда, и это царствование не было свободно от несоответствующих или неудачных действий государственной власти в отношении Церкви. «Синод, — пишет генерал А. А. Мосолов, — признал старца (прп. Серафима Саровского) достойным сопричисления к лику святых не без некоторого, впрочем, давления со стороны Государя».[1] Мы не можем признать это вмешательство неудачным. Прп. Серафим — один из величайших, общечтимых праведников русской земли. И государь, настаивая на его прославлении, выразил мнение всего русского верующего народа. Гораздо большее давление со стороны царской власти потребовалось для прославления архиепископа Иоанна Тобольского и для оправдания самовольно прославившего этого святителя епископа Тобольского Варнавы. Нельзя было признать благодетельным для Церкви, когда по указке или подсказке обер-прокурора одряхлевшие семинаристы (архиеп. Томский Макарий) назначались на Московскую кафедру, вчерашние заслуженно опальные, ничем не выделившиеся архиепископы (Питирим) становились Санкт-Петербургскими митрополитами, а полуграмотные олонецкие огородники (Варнава) с невероятной быстротой достигали архиепископского сана.

Но это были отдельные эпизоды — результат еще не наладившихся отношений государя со своей Церковью. Суть же была в том, что император Николай II был искренно верующим и преданным сыном Церкви, болевшим ее печалями и желавшим ее устроения. Замечательно, что первый призыв к церковным реформам раздался не из Синода и не от собора епископов, а от него в собственноручно написанном рескрипте от

[1] Ген. А.А. Мосолов. «Николай II и его семья». Последн. Новости. № 4868. 22. VII. 1934.

27.XII.1905 г. на имя Санкт-Петербургского митрополита Антония, где император высказал свое заветное желание, чтобы «произведены были некоторые преобразования в строе нашей отечественной Церкви на твердых началах канонов для вящего утверждения православия».[1] Солидарным с государем оказался и Комитет Министров, когда (в 1905 г.), при рассмотрении закона о веротерпимости, признал необходимым пересмотреть устройство церковного управления.[2]

Мысль о необходимости преобразований в Церкви на строго канонической почве с давних лет весьма занимала императора Николая II. Известно, что он в 1903 г. с большим вниманием отнесся к статье Льва Тихомирова «Запросы жизни и наше церковное управление», напечатанной сначала в «Московских Ведомостях», а затем отдельной брошюрой. 6-го марта 1903 г. государь вручил эту брошюру Санкт-Петербургскому митрополиту Антонию для отзыва.

Пишущему эти строки не раз приходилось говорить с государем о необходимости реформ в Церкви. И государь не только не противился им, но, напротив, ждал их — ждал, что неотложность их сознает и их проведет в строго каноническом порядке само высшее церковное управление, а не какая-либо посторонняя сила.

Иначе, как желанием предоставить Церкви большую независимость, нельзя объяснить сделанный государем в начале 1916 г. шаг, когда он предоставил право непосредственного доклада[3] первенствующему члену Св. Синода. Но этот шаг церковными сферами не был

[1] Журн. и проток. Т. I. С. 6.
[2] Там же. Т. I. Отд. 7.
[3] Каким до того времени пользовался только обер-прокурор.

ни понят, ни оценен. Первоприсутствующий ни разу не воспользовался предоставленным ему правом.

Зная характер, настроение и отношение государя к Церкви, можно с уверенностью сказать, что государь не отказался бы пойти гораздо дальше в предоставлении Церкви отвечающим канонам, ее природе и целям прав, если бы голос Церкви авторитетно, настойчиво и убедительно потребовал этого.

Все наши церковные неустроения последнего времени, весь «паралич» церковный нельзя объяснять одними давлениями государственной власти на Церковь. Надо искать и иные причины.

Кто изучал природу и историю Церкви, тот знает, что Церковь — нежнейший и чувствительнейший организм, нуждающийся в своеобразном уходе и воспитании. Он растет, крепнет, закаляется, очищается и одухотворяется в борьбе, страданиях, гонениях; внешнее благополучие и благоденствие, излишние покровительство и опека могут расслаблять его. Блестящие расцветы церковной жизни обычно следуют за периодами страданий Церкви. И наоборот: продолжительное благоденствие и мирное житие Церкви приводит к оскудению ее духовной жизни. А того нельзя отрицать, что, благодаря опеке государственной власти, Русская Церковь в предреволюционный период жила слишком безмятежной жизнью. Ее враги считались врагами государства, которое с ними и боролось. Иерархи церковные были приравнены к государственным сановникам, и чины их в табели о рангах красовались рядом с высшими светскими и военными чинами, а обеспечены были наши иерархи несравненно лучше самых высших чинов государства. С другой стороны, особенно в последнее время, царская власть буквально засыпала наших иерархов званиями, орденами и звездами. От всего этого больше развивалась суетность, чем усугублялась ревностность. Князья Церкви в данном случае не могли жаловаться, что они обездолены царскою властью. Белое духовенство менее было облагодетельствовано государственной властью, но и ему был обеспечен покой и защита от всех волков его стада. Если некоторая часть белого духовенства еще оставалась недостаточно обеспеченной, то в этом была более повинна духовная, чем царская власть.

Отсутствие конкуренции понижает производительность. Это общий закон. И в атмосфере безопасности, спокойствия, внешнего благополучия замирала церковная жизнь, требующая воодушевления, горения духа, устремления вперед. Оскудение и расслабление проникли и в те уголки церковной жизни, которые пользовались одними благодеяниями и не испытывали никакого давления со стороны государственной власти, например, в духовно-учебные заведения и монастыри, что лучше всего доказывает, что жизнь церковную, кроме государственной власти, стесняли и какие-то другие разрушительные причины.

Такое или иное отношение государственной власти и Церкви, конечно, имеет для последней большое значение и не может не отражаться на ее жизни. Но главное в церковной жизни всегда будет зависеть не от царей и иных правителей, будут ли они покровителями иль угнетателями Церкви, а от самих церковных деятелей, от которых прежде всего требуется, чтобы они были творцами, а не рабами жизни. И если в отношении нашего недавнего прошлого верно утверждение, что «государство иногда обращало духовенство в своих чиновников и чрез церковные порядки преследовало иногда свои цели»[1], то не менее верно и другое, что многие предста-

[1] Н. Д. Кузнецов. «Журналы...» I, 342.

вители Церкви, не исключая самых высших, ради орденов и иных земных благ и утешений, сами отдавались в рабы государству, продавая свое первенство за чечевичную похлебку. Суетность все более и более захватывала церковные круги, и она была несравненно опаснее государственной власти.

Суетность проникла во все уголки церковной жизни: на церковные верхи все чаще стали взбираться не горящие духом подвижники, а карьеристы, искатели земных благ; в церковном управлении и даже в приходской деятельности канцелярщина заняла место настоящей творческой работы; пышному обряду, форме, показной стороне отдавалось гораздо более внимания, чем духовному устроению и подвигу. Перебои в церковной жизни остро чувствовались, как живо многими сознавалась и необходимость церковных реформ.

Но до церковного паралича было очень далеко. Представим две параллели: 1) Русская Церковь, по мнению некоторых, была порабощена государственной властью и парализована, и однако в ее религиозной жизни развился и окреп дух истинно-христианской свободы, любви и смирения. Римско-католическая Церковь всегда гордилась и ныне гордится своею независимостью от светской власти и однако противный Христову учению дух высокомерия и гордости, непримиримости и властолюбия характеризует ее жизнь. В годы испытаний «подневольная» Православная Церковь проявила гораздо больше жизненности и твердости, чем независимая Римско-католическая. Во Французскую революцию в высших рядах последней сколько оказалось изменников во главе с архиепископом Парижским! А первая в переживаемую революцию сколько дала удивительных исповедников и мучеников! 2) Царская и обер-прокурорская власть бывала тягостной, но зато она же бывала и благодетельно сдерживающей для Церкви. При царе Русская Церковь была монолитной, и несогласия князей Церкви никогда не мешали ее стройному единству. С падением царя начались в ней разделения: и там, в России, и здесь — в эмиграции.

При всех недочетах своего строя Русская Православная Церковь сохраняла свое великое существо, как и способность быть могучей творческой силой.

И она совсем была близка к тому моменту, когда ее жизнь могла потечь по строго каноническому руслу. Действительно благочестивый, безгранично любивший Церковь и считавший себя ее смиренным сыном император Николай II был готов помочь Церкви стать самой собою и только ждал, когда сама Церковь сознает и потребует этого.

Последнее, к сожалению, не успело случиться.

Святейший Синод. Синодальный строй: его особенности и недостатки

Во главе управления Русской Церковью с 1721 г. стоял Святейший Правительствующий Синод. Статья 43-я Основных законов Российской империи гласила: «В управлении церковном самодержавная власть действует посредством Св. православного Синода, ею учрежденного», Св. Синод, таким образом, в нашем законодательстве трактовался как один из высших органов государственного управления и приравнивался к правительствующему сенату, действовавшему в области гражданского управления. Как государственное учреждение, Св. Синод должен был пещись не только о чисто церковных делах, но и о государственных интересах. Это подчеркивалось в тексте присяги членов Духовной Коллегии[1], которые давали обещание, что они будут стараться споспешествовать всему, что к его царского величества верной службе и пользе во всяческих случаях касаться может».[2]

Для согласования же постановлений Св. Синода с государственными законами — вернее, для наблюдения за деятельностью Св. Синода — и для сношений по церковным делам с другими высшими учреждениями импе-

[1] Как первоначально назывался Синод.

[2] Полное собрание распоряжений и постановлений по Ведомству Православного Исповедания. Т. 1, № 1.

рии был поставлен представитель государя — обер-прокурор, названный в Регламенте «оком государя и стряпчим по делам государственным».

Первоначальный состав Св. Синода, когда он еще именовался Духовной Коллегией, был таков: президент, два вице-президента, четыре советника и четыре асессора. Первые три должности замещались лицами архиерейского сана, на остальные восемь, кроме архиереев, назначались и архимандриты, и протопопы. С переименованием Духовной Коллегии в Св. Синод последний составлялся из первенствующего, — каким был обыкновенно Санкт-Петербургский митрополит[1], — постоянных членов и присутствующих. Звание постоянных членов Св. Синода имели три митрополита и немногие из заслуженнейших архиепископов.[2] Присутствующие — архиереи и иногда придворный и военный протопресвитеры[3] — назначались особыми царскими указами, в начале каждой зимней (с 1 ноября) и летней (с 1 мая) сессии. Общее число заседавших было двенадцать человек, иногда меньше.

Учреждая должности постоянных членов Св. Синода и присутствующих — переменных, законодатель, несомненно, преследовал серьезную цель: образовать состав Синода из самых опытных и мудрых иерархов и его все время пополнять, так сказать, вещими, лучшими людьми с разных мест необъятной русской территории. Если бы в постоянные члены Св. Синода попадали самые

[1] Исключения были редки: с конца 1898 до 1903 г. первенствующим был Киевский митр. Иоанникий, а с конца 1915 г. по апрель 1917 г. Киевский митр. Владимир.

[2] В последние годы пред революцией: архиепископы — Сергий Финляндский, Антоний Харьковский, Никон, б. Вологодский и екзарх Грузии.

[3] С 1906 г. по 1910 г. присутствовали в Синоде протопресвитеры И. Л. Янышев и А. А. Желобовский, а с 1915 г. по апрель 1917 г. — А. А. Дернов и Г. И. Шавельский.

выдающиеся иерархи Русской Церкви и присутствующие избирались тщательно и беспристрастно, то Св. Синод представлял бы весьма внушительную и авторитетную духовную силу. И не законодатель был виновен, когда на первых синодальных местах иногда оказывались люди незначительные и даже ничтожные, а в присутствующие назначались не полезные и нужные, а угодливые и угодные.

Порядок назначения и тех, и других членов Синода оставался неизменным до последнего времени. На митрополичьи кафедры избирал и назначал сам государь, иногда самостоятельно, иногда и по подсказке обер-прокурора, иногда под давлением иных влияний. Он же, государь, давал иерарху сан митрополита и звание постоянного члена Св. Синода. Другим иерархам звание постоянного члена Синода давалось также императором. Назначение «присутствующих» всецело зависело от усмотрения государя, а еще чаще от благоволения и милости обер-прокурора, подсказывавшего государю, кого желательно вызвать на предстоящую сессию. Никакого порядка в вызове не соблюдалось.

Участие или неучастие в синодальных заседаниях архиереев, имевших звание постоянных членов Синода, также зависело от воли государя. Московский и Киевский митрополиты, чтобы дать им возможность заняться своими епархиальными делами, обычно не вызывались на летние сессии. Но как эти митрополиты, так и другие постоянные члены Синода, могли не вызываться на синодальные заседания и в течение нескольких лет. Известно, что не поладивший с обер-прокурором Протасовым знаменитый Московский митрополит Филарет в течение десяти лет не вызывался в Синод.

Из сказанного видно, что состав Св. Синода все время менялся. Оставались бессменно заседавшими в Синоде только Санкт-Петербургский митрополит да в последнее время Финляндский архиепископ Сергий — последнее объяснялось личными качествами этого архиерея и близость его кафедры к Санкт-Петербургу. Частая, через каждые шесть месяцев, смена синодского состава не могла способствовать успеху синодальной работы.

Структура Синода страдала серьезными недостатками: 1) состав Синода имел случайный характер; настоящего представительства Церкви в нем не было; выбор членов Синода зависел от усмотрения светской власти и не всегда отвечал задачам и нуждам данного момента; 2) в Синоде не было возглавляющего лица — председателя, ибо первенствующий член не пользовался председательскими правами, а распорядительная часть принадлежала не ему, а обер-прокурору. Кроме того, назначение, как и смена первенствующего члена Синода, зависела от той же светской власти, а не от иерархии, которой лучше, чем светской власти, были видны нужды Церкви.

Главною же особенностью русского Св. Синода было наличие в нем обер-прокурора. Этот «стряпчий по делам государственным» имел возможность распространить свою стряпню на все церковные дела, благодаря чему мог в полном смысле хозяйничать в Св. Синоде.

Роль обер-прокурора в Св. Синоде, согласно Инструкции, высочайше утвержденной 13.06.1723 г., выражалась в следующем:

1) Обер-прокурору был подчинен весь синодский рабочий аппарат: Канцелярии Св. Синода и обер-прокурора, Хозяйственное управление, Контроль, Учебный комитет, Архив и все другие состоящие при Синоде учреждения с многочисленными чинами; в повышениях, награждениях и увольнениях которых обер-прокурор был волен. Тут он был министром в своем министерстве.

А в этих учреждениях предварительно переваривались все синодские дела и уже в готовом виде преподносились на заключение Синодального присутствия. Власть обер-прокурора простиралась и дальше — на все консисторские канцелярии, а следовательно, и на все консистории, на все епархии, где у него были подручные — секретари консисторий, им назначавшиеся, всецело ему подчиненные и ему покорные. О них мы поведем речь дальше.

2) Обер-прокурору предварительно докладывались все поступавшие в Синод дела, и он уже определял: докладывать или не докладывать Синоду данное дело. Он мог не допустить на обсуждение в Синоде любое, хотя бы и весьма важное, но не угодное ему дело.

3) Все решения Синода приводились в исполнение лишь после того, как они были скреплены подписью обер-прокурора. Обер-прокурор пропускал синодальные протоколы к подписанию их членами Синода надписью «читал» и к исполнению — надписью «исполнить». Без такой надписи и подписанное членами синода постановление не могло быть исполнено. Значит, обер-прокурор мог не допустить до обсуждения Синодом любую бумагу, как и приостановить всякое решение Св. Синода.

4) Подлежавшие высочайшему утверждению постановления Св. Синода докладывались государю обер-прокурором, который, таким образом, мог дать решению Синода свое освещение и получить угодную ему царскую резолюцию.

5) По докладу обер-прокурора составлялись высшею властью новые синодальные сессии, как и назначались митрополиты. При назначениях на архиерейские кафедры, при переводах архиереев с одной кафедры на другую, при утверждении государем одного из трех представлявшихся Синодом кандидатов к посвящению в архиерейский сан, при награждении архиереев и других духовных лиц обер-прокурор мог оказывать самое сильное влияние в одних случаях на государя, в других — на Синод.

6) Решающего голоса в заседаниях Синода обер-прокурор не имел, но он участвовал в обсуждении всех дел на заседаниях Синода и мог давать прениям желательное ему направление.

7) Все отношения Синода с государем велись через обер-прокурора. Ни один архиерей не имел права непосредственно обращаться к государю, а должен был для этого прибегнуть к посредству или обер-прокурора, или Министра Императорского Двора.

Наделенный такими правами, обер-прокурор, в особенности если он был властным и ловким, мог стать полным хозяином в Синоде. «Всем кажется, — говорил в Предсоборном присутствии 24.11.1906 г. Санкт-Петербургский митрополит Антоний, — что Св. Синод есть вершитель своих дел; в действительности же это не так. Не даст (волен не давать) обер-прокурор движения делам, решенным в направлении, его взглядам не соответствующем, и потому характер деятельности Св. Синода волей-неволей меняется при перемене обер-прокурора. Дело по необходимости так стоит, в силу порядков, основанных на недоверии. При таких порядках если обер-прокурор захочет свести Синод к нулю, то он его и сведет, и в сущности везде, где именуется Синод, действующим лицом является обер-прокурор».[1]

Таким образом, обер-прокурор мог быть и фактически был хозяином в Синоде, хоть, по-видимому, законодатель не имел намерения уполномачивать его на это, а верующая масса была далека от того, чтобы при-

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. Т. III, 147–148.

знавать за ним подобное право. Законным хозяином должен был быть Св. Синод, но обер-прокурор весьма часто оказывался сильнее и влиятельнее не только каждого синодального члена в отдельности, но и всех их взятых вместе. Получалось крайне странное и ненормальное положение вследствие ненормального взаимоотношения прав и сил. Св. Синод и обер-прокурор, приставленные к одному и тому же делу, впряженные в один воз, стояли рядом, как две противные друг другу силы. Обер-прокурор с радостью отказался бы от Синода и без него повел бы все церковные дела, но он должен был пользоваться Синодом, как традиционной машиной, как учреждением, которому, по церковному сознанию, принадлежит право решения церковных дел. Обер-прокурор мог все разрушить, что бы ни создавал Синод, но он ничего не мог создать без Синода или не прикрываясь авторитетом Синода.

Расхождение между обер-прокурором и архиерейским составом Св. Синода развивалось не только на почве всевластия обер-прокурора, но и вследствие разных культур обер-прокурора и большинства членов Синода. Первый — сановник, почти всегда аристократ; огромное большинство владык — поповского, а иногда и мужицкого рода. Обер-прокурорское кресло всегда занимали люди большого государственного ума и опыта; самые худшие из обер-прокуроров более или менее разбирались в государственных вопросах, но самые лучшие из них не понимали духа и природы Церкви и при столкновении интересов церковных и государственных, не прозревая в даль, становились на сторону последних. Далекие от жизни владыки, наоборот, обыкновенно весьма слабо разбирались в государственных вопросах и не отличались большою чуткостью к назревавшим вопросам общественной и государственной жизни, отдаваясь узкоцерковной работе. Не удивительно, «что в течение всех 200 лет синодального управления обер-прокурор и Св. Синод представляли двух противников, направлявших все усилия к победе друг над другом. Всегдашнее затаенное взаимное несогласие при взаимном якобы единомыслии, а иногда и открытой вражде (например, при обер-прокуроре Шаховском[1], Нечаеве[2], Протасове[3]) были неизменными спутниками участия обер-прокурора в Синоде при его широких полномочиях».[4] В этой борьбе победителями чаще всего оказывались обер-прокуроры, но бывало и обратное. При Александре I митрополит Серафим свалил всесильного князя Голицына. В последнее царствование борьба между митрополитом Питиримом и обер-прокурором А. Н. Волжиным окончилась отставкой последнего. Следующий за Волжиным обер-прокурор Н. П. Раев был послушным орудием в руках пользовавшегося большими симпатиями Царского Села того же митрополита Питирима. Последние два факта показывают, что в царствование императора Николая II борьба с обер-прокурорским засильем была возможна и могла рассчитывать на полный успех. И если этот успех не всегда достигался, то виноваты в этом наши владыки, не сумевшие ни сплотиться для борьбы, ни воспользоваться благочестивым настроением царя и царицы. В 1916 г. государь сделал, было, большой жест в сторону Синода, предоставив первенствующему члену право личного доклада. Однако бывший тогда первенствующим митрополит Владимир ни разу не воспользовался этим правом, которое должно

[1] Я. П. Шаховской с 1741 по 1753 г.

[2] С. Д. Нечаев с 1833 по 1836.

[3] И. А. Протасов с 1836 по 1855 г. По поводу торжественных, с участием множества архиереев и духовенства, похорон Протасова один остряк заметил: «Кота мыши хоронят». При Протасове Московский митрополит Филарет в течение 10 лет не вызывался в Синод.

[4] Проф. Алмазов. «Журналы...» II, 634.

было поднять авторитет Синода и ослабить влияние обер-прокурора. Наши епископы за 200 лет привыкли к раболепству пред обер-прокурором, и стоило последнему облечь свою властную руку в бархатную перчатку, чтобы они жертвовали чем угодно для его сохранения. Известен печальнейший факт, что очень видный епископ последнего царствования готов был «черного борова посвятить в архиереи», лишь бы сохранить на обер-прокурорском посту весьма властного, но «сладкого» В. К. Саблера.[1]

Ненормальность взаимоотношений между обер-прокурором и Св. Синодом была слишком заметна. Профессор С. Т. Голубев выражал довольно распространенный взгляд, когда говорил, что «власть обер-прокурора была величайшим несчастьем и тормозом в церковной жизни. Кому не известно, — продолжал он, — приниженное положение нашей высшей иерархии вследствие подавляющего значения в Синоде обер-прокурора? Путешествия епархиальных архиереев в Петербург зачастую были как бы путешествием в Орду на поклонение к хану. Злоупотребления со стороны лиц, окружавших обер-прокурора, достигали иногда крайних пределов. Один преосвященный, долго не получавший самостоятельной кафедры, открыто заявлял, что ему, чтобы получить движение по службе, остается единственный путь: дать взятку. Были случаи назначения на обер-прокурорское место таких лиц, предшествовавшая служба которых не давала соответствующей подготовки для занятия сей должности[2], и

[1] «Царский Вестник», № 56 от 8.09.1939 г.

[2] По адресу обер-прокурора князя А. Д. Оболенского острили, что он прыгнул в Св. Синод прямо из-за «прилавка министерской монополии»: в обер-прокуроры он был назначен из Товарищей Министра финансов, в каковой должности он заведывал винной монополией. В. А. Маевский. «Революционер-монархист». Нов. Сад, 1934 г. Ст. 68.

эта неподготовленность была причиною таких с их стороны начинаний в делах церковных, применимость которых к задачам и целям Церкви представлялась более чем сомнительною». Епископ Псковский Арсений[1] признавал, что «обер-прокурорская власть, действуя иногда усмотрительно, привела Церковь в состояние пассивное, дремотное».[2]

С приведенными мнениями можно и не соглашаться вполне: всевластие обер-прокурора могло быть и ограничено, если бы в епископстве не оскудела жертвенность и было больше дерзновения. А послереволюционная история, в особенности Зарубежной Церкви, показала, что большим несчастьем для Церкви было и то, что наши владыки остались сразу без обер-прокурора, не стяжав предварительно ни административной мудрости, ни навыка к самостоятельному управлению Церковью.

Таким образом, русское синодальное управление нельзя было признать безупречным. Оно нуждалось в исправлении: 1) в ограничении всевластия обер-прокурора, 2) в изменении порядка назначения членов Синода, чтобы последний мог представлять всю Церковь, и 3) в предоставлении председательских прав первенствующему. Огромным недочетом являлось и то, что в Русской Церкви с давнего времени не созывались соборы, которые требуются канонами и заменить кои Св. Синод ни в коем случае не мог.

При таких недостатках можно ли было признать строй дореволюционного русского церковного управления каноническим?

[1] Ранее бывший ректором Московской дух. Академии, а потом, с 1917 г., митрополитом Новгородским.

[2] Журналы и прот. заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. Т. III, 169.

Известно, что даже некоторые из наших архиереев[1] признавали Св. Синод неканоническим учреждением. Правда, это походило на самоотрицание, ибо отрицавшие каноничность Синода епископы были им поставлены, от него получили благодать, и если поставивший их Синод был неканоничным, то и они оказывались неканоничными. По признании же себя неканоничными этим епископам оставалось — чтобы не распространять неканоничность еще дальше — отказаться от своего сана, от своих епархий и перейти на положение мирян. Но факт остается фактом: вопрос о каноничности синодального управления дебатировался в Предсоборном Присутствии 1906 г. И пишущему о Синоде нельзя поэтому обойти молчанием вопрос о каноничности русского Св. Синода. Кратно осветим этот вопрос.

Защитники каноничности Св. Синода резонно обращали внимание на два факта: 1) учрежденный при Петре I Св. Синод был признан всеми восточными патриархами — в утвержденной для Св. Синода грамоте они именовали его «братом во Христе» и усвояли ему патриаршие права. Впоследствии Св. Синод признавался всегда и всеми православными Церквами за законное, а следовательно, и каноничное учреждение. Пред этим голосом всей Церкви, казалось бы, должны были смолкнуть все, из-за некоторых несовершенств и перебоев в синодальной машине сомневавшиеся в каноничности самого Синода. 2) Признанный всеми православными Церквами русский Св. Синод действовал немного менее 200 лет (1721–1917 г.), а первое правило Никейского собора повелевает хранить древние обычаи, которые получили начало 100–150 лет назад. Это также говорило в пользу Синода. 3) Такие или иные несовершенства или отклонения известного учреждения от нормы еще не дают права отрицать это учреждение. Несомненно, в нашем синодальном управлении были уклонения от канонов. Самый Синод, как постоянно действующее учреждение, канонам неизвестен и ими не предусмотрен. Но в какой Церкви и когда несовершенств и уклонений не было? «То, что в Константинополе приглашаются на соборы и епископы, — говорил профессор И. С. Бердников, — это дело усмотрения патриарха, а не правило. Самый порядок Константинопольского Синода далеко уклоняется от канона, так как Синод составляется по усмотрению патриарха».[1] А профессор В. И. Завитневич считал, что «патриаршество не было у нас явлением каноническим в том, по крайней мере, смысле, что оно не выросло естественно из строя нашей церковной жизни, а поэтому и не было связано с ним глубокою внутреннею органической связью».[2] Профессор же А. И. Бриллиантов заявлял, что «византийское патриаршество нельзя признать явлением, согласным с духом и основными требованиями канонов, поскольку централизация церковной власти в лице патриарха сопровождалась на деле упадком и даже устранением начала соборности, о котором постоянно напоминают каноны, и поскольку патриарх являлся в то же время лишь оружием возвысившей его светской власти императора, проводившей чрез него свое влияние на все церковные дела».[3] Однако Церковь не отрицала каноничности ни Константинопольского патриарха с его Синодом, ни Всероссийского патриарха. Когда при безвольном или далеком от жизни епископе начинали управлять

[1] Как, например, митр. Антоний (Храповицкий).

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. 1, 7.
[2] Там же. 1, 223.
[3] Там же. 1, 240.

епархией, что не раз случалось: любимец-протоиерей, секретарь консистории, келейник или даже ловкая и нахальная женщина, то такое явление также нельзя было признать согласным с канонами, однако такой архиерей не переставал, пока его не сменяли, быть каноническим.

Вообще можно ли все явления современной церковной жизни расценивать только по букве древних канонов?

Канонам, касающимся не догматов веры, а церковной жизни и, в частности, церковного управления, нельзя усвоять догматический авторитет и «объявлять Кормчую книгу богодухновенною».[1] По выражению профессора В. В. Болотова, каноны относительны[2]. Каноны суть нормы, которыми человек возводится к совершенству. Но есть каноны, которые мы, вслед за Григорием Богословом, можем ныне назвать канонами мертвыми, т. е. переставшими управлять Церковью при изменившихся условиях. Более того: «бывают положения, когда akribeia twnkanonon вместо совершенства может довести до гибели. Настаивать в этом случае на исполнении канонов значило бы поступать как раз против той цели, которую они преследуют, — значило бы совершать преступление».[3] Суббота для человека, а не человек для субботы (Мк. 2, 27). Настоящей законодательницей в конце концов является жизнь, а не каноны. «Та реформа, которая действительно отвечает потребностям данного времени и оправдала себя фактически хорошими результатами, и есть реформа истинно каноническая, не имей она за собой даже ни одного прецедента, ни одного канона. История только полезный архив, а не свод законов», — учил знаменитейший профессор В. В. Болотов. Поэтому-то мы постоянно встречаемся в истории с двумя явлениями: 1) то жизнь предупреждает каноны, и последние принимают и указывают, что уже привилось, установилось и как бы узаконилось, и 2) жизнь видоизменяет и совсем отменяет установленное и узаконенное канонами — другими словами: или жизнь опережает каноны, или каноны отстают от жизни. Если брать касающиеся главных епископов правила Никейского, Константинопольского и Халкидонского Вселенских соборов, то эти правила лишь узаконили то положение, которое уже занимали среди церковной иерархии епископы Рима, Александрии, Антиохии и Иерусалима. А сколько канонов измененных и отмененных, по требованию жизни, последующими соборами! Немало также канонов, отмененных самой жизнью.

Что касается непосредственно нашего вопроса, то нельзя утверждать, что в существующих канонах исчерпаны все начала церковного управления и что последующая жизнь, при новых условиях и новой обстановке, не может создавать новых церковных форм и учреждений, совсем неизвестных древним канонам и ими не предусмотренных. Не всегда возможно и нужно возобновлять или продолжать прежде существовавшее — иногда необходимо создавать новое, не страшась новизны и заботясь лишь о том, чтобы не повредить веры и не исказить духа истинно христианской жизни. Жизнь без творчества — печальнейшее явление. «Безусловный консерватизм в делах веры есть смерть христианству».[1]

[1] Проф. Н.Н. Глубоковский. «Журналы...» IV (отд. III, VI, VII).
[2] Прибавл. к Церк. Вед. 1906 г. № 3. С. 100а.
[3] Архиеп. Финляндский Сергий. «Журналы...» IV (отд. III, VI, VIII), с. 58–59.

[1] Ливанов. «Раскольники и острожники». 1872. Т. I, VI. Русское старообрядчество явилось результатом неразумной привязанности к старой форме и боязни творчества.

Из сказанного делаем вывод: если русский Св. Синод и не был предусмотрен канонами, а его структура не вполне отвечала букве законов, то это еще не давало права считать его неканоническим учреждением. Все же недостатки синодального управления были упущениями, в которых повинна была не одна государственная власть, но и Церковь в лице ее епископата, и могли быть исправлены: обер-прокурорское всевластие могло быть ограничено; Синод мог сопротивляться таким образом, чтобы он действительно представлял Церковь; могли созываться и соборы. Отношение же царской власти к Церкви не было иным и во времена Вселенских соборов. Только тогда царская власть вмешивалась в решение и догматических вопросов, чего в наше время не было. Значит, синодальная машина подлежала исправлению, а не отрицанию или упразднению.

Но то главное, для чего существуют каноны и что они ставят своей целью, русским Св. Синодом было соблюдено: Синод крепко хранил православную веру, основы христианской нравственности, как и основы церковного устройства. В этом отношении он не отступил от канонов, и это, в связи с признанием его всею Православною Церковью, делало его учреждением безусловно каноническим.

Святейший Синод в предреволюционное время

Св. Синоду принадлежала власть управления всею Русской Церковью во всех областях ее разнообразной жизни. Как производилось это управление, в чем оно выражалось, насколько оно вело Церковь к совершенству? Прежде чем ответить на эти вопросы, надо сказать еще несколько слов о конструкции Св. Синода.

Св. Синод резко делился на две части: а) «безблагодатную», чиновничью, которую составлял огромный штат чиновников разных рангов, возглавлявшихся обер-прокурором Св. Синода и его товарищем, и б) «благодатную» — самый Синод, т. е. членов и присутствующих в Синоде[1], епископов и иногда протопресвитеров. Право решения синодальных дел принадлежало второй части Синода; первая же подготовляла дела к разрешению и приводила в исполнение решения Синода — второй его части.

Надо сказать, что подбор синодальных чиновников производился весьма тщательно и удачно. В огромном проценте это были лучшие кандидаты духовных академий; встречались магистры и даже доктора богословия.[2] Едва ли какое-либо другое государственное учреждение Российской империи имело такой сильный канцеляр-

[1] И тех и других мы дальше будем называть членами Синода.

[2] В последнее время степень доктора богословия имел помощник Управляющего Канцелярией Синода С. Г. Рункевич.

ский аппарат, составленный из весьма одаренных, трудоспособных, усердных, образованных и добросовестных чиновников, какой был в распоряжении Синода. Поступив на синодскую службу, они обыкновенно оставались на ней до своей смерти[1], постепенно двигаясь вперед по служебной лестнице. Исключение составляли подготовлявшиеся к занятию секретарских должностей в консисториях. Эти считались причисленными к канцелярии Св. Синода и проходили более или менее продолжительный стаж, переходя из одной части синодальной канцелярии в другую и знакомясь с разными сторонами церковного управления. Не удивительно, что синодские чиновники, в особенности старшие, могли считаться большими мастерами своего дела, в тонкости изучившими законы и канцелярскую работу. Но все же это были петербургские чиновники, не имевшие возможности видеть подлинную жизнь Церкви, ощущать и понимать все ее разнообразные действительные нужды. Сами они настоящей церковной жизнью не жили. Все это не могло не отражаться на судьбе многих синодских дел. А между тем роль синодских чиновников в решении дел была огромной. Все дела первоначально поступали в синодские канцелярии. Там они изучались, переваривались, по ним намечались резолюции и уже в переваренном виде, с намеченными резолюциями обер-секретарями, секретарями и другими синодскими чиновниками докладывались на заседаниях Св. Синоду. Члены Синода, не исключая, кажется, и первенствующего, кроме редких случаев, предварительно с делами не знакомились и впервые узнавали о них из доклада чиновника, который всегда мог и так, и иначе осветить дело и перетянуть весы в ту или

[1] Жизнь не знала тогда «возрастных цензов».

иную сторону. Многие же дела, не докладываясь, проводились по так называемым «летучим» журналам, которые только скреплялись подписями членов синода.

В самом Синоде, в его иерархическом составе, дело состояло совсем не столь благополучно. В последнее время в жизни Русской Православной Церкви обнаружилось и все расширялось одно печальное явление — «оскудение в архиерействе». Чтобы убедиться в этом, стоит обратить внимание на митрополичий состав пред самой революцией. Наши митрополичьи кафедры[1] обыкновенно замещались самыми выдающимися иерархами. Кого же мы видим на этих кафедрах в последний год пред революцией?

Киевскую кафедру тогда занимал кандидат богословия — митрополит Владимир[2], ранее бывший Московским, а потом Санкт-Петербургским митрополитом. По перемещении в Киев он сохранил за собою звание первенствующего члена Св. Синода. Благочестивый и скромный, добрый, простой, честный и прямой — он однако совсем не подходил для своего поста. Ему не доставало нужного ума и широты взгляда, быстрой сообразительности и необходимой деловитости. Для какой-либо провинциальной кафедры он оказался бы весьма достойным архипастырем, но в вожди Русской Церкви, да еще в столь бурное время, он совершенно не годился:

[1] В Русской Церкви до революции было три митрополичьи кафедры: Санкт-Петербургская (с начала Великой войны — Петроградская), Московская и Киевская.

[2] Уроженец Тамбовской губ., в миру Василий Богоявленский. В 1874 г., по окончании курса Киевской духовной академии, назначен преподавателем Тамбовской семинарии; в 1882 г. рукоположен во священники; в 1886 г. пострижен в монахи; 3 июня 1888 г. посвящен в епископы (Старорусский — викарий Новгородской епархии); с 19 января 1891 г. епископ Самарский; с 18 октября 1892 г. — экзарх Грузии; с 21 февраля 1898 г. — митрополит Московский; с 23 ноября 1912 г. — Санкт-Петербургский; с 23 ноября 1915 г. — Киевский. Убит в г. Киеве 25 января 1918 г.

для этого ему не хватало и авторитета, и кругозора, и такта, и даже ловкости. Его узкий консерватизм также был не в его пользу. В царской семье, как и в высших кругах, он не пользовался почетом; не сумел он стяжать и любви народной. Руководить синодальной работой он не мог: заседания Синода под его председательством проходили запутанно и нудно. Нужен был совсем иной кормчий для Церкви и Синода.

На вершину иерархической лестницы митрополит Владимир попал случайно. Этим — что покажется странным — он был обязан знаменитому юристу, члену Государственного Совета, А. Ф. Кони. Я расскажу то, что слышал из уст самого А. Ф. Кони.

Последний в 1892 г. был, по высочайшему повелению, командирован в г. Самару по поводу происшедших там холерных беспорядков. Зайдя в воскресенье в кафедральный собор, Кони был приятно удивлен и благоговейным служением, совершавшимся молодым архиереем, и прекрасной проповедью, сказанной последним. Вернувшись в Петербург, Кони полетел к всесильному тогда К. П. Победоносцеву, своему бывшему профессору, а теперь другу, чтобы высказать недоумение: как можно держать такого выдающегося архиерея на какой-то захолустной кафедре? Последствием беседы Кони с Победоносцевым было то, что вскоре молодой, всего год и девять месяцев прослуживший на самостоятельной кафедре епископ Владимир был назначен на первую после митрополий экзаршескую кафедру на Кавказе, с возведением в сан архиепископа.

Чрез некоторое время А. Ф. Кони пришлось быть в Тифлисе. Зная, что тут святительствует его protégé, А. Ф. Кони в праздник отправился в Сионский собор, чтобы еще раз послушать блестящего проповедника. Но на этот раз архиеп. Владимир окончательно разочаровал

своего покровителя, сказав крайне неудачную, сумбурную проповедь. С ним это случалось и после, ибо он часто рабски, дословно повторял чужие проповеди, причем крайне неудачно, не подходяще к случаю выбирал их. Разочарованный Кони, однако, не решился разочаровать К. П. Победоносцева. Занятая же архиеп. Владимиром кафедра открывала ему прямой путь в митрополиты. Вскоре он и занял (21 фев. 1898 г.) Московскую митрополичью кафедру, откуда, после смерти митрополита Антония (Вадковского), в 1912 г. был переведен в Петербург, а из Петербурга в 1915 г. в Киев. Отношение Московского собора (1917–1918 г.) к этому старейшему митрополиту выразилось в том, что он при баллотировке в патриархи получил всего один голос.

Еще менее подходящ для своей роли был Московский митрополит Макарий, восьмидесятилетний старец, потерявший всякую способность к какой бы то ни было работе.

Семинарист по образованию[1], митрополит Макарий (Невский) попал в митрополиты Московские[2] из Томских архиепископов, уже в преклонном возрасте[3], не за какие-либо исключительные заслуги и подвиги, каких за ним как будто не числилось, а по заступничеству Распутина. Это был маленький, благообразный старичок, внешним видом напоминавший знаменитого митрополита Филарета (Дроздова), а по своим способностям диаметрально противоположный ему. Он был совершенно не способен ни к управлению ответственной Московской епархией, ни к участию в решении си-

[1] С назначением митрополитом ставший однако прямым начальником Академии.
[2] 25 ноября 1912 г.
[3] Род. 1 октября 1835 г., умер 16 февраля 1926 г. в Николо-Угрешском монастыре Московской епархии.

нодских дел. Епархией правили другие — кто хотел и кто умел войти в его доверие. Митрополит во время докладов своих подчиненных часто засыпал, и докладчики, не смея нарушить мирный сон владыки, ни с чем уходили от него. В Синоде в его присутствии сплошь и рядом проваливали одно за другим его представления и ходатайства, и он молча принимал этот конфуз. При решении в Синоде трудных вопросов, таких, как варнавинский[1], он воздерживался от голосования, объясняя, что не расслышал доклада и прений.

Послеобеденным развлечением для митрополита служило пение мальчиками его хора алтайских стихов.[2] Рассказывали, что часто владыка засыпал, слушая такое пение, после чего певцы осторожно, чтобы не разбудить спящего, расходились.

Царское Село смотрело на митрополита Макария как на праведника. А близко знавшие митрополита Макария решительно утверждали, что он в большой дружбе с Гришкой (Распутиным).

Петроградский митрополит Питирим (Окнов, родился 28 июня 1858 г., умер в январе 1920 г.) представлял совершенно законченный тип архиерея-карьериста последнего времени.

Более хитрый, более умный, он, благодаря поддержке сначала митрополита Палладия († 6 декабря 1893 г.), а потом В. К. Саблера, быстро поднялся по иерархической лестнице и в 1904 г. (46 лет от роду) занял видную Курскую архиепископскую кафедру. Белгородские торжества (в сентябре 1911 г.) по случаю прославления еп. Белгородского Иоасафа, во время которых архиепископ

[1] О прославлении епископом Варнавою митрополита Тобольского Иоанна.

[2] В молодости митрополит Макарий миссионерствовал усердно и, как рассказывают, удачно на Алтае.

Питирим проявил большую распорядительность, восстановили против него Саблера, сменившего милость на гнев, и архиепископ Питирим попал в опальные, будучи перемещен (4 октября 1911 г.) на бедную и захолустную Владикавказскую епархию. Лишившись дружбы с В. К. Саблером, Питирим завязал дружбу с Распутиным. Последний оказался мощным покровителем, и карьера архиепископа Питирима еще быстрее прежнего понеслась вверх. В декабре 1913 г. он переводится из Владикавказа в Самару. Принимая Самарскую кафедру, он заявляет своему предшественнику по этой кафедре, еп. Константину (Булычеву), что он не задержится в Самаре — его место в Петербурге, т. е. на митрополичьей кафедре. Действительно, скоро (26 июня 1914 г.) архиепископ Питирим назначается экзархом Грузии, а 23 ноября 1915 г. — Петроградским митрополитом.

Если митрополит Макарий дружил с Распутиным по недомыслию, по преклонению перед царской семьей, к которой был близок Распутин, по неведению и непониманию того зла, которое причинил престолу и России этот роковой человек, то дружба Питирима с Распутиным была построена исключительно на расчете. Благодаря Распутину он взобрался на первую по рангу в России Петроградскую кафедру; благодаря ему же он снискал такую любовь и такое доверие Царского Села, какими не пользовался ни один из прежних Санкт-Петербургских митрополитов, хотя среди них встречались выдающиеся люди. И это последнее обстоятельство тем более обращало на себя внимание, что митрополит Питирим не отличался ни наружным видом, ни выдающимся умом, ни административными дарованиями, ни внешним лоском, ни внутренним содержанием, ни даже искренностью. Хитрость у него заменяла ум, лицемерие — благочестие, подхалимство и

низкопоклонство — приличествующие архипастырям прямолинейность и сердечность... Выходило по пословице: «не по хорошему мил, а по милу хорош».

Вот какова была в 1915–1917 гг. головка Синода. А ведь головка эта в Синоде много значила. Митрополиты были постоянными и старшими членами Синода. К их голосу все остальные синодальные члены прислушивались и с ними всегда считались. Такова была традиция синодальной жизни, где чинопочитание строго хранилось.

Правда, нельзя отрицать того, что среди наших иерархов предреволюционного времени были выдающиеся люди: один из лучших русских богословов — архиепископ Сергий Финляндский; бывший ректор Московской Духовной академии, прямолинейный, умный и строгий — Новгородский архиепископ Арсений; благостный и житейски мудрый — Литовский архиепископ Тихон; образованный, серьезный и вдумчивый Казанский архиепископ Иаков и др. Но беспримерно убогий по своему составу митрополитет все же в известном отношении характеризовал состояние нашей иерархии предреволюционного времени. Последняя, бесспорно, переживала какой-то болезненный кризис, выражавшийся в оскудении сильных характеров, сильных деятелей, даже в понижении морального уровня, в смирении «стражей дома Израилева», в подавлении их жизненною суетою.

Такое явление нельзя объяснять только духом времени, хоть подобное объяснение и было модным. Церковь, как учреждение вечное, и ее служители должны быть выше времени в том, что может вредить ее существу, а их назначению. Это не значит, что Церковь должна игнорировать современность, — напротив, она должна брать от последней все доброе, но она должна и противодействовать всему современному злу, соответствующим образом сорганизовывая свои силы и избирая наиболее целесообразные и верные методы работы.

У нас же получилось нечто обратное: наш век предъявил к Церкви массу новых требований и на путях ее работы настроил множество преград — век в своем роде объявил Церкви войну, а церковная власть не позаботилась о первом и главном в борьбе — о подготовке командного состава и выработке плана борьбы. Но об этом мы скажем после.

Теперь же вернемся к речи о Синоде.

Как бы ни был несовершенен состав нашего епископата последнего времени, все же можно было найти для Синода достаточное число совершенно достойных и пригодных членов. Но... члены Синода выбирались не по удельному весу, а по воле обер-прокурора, которому бывали приятны и нужны не сильные, а послушные и угодливые. И Синод никогда не составлялся из самых лучших. А что лучшие составляли в нем меньшинство и подавлялись худшими — это случалось.

Теперь познакомимся с синодальной работой.

Деятельность Святейшего Синода

Св. Синод был органом высшего управления Русскою Церковью, своего рода главнокомандующим Русской Церкви.

По каноническому порядку Синод должен был бы давать отчет и подчинятся Всероссийскому Церковному собору. Но так как в течение всего двухсотлетнего синодального периода такие соборы не собирались, то Синод осуществлял и ту функцию, которая принадлежала соборам. Многими русскими богословами он и трактовался как малый собор, как «генетическое продолжение поместного Всероссийского собора, как его отображение, как тот же собор, только в меньшем составе»[1], как и в Константинопольском патриархате Синод, заменявший собор»[2], «как постоянный собор»[3] и т. д.

Отождествление Синода с собором нельзя признать безупречным уже потому, что соборы составлялись из представителей всей Церкви, чего в Синоде не было. Но объем власти у Синода был действительно соборный: в вопросах веры, нравственности и благочиния Синоду принадлежала вся полнота власти. В вопросах же, затрагивавших государственные интересы,

[1] Профессор протоиерей Ф. И. Титов. «Журналы...» 1, 173.
[2] Профессор Бердников. Там же. 1, 283.
[3] Проф. Алмазов А.И. Там же. 1, 289.

Синод действовал в согласии с государственной властью. В общем, Синод был кормчим Русской Церкви.

Как же Св. Синод осуществлял свое назначение и свои задачи?

На войне бывают двоякого рода главнокомандующие. Одни дают директивы, следят за выполнением их, исправляют допущенные ошибки, но не лишают своих подчиненных инициативы, дают простор их творчеству, не вмешиваются в их распоряжения. Другие, не ограничиваясь данными директивами, стремятся сами же и исполнить их, начинают издали командовать не только корпусами и дивизиями, но и батальонами и даже ротами. Результат последнего командования, кажется, никогда не оказывался блестящим. Одно из непременных условий успешности всякой работы — это правильное распределение обязанностей между исполняющими эту работу: между начальствующими и подчиненными, лицами и учреждениями. Излишняя централизация всегда вредна для дела.

Наш Св. Синод весьма страдал непомерной централизацией. Кроме дел, которые действительно нуждались в синодальном рассмотрении, решении, утверждении, Св. Синод загромождался массой дел или незначительных, или таких, разрешить которые естественнее и легче было епархиальному архиерею с органами епархиального управления. Так, по уставу Духовных консисторий из всех 68 российских епархий в Синод поступали дела: о назначении настоятелей и настоятельниц монастырей, об увольнении в отпуск членов консисторий (на срок свыше 98 дней и за границу) (ст. 282), о награждении духовных лиц (ст. 91), дела о снятии и лишении сана священнослужителей, о снятии и лишении монашества (ст. 171 и 176), о незаконных браках и разводах (ст. 229 и 256) и т. д. Архиереи обязаны были доносить Синоду о тех случаях

проявления неправомыслия (ст. 7), о появлении суеверий (ст. 19), о совращениях в раскол и секты (ст. 21 и 26), о замечательных случаях присоединения из раскола и единоверия (ст. 33), о случаях замешательства и приостановки богослужения по причине каких-либо дерзких выходок неблагонамеренных лиц (ст. 37), о покражах и пожертвованиях, о пожарах церквей (ст. 53) и т. д.

Синод утопал в массе стекавшихся к нему со всей России дел, одни из которых с большей осведомленностью и удобством могли разрешаться епархиальными архиереями и консисториями[1], о других — о коих архиерей должен был доносить Синоду — можно было бы лишь упоминать в архиерейских годовых отчетах, а третьим, как бракоразводным — о них мы скажем особо — лучше бы совсем не доноситься до архиерейского слуха. До Синода доходили таким образом сотни тысяч дел. Познакомиться с ними члены синода не имели никакой возможности и еще менее возможности имели вникнуть в них и высказать по ним свое продуманное мнение. Большинство таких дел разрешались не Синодом, и не отдельными его членами, и даже не обер-секретарями или начальниками отделений, а просто секретарями, делопроизводителями и даже более мелкими чиновниками, значительная же часть их с надписями «к сведению», «к делу» и т. д. сдавалась в архив, в добычу мышам или в назидание неведомому потомству, часто же на вечное забвение.

Зачем вся эта процедура проделывалась, зачем из-за загромождения Синода ничего не стоящими бумагами там создавались проволочки решений иногда важных и спешных дел, зачем требовалось утверждение синодскими мелкими чиновниками архиерейского и консисторского решения, чем изволение последних выдавалось за изволение самого Св. Синода? А между тем сколько в архиерейских и консисторских канцеляриях затрачивалось энергии на составление таких бумаг; сколько волнений переживалось в ожидании: что-то ответит Св. Синод? Сколько бумаги загублено, сколько лишней, ненужной работы дано почтовым учреждениям и вносившим номера во входящие и исходящие журналы регистраторам! На самом же деле во всех таких случаях производилась работа пустых мельниц, с тою лишь разницей, что тут эта безрезультатная работа окупалась слишком дорогой ценой, затратой многих сил и больших средств.

[1] Епископ рукополагает в сан, почему же, после решения суда, он не может лишить сана; священник совершает брак — почему епископ с консисторией не могут расторгнуть его? И так далее.

Особо надо сказать о бракоразводных делах. Одни из них, не возбуждавшие протестов, проводились по журналам, без доклада Синоду; члены Синода скрепляли своими подписями такие журналы, не читая дел, по доверию. Фактически, значит, епархиальные решения по этим делам утверждались не Синодом, а секретарями синодальной канцелярии. Другие дела, вызвавшие апелляции, докладывались Синоду. В общем их было так много, что на всех заседаниях Синода доклад их занимал всю вторую, иногда большую половину синодального заседания.

У пишущего эти строки воспоминание о синодальных бракоразводных докладах и доселе вызывает отвращение.

Вообще все бракоразводные доклады были гнусны, отвратительны и недостойны священных стен Синода. Но они становились сугубо отвратительными, когда один из докладчиков — секретарей синодальной канцелярии, Я-ий, любитель пикантных анекдотов, смакуя и

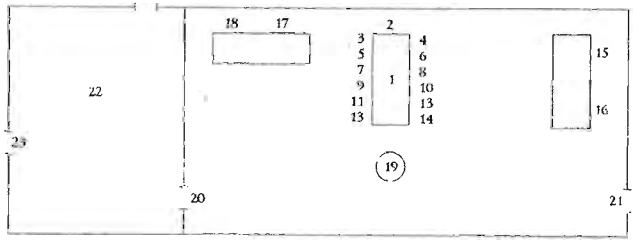
любуясь, начинал развертывать пред членами Синода грязные картины блудодейственных похождений неверных супругов, подчеркивая самые пошлые моменты и не жалея красок и выражений. Слушая доклад, одни из членов Синода сидели, потупив глаза, другие лукаво улыбались, иные позволяли себе остроты и шутки. И этим делом, едва ли целомудренным и назидательным и безусловно лишним, Синод каждую неделю занимался трижды, по несколько часов!

Все члены Синода отлично знали, что большинство бракоразводных преступлений инсценировано, большинство свидетелей подкуплено, что ложью, клятвопреступничеством и обманом окутаны эти дела. И все же Синод тратил большую часть своего времени, выслушивая всю эту грязь, которая должна была бы проходить подальше от его взора и мимо его ушей, судил, рядил, даже иногда думал, что тут он делает свое настоящее дело, и не замечал, что он не Божье дело делал, а барахтался в бракоразводной грязи.

Описанная канцелярщина развелась в Синоде, конечно, не в последнее время, она пережила много десятков лет. Но характерно то, что Синод XX века не только мирился с нею, но и ревниво оберегал ее.

Заседания Св. Синода происходили по понедельникам, средам и пятницам в утренние часы. В экстренных случаях они назначались и в другие дни, и вечером.

Внешняя сторона заседаний не оставляла желать лучшего. Заседания происходили в огромном продолговатом синодальном зале. В центре его, перпендикулярно внутренней стене, против царского портрета, стоял длинный стол с зерцалом на нем и с креслами для членов Синода по обеим его сторонам. Центральное кресло под царским портретом всегда оставалось не занятым — оно предназначалось для государя. Члены Синода размещались по старшинству: справа от государева кресла — первенствующий, слева — следующий митрополит, рядом с первенствующим — третий по старшинству и т. д. Справа, за столом, стоявшим около боковой стены, восседали обер-прокурор и его товарищ. Слева за столом, недалеко от входных дверей — управляющий канцелярией Синода и его помощник. Докладчик становился на кафедре в конце синодального стола, прямо против портрета государя.

1. Синодальный стол.
2. Кресло государя.
3. Кресло первоприсут.
4—14. Кресла членов Синода.
15—16. Кресла обер-прокурора и его товарища.
17—18. Кресла управляющего канцелярией и его помощника.
19. Кафедра докладчика.
20. Вход в Синодальный зал.
21. Вход в Синодальную церковь.
22. Приемная.
23. Дверь в кабинет обер-прокурора

Члены Синода прибывали на заседания без орденских лент, не всегда со звездами на груди. Обер-прокурор, как и все прочие чины, являлись на заседания обязательно в мундирах со старшими орденами и при звездах, у кого они имелись. Зал во время заседаний обыкновенно имел величественный и торжественный вид. Торжественность выражалась и в движениях чиновников-докладчиков, спокойно и бесшумно входивших в зал и покидавших его.

Заседание начиналось после краткой молитвы, прочитывавшейся первенствующим, которую члены Синода выслушивали стоя.

Ход заседаний определялся повесткой дня, из которой члены Синода, уже прибыв на заседание, узнавали о подлежащих их обсуждению на данном заседании делах. С содержанием же самых дел они знакомились из докладов. Конечно, члены Синода не были лишены права знакомиться с делами и до заседания, но этим правом они, кажется, пользовались не часто. Да и невозможно было всем членам ознакомиться со всеми делами дня. А при таком положении личность докладчика, его умение осветить дело и его отношение к данному делу получали огромное значение. Докладчиками же всегда были синодальные чиновники. После речи докладчика происходил обмен мнениями и, наконец, голосование. Голоса отбирались начиная с младших. Обер-прокурор в голосовании не участвовал, но в обсуждении дел всегда принимал самое деятельное участие. И его разъяснения, его мнение часто оказывали решающее влияние на исход голосования.

Характер заседаний всегда в сильной степени зависит от председателя: он может сделать их одушевленными и интересными или нудными и скучными; он может уяснять, но может и запутывать дело. В последние дореволюционные годы Синоду не везло в отношении председателей. Митрополит Владимир не умел быстро схватить суть дела, был забывчив и не мог ни направлять прения, ни удачно резюмировать их. Кроме того, он часто бывал нервен, особенно после обидевшего его перемещения из Петрограда в Киев, резок и нетерпим к чужим мнениям, если они расходились с его собственными. Заседания Синода под его председательством проходили тягуче, нудно, путанно и нервно, а иногда без нужды бурно.

Замещавший его в летние месяцы 1916 г. митр. Питирим, пожалуй, еще хуже вел дело. Он проявлял интерес и оживление лишь до тех пор, пока докладывались дела его епархии или почему-либо его интересовавшие. При его председательствовании такие дела, очевидно, по его указанию, докладывались в первую очередь. А затем... точно ничто в Церкви его не интересовало.

В эти годы печать какой-то обреченности лежала на Синоде, как, пожалуй, и на всей русской жизни.

Как высокое церковное учреждение, Синод должен был представлять дружную, одушевленную возвышенными идеалами семью. В действительности он в описываемое время представлял два враждебных лагеря: распутинский и антираспутинский. К первому определенно принадлежали митрополиты Питирим и Макарий. К ним примыкали или подлаживались искательные и беспринципные — Черниговский архиепископ Василий и Архангельский епископ Нафанаил. Архиепископ Тверской Серафим пред антираспутинцами ругал Распутина, а в то же время бражничал с ним и искал его поддержки, чтобы получить митрополичью кафедру. К антираспутинцам открыто принадлежали: митрополит Владимир, Новгородский архиепископ Арсений и оба протопресвитера. Архиеп-пы Финляндский Сергий и Литовский Тихон также были антираспутинцами, но от открытых выступлений они воздерживались.

В Синоде царила тяжелая атмосфера недоверия. Члены Синода боялись друг друга, и не без оснований: каждое слово, открыто сказанное в стенах Синода противниками Распутина, немедленно передавалось в Царское Село, иногда в искаженном или преувеличенном виде. Атмосфера недоверия переходила в открытое недоброжелательство и неуважение друг к другу. Последнее особенно проявлялось в отношениях одно-

го к другому митрополитов Владимира и Питирима. Митрополит Владимир часто во время прений резко обрывал митрополита Питирима и всегда возражал ему. Митрополит Питирим не оставался в долгу и всегда был не согласен с митрополитом Владимиром. Несогласие между митрополитами было хроническим. Между ними шла открытая борьба, явно клонившаяся к тому, чтобы митрополиту Питириму занять место первенствующего, чему готово было помочь Царское Село. Митрополит Владимир это понимал и со свойственной ему непосредственностью при всяком случае проявлял свои чувства.

Другие члены Синода антираспутинского настроения не столь резко, но достаточно открыто выражали свое неуважение к митрополиту Питириму.

Архиепископу Арсению было отведено помещение в Александро-Невской лавре, стеною отделенное от кабинета митр. Питирима — хозяина лавры. Забыв все правила приличия, он за полтора года не сделал митр. Питириму ни одного визита. Оба протопресвитера, оставив визитные карточки после вступления митр. Питирима на Петроградскую кафедру, потом в течение тех же полутора лет ни разу не были у него. А они жили в пределах его епархии.

Митрополит Питирим видел все это, понимал, выходил из себя, грозил свернуть противникам шеи. Но в Синоде был наружно спокоен, сдержан. Свою горечь и злобу он изливал в Царском Селе. Катастрофа назревала видимо и должна была разразиться неминуемо.

В такой атмосфере мог ли Св. Синод вести какую-либо крупную, творческую работу?

Наиболее характерным синодским делом этого периода, ярко отразившим царившее тогда в Синоде настроение и направление, было так называемое варнавинское дело — о прославлении Иоанна, архиепископа Тобольского. Остановимся на этом деле.

Епископ Тобольский Варнава являлся колоритною фигурою предреволюционного времени. Это был unicum в нашем епископате. Его curriculum vitae для епископа XX века необычно. По рождению — крестьянин или мещанин Олонецкой губернии, почти неграмотный — немного учился.[1]

В молодости он занимался огородничеством. Потом пошел в монахи. Природный ум, большая ловкость, пронырливость и граничившая с дерзостью смелость помогли ему стать не только архимандритом богатейшего Старо-Голутвинского монастыря Московской епархии, но и проникнуть во многие высокопоставленные дома и семьи. Знакомство и дружба с Распутиным завершили дело. 50-летний архимандрит-неуч сначала (28 августа 1911 г.) был сделан викарием Олонецкой епархии, а через два года (2 ноября 1913 г.), под давлением Царского Села, самостоятельным Тобольским архиереем.

Поставление Варнавы в епископы прошло не совсем гладко. Св. Синод пробовал протестовать. Протест вызвал неудовольствие Царского Села и даже угрозу отставки Саблера. Вот тогда-то и вырвалось из уст одного епископа — члена Синода крылатое слово: «чтобы сохранить вас (Саблера), мы готовы и черного борова поставить в архиереи». 5 окт. 1916 г. еп. Варнава был возведен в сан архиепископа...

---

[1] В канцелярии протопресвитера военного и морского духовенства хранилось собственноручное письмо еп. Варнавы. В нем каждое слово с большой буквы и после каждого слова точка. Подпись: «грешный епископ Варнава». В официальном издании Св. Синода «Состав Св. Прав. Синода и Российской церковной иерархии» на 1915 г. (с. 281) образовательный ценз еп. Варнавы определяется так: «обучался в Петрозавод. городск. училище». Значит, курса этого училища не окончил.

Еще будучи архимандритом, Варнава, благодаря Распутину, вошел в царскую семью и завоевал там симпатии. Эта близость поддерживалась и в последующее время.

Когда государь в августе 1915 г. вступил в верховное командование, еп. Варнава обратился к нему в ставку с телеграфным приветствием, причем просил царя разрешить ему в память такого великого и радостного события прославить святителя Иоанна Тобольского.

В нашей Русской Церкви прославление святых происходило с высочайшего разрешения. Но такому разрешению предшествовали: освидетельствование мощей, исследование чудес и определение Синода о прославлении святого, основанное на признании достаточных данных в пользу несомненной святости. Царское утверждение лишь завершало дело. Случаев прославления святых по одному высочайшему повелению, без решения Синода, как будто у нас не было. Если же и был подобный случай, то он являлся ничем иным, как грубым нарушением прав Церкви, насильственным вмешательством в сферу ее священных полномочий.

Дело о прославлении архиеп. Иоанна только что рассматривалось Св. Синодом, и последний не решился высказаться в пользу прославления. Просьба еп. Варнавы, таким образом, была вызовом Св. Синоду.

Как же отнесся государь к этой просьбе?

Советовался ли государь по поводу телеграммы еп. Варнавы с кем-либо из своих приближенных — нам это доподлинно не известно. Как будто не советовался. Во всяком случае и архиеп. Могилевский Константин, и состоявший при государе протопресвитер воен. и мор. духовенства узнали об ответной царской телеграмме со стороны и много спустя. Царский же ответ еп. Варнаве был таков: «Пропеть величание можно, прославить нельзя». Ответ заключал в себе внутреннее противоречие: величаний не прославленным, еще не признанным святым не поют; если нельзя прославить, почему же можно пропеть величание?

Телеграмма государя из Ставки (в г. Могилеве) пришла в Тобольск, кажется 27 августа, поздно вечером.

В 11 ч. вечера, в этот же день, в Тобольске загудел большой соборный колокол. Это еп. Варнава приглашал в собор свою паству величать архиеп. Иоанна. Услышав необычный по времени звон, народ повалил в собор. Собралось и духовенство. Все недоумевали: что за причина нежданной тревоги? Но вот пришел и преосвященный. Облачившись, он с сонмом духовенства вышел к гробнице архиеп. Иоанна.[1] Начали служить молебен. Служили хитро, предусмотрительно оставляя лазейку на всякий случай: тропарь пели св. Иоанну Златоусту, припевы — «Святителю, отче Иоанне, моли Бога о нас», — понимай, как хочешь: Иоанне Златоусте или Иоанне Тобольский, — а в отпусте преосвященный упомянул и Иоанна Тобольского. В заключение пропели величание святителю Иоанну Тобольскому. Настроение и у богомольцев, и у духовенства было приподнятое, восторженное. На следующий день оно у духовенства понизилось. За ночь поразмыслили, у величавших возникли сомнения: ладно ли сделали? Явилось опасение: не влетело бы?

Между тем весть о прославлении святителя разносилась все дальше. С раннего утра народ валом повалил в собор. Посыпались просьбы служить молебны. Епископ же Варнава утром после прославления отправился в объезд епархии, предоставив соборному духовенству расхлебывать заваренную кашу. Последнее не решилось отказывать в просьбах. Началось целодневное служе-

[1] Архиеп. Иоанн был похоронен в кафедральном соборе.

ние молебнов пред гробницей, однако, как и накануне вечером, с осторожностью, на всякий случай: служили так, чтобы можно было, если грянет гром и начнется следствие, свалить с Иоанна Тобольского на Иоанна Златоуста — ему, мол, служили. Поэтому старались умалчивать о Тобольском и поминали просто святителя Иоанна. Такая уловка, однако, не осталась незамеченной: в городе, в народе пошли недобрые разговоры: «попы обманывают народ, позорят праведника».

Так продолжалось несколько дней, пока действительно не грянул гром: еп. Варнаву потребовали в Петроград для объяснения пред Синодом.[1]

Представ 7 сентября 1916 г. пред Синодом, еп. Варнава заявил, что он совершил канонизацию по указанию свыше; при допросе держал себя смело, даже вызывающе; виновным себя не признал, раскаяния и не думал обнаруживать. На какой-то вопрос обер-прокурора А. Л. Самарина, сидевшего за своим столом, когда еп. Варнава, стоя пред членами Синода, давал объяснения, он резко заметил: «А ты кто такой тут будешь? Прокурор, что ли? Коли прокурор, то твое дело писать, а не судить архиерея». А потом добавил: «Когда архиерей стоит, мирянам не полагается сидеть». Ясно, что еп. Варнава чувствовал за своей спиной мощную поддержку.

9 сентября[2] еп. Варнава был принят в Царском Селе императрицей, причем он не пожалел красок, чтобы восстановить царицу против его судей. От него царица узнала, что Самарин «подло говорил о Григории (Распутине), упо-

[1] Так описывал это странное и еще более печальное тобольское событие главному священнику Юго-Зап. фронта протоиерею Б. Р. Грифцову протодиакон Тобольского кафедрального собора, участвовавший в этом прославлении.

[2] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. I, 212. Берлин, 1922.

требляя мерзкие слова при упоминании о нем»[1], что он же «со злобой говорил насчет величания, что государь не имел права позволить такую вещь», на что Варнава «как следует отвечал ему и сказал, что государь — главный покровитель Церкви, а Самарин дерзко ответил, что государь ее раб»[2]; что митрополит (Владимир) назвал телеграмму государя «глупой телеграммой»[3]; что нельзя даже «повторить тех бранных слов, которыми они[4] обзывали нашего друга[5]; что Самарин допрашивал его — епископа — насчет друга (Распутина) неприлично, «развалившись в кресле со скрещенными ногами»[5]; что в общем над Варнавой был учинен «неслыханный перекрестный допрос».[5] Еп. Варнава убедил императрицу, что все выпады Синода и его обер-прокурора были направлены против царской четы и ее друга и что он сумел дать нападавшим достойный отпор. После беседы с еп. Варнавой императрица 9 сентября писала государю: «он (Варнава) великолепно заступился за нас и за Гр. (Григория) и показал им, что они намеренно идут против нас во всем этом».[5] И в другом письме от 12 сентября: «Он (Варнава) им все сказал и ответил на все — этим животным, я не могу назвать их иначе».[6]

Еп. Варнава побывал и у Председателя Совета Министров И. Л. Горемыкина и успел заручиться его сочувствием. По словам Варнавы, Горемыкин был возмущен поведением Синода и был готов «накричать на епископов и услать их».[7]

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. I, 214. Берлин, 1922.

[2] Там же. I, 222.

[3] Обер-прокурор и члены Синода.

[4] Письма имп. Александры Федоровны к имп. Николаю II. I, 215.

[5] Там же. I, 214.

[6] Там же. I, 236.

[7] Там же. I, 212, 218.

Не удовлетворившись первым объяснением, Св. Синод предложил ему не уезжать из Петрограда, пока Синод во второй раз не допросит его. Но Варнава в один из ближайших дней демонстративно уехал в Тобольск, предварительно доложив императрице, что он более в Синод не пойдет, «потому что не желает слышать, как глумятся над распоряжениями государя».[1] Синод решал дело без вторичного допроса. Решение его было таково: совершенное еп. Варнавою прославление архиеп. Иоанна Тобольского считать недействительным, о чем уведомить паству, самого же еп. Варнаву удалить от управления епархией.

Но еп. Варнава мог не беспокоиться — за его спиной стояло достаточно могущественных защитников: всесильные тогда — Распутин и Вырубова, любимый государем и государыней Председатель Совета Министров И. Л. Горемыкин, друг Распутина — экзарх Грузии, архиеп. Питирим, А. Н. Хвостов, который скоро станет Министром внутренних дел, а теперь пользуется большими симпатиями императрицы.[2]

Еп. Варнава не ошибался в расчете. Императрица умела защищать и награждать своих друзей и друзей своего «друга». Недавно опального архиеп. Питирима она скоро, чрез два месяца, доведет до Петроградской митрополичьей кафедры; полуграмотный неуч, теперешний подсудимый, еп. Варнава 5 октября 1916 г. станет архиепископом; нового распутинского друга, только что, в сентябре 1916 г., хиротонисанного, высокого и

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. I, 222. Берлин, 1922.
[2] Там же. I, 159–160, 168, 182–184, 193–204, 211–212, 219, 223, 226. Что значит Синод со своим, уже ненавидимым царицей обер-прокурором по сравнению с такой могущественной коалицией?

красивого, духовно незначительного Мелхиседека, о котором «друг» сказал, «что в будущем он будет чудесным митрополитом»[1], она вперед объявит митрополитом[2].

Теперь же в синодской расправе с еп. Варнавой императрица усматривала не только обиду, наносимую ее protege, но и поход против нее и императора, своего рода организованный заговор. Во главе этого заговора — считала императрица — стоит Самарин, который «открыто идет против государя»[3] и сделает все, что в его власти, чтобы повредить Гр. (Григорию) и ей, императрице.[4] «Ты глава и покровитель Церкви, а он старается подорвать тебя в глазах Церкви», — пишет она своему мужу.[5] «Но хороши (и) епископы, которые там (в Синоде) сидели и глумились над (царскими) приказаниями».[5] Они заявляли, что «не будут обращать внимания на то, что царь приказал».[6] В особенности возбудили гнев императрицы архиепископы: Агафангел Ярославский, Сергий Финляндский и Никон б. Вологодский, в течение трех часов нападавшие на Варнаву «по поводу друга».[7] Поведение Синода представлялось разгневанной царице «забастовкой», «слишком непатриотичной и нелояльной».[8] Письма царицы дышат гневом и мщением. Она зовет мужа в столицу, чтобы его приезд стал «карательной экспедицией»[9], дабы «избавиться от дальнейшей га-

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. II. 190. Берлин, 1922.
[2] Там же. II, 207
[3] Там же. I, 214.
[4] Там же. I, 210.
[5] Там же. I, 222.
[6] Там же. I, 214.
[7] Там же. I, 209, 215.
[8] Там же. I, 210.
[9] Там же. I, 226.

дости и грязи», какая развелась в Синоде[1], «пустить в ход свою метлу и вычистить всю грязь, которая скопилась в Синоде»[1], «выдержать бой, чтобы показать им, кто ты и что они тебе надоели[2].., показать им кулак»[3].

В первую очередь императрица требовала смены Самарина: «каждый день, что он остается, он опасен и делает зло»[4]; а затем — увольнения на покой архиепископов Агафангела и Сергия и удаления из членов Синода и Государственного Совета архиепископа Никона.[4] А в одном из писем она кроме того советует «по-настоящему хорошенько переговорить с протопресвитером Шавельским обо всем, что имело место по поводу нашего друга»: у него «уши полны гадостей».[5] Намек на неодобрительные отзывы протопресвитера о Распутине.

Синодальное определение могло быть приведено в исполнение лишь после высочайшего утверждения.

Благородный и твердый Самарин знал, что решение Синода вызовет неудовольствие государя, но решил не уступать. Прибыв в ставку для высочайшего доклада, он решительно заявил протопресвитеру: «если государь не утвердит доклада, я уйду в отставку». Государь, по-видимому, спокойнее императрицы посмотрел на дело, не разделив ее страхов и не собираясь карать без пощады. Но синодального решения не утвердил. Самарин отказался от должности обер-прокурора. Московское депутатское Собрание постановило: выразить Самарину скорбь по поводу оставления им обер-прокурорского

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Т. I, 222, 223. Берлин, 1922.
[2] Там же. I, 212.
[3] Там же. I, 224.
[4] Там же. I, 215.
[5] Там же. I, 224.

поста. Это была первая ласточка революции: московское дворянство, бывшее оплотом царского трона, выражало скорбь по поводу действий государя...

В положенной на докладе Синода резолюции государь поручал новой, зимней сессии Св. Синода пересмотреть принятое решение, причем выражал желание, чтобы была проявлена снисходительность к еп. Варнаве, действовавшему по ревности, а не по злому умыслу. Возможно, что государь чувствовал себя виновным в этом деле, ибо он разрешил еп. Варнаве петь величание, и потому не захотел обострять положение.

Обер-прокурором на место Самарина был назначен гофмейстер Александр Николаевич Волжин, занимавший должность директора Департамента Общих Дел Министерства Внутренних Дел. В состав нового Синода, кроме митрополитов и епископов, по предложению нового обер-прокурора, были включены и оба протопресвитера — придворный и военный. Архиепископы Агафангел и Никон не были включены в новую сессию, но первый остался на своей кафедре, а второй в Гос. Совете. Архиепископ же Сергий удержался и в епархии, и в Синоде. Пострадавшим оказался первенствующий член Синода митрополит Петроградский Владимир. Несомненно, в связи с варнавинским делом он вскоре был перемещен в Киев, что для него явилось кровной обидой. Экзарх Грузии архиеп. Питирим занял Петроградскую кафедру. Последнее было особенно знаменательно ввиду отношения к архиепископу Питириму великого князя Николая Николаевича, в августе месяце 1915 г. ставшего наместником на Кавказе. Уезжая из ставки, великий князь Николай Николаевич, сам страдавший от интриг Распутина и знавший арх. Питирима за распутинца, сказал протопресвитеру военного и морского духовенства: «Я еду на Кавказ. Вы знаете мое отношение к

Церкви и к работе духовенства. Мне нужен там такой архиерей, которого я чтил бы и которому я верил бы. Первое, что я требую от государя, это — убрать Питирима». Великий князь не мог предполагать, что таким образом будет убран Питирим.[1]

Одно из первых заседаний новой синодальной сессии было посвящено тобольско-варнавинскому делу. Назначено было заседание вечером в кабинете обер-прокурора, а не в синодальном зале. Это было в конце ноября.

Председательствовал митр. Владимир. Кроме членов Синода, присутствовали: обер-прокурор Св. Синода А. Н. Волжин, директор его канцелярии В. И. Яцкевич, управляющий канцелярией Синода П. В. Гурьев, его помощник С. Г. Рункевич и секретарь Синода Н. В. Нумеров. Всегда неровный и нервный митр. Владимир теперь особенно нервничал: он принципиально был против пересмотра дела, и кроме того, он болезненно переживал нанесенную ему обиду перемещения.

«Это у нас будет частное совещание?» — обратился он к обер-прокурору, оглядывая и его кабинет, и его костюм: и обер-прокурор, и все чиновники были в обыкновенных сюртуках, а не в мундирах. «Нет, зачем же совещание? Будет настоящее заседание Синода», — ответил Волжин. «Тогда почему же не там?» — спросил недовольным тоном, указывая на синодальный зал, митр. Владимир.

[1] В духовных кругах назначение архиеп. Питирима митрополитом Петроградским было встречено или с недоумением, или с возмущением. Даже среди распутинских приятелей не все были довольны. В конце ноября 1915 г. ктитор Федоровского государева собора (в Ц. Селе) полк. Д. Н. Ломан, близкий к Распутину, высказал протопресвитеру военного и морского духовенства, почетному настоятелю этого собора свое возмущение по поводу назначения Питирима митрополитом: «Почему Питирима, а не Серафима (Чичагова, Тверского архиепископа) назначили Петроградским митрополитом? Я уже говорил Григорию (Распутину): «Что же ты не постарался для Серафима?» Утешает: «Пусть обождет; вот помрет Московский (Макарий) — тогда Серафиму дадим».

Зная, что предстоит суд над архиереем, протопресвитеры обратились к митр. Владимиру с вопросом: удобно ли им принимать участие в этом заседании? «Почему же нет? — ответил он. Вы — члены Синода, и, кроме того, ваше мнение для нас очень ценно».

Уселись за стол. Митрополит Владимир занял центральное место, обер-прокурор — против него. Секретарь ясно и толково изложил сущность дела. Была прочитана царская резолюция. Началось обсуждение вопроса. Митрополит Владимир нервно и резко обвинял еп. Варнаву, доказывая справедливость прежнего синодального решения. И по существу он был совершенно прав: проступок еп. Варнавы был невежественен, груб и недостоин носителя архиерейского сана. С большой горячностью говорил против еп. Варнавы и Тверской архиеп. Серафим. Возможно, что он еще находился под впечатлением обиды на друга Варнавы — Распутина, не протянувшего его на митрополичью кафедру. Кроме того, он — дворянин, бывший гвардейский полковник, с презрением относился к мужику-неучу Варнаве.[1] Чем бы он ни руководствовался, но его обвинительная речь была и смела, и серьезна. Придворный протопресвитер прямолинейно, как всегда, и резко обвинял Варнаву. Военный протопресвитер находил, что в переживаемое время нежелательно и даже опасно обострять конфликт с государем и что поэтому необходимо, особенно ввиду просьбы государя, найти компромиссное решение. Что же касается синодального послания к пастве о незакон-

[1] У наших архиереев из дворян иногда дворянское достоинство превалировало над архиерейским. Этот же самый архиеп. Серафим в 1917 г. на Московском соборе усовещивал прославившегося своими безобразиями архиеп. Владимира (Путяту), также дворянина и бывшего гвардейского офицера: «Владимир, как тебе не стыдно! Ведь ты срамишь наше дворянское сословие».

ности прославления еп. Варнавою архиеп. Иоанна, то он считал его недопустимым, могущим вызвать большой соблазн в народе. Митрополиты Питирим и Макарий в течение всего заседания не проронили ни одного слова. Прочие члены Синода, как и обер-прокурор, говорили в примирительном духе. Началось голосование. Митрополит Питирим воздержался от подачи голоса. Вспоминали, что раньше в Синоде такого рода «воздержание» не практиковалось. Решение Синода было таково: прославление считать недействительным; для нового освидетельствования мощей и проверки сведений о чудесах командировать в Тобольск Литовского архиепископа Тихона; еп. Варнаве сделать внушение. Никто из членов не заявил протеста против такого решения. Обер-прокурор приказал спешно готовить протокол настоящего заседания для скорейшей подписи.

Следующее заседание состоялось чуть ли не на другой день. Когда члены Синода заняли свои места, был подан для подписи протокол предшествовавшего заседания по Тобольскому делу. Но митр. Питирим заявил, что он с решением синода не согласен, подписать протокола не может и просит выслушать его мнение. Митрополит Владимир совершенно резонно, но очень резко начал доказывать, что дело решено, что митр. Питирим вчера на заседании имел возможность высказать свое мнение, а не молчать и при несогласии с решением должен был вчера же заявить о своем желании подать особое мнение и пр. Учитывая, что отказ митр. Питириму сейчас высказаться будет истолкован в Царском Селе как пристрастное и враждебное отношение к еп. Варнаве и к митр. Питириму, некоторые члены Синода решительно высказались за то, чтобы митр. Питириму было позволено изложить свое мнение. Митрополит Владимир в конце концов уступил. Митрополиту Питириму было предоставлено слово.

Речь митр. Питирима была слаба не только для митрополита, но и вообще для здравомыслящего человека. Митрополит пытался защитить еп. Варнаву окольным, не относящимся к делу путем. «Еп. Варнаве, — говорил он, — объявляется внушение, прощение. Есть ли за что наказывать еп. Варнаву? Блудник он? Нет. Корыстолюбив? Тоже нет. Не учителен? Он проповедует как умеет.[1] Если его проповеди простые, не ученые — он не виноват: когда его ставили в епископы — знали, что он необразован». И так далее в этом духе. Защитник упорно обходил факт, лежавший в основе обвинения еп. Варнавы и решения Синода, что еп. Варнава превысил данную ему власть, нарушил церковный закон, злоупотребил царским доверием. Несомненно, митр. Питирим не настолько был наивен, чтобы после длинного заседания, посвященного Тобольскому делу, он не понял, в чем именно обвиняют Варнаву, и чтобы теперь он не чувствовал фальши своих доводов, своей защиты. Но ему нужно было, чтобы в Царском Селе узнали, что и новая сессия Синода сурово отнеслась к еп. Варнаве, а он один защищал его. Это поднимало его престиж в глазах Царского Села.

Митрополиту Питириму возражали: митр. Владимир, архиеп. Серафим и оба протопресвитера. Придворный протопресвитер резко обвинял митр. Питирима в недобросовестности и фальши; военный — представил всю несерьезность и нелогичность митрополичьей защитительной речи.

---

[1] Еп. Варнава проповедовал часто и длинно, смело и дерзостно, но лучше бы он не проповедовал. Бывший товарищем прокурора Тобольского Окружного суда Г. И. Пичета рассказывал, что длинные, сумбурные и невежественные проповеди еп. Варнавы, в которых он толковал обо всем, были своего рода редкостью. Интеллигентные обитатели Тобольска приходили в кафедральный собор из любопытства, чтобы поглазеть на горе-проповедника в архиерейском сане.

Начали голосовать. Митрополит Макарий, и на этом заседании не проронивший ни одного слова, заявил, что он не расслышал всего, что говорилось на заседании, и поэтому не может высказать своего мнения. Остальные члены согласились лишь смягчить некоторые выражения в заготовленном протоколе, оставив прежний смысл. Митрополит Питирим согласился с этим.

Обыкновенно протоколы заседаний подписывались на следующем заседании. Но, чтобы митр. Питирим не составил еще какого-либо мнения, обер-прокурор приказал приготовить протокол к концу заседания. Скоро новый протокол был подан для подписи. Подписывали по старшинству. Подписали митрополиты Владимир и Макарий. Пододвинули протокол к митр. Питириму. «Я потом подпишу», — сказал он, отодвигая от себя бумагу. Члены Синода переглянулись. «Мы должны после Вас подписывать, — обратился к нему один из членов. Может быть, будете добры не задерживать нас». «Нет, я не могу сейчас... перья здесь плохие», — ответил митр. Питирим. Архиеп. Тихон вставил в ручку новое перо и предложил ее Питириму: «Вот это новое, хорошее перо». «Нет, нет! Я такими перьями не пишу», — запротестовал опять Питирим...

Подписались без митр. Питирима и начали разъезжаться. Исполнявший тогда обязанности товарища обер-прокурора В. И. Яцкевич, прощаясь, сказал одному из членов: «Сегодня беспримерный день в Синоде: один из митрополитов на время слушания дела оглох, а другого высекли протопресвитеры».

На следующем заседании члены Синода узнали, что протокол по Тобольскому делу митр. Питиримом подписан.

В такой атмосфере проходила работа Синода в 1915–17 гг. Эта атмосфера была тем тягостней для луч-

шей части синодального состава, что за нею неминуемо должна была последовать гроза. Митрополит Питирим складывал в сердце наносимые ему в Синоде обиды — а без них не проходило ни одно заседание — и собирался «ломать шеи» своим противникам, чем хвастался пред своими близкими. Силы же для ломанья шей у него все прибывало: Царское Село с каждым днем все более склонялось на его сторону.

Каким образом зауряднейший из митрополитов, во многих отношениях недостойный, Питирим достиг такого успеха в Царском Селе? Легким и простым путем.

Теперь уже не являются тайной отношения царя и царицы к Распутину.

Чистые царь и царица привязались к Распутину как целителю их единственного больного сына, увидели в нем носителя чрезвычайно благодатной силы и, не обращая внимания на все его проделки, — «кто без греха», — признали его за великого праведника. Слепо веруя и в чудодейственную силу, и в святость Распутина, они весьма огорчались тем, что лучшие наши епископы и наиболее видные представители белого духовенства не разделяли их взгляда и сторонились от их «друга». Хоть с высоты царского величия царь с царицей и старались игнорировать преобладающее и в епископате, и в клире отношение к Распутину, но они много дали бы, чтобы такого отношения не было. Поэтому-то всякий, даже самый ничтожный епископ или клирик, становившийся близко к «старцу» (Распутину), становился желанным и близким и для царской семьи. Так было с иеромонахом Илиодором, Варнавой, совершенно опустившимся еп. Исидором (Колоколовым), митр. Макарием и др. Питирим понял это, с постыдной откровенностью стал на сторону Распутина и с достойной лучшего проявления решительностью взялся за реабилитацию якобы не понятого другими

«старца». Хитрый тобольский мужик учел, что поддержка Петроградского митрополита для него далеко не лишняя, и, чтобы она стала надежней, начал настойчивей напевать царице о высоких качествах митр. Питирима. Царица же крепче ухватилась за Питирима, надеясь, что он своим святительским авторитетом парализует все подозрения, обвинения, недоброжелательства, сплетшиеся около имени ее тобольского друга.

Поддержка митр. Питирима действительно чрезвычайно укрепила Распутина, но не в глазах общества, — о чем мечтала царица, — а в глазах той же несчастной царской семьи. «Пока не было Питирима, еще можно было бороться с Гришкой — теперь же он непобедим», — как-то обмолвился военному протопресвитеру в 1916 г. бывший очень осведомленным в придворных делах, близкий к фрейлине А. А. Вырубовой[1] полковник Д. Н. Ломан. Петроградский митрополит пред царской семьей санкционировал святость «старца»! Его поддержал «праведник» митрополит Московский. Какой авторитет мог теперь разубедить царя и царицу?

К чести или бесчестию митр. Питирима, но надо сказать, что он до конца дней Распутина оставался верным его другом. Он защищал его пред другими, бывал у него на обедах и ужинах, принимал его у себя. Прибытие Распутина в митрополичий дом останавливало официальный прием: бросив всех, митрополит принимал Григория Ефимовича. Митрополит не стеснялся и более публично оказывал Распутину особенное внимание. Однажды в Федоровском государевом соборе, в конце литургии, митр. Питирим, поднося царской семье крест для целования и заметив, что в толпе стоит Распутин, бросился к нему, чтобы ему первому после царской семьи приложиться ко кресту, причем на глазах толпы богомольцев расцеловался с ним. Митрополит стремительно бежал к телефону, когда ему докладывали, что Григорий Ефимович желает говорить с ним. А Григорий Ефимович, не считаясь с этикетом, вызывал митрополита: «Позовите Питиримку!» Когда Распутин делал митрополиту честь — соглашался откушать у него хлеба-соли, митрополит сажал его у себя за столом на первое место и всячески оказывал ему знаки особого внимания.

[1] Пользовавшейся исключительной близостью к императрице Александре Федоровне.

Естественно, возникает вопрос: насколько долговечна была дружба митр. Питирима с Григорием и влияние первого при дворе, если бы не произошла революция?

Мы лично думаем, что величие митр. Питирима не могло быть прочным. Он должен был там надоесть своею бесцветностью, навязчивостью и фальшью. Не могли там не заметить его нравственного убожества, как и его недостойной игры. Кроме того, если бы процесс расшифрования его затянулся, он мог разойтись с Распутиным не потому, чтобы он потом разочаровался в «старце», — он им никогда не был очарован, — а потому, что захотел бы стать сильнее «старца».

Огромное тщеславие и славолюбие были одними из главных качеств митр. Питирима. Будущее показало бы, насколько мы правы, если бы провидение скоро не свело со сцены и Распутина, и митр. Питирима.

Время пребывания митр. Питирима на Петроградской кафедре составит совершенно особый период синодальной истории. Раньше Синоду приходилось бороться с обер-прокурорами. Русские цари к этому привыкли и, когда борьба началась, не видели в ней ничего исключительного. Теперь же Синоду приходилось бороться с Петроградским митрополитом. Для царской власти это было совсем ново. И симпатии ее склонились

на сторону митр. Питирима, ибо в царской семье, по внушению Распутина и его присных, он был причислен к тем немногим, которые служили тогда опорою трона. Кроме того, борьба между Синодом и митр. Питиримом была представлена царю и царице как борьба двух направлений: обветшавшего и затхлого, какого якобы держался Синод, и нового — светлого и многообещающего, стремящегося обновить и оживить церковную жизнь, которое якобы возглавлял митр. Питирим.

Борьба с митр. Питиримом была нравственно тяжелой и тактически исключительно трудной, ибо царица оказывала митр. Питириму неограниченное доверие, что делало его непобедимым, и, кроме того, Синод не мог бороться теми способами и средствами, к каким прибегал митр. Питирим: для последнего недозволенных средств как будто не существовало.

Революция положила конец этой злосчастной борьбе.

Обер-прокуроры Святейшего Синода (1911–1917 гг.)

Менее чем за шесть лет, с 1911–1917 гг., в Святейшем Синоде сменилось пять обер-прокуроров. В 1911 г. С. М. Лукьянов был заменен В. К. Саблером, который в июле 1915 г. должен был уступить обер-прокурорское кресло А. Д. Самарину, через два месяца, в сентябре 1915 г. замененному А. Н. Волжиным. В сентябре следующего года на месте А. Н. Волжина оказался директор Петроградских Высших женских курсов Н. П. Раев. Его застала революция.

С каждым из этих обер-прокуроров нам приходилось иметь деловые встречи и близко наблюдать их деятельность. Фигуры разные по своим характерам, взглядам и отношению к церковной жизни и работе. Общее у них было то, что все они, кроме В. К. Саблера, вступая в обер-прокурорскую деятельность, являлись новыми людьми для Ведомства Православного Исповедания, не знавшими ни иерархического состава, ни синодского канцелярского персонала, ни механизма церковного управления, ни положения Церкви, ни ее насущных нужд. Некоторые же из них не успевали толком осмотреться, как вынуждены были оставлять начатую работу.

Сергей Михайлович Лукьянов, профессор-бактериолог, занял обер-прокурорский пост после П. П. Извольского (1906–1909 гг.), умершего в беженстве протоиереем (Брюссельской церкви).

В назначении С. М. Лукьянова было нечто символическое. Точно для Церкви в данный момент требовался ученый специалист, который отыскал бы тех зловредных микробов, которые разъедали русский церковный организм и мешали Церкви осуществлять свою великую творческую работу.

Искренно и глубоко религиозный, честный и чистый, он вступил в свою должность с горячим желанием послужить Церкви, в великую миссию которой он твердо верил. На своем посту он поражал всех соприкасавшихся с ним беспримерным трудолюбием, честным и благородным подходом ко всякому делу. Хотя раньше он никогда не состоял на службе, имевшей отношение к Церкви, — в решении некоторых вопросов он был более дальновиден, чем многие присяжные служители Церкви. Нельзя, например, забыть его решительно отрицательного отношения к начавшим тогда размножаться разным пастырским курсам, развивавшим, по его выражению, «фельдшеризм» в пастырстве. Не зная устали в работе и отдаваясь ей сверх меры, он был тяжеловат для синодальных чиновников, от которых требовал такого же, до самозабвения, служения делу.

С уходом его Русская Церковь потеряла исключительно доброжелательного, честного, благородного и вдумчивого обер-прокурора, который при продолжительном служении мог бы принести ей большую пользу.

Сменивший С. М. Лукьянова В. К. Саблер был фигурой совсем иного рода. Он явился в Синод своим человеком: почти вся его предыдущая служба прошла в Синоде — в должностях управляющего канцелярией Синода и многолетнего товарища обер-прокурора, при К. П. Победоносцеве. В противоположность серьезному, сосредоточенному, даже педантичному С. М. Лукьянову, В. К. Саблер был создан для чего угодно, только не для усидчивой, серьезной работы. Это был человек показной формы, но не дела; больше — чувства, чем рассудка.

Образованный, начитанный, наделенный от природы хорошими способностями и умом, склонный к юмору — он был удивительным собеседником, умевшим развеселить, убаюкать, успокоить, насмешить кого угодно. Ему бы быть врачом по нервным болезням — одной своей беседой он творил бы чудеса. Доступность его и приветливость не имели границ. Он принимал целый день, даже за полночь — до 1–2 часов ночи. Его приемная всегда была полна посетителей разных чинов и положений: архиереев, архимандритов, игуменов и протоиереев, которых он приветствовал троекратным лобызанием — правда, в воздухе, не касаясь лица отцов. Воздушные поцелуи все время раздавались в его приемной. В разговоре только и слышалось: «Владыко святый», «честный отче», «мать честная». Говоря о самых серьезных и святых вещах, он пересыпал свою речь игривыми словечками, вроде таких: «Да, да, это — хороший отец! Но... знаете, по виду апостол, а по житию кобель»; или: «Да, да, благообразный отец, вид у него ипостасный... Но... спереди блажен муж, а сзади вскую шатащася».

«Церковных» людей он пленял своей церковностью. Он мог выстаивать шестичасовые монастырские службы, отбивать сотни поклонов, часами сидеть за монастырскими трапезами, засыпать собеседников цитатами Св. Писания, творений св. отцов, примерами из житий святых. Наружно это был церковнейший с головы до ног человек.

Подвижность В. К. Саблера также была удивительной. Он все время летал по службам, собраниям, торжествам, по всей России — по епархиям и монастырям. Злые языки упорно твердили, что его поездки дорого обходились провинциальным владыкам, настоятелям и

настоятельницам монастырей, с которых он получал дань «на добрые дела». Сколько тут было правды — судить не берусь.

В. К. Саблер все время был в суете, всегда был занят и все время дышал церковностью. Казалось бы: какого еще желать обер-прокурора? И императрица, и царский духовник прот. А. П. Васильев так и считали, что лучшего обер-прокурора, чем В. К. Саблер, не может быть. А некоторые епископы, как мы уже видели, чтобы сохранить Владимира Карловича на обер-прокурорском посту, готовы были и черного борова поставить в архиереи.

Личность В. К. Саблера как церковного деятеля тем более требует оценки, что его влияние на церковные дела началось не с 1911 г., когда он занял обер-прокурорское место, а гораздо раньше, когда он состоял товарищем всесильного обер-прокурора К. П. Победоносцева и пользовался полным его доверием. Тогда уже направление множества церковных дел, более того — церковной жизни, — в одних случаях всецело, в других — в большой степени зависело от В. К. Саблера.

Каково же было хозяйничанье Владимира Карловича в Церкви?

Когда историк будет изучать по синодальному архиву, если только последний уцелел, жизнь Русской Церкви в 1911–1915 гг., то он будет поражен беспримерным количеством наградных дел. Награды сыпались, как из рога изобилия. Архиереи, архимандриты, игумены, протоиереи, священники засыпались наградами, о которых и мечтать не могли их деды и прадеды. Викарии награждались такими орденами, каких раньше редко удостаивались архиепископы.[1] Не достигшие сорокапятилетнего

[1] Например, викарий Московской епархии еп. Трифон — орден Владимира 2 степени (1912 г.).

возраста, заурядные архиереи возводились в архиепископы, награждались крестами на клобуки — наградой, которой удостаивались раньше лишь престарелые, самые выдающиеся архиепископы. Митра для белого духовенства стала почти обычной наградой, когда в самом конце XIX века, в 1898–1899 гг., во всей России не имелось и пятнадцати митрофорных протоиереев. И т. д.

Интересен самый процесс награждений. При В. К. Саблере[1] чрезвычайно разрослась категория спешных дел — «в первую очередь». История поразится, когда увидит, что в эту пору самыми спешными делами были наградные: «о награждении такого-то архимандрита орденом Анны 2-й степени, «такой-то монахини наперсным крестом» и т. п. Чиновники Св. Синода рассказали бы множество случаев: какая часто спешка, суматоха поднималась, как оставляли все другие дела, чтобы немедленно двинуть дело о награждении какого-либо приятного сердцу В. К. Саблера иеромонаха наперсным крестом, архимандрита орденом и т. п. Историк должен будет отметить тот факт, что в саблеровскую эпоху Св. Синод беспримерно много занимался наградными делами.

Множество наградных дел и спешность, с какой они проводились, должны были бы свидетельствовать о какой-то особенной, шедшей тогда в Церкви, работе, о беспримерном обилии выдающихся архипастырей и пастырей, об особом расцвете церковной жизни и в особенности двух ее сторон — архиерейской и монашеской, ибо главным образом награды падали на долю отрекшихся от мира иноков. На самом же деле они свидетельствовали только о суетности и суетливости синодального обер-прокурора.

[1] В канцеляриях Синода и обер-прокурора.

В мозгу В. К. Саблера слабо проявляла себя грань между главным и второстепенным, важным и ничтожным в церковной жизни. Во время Романовских торжеств в Костроме и Москве летом 1913 г. состоявший при обер-прокуроре чиновником особых поручений кн. Шаховской доходил до отчаяния, не имея возможности урвать у Владимира Карловича несколько минут для доклада самых спешных и важных дел: Владимир Карлович все время был занят беседами с честным отцом Зосимой, с честной матерью Еввулой и т. д. В болтовне проходили часы, для дела не оказывалось минут. Владимир Карлович как будто не любил серьезных, принципиальных дел и серьезному не хотел придавать значения. Серьезнейшую беседу (в конце 1914 г.), в которой ему доказывали несвоевременность и опасность начатого под его влиянием и продолжающегося под его мощным покровительством на театре военных действий воссоединения галицийских униатов он вдруг прервал словами: «Эх, два-три домика около Св. Юра[1] нам бы получить! Попросите великого князя». И на этом кончил беседу. Он отлично знал, что еп. Владимир Путята — патологический тип, соблазн для верующих, горе для епархий, ему вверявшихся, способный на преступления. Но еп. Владимир — красавец, наряден, играет на церковной кафедре, как артист на сцене, кроме того, он — бывший офицер лейб-гвардии Преображенского полка, и Владимир Карлович на седьмом году архиерейства Путяты возводит его в архиепископы и назначает на виднейшую и ответственнейшую Донскую кафедру.

Вообще во всех действиях В. К. Саблера проглядывали легкость, поверхностность, непродуманность. Для него была важна не сущность, а внешность, форма. Пусть

[1]Униатский собор во Львове.

будет сущность языческая, лишь бы была внешность христианская. Пусть будет самая пустая книга, лишь бы в красивом переплете; пусть совсем загниет жизнь в монастыре, лишь бы там благолепно и по уставу служили; пусть «святой отец» будет с пустой головой и развращенным сердцем, лишь бы вид у него был ипостасный[1]; будь что будет с галицийскими униатами, лишь бы присоединить их, а главное — получить два-три домика около Св. Юра, и т. д. Во многих своих действиях это был шалун на обер-прокурорском посту.

Неудивительно, что даже благие по намерениям начинания Владимира Карловича иногда приводили к обратному. Его сверхпокровительствование учено-монашескому чину, имевшее целью составить сильный кадр церковных работников, не связанных житейскими попечениями, привело к тому, что иерархия засорилась разного рода честолюбцами и искателями приключений. Его стремления, чтобы в духовных семинариях и даже училищах совершались многочасовые уставные богослужения, более способствовали развитию в питомцах кощунств и безбожия, чем укреплению церковного духа. Его попытки прославить Русскую Церковь присоединением в 1914–1916 гг. к православию галицийских униатов закончились конфузом для Церкви и гибелью тысяч воссоединенных. Даже его несомненная доброта и отзывчивость часто служили во вред, а не на пользу, когда Владимир Карлович из сострадания покрывал неисправимых преступников, вновь выдвигал явных бездельников и покровительствовал всякого рода авантюристам и бездарностям.

Настроение и направление обер-прокурора отражалось на всей церковной жизни. Серьезной, продуманной,

[1]Важный на вид, сановитый в церковном смысле: с длинной бородой и длинными волосами, со степенной походкой и т. д.

сосредоточенной и строгосистемной работы не было. А она настойчиво требовалась все осложнявшейся общественной и государственной жизнью. Вместо нее поощрялись эффекты, довольствовались аффектами. Такое направление было выгодно врагам Церкви, но не самой Церкви. Прав был поэтому член Государственной Думы В. Пуришкевич, когда он в марте 1914 г. при обсуждении в Гос. Думе церковного бюджета с думской кафедры воскликнул, обратившись к крайним левым: «Вот кому вы должны поставить памятник! В. К. Саблеру!» — При этом он указал рукой на сидевшего среди министров Саблера. — «Он один сделал для вас больше, чем все вы».[1]

[1]По этому поводу 13 марта 1912 г. все присутствовавшие в Св. Синоде иерархи пред открытием заседания выразили В. К. Саблеру признательность за стойкую защиту достоинства и законных прав Русской Православной Церкви в Государственной Думе. Архиеп. Сергий Финляндский от имени Св. Синода прочитал следующую грамоту:
«Достоуважаемый Владимир Карлович!
Святейший Синод, с глубокой скорбию следивший за всем тем, что вам пришлось пережить за эти несколько дней при обсуждении синодального бюджета в Гос. Думе, считает своим долгом принести вам выражение своей искренней признательности за вашу стойкую защиту достоинства и законных прав Православной Русской Церкви пред лицом ее сознательных и бессознательных врагов, ее открытых недоброжелателей и лицемерных друзей. Вы имели мужество всем им сказать и показать, что святыня Церкви неприкосновенна для непосвященных рук, что Богом данная ей власть и ее права не могут быть отданы никому, ни присвоены кем-либо.
За эту защиту вас подвергли словесному бичеванию, пытались очернить ваше безупречное имя, всячески злословили ваше самоотверженное служение Церкви, царю и Отечеству. Дошли до того, что начали обвинять вас, будто вы деспотически относитесь к синодальным иерархам, стесняя свободу их суждений, тогда как вы-то именно больше всех, прежде бывших обер-прокуроров, стремились к церковной автономии и искренно желали предоставить широкий простор самодеятельности иерархов в церковном управлении. Верим, что эти незаслуженные наветы не причинили вам неисцельных мучений: ваша совесть — ваш судья и в данном случае ваш лучший утешитель. Сознание исполненного долга, в особенности же вера в Того, Кто и Сам терпел поношения и раны за Свою Церковь и Кто сказал Своим ученикам: «Блажени есте, егда поносят вас... и вы лжуще Мене ради», — несомненно, это было для вас надежной броней, за которую не могли проникнуть направленные против вас «стрелы младенец».
Открытое выражение нашего вам сочувствия, может быть, излишне для вас, вы и без того знаете о нем и о нашей готовности разделить с вами огорчение и нравственные раны и все вообще тяготы современного служения Церкви.
Но пусть знают и враги Церкви, что их «вознесенная гордыня» не устрашила церковной власти и не побудила ее искать убежища в каких-либо сделках с ними.
Пусть знают и лицемерные и близорукие радетели Церкви, что не от противников своих она ожидает помощи, и не от них надеется и желает получить свою внутреннюю независимость и каноническое устройство, а от Того, Кому Богом вручены земные судьбы русского народа — от помазанного Богом защитника Православной веры и Церкви — самодержавного царя.
Мужайтесь же, высокочтимый Владимир Карлович, подвизайтесь и впредь за Святую Церковь и Господь Бог Своею всесильной благодатью да укрепит вас и сохранит на нашу общую радость».
(Напечатана в Церковных Ведомостях, 1912 г., № 11, от 17 марта, стр. 470–471.)
Известный публицист В. В. Розанов подверг жестокой критике эту Синодальную грамоту, а благочестивейший профессор С-Пб. Университета Б. А. Тураев († 23 июля 1920 г.), — как сообщил мне проф. Н. Н. Глубоковский, — написал Финляндскому архиеп. Сергию письмо, что он не может сидеть с ним за одним столом и потому совершенно отказывается от посещения председательствуемой им Комиссии по исправлению богослужебных книг.
Такую оценку получила Синодальная грамота у двух выдающихся людей того времени.

Увольнение В. К. Саблера[1] произошло в июле, в ставке (в Барановичах), под влиянием великого князя Николая Николаевича, начальника походной канцелярии государя кн. В. Н. Орлова и Министра земледелия А. В. Кривошеина.

Великий князь никогда не симпатизировал Саблеру как церковному деятелю, теперь же он был решительным противником саблеровско-галицийской воссоединительной авантюры. Отношение вел. князя к Саблеру теперь стало резко пренебрежительным. Это видели все чиновники ставки при приезде в ноябре 1914 г. в ставку Саблера. Кн. Орлов признавал Саблера легкомысленным и для Церкви вредным. Кривошеин считал: «Уже то одно, что он Карлович, делает недопустимым его дальнейшее пребывание в должности обер-прокурора Св. Синода».[2]

Ожесточенная атака этой коалиции против В. К. Саблера началась с 11 июня 1915 г. На место Саблера коалицией выдвигался А. Д. Самарин. Государь знал, что отставка Саблера, а еще более назначение на его место Самарина вызовут гневный протест императрицы. Однако

[1]С обер-прокурорского поста.

[2]Собственные слова А. В. Кривошеина.

он не устоял против натиска и 14 июня дал свое согласие на увольнение Саблера и замену его Самариным. Теперь вопрос сводился к тому: согласится ли Самарин принять должность обер-прокурора?

Сообщая вечером 14 июня военному протопресвитеру эту новость, кн. В. Н. Орлов добавил: «Должны мы были выехать от вас (из ставки) завтра или послезавтра в Царское Село, но теперь задержимся недели на две». «Почему?» — спросил протопресвитер. «К Madame[1] нельзя скоро на глаза показаться. Вы думаете — она простит отставку Саблера», — ответил Орлов. Действительно, государь пробыл в ставке еще около двух недель[2] и в Петроград вернулся лишь 27 или 28 июня.

Слух о принятом государем 14 июня решении на другой день уже носился по Петрограду и дошел до императрицы.[3] А 16 июня царица, по-видимому, получила подтверждение этого слуха в письме императора. «Да, милочка, — отвечала она 16 июня на это письмо, — по поводу Самарина я гораздо более огорчена, я просто в отчаянии. Это именно один из скверной ханжеской клики Эллы[4], близкий друг Софьи Ивановны Тютчевой[5]... Он против нас, раз он против Гр (Григория)».[6] А. Д. Самарин был слишком ярой антираспутинской фигурой. Притом он всегда открыто выражал свои взгляды на распутинский вопрос. Императрица — как это видно из ее писем — после этого приложила все усилия, чтобы не допустить назначения Самарина: просила, умоляла своего супруга, грозила

[1] К императрице.

[2] Дня на три государь уезжал со свитой на охоту в Беловеж.

[3] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. Т. I, 131.

[4] Вел. княгиня Елисавета Федоровна, родная сестра императрицы.

[5] Бывшей воспитательницы царских детей, удаленной за протест против Распутина.

[6] Письма имп. Александры Федоровны к имп. Николаю II. Т. I, 132.

неминуемыми неприятностями и опасностями, а когда государь остался непреклонным, требовала запретить Самарину всякие интриги против «Друга».[1] Распутин также «был в отчаянии» от предстоящего назначения Самарина[2], и его настроение явно отражалось на настроении царицы.

Агония Саблера продолжалась более месяца. В ставке все время опасались: там знали, что на защиту Саблера непременно выступят императрица, благоволение которой к Саблеру и нерасположенность к Самарину были известны, и распутинская клика, считавшая Саблера своим союзником. Из Петрограда же сообщали[3], что туда дошли настойчивые слухи об увольнении Саблера и что последний начал было готовиться к сдаче должности, но в начале июля, вернувшись из Царского Села, объявил в Синоде, что все слухи об его отставке — вздор: государь принял его чрезвычайно милостиво, был исключительно любезен, об увольнении от должности и помину не было. Владимир Карлович повеселел и снова принялся за дела.

Государь прибыл в ставку после 19 июля, не изменив решения о Саблере. По его повелению спешно был вызван из Москвы Самарин, который и прибыл в ставку 18 июля и в этот же день получил назначение.

В беседе с великим князем Николаем Николаевичем у государя в этот день вырвались слова: «Я сам рад, что уволил Саблера». Чрез несколько дней Саблер получил трогательное собственноручное письмо государя, извещавшее его об увольнении от должности.

Репутация А. Д. Самарина была определенной. И в Москве, и в Петрограде знали его как честного, непод-

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. Т. I, 134.

[2] Там же. I, 133

[3] Близкий к синодским сферам чиновник А.Н. Гайдук.

купного, благородного, прямолинейного человека — старого боярина, рыцаря, не умевшего кривить душой и не страшившегося говорить царям правду. Его религиозность и преданность Церкви также были всем известны. Народная молва не раз называла его как желательного кандидата в Московские митрополиты. Понятно, почему и великий князь, и кн. Орлов остановились на нем при выборе кандидата на обер-прокурорское место. Они надеялись в лице Самарина найти верного союзника для борьбы с Распутиным. Но оба они не были уверены, что Самарин, при тогдашней обстановке, согласится принять назначение. Отказ его осложнил бы дело. Чтобы предупредить такую опасность, великий князь решил прибегнуть к мере, которая характеризовала и его убеждения, и настроение Самарина. Он поручил военному протопресвитеру повлиять на Самарина: «Завтра утром в ставку прибывает Самарин. Выезжайте на вокзал к его приезду. Властно, по-пастырски скажите ему, что он не имеет права отказываться от предложения. Если начнет упрямиться, пригрозите ему судом Божиим!» Таково было поручение вел. князя.

Протопресвитеру, однако, не пришлось встречать Самарина. Накануне его приезда кн. Орлов во время высочайшего обеда сообщил ему, что государь приказал флигель-адъютанту, полк., графу Д. С. Шереметеву встретить Самарина на вокзале и оттуда привезти его прямо в императорский поезд. Кн. Орлов при этом добавил, что ему — протопресвитеру — выезжать на вокзал не следует: тут есть сторонники оставления Саблера, которые зорко следят. А Шереметев — наш человек, и ему уже даны соответствующие указания.

В 10-м часу утра 18 июля Самарин прибыл в ставку и, встреченный гр. Шереметевым, прямо проследовал в царский поезд.

Государь предложил Самарину обер-прокурорскую должность. Ответ Самарина был его достоин. Он прямо заявил государю: «Между Вами, Ваше Величество и обер-прокурором в настоящее время существует средостение, которое делает невозможным для меня исполнение по совести предлагаемой должности». Под средостением Самарин разумел Распутина. И император это понял. Государь ответил: «А я все же настойчиво прошу вас принять должность». «Тогда я, — сказал Самарин, — не считаю себя в праве не исполнить Вашего желания — оно для меня — закон, но прошу для себя одной милости: когда несение должности станет непосильным для меня, разрешите мне просить Вас об освобождении от нее». «Это — ваше право», — ответил государь.[1] Назначение состоялось.

Когда происходил описанный разговор, приглашенные уже собрались к высочайшему завтраку в палатке против царского поезда. Ждали выхода государя. Вот показалась из свитского вагона грузная фигура кн. Орлова. Не более как через минуту вышел из царского вагона государь в сопровождении Самарина. Князь Орлов подошел к протопресвитеру со словами: «Поздравляю — Самарин назначен! Давайте поцелуемся». И расцеловались. Государь заметил, понял и улыбнулся.

После высочайшего завтрака Самарин провел около часу в беседе с протопресвитером о церковных делах. «Я, — начал он, — для церковного управления человек новый, не знаю ни дел, ни людей, с которыми придется работать. Предвижу огромные препятствия для своей работы. Поэтому я ехал в ставку с твердым намерением отказаться от предложения. Вышло по-иному. Теперь, знаете

---

[1] Разговор Самарина с государем записан со слов самого Самарина в день его назначения (18 июля 1915 г.).

ли, с чего я хотел бы начать свое обер-прокурорствование? С упразднения должности обер-прокурора». На это ему протопресвитер возразил: «Вот уж не время! Теперь такой сумбур всюду, такие всюду трения, а вы хотите в эту пору бросить наших архиереев одних. Плохую услугу вы окажете Церкви. Это надо будет сделать, но не сейчас».

Разговор Самарина с государем не мог улучшить отношения к нему царицы. При недоброжелательном же отношении последней трудно было обер-прокурору долго удержаться на своем посту. А враги не упускали случая, чтобы более и более восстанавливать царицу против нового обер-прокурора.

Мы уже знаем, что и раньше императрица видела в Самарине своего врага. Теперь же до нее дошел слух, что, приняв назначение, «Самарин сказал своей клике, что он его (назначение) берет только потому, что намеревается отделаться от Гр (Григория), и что он сделает все, что в его власти, чтобы добиться успеха».[1] Ее сторонники не переставали доносить ей, что Самарин говорит против нее[2], действует против «Друга».[3] Уже 25 августа императрица пишет своему супругу, что она подыскивает преемника Самарину[4], а вскоре после этого сообщает список и отдельные имена кандидатов на обер-прокурорское место[5], все время настаивая, что надо «выгнать Самарина, и чем скорее, тем лучше».[6]

Между тем государственная и церковная атмосфера сгущались. Скоро выплыл уже известный нам тобольский скандал, быстро разраставшийся при несомненном содействии Распутина и его присных.

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. Т. I, 122.
[2] Там же. I, 169, 172 и др.
[3] Там же. I, 241, 242, 246, 250.
[4] Там же. I, 169.
[5] Там же. I, 182, 206, 207.
[6] Там же. I, 180, 182, 205 и др.

Самарин в этом деле стал на строго каноническую точку зрения. Но императрица, не без воздействия на нее ее советников, в поведении Самарина и его отношении к еп. Варнаве увидела «гнусную и отвратительную» интригу, направленную прямо против еп. Варнавы, «чтобы его выгнать», а косвенно против нее и государя.[1] Ее требования об удалении Самарина стали после этого еще настойчивей.[2] Неудивительно поэтому, что когда Самарин, после неутверждения государем синодального решения по тобольскому делу, заявил о своем желании воспользоваться предоставленным ему 18 июля правом — оставить обер-прокурорскую должность, государь не отклонил его желания. И в конце сентября 1915 г., чрез два месяца после назначения, Самарин со спокойным сердцем и с сознанием исполненного долга расстался с обер-прокурорским креслом.

На место Самарина был назначен гофмейстер А. Н. Волжин. И в имени, и в популярности он, конечно, уступал Самарину. Последний принадлежал к славному московскому роду Самариных, пользовался огромным авторитетом у московского дворянства, избравшего его своим губернским предводителем. Но и Волжин с честным именем и безупречной репутацией вошел в церковное управление. Намерения его были самые благородные и чистые: он желал блага Церкви и горел желанием помочь ей в переживаемую трудную пору.

8 октября 1915 г. А. Н. Волжин представлялся императрице Александре Федоровне, которая после этого

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. Т. I, 171, 180, 209, 211, 214.
[2] Там же. I, 215 и др.

писала супругу: «Я принимала Волжина, с которым я беседовала три четверти часа; он на меня произвел отличное впечатление. Дай Бог, чтобы все его хорошие намерения удались и чтобы он имел силу осуществить их. Он в самом деле, кажется, надлежащий человек на надлежащем месте... Уходя, он попросил меня благословить его, что меня очень тронуло, — видно, что он полон лучших намерений и прекрасно понимает нужды нашей Церкви. Как страшно трудно было найти настоящего человека — и мне кажется ты его нашел. Мы затронули все наиболее жизненные вопросы о нашем духовенстве, беженцах, Синоде и т. д.»[1]

Чрез месяц императрица совершенно изменила свое мнение о Волжине. 10 ноября она уже отзывается о нем: «Он слаб и напуган... он трус и боится общественного мнения».[2] А 25 июня 1916 года она уже решительно заявляет: «Пока Волжин остается, дело никогда не пойдет как следует; он совсем не годится для этого места», и в заместители ему выдвигает директора Высших женских курсов Н. П. Раева.[3]

Но что же послужило причиной такой перемены?

Там, в Царском Селе рассчитывали, А. Н. Волжин окажется послушным орудием и возьмет курс, противоположный самаринскому. Расчеты не оправдались. Уступив там, где не страдала совесть, — в тобольском деле, в остальном благородный Волжин оказался непримиримым. Ему дали понять, что он должен сделать визит временщице — А. А. Вырубовой, — он этого визита не сделал. Ему намекали, что он должен познакомиться с Распутиным, —

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. Т. I, 273.
[2] Там же. Т. I, 303; II, 25, 52.
[3] Там же. II, 132.

от такого знакомства он решительно отказался. Императрица настойчиво требовала, чтобы он устроил в Синодальной канцелярии ее protégé — кн. Жевахова, — Волжин под благовидными предлогами уклонялся от этого.[1] А главное — он сразу стал в резко неприязненные отношения к новоназначенному вскоре после его вступления в должность митрополиту Петроградскому Питириму, настроение и направление которого Волжин верно понял еще до назначения последнего на митрополичью кафедру. А ставленник и друг Распутина — митрополит Питирим в это время в окружении императрицы считался столпом и утверждением истины.

Все время пребывания Волжина на обер-прокурорском посту прошло в борьбе с Петроградским митрополитом. Борьба эта была знаменательна в том отношении, что обер-прокурор защищал права Синода, честь и правду церковную и шел прямым путем, а митрополит преследовал свои эгоистические цели и пользовался преступными для митрополичьего сана средствами.

Первая встреча обер-прокурора А. Н. Волжина с новоназначенным митрополитом была сухо официальной. Дальнейшее обострение отношений между ними развивалось само собой, по мере того, как выявлял себя митрополит и узнавал митрополита обер-прокурор. Надо добавить, что скорейшему обострению между ними отношений до nec plus ultra весьма усердно помогал архиепископ Тверской Серафим (Чичагов). У последнего теплилась надежда: дискредитировать и свалить Питирима и самому занять его место. Борьбу он вел на два фронта: с одной стороны, он заигрывал с придворными кругами и Распути-

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. Т. I, 287, 288, 297.

ным, дружил с полковником Ломаном, имевшим влияние на Вырубову и Григория (Распутина), обедал и бражничал со «старцем» (Распутиным), с Питиримом наружно поддерживал добрые отношения, а с другой — все время натравлял доверчивого и прямолинейного А. Н. Волжина на митр. Питирима.[1] И личные, и служебные качества последнего давали богатый материал для дискредитирования его в глазах честного А. Н. Волжина. Скоро Волжин возненавидел митр. Питирима и дрожал при одной мысли о совместной службе с ним. «Батюшка! Я — человек честный; у меня доброе незапятнанное имя; я хочу сохранить его таким для своих детей. А тут, служа с этим (он разумел Питирима).., могу потерять имя. Поймите: имя могу потерять!.. Научите, что мне делать!» Военный протопресвитер и другие не раз выслушивали такие жалобы А. Н. Волжина.

Началась неравная борьба, так как боровшиеся пользовались разными средствами и приемами, причем было бы более естественно и для Церкви менее зазорно, если бы обер-прокурор и митрополит в выборе приемов и средств борьбы поменялись ролями. А. Н. Волжин шел прямым путем: с фактами в руках он разоблачал пред императором фальшь митрополита, называя его лжецом и обманщиком, митрополиту в глаза говорил правду. Митрополит в Синоде молчал, с обер-прокурором был

[1] Двуличие архиеп. Серафима зафиксировано в «Письмах императрицы». Пишущий эти строки был свидетелем резких нападок архиеп. Серафима на еп. Варнаву, прославившего Иоанна Тобольского, и на его защитника митр. Питирима при разборе в ноябре-декабре 1915 г. Тобольского дела в Св. Синоде. А в это самое время, 1-го декабря 1915 г. императрица писала: «Чичагов был у Ани (Вырубовой) и сказал ей, что он сегодня докладывает Максимовича (Иоанна Тобольского). Чичагов нашел бумагу в Синоде, о которой митрополит и все позабыли (скандал) и в которой Синод просил тебя разрешить его прославление (год назад или еще немного больше), и ты написал наверху — согласен, так что они кругом виноваты». (Письма императрицы. I, 326.) В приложенном ко II тому именном указателе Чичагов ошибочно расшифрован, как «служащий Канцелярии Св. Синода» (Письма... II, 494) Такого служащего в Канцелярии Св. Синода тогда не было, но был в числе членов Св. Синода архиеп. Серафим Чичагов. О нем тут и пишет императрица.

вежлив, даже почтителен, в Царском же Селе, в беседах с императрицей бесцеремонно чернил обер-прокурора, ложно истолковывал его слова и действия и восстанавливал против него Вырубову и Распутина, которые и без того считали Волжина своим недругом.

Насколько были обострены отношения между обер-прокурором и митрополитом, показывает следующий эпизод.

Митрополит Питирим в 1916 г. поместил в газете «Новое Время» фактически неверную и для Синода обидную статью. Факт выступления митрополита в печати против Синода был необычным. После высказанного Синодом по этому поводу возмущения обер-прокурор доложил о статье государю. Последний выразил неудовольствие, назвав поступок митрополита бестактным. А Волжин немедленно испросил разрешения объявить митрополиту царское неудовольствие. Государь согласился. Дело происходило в ставке Верховного Главнокомандующего.

Вернувшись в Петроград, Волжин на первое же заседание явился в Синод в парадной форме, с лентой через плечо, пригласил в свой кабинет военного протопресвитера и своего товарища, тайного советника Заионичковского, затем вызвал туда же прибывшего на синодальное заседание митр. Питирима и, стоя, не пригласив его сесть, объявил ему высочайшее неудовольствие по поводу лживой и бестактной статьи.

Митрополит смиренно выслушал высочайший выговор, по всей обстановке беспримерный, вероятно, в истории Синода, и, конечно, сложил его в сердце своем. Примирение стало невозможным.

Почти одновременно с этим представился новый повод к столкновению.

Митрополит Питирим не был первенствующим членом Св. Синода и не имел права личного, по собственной

инициативе, доклада государю по синодальным делам. Равным образом он не имел права без разрешения Синода отлучаться из пределов своей епархии. Между тем однажды, в январе 1916 г., прибывшие на заседание члены Синода с удивлением услышали от «всезнающего» архиеп. Серафима (Чичагова), что накануне с вечерним поездом совершенно неожиданно, неизвестно зачем уехал в ставку митр. Питирим, взяв с собою, без ведома и разрешения обер-прокурора, обер-секретаря Синодальной Канцелярии, д. с. с. П. В. Мудролюбова. Ни у кого из членов Синода не было сомнения, что митр. Питирим пустился в какую-то аферу. Возмущались все члены Синода, кроме ничем не возмущавшегося митр. Макария. Более же всех возмущался обер-прокурор дерзостью своего обер-секретаря. Ясно было, что и митрополит, и обер-секретарь, решившиеся на такой шаг, опирались на более крепкую, чем обер-прокурорская, руку. Участие тут Царского Села было несомненно.[1] Все догадки членов Синода не могли разрешить вопроса: с какой же целью, по какому делу так стремительно понесся митрополит в ставку?

Прибыв в Могилев, митрополит остановился у архиеп. Константина, но не открыл ему цели своего приезда. Митрополит и Мудролюбов, как потом рассказывал архиеп. Константин, все время своего пребывания в Могилеве держали себя конспиративно: о чем-то наедине совещались; Мудролюбов что-то таинственно писал и сам же переписывал. А затем митр. Питирим был принят государем.

Синод и обер-прокурор тогда узнали секрет митрополичьей поездки, когда государь передал обер-прокурору для рассмотрения Синодом врученный ему митр.

[1]Так и было. Из письма императрицы Александры Федоровны от 10.01.1916 г. видно, что последняя телеграммою просила государя разрешить митр. Питириму прибыть в ставку для доклада «соображений и мер к улучшению, которые он хотел бы принять». Т. I. с. 367.

Питиримом доклад о приходе. Теперь стало ясно, что митр. Питирим хотел легким путем войти в историю.

Дело вот в чем. Вопрос о приходе тогда был одним из животрепещущих вопросов нашей церковной жизни. Он уже был возбужден и вызвал большой интерес и в обществе, и в Гос. Думе. Митрополит рассчитывал, что его проект тотчас же будет утвержден государем и вопрос о приходе, таким образом, будет разрешен, причем вся слава за это достанется ему одному. Рассчет не оправдался. Митрополит мало знал государя, который в таких случаях был весьма консервативен и не любил решать дела по докладам отдельных лиц без участия тех учреждений, которым такие дела подлежали. Такой развязки митрополит не ожидал.

Поступок митр. Питирима являлся нарушением самой примитивной дисциплины. За аналогичные поступки строго наказывают школьников, а в военной среде исключают из полков. К сожалению, даже в высших духовных слоях подобные поступки, в военном и светском обществе носящие совершенно определенное название, не вызывали должного отпора.[1] И в данном случае члены Синода поговорили, повозмущались... Этим дело и кончилось.

[1]Можно было бы эту мысль иллюстрировать рядом случаев. Укажем один. Архиеп. Владимир (Путята), уже нам известный, был большим любителем поездок в Петроград. Будучи епископом в г. Витебске (1913–1914 г.), он в течение одного года совершил 38 поездок в Петроград, т. е. полгода провел в поездках, так как при каждой поездке, отнимавшей у него на дорогу со сборами (от Витебска до Петрограда 14 ч. езды) около двух суток, он еще по несколько суток гостил в Петрограде. Такие поездки он продолжал и из Новочеркасска после того, как, вероятно, за эти поездки — ибо иных заслуг у него не было — он был возведен в сан архиепископа и переведен на очень видную Донскую кафедру, а затем и из Пензы, куда его загнали за тяжкие грехи. Наконец, Св. Синод обратил внимание на служение этого архипастыря, почти всецело уходившее на разъезды, и после одного продолжительного и бесцельного пребывания Путяты в Петрограде вынес постановление, чтобы впредь архиеп. Владимир без особого на всякий раз разрешения Св. Синода не отлучался из своей епархии. Только что известили его об этом, как в Св. Синоде получилась телеграмма: архиеп. Владимир просил разрешения прибыть в Петроград по епархиальным делам. Заслушав телеграмму, Синод поручил митр. Владимиру от-

Более решительно выразил свое негодование обер-прокурор. Он настоял на увольнении Мудролюбова от обер-секретарской должности. Но впечатление от этого решительного шага было более чем аннулировано: чуть ли не в тот же день Министр внутренних дел А. Н. Хвостов, по просьбе митр. Питирима, предоставил Мудролюбову большую должность в своем министерстве. И увольнение Мудролюбова без прошения, и новое высокое его назначение прошли одновременно Высочайшими приказами. Вышло так, что Мудролюбов был не просто компенсирован, но еще и повышен. Скоро, с уходом А. Н. Волжина, он опять вернулся в Синод на более высокое место.

Борьба между обер-прокурором и митр. Питиримом продолжалась до победы последнего над первым, выразившейся в увольнении А. Н. Волжина от обер-прокурорской должности и назначение на его место избранного митр. Питиримом Н. П. Раева, директора женских курсов, известного лишь тем, что он был сыном Санкт-Петербургского митрополита Палладия († 06.12.1898 г.). Борьба продолжалась в одном духе. Честный Волжин раскрывал пред царем фальшь и ложь митрополита и все время дрожал за свое честное имя. Митрополит не переставал подкапываться под Волжина, ловко влияя на императрицу, Вырубову и Распутина. Сановные сторонники Распутина — Штюрмер и другие — были теперь его друзьями. При мощной поддержке своих верных друзей митр. Питирим, как и надо было ожидать, победил. В сентябре 1916 г. А. Н. Волжин был уволен от должности обер-прокурора Св. Синода.

Упорные слухи об уходе Волжина начали распространяться по крайней мере за месяц до его отставки. Как только запахло «трупом», начали собираться орлы (Лк. 17, 37). Надо сказать, что ввиду «средостения» между царем и обер-прокурором, еще более усилившегося после того, как рука об руку со «старцем» пошел Петроградский митрополит, обер-прокурорское кресло стало особенно жестким, неустойчивым и даже опасным. Честных и сильных людей оно привлекать не могло. Зато к нему потянулись ничтожества, сильные своей беспринципностью и угодливостью, понявшие, что и они теперь могут попасть в разряд министров. Все эти искатели власти и славы теперь бросились к митр. Питириму, уверенные, что выбор нового обер-прокурора будет всецело зависеть от связанного тесной дружбой со «старцем» и пользующегося беспримерным доверием Царского Села Петроградского митрополита. Теперь в гостиной митрополита пресмыкались: чуждый не только духовному, но и военному делу, делавший карьеру на востоковедении генерал от инфантерии Н. К. Шведов[1]; один совсем невысокого

ветить, что приезд не разрешается. Митр. Владимир телеграфировал: «Св. Синод не разрешил Вам прибыть в Петроград». Чрез несколько дней архиеп. Новгородский Арсений говорит на заседании Синода: «Мы не разрешили архиеп. Владимиру приехать в Петроград, а он ведь уж тут... Кажется он у вас, владыка, остановился», — обратился архиеп. Арсений к митр. Питириму. «Да, он у меня остановился, — не без смущения ответил митр. Питирим. — Но он говорит, что ему разрешили приехать... Вот он передал мне телеграмму». И митр. Питирим протянул телеграмму за подписью Владимира. В телеграмме стояло: «Св. Синод разрешил вам прибыть в Петроград». Между словами «Синод» и «разрешил» стояло пустое пространство со следами сорванных букв «не» (буквы тогда наклеивались). У Синода не было сомнений, что никто другой, как сам архиепископ сорвал неугодное для него слово. Как же Синод отнесся к этой мальчишески грубой проделке? Члены Синода посмеялись над ловкостью архиепископа... И только.

[1] В августе 1916 г. ген. Шведов заезжал к военному протопресвитеру и очень долго доказывал, что он (Шведов) большой знаток церковных дел и чуть ли не больше всего читает церковные книги. На всякий случай Шведов хотел и протопресвитера убедить, что из него вышел бы очень хороший обер-прокурор. Ген. адъютант Н. И. Иванов рассказывал, что Шведов настойчиво предлагал ему познакомиться с Распутиным, у которого Шведов был своим человеком.
Шведов сумел однако понравиться императрице. 17-го сентября 1915 г. она писала своему мужу: «Вместо Самарина есть другой человек, которого я могу рекомендовать, преданный, старый Н. К. Шведов. Но, конечно, я не знаю, найдешь ли ты, что военный может занимать место обер-прокурора Синода. Он хорошо изучил историю Церкви, у не-

ранга, но важной канцелярии чиновник, с громким кавказским титулом и знатным родством, недалекий и беспринципный кн. Жевахов и директор Петроградских женских курсов Н. П. Раев. Все три претендента на обер-прокурорское кресло были верными распутинцами.

Ближе всех к митр. Питириму был Раев, ибо в свое время теперешний митрополит пользовался покровительством его отца, Санкт-Петербургского митр. Палладия, в 1891 году выдвинувшего Питирима, тогда архимандрита, на пост ректора Санкт-Петербургской духовной семинарии, с чего и началась его карьера. Распутин, не без влияния митр. Питирима, также оказался на стороне Раева. «Он (Друг), — писала 6 сентября 1916 г. императрица, — больше часа говорил с Раевым, — он говорит, что это воистину посланец Божий и так хорошо говорит о всех церковных вопросах, в таком духовном смысле».[1] Императрицу кроме того подкупало родство Раева с митр. Палладием, по ее мнению, обеспечивавшее ему и большое знание церковной жизни, и серьезное понимание ее нужд. И Раев стал обер-прокурором.

Н. П. Раев раньше не служил в духовном ведомстве. Вся его служба прошла на педагогическом поприще. Последней его должностью была должность директора

го известная коллекция молитвенников; будучи во главе академии по востоковедению, он также изучил Церковь — он очень религиозен и бесконечно предан (называет нашего Друга «отец Григорий») и говорил хорошо о нем, когда он виделся и имел случай разговаривать со своими учениками в армии, куда он ездил повидаться с Ивановым. Он глубоко лоялен — ты знаешь его гораздо лучше, чем я, и можешь судить, вздор ли это, или нет; мы только вспомнили о нем потому, что он очень хочет быть мне полезным, чтобы люди меня знали и чтобы быть противовесом «некрасивой партии» — такой человек на высоком месте полезен, но, повторяю, ты знаешь его характер лучше, чем я». (Письма императрицы Александры Федоровны императору Николаю II. Т. I, с. 250.)
Рекомендация царицы была на редкость неудачной. Распутинец Шведов был в то время слащавым и бесцветным стариком, совсем непригодным для обер-прокурорского поста.

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. Т. II, 169.

Высших женских курсов, не принесшая ему большой славы. Несколько месяцев тому назад он не мог и мечтать об обер-прокурорском кресле: он уже близился к преклонному возрасту (в 1916 г. ему было за 60 лет); необходимых для столь высокого поста качеств, дарований и заслуг он не имел; должность директора Высших женских курсов отделялась от должности обер-прокурора Св. Синода дистанцией слишком большого размера. Все же из трех претендентов на обер-прокурорское кресло Раев был лучшим.

Одним из первых деяний нового обер-прокурора была полная реабилитация известного нам обер-секретаря Синодальной канцелярии П. В. Мудролюбова. Мудролюбов был возвращен в Синод с повышением — на должность помощника управляющего Синодальной канцелярией. Чтобы очистить для Мудролюбова это место, Раев передвинул на низшую должность дельного и ученого С. Г. Рункевича, доктора церковной истории. Курс нового обер-прокурора сразу определился.

Свое отношение к новоназначенному обер-прокурору Св. Синода императрица обнаружила в беседе о военным протопресвитером. Беседуя с последним в сентябре 1916 г. (вскоре по назначении Раева обер-прокурором) в ставке о разных церковных нуждах и заинтересовавшись его взглядом на современное положение Церкви, она обратилась к нему с таким советом: «Скоро вы будете в Петрограде; поделитесь своими мыслями с новым обер-прокурором. Он человек чрезвычайно умный, отличный администратор — он бесподобно поставил Высшие женские курсы.[1] Кроме того, он сын Санкт-Петербургского митр. Палладия».

[1] Между тем курсы эти в петроградском обществе совсем не пользовались доброй славой.

Такой отзыв свидетельствовал лишь о том, что императрица пела с чужого голоса, совсем не зная Раева. У Раева было одно положительное качество: он был добрый и скромный человек. Все прочее говорило не в его пользу. Ум у него был заурядный; больших знаний он не проявлял. Внешность его была совсем не обер-прокурорская: ярко черного цвета парик, выкрашенные в такой же цвет усы и бородка, нарумяненные щеки, лакированные ботинки... Он производил впечатление молодящегося старика неприличного тона. Интересна характеристика, данная Раеву М. Горьким: «Раев, директор «раевских курсов», сын какого-то архиерея или даже митрополита, человек неискренно ласковый, женолюбивый и «сладостного» срама исследователь».[1] В Синоде Раев был бесцветен, вне Синода, как увидим дальше, был смешон. Само собой понятно, что митрополичье сыновство совсем не обеспечивало Раеву удачного обер-прокурорствования, ибо и митрополиты бывают плохие и совсем не обязательно митрополичьи сыновья родятся талантливыми.

На первом же, с участием Раева, заседании Св. Синода достаточно ясно обнаружилось, что новый обер-прокурор будет покорным рабом митр. Питирима. Последующее время подтвердило это. И в Синоде, и вне Синода Раев подчеркивал свою почтительность к митр. Питириму, поддерживал все его начинания, всегда соглашался с его мнениями. В доме Раева царил культ митр. Питирима. Имя последнего кстати и не кстати упоминалось на каждом шагу с приложением самых лестных эпитетов: «удивительный, умнейший, гениальный». Следя за действиями Раева, приходилось думать, что все свое обер-прокурорствование он

[1] М. Горький. «Заметки». «Беседа». № 1-й. Май—июнь 1923. Берлин.

сводил к тому, чтобы пресмыкаться перед митр. Питиримом и всячески содействовать дальнейшему его возвеличиванию. Положение Церкви, церковные вопросы и запросы, все более назревавший кризис как будто совсем не интересовали его. Когда, следуя совету императрицы, пробовали заговорить с ним обо всем этом, он молчал, зевал — точно эти вопросы его не касались и были для него скучны. Сразу для всех стало ясно, что нового обер-прокурора интересует почетное кресло, а не дела и не жизнь Церкви; что не Церкви и не Господу он хочет служить, а митр. Питириму, посадившему его на столь высокое место.

Никакой церковной программы, никакого направления новый обер-прокурор не пытался выявлять. Но с самых первых шагов он начал способствовать продвижению митр. Питирима в первенствующие. Для достижения этой цели обер-прокурор и митрополит иногда прибегали к слишком примитивным и бросавшимся в глаза приемам. Упомянем о двух случаях.

В летнюю сессию 1916 г. обязанности первенствующего члена Св. Синода исполнял митр. Питирим. Пока обер-прокурором был А. Н. Волжин митр. Питириму приходилось сдерживать себя. А лишь только вступил Раев, митр. Питирим почувствовал себя полным хозяином и начал бесцеремонно проводить свою политику: все решительней и решительней заявлять о себе царю и царице.

Чрез несколько дней после вступления Раева в должность обер-прокурора он и митр. Питирим испросили у императрицы разрешение Синоду поднести ей адрес и икону по случаю двухлетней годовщины служения ее сестрою милосердия. Члены Синода отлично понимали, какую цель преследует инициатор этого начинания — митр. Питирим. Нечистые побуждения были слишком очевидны. Двухлетнее служение сестрой ми-

лосердия не являлось юбилеем и не давало повода к особому чествованию. Но всякое возражение было бы истолковано Царскому Селу как проявление враждебных чувств к императрице. И члены Синода согласились с предложением митр. Питирима. А императрица назначила прием Синоду в Царскосельском Александровском дворце на 25 сентября.

В назначенный час члены Синода собрались на Царскосельском вокзале, в особом салоне. Прибыл и обер-прокурор. Не найдя митр. Питирима, он быстро удалился и топтался у входных дверей вокзала, пока не прибыл митрополит. И уже сопровождая митрополита, он снова появился в салоне. Лакействование Раева перед Питиримом слишком бросилось в глаза.

Искусственно налаженная церемония прошла деланно, натянуто, бесцветно. Императрица приняла Синод в дворцовом зале. Митрополит прочитал напыщенный адрес и благословил ее иконой. Как будто недоумевая, за что же столь высокое учреждение чествует ее, царица произнесла смущенно несколько шаблонных фраз и, простившись с каждым, тотчас удалилась. На этом и закончилась церемония. Члены Синода возвращались с неприятным чувством: сознавались подыгрывание, втирание очков, фальшь. Ни Церкви, ни царице это не было нужно. Члены Синода чувствовали себя в положении пешек, которыми шулерски играл митр. Питирим.

Но одной этой церемонии митр. Питириму оказалось мало. Он предложил Синоду поднести адрес с иконой и государю по случаю исполнившейся годовщины его служения в должности Верховного Главнокомандующего. И тут Синод понимал, что митрополитом руководят не святительские чувства, а лесть и расчет своей угодливостью выслужиться пред царем, но отклонить предложение Синод не решился. После стало известно,

что митр. Питирим приложил все усилия, чтобы икона была поднесена им, а не митр. Владимиром, который скоро, с 1 ноября, вступит в должность первенствующего члена Св. Синода. При содействии Царского Села[1] это ему удалось. Государь согласился принять синодскую депутацию 4 октября (1916 г.) в два часа дня. Следующий день был днем тезоименитства наследника.

Митрополит с обер-прокурором прибыли в г. Могилев 4 октября около 12 ч. дня. А в 2 часа дня синодская депутация, в составе м. Питирима, военного протопресвитера и обер-прокурора Раева была принята в зале губернаторского дворца. Выходившего из кабинета государя встретили: митрополит с адресом в руках, протопресвитер с иконой, а обер-прокурор с футляром от иконы. Митрополит прочитал адрес и передал его государю, а потом благословил его иконой. Обер-прокурор передал футляр флигель-адъютанту. «Вы и ея Величеству подносили икону?» — спросил государь митрополита. «Да», — ответил тот. «По какому случаю?» — «По случаю двухлетнего служения сестрой милосердия», — ответил митрополит. «Вы хотите, передал мне о. протопресвитер, завтра служить в нашей церкви? Пожалуйста!» — сказал государь и, поблагодарив за подношение, простился с депутацией. Государь был чуткий, и эта церемония не могла произвести на него приятного впечатления.

5 октября литургию служил митр. Питирим с приглашенным, по распоряжению государя, архиеп. Константином, в присутствии всей царской семьи и чинов штаба. Чинам штаба служба митрополита не понравилась: он служил нервно, играя и кривляясь; неестест-

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. Т. II, 210, 211.

венность, деланность чувствовались у него во всем: в голосе, в движениях, в выражении лица. Но центром всеобщего внимания оказался не митрополит, а стоявший посреди церкви обер-прокурор. Фигура его была столь необычна, что, кажется, не было человека, который, войдя в церковь, не остановил бы на нем удивленного взгляда. Дело в том, что перед отъездом Раева в ставку — это был первый его выезд туда — кто-то внушил ему, что в ставку надо явиться непременно в военном одеянии. Экстренно потребовались и военный костюм, и военные доспехи для никогда не облекавшегося в них бывшего директора женских курсов. Все было закуплено наспех, без примерки, лишь бы только синодальный обер-прокурор смог предстать пред царем в боевом наряде. Получилась слишком комическая фигура: старик в черном, вороньего крыла, длинноволосом парике, с ярко раскрашенными в черный цвет усами и французской бородкой, одетый в неуклюже сидевший на нем военный мундир с чужого плеча, в обвисших широких штанах, в грубых высоких сапогах со шпорами, с беспомощно болтавшейся сбоку шашкой... Входившие в церковь, увидев Раева, с любопытством спрашивали: «А это кто такой?»

Вечером в этот день, за обедом, сидевший рядом с государем великий князь Георгий Михайлович, вспоминая перипетии дня, говорит ему: «Ну, и рожу же ты выбрал в обер-прокуроры!» «Да, здоровая образина!» — смеясь, ответил государь.

Поездка митрополита и обер-прокурора увенчалась одним церковным «событием». По их ходатайству, полуграмотный епископ Варнава, всего пять лет прослуживший в епископском сане и менее трех лет на самостоятельной кафедре, год тому назад судившийся Синодом за самовольное прославление архиеп. Иоанна Тобольского, только что, в июне, награжден орденом Владимира 2-й степени, теперь, 5-го октября, был возведен в сан архиепископа. Кажется, почти гениальный Московский митр. Филарет возвышался медленнее, чем этот Варнава.

Оценить обер-прокурорствование Н. П. Раева с каких-либо других сторон не приходится: оно было очень кратко и не ознаменовалось никакими иными, кроме описанных, делами. Надо однако отметить одно несомненное достижение Раева: он, не желая и не помышляя, осуществил то, что хотел осуществить, но, конечно, не осуществил бы А. Д. Самарин, — свел к нулю роль обер-прокурора. В лице Раева члены Синода и чиновники увидели не обер-прокурора, а служку Петроградского митрополита, раболепно исполнявшего все желания и веления последнего.

Хозяйничанье в Синоде митр. Питирима и Раева не привело бы к добру, если бы оно продолжалось долго. Но разразившаяся в феврале 1917 г. революция свела со сцены и того, и другого.

Недостатки синодальной работы. Конец предреволюционного Синода

Предыдущие главы нам показали, в каких условиях протекала жизнь предреволюционного Св. Синода.

Обер-прокуроры менялись с калейдоскопической быстротою. Деятельность лучших обер-прокуров затруднялась и осложнялась борьбой с «темными» силами. Деятельность худших не могла принести Церкви пользы. Первенствующий член Св. Синода митр. Владимир, при всех своих высоких моральных качествах, не обладал ни широким кругозором, ни нужной инициативой. Два других митрополита не могли быть его добрыми помощниками. Остальные члены Синода чувствовали себя в Синоде гостями. Состав Синода менялся дважды в год, и епархиальный архиерей, попав в Синод, прежде всего старался воспользоваться временем своего там пребывания для проведения дел своей епархии. Всероссийскими церковными делами заниматься ему было некогда. Если попадали когда в члены Синода люди живые, с инициативой, пытавшиеся внести нечто новое в церковную жизнь, то на них смотрели как на беспокойных, как на прожектеров и их проектам не давали ходу. Самый характер синодальной работы не способствовал успеху. Синодская мельница молола и зерно, и шелуху. И шелухой занималась, пожалуй, больше, чем зерном. Синод был загроможден третьестепенными делами. За деревьями ему не было видно лесу.

Между тем русская жизнь не ждала Синода, развиваясь с головокружительной быстротой и требуя мудрой попечительности, проникновенной прозорливости и просвещенного руководства со стороны «стражей дома Израилева». Рост народного сознания, а одновременно с этим и духовных запросов подымался не по годам, а по дням. Быстро росли промышленность, торговля, росло и ширилось народное образование и материальное благосостояние государства. Одновременно с этим со всех сторон протягивались руки, чтобы захватить проснувшиеся русские умы, не удовлетворенные в своих духовных запросах русские души. Достаточно вспомнить множество развившихся в те годы всевозможных сект и враждебных Церкви организаций, чтобы представить: сколько чужих рук протягивалось к русской душе.

Чтобы парализовать такие посягательства, с одной стороны, чтобы ответить на проснувшиеся духовные запросы, с другой, чтобы, словом, не оказаться позади времени и вне действительности, Церковь должна была в эту пору небывалого духовного роста страны мобилизовать все свои силы и использовать все находящиеся в ее распоряжении средства. Направляющий же ее орган, Св. Синод, должен был проявить в это время возможно большее количество мысли, чуткость и широту размаха в работе. А вместо этого Синод в предреволюционные годы занимался более всего внутренней борьбой и разными текущими делами, среди которых бракоразводные если и не занимали первого места, то отнимали больше всего времени, и можно сказать, поглощали массу энергии Синода. Синод тащился на буксире жизни и не пытался опередить ее.

С 1915-го года русская жизнь начала принимать угрожающий характер; в 1916 году появились грозные признаки надвигавшейся революции. Но и это не нару-

шило мирного сна Синода: синодальная коллегия продолжала держать себя, как будто она была уверена в бесконечности и общероссийского, и своего собственного благополучия. Верующие, понимавшие серьезность момента люди ждали от каждой новой синодальной сессии какой-то новой творческой работы. Но... сменялись сессии, уходили одни члены, являлись другие, а синодальный курс не менял своего направления. Огромное большинство епископов не отдавали себе отчета ни в грандиозности религиозных запросов того времени, ни в серьезности тогдашнего государственного и церковного положения. Даже в самые последние пред революцией месяцы, когда со всех сторон собиравшаяся гроза висела над русским домом, когда и немые заговорили[1], в Синоде царил покой кладбища. Синодальные владыки с каким-то невозмутимым равнодушием смотрели на развертывавшиеся с невероятной быстротой события и как будто совсем не подозревали, что гроза может разразиться не над государством только, но и над Церковью.

Помнится, с каким нетерпением некоторые русские люди ожидали открытия новой, зимней сессии Синода 1916 года, наивно мечтая, что явятся в Синоде новые люди, которые поймут все недостатки прежней синодальной работы, как и всю серьезность тогдашнего и государственного, и церковного положения, и поведут Синод по новому руслу. Вот 1 ноября эта сессия открылась. Вернувшись с заседания, один из бывших на нем записал в этот день в своем дневнике: «Только что присутствовал на заседании новой сессии Св. Синода. В состав Синода вошли такие-то новые члены вместо каких-то выбывших. Новые птицы,

[1] Съезд дворянства в Москве, государственный Совет.

но старые песни. Просвету нет, и не видно признаков приближения его. Жизнь идет вперед, предъявляя свои требования, выдвигая свои нужды, а Церковь продолжает задыхаться в мертвящих рамках византийско-монашеского производства. Реформы необходимы для Церкви. Но среди наших иерархов не только нет человека, который смог бы провести их, нет и такого, который понимал бы, что с ними до крайности надо спешить. Реформ не будет. А в таком случае революция церковная — особенно, если разразится революция государственная — неминуема».

Между тем неотложность церковных реформ сознавалась не только отдельными, так сказать, случайными лицами — она была сознана и таким компетентным учреждением, как действовавшее в 1906 году, высочайше учрежденное, Предсоборное Присутствие, составленное из виднейших иерархов[1], ученейших академических и университетских профессоров[2] и лучших церковно-общественных деятелей. Многие реформы этим Присутствием были намечены и запротоколены, а протоколы, по определениям Св. Синода от 21.VI.1906 г. за № 3951 и от 22.11.1907 г. за № 1157, были напечатаны в четырех томах с особым томом алфавитного указателя. Но намеченные реформы были отложены ad calendae Graecas — к Всероссийскому церковному собору; полные глубоких мыслей тома журналов и протоколов Предсоборного Присутствия стояли на полках кабинетов и библиотечных шка-

[1] Кроме трех митрополитов — Санкт-Петербургского Антония (Вадковского), Московского Владимира и Киевского Флавиана, там участвовали как председатели отделов архиепископы: Херсонский Димитрий (Ковальницкий, б. профессор и ректор Киевской академии), Финляндский Сергий (б. ректор Санкт-Петербургской академии), Волынский Антоний (Храповицкий, б. ректор Московской, а потом Казанской академии), Литовский Никандр (б. ректор Санкт-Петербургской академии), Казанский Иаков, епископы — Псковский Арсений (б. ректор Московской академии), Могилевский Стефан.

[2] В этом числе все русские канонисты.

фов не просмотренные даже теми, кого они ближе всего касались, а жизнь церковная протекала прежним порядком, встречая на своем пути новые и новые преграды. Синод тонул в мертвом море бумаг и как будто страшился живых вопросов. В 1916 г. один из синодальных членов заявил в заседании: «Зачем мы занимаемся этой массой бракоразводных дел? Брак совершается одним священником; ужель архиерей с Консисторией без помощи Синода не могут расторгнуть его? Зачем мы попусту тратим время?» Председательствовавший м. Владимир сделал вид, что не расслышал этого заявления. В том же 1916 г. военный протопресвитер обратился к тому же митр. Владимиру с просьбой доложить Св. Синоду его рапорт об утверждении составленного им сокращенного чина богослужений для военного времени на театре военных действий. Просьба была вызвана тем, что в воинских церквах и в особенности на кораблях и в мирное время, а тем более в военное, не было возможности совершать уставное богослужение. Отсутствие же определенного сокращенного чина открывало простор для произвольных и зачастую неразумных сокращений. Предложенный протопресвитером чин фактически уже применялся в придворных и домовых петербургских церквах. Выслушав просьбу, митр. Владимир категорически отказался поставить ее на обсуждение. «Что сказали бы старообрядцы, если бы мы исполнили вашу просьбу?» — Так мотивировал он свой отказ. Еще пример. Приходской вопрос вопиял к небу. О нем кричали и в обществе, и в печати: его обсуждали в Думе; в Синоде не раз подымал его Тверской архиеп. Серафим (Чичагов); митр. Питирим не бескорыстно, но все же пытался разрешить его окольным путем. И несмотря на все это, конечно, по вине Синода, революция застала этот вопрос неразрешенным, даже, можно сказать, нетронутым.

Если указывать главнейшие пробелы в работе Св. Синода, то нельзя не отметить следующих:

1) Синод имел право и возможность урегулировать систему епархиального управления; подготовить кадры лучших кандидатов для замещения архиерейских кафедр; поставить архиереев в правильные отношения к клиру и пастве; изменить обстановку и условия архиерейского служения и усилить в нем пастырский элемент; усилить надзор за прохождением архиереями служения; восстановить взаимообщение архипастырей на съездах и областных соборах; наконец, урегулировать и развить приходскую жизнь. Синод этого не сделал.

2) Синод должен был обратить внимание на ставшее болезненным в последнее время чрезмерно, развитие «учено-монашеского» института, явно угрожавшее многими бедами Церкви. Синод не только не урегулировал этого явления, но определенно, как бы умышленно способствовал дальнейшему его развитию, когда только что облекшимся в монашеское одеяние лицам, часто с неизвестным, иногда с преступным прошлым, ничем в своем монашеском звании себя не проявившим, сразу предоставлял самые ответственные и важные места и быстро доводил их до архиепископских кафедр. Синод точно не хотел понять, что из 130-миллионного православного русского народа легко можно было выбрать нужных для замещения русских архипастырских кафедр 100–150 человек, одаренных, вдохновенных, любящих Церковь и народ свой, и что нет никакой нужды набирать для этой цели случайных и даже явно негодных людей.

Покровительствуя умножению quasi-«ученого» монашества, Синод не принимал мер к насаждению монашества истинно-ученого, наподобие западного, хотя для этого у него было достаточно средств и возможностей.

3) Св. Синод до последних дней своего существования не собрался проявить настоящей заботы об улучшении материального положения белого духовенства, влачившего, особенно в северных епархиях, нищенское существование. И это тем более бросалось в глаза, что и государь, и общество, и Государственная Дума сочувствовали разрешению этого вопроса. Синоду надо было проявить лишь некоторую инициативу.

Не больше внимания уделил Синод и служебному положению священника, обычно предоставленного самому себе, вынужденного без руководства и поддержки, ощупью отыскивать пути своего служения и начинать и проходить свое служение.

4) Св. Синод не использовал огромных монастырских богатств, как и не принял нужных мер к поднятию интеллектуально-морального уровня монастырских иноков и усилению их деятельности.

5) Св. Синод не уделил должного внимания духовно-учебным заведениям, в особенности — нужной постановке в них учебно-воспитательного дела, чтобы они могли подготовлять самоотверженных, просвещенных, идейных и вдохновенных служителей Церкви.

6) Св. Синод недостаточно содействовал развитию и работе научных богословских сил и еще менее пользовался ими для разрешения живых, современных вопросов веры и жизни. И т. д., и т. д.

Из приведенных положений следует заключение, что главный недостаток синодальной работы заключался в отсутствии или, по крайней мере, в недостатке творчества. Синодальная машина работала беспрерывно и регулярно, но в ее работе не доставало животворящего духа, который делал бы ее жизненною, отвечающею требованиям времени и действительным нуждам Церкви.

Дореволюционный Синод существовал до 17 апреля 1917 г., захватив, таким образом, и полтора революционных месяца.

За это время в нем произошли следующие перемены.

Н. П. Раев Временным Правительством был уволен от должности обер-прокурора Св. Синода, а на его место назначен член Гос. Думы В. Н. Львов. На одном из первых своих заседаний, 2-го или 3-го марта, Св. Синод уволил на покой митр. Питирима. Попробовали разъяснить митр. Макарию, что и ему следует уйти на покой. Но он долго не мог понять, почему же ему не оставаться на Московской кафедре. Наконец, убедили, что в переживаемое смутное время ему не управиться с Московской епархией. Нехотя, жалуясь, что его вынуждают, он, наконец, подал прошение и был уволен на покой.

Революционный обер-прокурор Львов в Думе часто возмущался всевластием обер-прокурора в Синоде. Сделавшись же обер-прокурором, он своим деспотизмом затмил всех своих предшественников. Некоторым оправданием его действий и выходок могло служить лишь несомненное отсутствие у него душевного равновесия.

На освободившиеся Московскую и Петроградскую кафедры Львов решил было назначить Уфимского еп. Андрея[1] и архиеп. Пензенского Владимира[2], как людей новых, с прогрессивным образом мыслей. С трудом удалось убедить его, что еп. Андрей для Московской кафедры легковесен, а архиеп. Владимир, как ненормальный, совсем негоден и что следует предоставить епархи-

---

[1] В миру кн. Александр Ухтомский, род. 26. 12. 1872 г., кандидат Моск. дух. акад., епископ с 4 окт. 1907 г.

[2] В миру Путята Всеволод, род. 2 окт. 1869 г., окончил курс Яросл. Демидовского лицея, Александровской военно-юрид. академии и Казанской духов. академии, епископ с 6 авг. 1907 г., архиепископ с 11 июля 1914 г.; в 1918 г. собором епископов за постыдные деяния лишен сана и отлучен от Церкви.

ям самим избрать себе архипастырей по сердцу своему. Избранными оказались: в Москве — Литовский архиеп. Тихон († 25.03.1925)[1], в Петрограде — первый викарий Петроградской епархии, благочестивый и смиренный еп. Вениамин.[2] Оба они 15 августа 1917 г. были возведены в сан митрополита. В октябре 1917 г. митр. Тихон стал Всероссийским патриархом, а митр. Вениамин в январе 1920 г. был расстрелян.

Нервный, непоследовательный, взбалмошный, сумбурный — обер-прокурор Львов был подлинной Божьей карой для Синода. Многие его действия поражали своей дикостью и оскорбляли Синод.

Нельзя не упомянуть о двух случаях.

Когда на одном из первых заседаний, при Львове, собравшиеся члены Синода заняли свои места, вдруг с шумом открылись входные двери и в синодальную залу ввалилась — как оказалось, по приказанию Львова — огромная толпа синодальных чиновников и служителей. Члены Синода с удивлением смотрели на это скопище. А обер-прокурор, выпрямившись во весь свой огромный рост и наполеоновски протянутой рукой указывая на царское кресло, крикнул: «Убрать его!» Три-четыре служителя бросились убирать кресло, но оторвать его от полу не смогли — так прочно оно было прикреплено. Толпа чиновников с отвращением смотрела на это позорное действо. Когда усилия оторвать кресло не привели ни к чему, обер-прокурор сделал новый жест: «Разойтись!» Толпа удалилась. Началось заседание.

[1] В миру Василий Беллавин, род. в 1864 г., кандидат Санкт-Петербургской дух. академии, епископ с 19 окт. 1897 г., архиеп. с 6 мая 1906 г.

[2] В миру Василий Казанский, 44 лет от роду, кандидат Санкт-Петербургской дух. академии, епископ с 24. 1. 1910 г.

Без столкновений членов Синода с обер-прокурором революционного времени не проходило ни одного заседания. Эксцентричность В. Н. Львова давала достаточно поводов к этому. Но особенно бурным было заседание 16 апреля. Обер-прокурор выходил из себя. По окончании заседания обер-прокурор предложил членам Синода на следующий день, 17 апреля, в определенный для заседания час вновь собраться в Синоде. Все были уверены, что это будет очередное заседание.

К 11 часам дня 17 апреля все члены Синода явились в Синод и, по прочтении митр. Владимиром молитвы, заняли свои места. Вдруг, как и раньше, входные в синодальную залу двери с шумом раскрылись и масса синодских чиновников и служителей заполнила синодальную залу. Поднявшийся со своего кресла обер-прокурор крикнул: «Прошу встать!» Все члены Синода поднялись — сидел лишь один митр. Владимир. Он так был поражен вторжением в синодальную залу толпы, что не расслышал окрика. Обер-прокурор еще громче, уже с гневом, крикнул: «Прошу встать!» Митр. Владимир медленно поднялся. А обер-прокурор, взяв со стола бумагу, начал, отчеканивая каждое слово, читать Указ Временного Правительства о роспуске Синода. Кончилось чтение. Толпа шумно начала покидать зал. А за нею покинули зал и члены Синода.

Так закончилась история Всероссийского Святейшего Синода царского периода.

Епархиальное управление: архиерей, консистория, секретарь консистории, благочинные

Русская Церковь состояла из 68 епархий. Во всех епархиях числилось до 130 миллионов обоего полу людей; причтов в 1914 г. было 47438. Таким образом, в среднем на каждую епархию приходилось около двух миллионов православного населения и по 700 причтов. Но надо принять во внимание, что российские епархии были весьма неравномерны: одни, как Финляндская и Варшавская, имели по несколько десятков приходов с несколькими сотнями тысяч православного населения, в Киевской же, например, было более 2000 приходов с населением свыше четырех миллионов.

Во главе каждой епархии стоял архиерей.[1] Его пособным органом в управлении епархией была Духовная Консистория, а его очами в епархии — благочинные, которым по идее отводилась ответственная роль наблюдения и ближайшего руководства духовенством епархии.

В сущности каждая епархия является малой Церковью. В этом смысле епископ в канонах называется главою Церкви. К прежним русским епископам такое название было приложимо, можно сказать, в абсолютном смысле. Им, как ни в одной из других православных Церквей, принадлежала неограниченная власть. Епископ по личному усмотрению назначал, переводил и увольнял, судил, карал и миловал всех членов причта. И жизнь, и «смерть», и благополучие, и злополучие последних находилось в епископских руках. Жалобы в Синод на неправду архиерейскую далеко не всегда приводили к благоприятному результату — там ведь судили и рядили архиереи. Церковные старосты избирались, но архиерей волен был устранить от должности любого из них. Только члены Консистории и настоятели с настоятельницами монастырей назначались и увольнялись Св. Синодом все же по представлению архиерея и дальше находились в архиерейской власти.

Высокое положение архиерея ко многому его обязывало. Поставленный на высокий пьедестал, облеченный огромной властью и такою же ответственностью, он должен был быть мудрым руководителем религиозно-нравственной жизни своей епархии, любящим отцом и попечительным пастыреначальником для своих пасомых, а по выражению Спасителя — их другом (Ин. 15, 14–15), рабом и слугою (Мф. 20, 26–27; 23, 2). От него требовались: опытность администратора, дар учительства, образ праведности, постоянное горение любви, мудрость змеиная и простота голубиная (Мф. 10, 16), труд, самоотвержение, подвиг и... постоянное самопожертвование. Епископ должен быть, по слову апостола, всем для всех (1 Кор. 9, 22). Самые требовательные женихи старого времени, желавшие, чтобы невеста была и красива, и целомудренна, и жизнерадостна, и богата, и разумна, меньше от нее требовали, чем вправе была требовать невеста Христова — Церковь от своего земного жениха-епископа.

[1] Кроме 68 епархий, как сказано раньше, в Русской Церкви было два ведомства: а) придворного духовенства и б) военного и морского духовенства. К первому принадлежали все придворные церкви с их прихожанами, ко второму — все военные и морские церкви с чинами армии и флота. Первым управлял придворный протопресвитер, вторым — военно-морской. Оба протопресвитера подчинялись непосредственно Синоду.

Один из выдающихся епископов теперешней Русской Церкви — Прокопий, при своем наречении во епископа Елисаветградского, в 1914 г., так характеризовал епископское служение: «Епископское служение несет много скорби и непрестанный труд, налагает великий подвиг, требует, чтобы добрый пастырь забыл о себе, о своем покое и удобстве и преимуществах жизни, отдал бы все свои силы на служение Божьей Церкви... Но главный труд святительский заключается как бы в углублении подвига христианского, подвига очищения своего сердца и жизни добродетельной, терпения, любви, снисхождения к немощи братий своих и чад духовных... Чтобы не допустить чад своих до превозношения и гордыни, он сам должен явить пример Христовой кротости, терпения и любви, и только своим смирением посрамит он гордыню человеческую».[1] Золотые слова. Но как часто действительность была далека от них, когда на архиерейских кафедрах — что случалось — восседали вместо любящих отцов деспоты, вместо смиренных рабов Христовых, друзей и слуг своих пасомых напыщенные, высокомерные, изнеженные и избалованные сановники-вельможи, поощрявшие раболепство и подхалимство и не любившие правды, с высокомерным пренебрежением относившиеся даже к своим сотрудникам-пастырям.[2] Nomina sunt odiosa. Но можно было бы привести десятки примеров из самого последнего прошлого. И с горечью надо признать, что удалявшихся от идеала было больше, чем приближавшихся к нему.

[1] «Церковные ведомости». 1914 г. № 41. С. 1747.

[2] Мы знали одного весьма просвещенного архиерея, который называл священников «эти попишки». Санкт-Петербургский благороднейший митр. Антоний (Вадковский), умирая, сказал своему внучатому племяннику-доктору: «Всем все прощаю, но арх. Х-му не могу простить его пренебрежительного отношения к священникам. Я ему однажды в Синоде сказал: «Владыка! Вы забываете, что эти попишки — наши отцы».

Такое печальное явление стало естественным, даже неизбежным по целому ряду причин.

Первою и главною среди них было то, что в последнее время никто не заботился о выборе и подготовке достойных кандидатов для епископского служения. Обычно поставлял их «учено-монашеский» институт. Но раньше, в старое время постригали в «ученые» монахи самых достойных, самых способных студентов академий, теперь же этот «учено-монашеский» институт стал надежным убежищем для разных неудачников, искателей приключений, сытого, почетного и беспечального жития: капитан (Л. С., не надеявшийся дальше продвинуться в чине, хваставший, что в русско-турецкую войну на Балканах вся его рота мазала сапоги, вместо ваксы, розовым маслом[1]; неудачник моряк (М. А.); судебный следователь (В. К.), разочаровавшийся в юриспруденции и долго решавший: куда же броситься — в актеры или в монахи; спекулянт по покупке и продаже земель и домов, прожегший жизнь и к 50 годам превратившийся в дряхлого старика (В. А.); проворовавшийся или спившийся студент (NNN); отданный за целый ряд тягчайших преступлений под уголовный светский суд и подлежащий заключению в тюрьму протоиерей (А. В.); карьерист, гвардейский офицер (В. П.), психически ненормальный, хваставшийся жене начальника Военно-юридической академии, Е. А. Бобровской, что он нашел способ, как ему сделать большую карьеру[2], и т. д., и т. д., — все такие и им подобные, лишь только заявляли о своем желании принять постриг, немедленно приобщались к учено-

[1] Абсурд: розовое масло разъедает кожу, да и глупо так расходовать драгоценное вещество.

[2] Разумел поступление в монахи.

монашескому чину[1], скоро украшались архимандритскими митрами, чтобы затем в ближайшем будущем воссесть на архиерейские кафедры.

Церковная власть упорно не желала замечать страшного и соблазнительного противоречия, которое скрывалось в таком порядке, ставшем общецерковным явлением: принятие монашества есть обречение себя на постоянное смирение и уничижение, а тут монашество сразу возвышало и возвеличивало инока в ущерб правам и заслугам других, часто без всяких трудов и подвигов с его стороны: монашество есть отречение от мира и его благ, тут же именно постриг открывал монаху путь для властвования над миром; монашество соединено с обетом нестяжания, а между тем только знаменитейшие артисты, адвокаты да профессора-медики могли конкурировать с архиереями виднейших кафедр и настоятелями богатейших монастырей в изобилии доставшихся на их долю земных благ.

Святой Ириней Лионский, ученик св. Поликарпа Смирнского, ученика св. ап. Иоанна Богослова, писал: «Апостолы должны были сообщить о них (христианских тайнах) только тем из учеников своих, которые более других преуспели в совершенстве и которым они вручили управление церквами. Они желали, чтобы те, которые должны были наследовать им в священнослужении, были совершенны и безукоризненны. Ибо если поведение этих преемников апостольских было мудро и достойно их звания, то отсюда проистекало неизмеримое благо. Напротив, величайшие бедствия для Церкви были бы следствием их неспособности и худого поведения».[2]

[1] Не имевшие высшего образования принимались в академии, где кончали курс иногда только «молитвами святых отец наших».

[2] 3-я гл. 3-й книги «Против ересей».

Это мудрое правило, которым руководились св. апостолы и их ближайшие преемники, у нас в последнее время было забыто. И что было особенно знаменательным для нашего предреволюционного времени — безразборчивое отношение к выбору князей Церкви у нас не было случайным: оно отражало господствовавшее и упорно осуществлявшееся направление того времени, в литературе получившее название «монахомании». Тогда именно одним из влиятельнейших епископов того времени был заявлен девиз: «самый худший чернец лучше самого лучшего бельца». И это заявление не было только красным словцом или обмолвкой — оно базировалось на начавшей распространяться и закрепляться доктрине, что монашеский постриг — таинство, преображающее постригаемого, и что монашество — единственно истинное состояние. Тогда индивидуально-субъективное настроение стали превращать в общеобязательный принцип. «Тогда, — скажем словами проф. Н. Н. Глубоковского, — один из способов личного морального усовершенствования в созидании своего спасения слишком преувеличенно стал выдвигаться как единственно нормальное христианское состояние. Святая заповедь «могущий вместити да вместит» стала объявляться чуть ли не прямым поведением для всех, — и не приемлющим сего не всегда оказывалось даже апостольское снисхождение: «не ядый ядущего да не осуждает».[1] Тогда всю Русскую Церковь желали сделать монашескою, когда заявляли: «Не следует допускать ни одного светского сюртучника на службу в патриаршее или епархиальное управление: главную силу должен иметь монашеский дух и

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. Т. II. С. 446–447.

дисциплина[1], или когда объявляли монашество «сущностью христианства»[2], а при пострижении даже вдовых священников прямо провозглашали, что «они лишь теперь начинают жить истинно христианскою жизнью»[3], «школы же духовные на всех ступенях — вплоть до академий[4] мечтали превратить в монашеские институты».[5] «Подобные крайности, отзывавшиеся на практике чрезвычайно тяжело, иногда вынуждали к антимонашеским разъяснениям и ограничениям даже самых корректных и авторитетных».[6] Но это не помогало делу. И люди с трезвым взглядом на жизнь с недоумением, даже с ужасом смотрели на все большее развитие этого явления. Знаменитый К. П. Победоносцев часто вздыхал: «Эти монахи! Погубят они Церковь».[7]

Итак, отсутствие строгого выбора кандидатов для епископского служения прежде всего печально отразилось на составе нашего епископата. Он должен был составляться из отборных, лучших, талантливых; он составлялся из случайных.

Ошибка могла бы быть в некоторой степени исправлена, если бы готовящиеся к епископскому служению предварительно проходили хорошую, строгую служебную школу. Последняя на всех поприщах необходима не

[1] Отзывы епарх. архиереев о церковной реформе. С.-Пб., 1906 г. Т. III. С. 15.

[2] Там же. Т. III. С. 217.3

[3] Церковный Вестник, №2 и 12 за 8 января и 18 марта 1904 г., столб. 40 и 356.

[4] Отзывы епарх. архиереев о церковной реформе. С.-Пб., 1906 г. Т. I. С. 179; II. С. 553.

[5] Там же. Т. I. С. 130; II. С. 137–138; III. С. 389–390, 392.

[6] См. у бывшего ректора и проф. Санкт-Петербургской дух. акад. протопресвитера И. Л. Янышева: «Правосл.-христ. учение о нравственности. 2 изд., С.-Пб., 1906 г. С. 71. 186, 200, 423. Более спокойное, хотя довольно отвлеченное рассмотрение нашего вопроса мы встретили в брошюре Г. С. Введенского: «Наше ученое (?) монашество и современное церковное движение». Москва, 1906 г. Из доклада пр. Н. Н. Глубоковского. «Журналы...» Т. IV, 250, сноска.

[7] Сообщил директор канцелярии обер-прокурора Св. Синода В.И. Яцкевич.

только для заурядных, но и для талантливых. Гении родятся веками, обыкновенно же мудрость вырабатывается выучкой, опытом, трудом под руководством опытных и мудрых учителей и начальников. Ее дают школа учебная и школа служебная. Раньше это и соблюдалось. Раньше ученые иноки начинали службу с самых незначительных должностей и постепенно подвигались по служебной лестнице. Знаменитый Санкт-Петербургский митрополит Исидор начал службу с должности помощника библиотекаря Санкт-Петербургской духовной академии. В последнее же время этот мудрый порядок был забыт. Только очень немногие из «ученых» иноков могли похвастаться, что они до епископства прошли серьезную служебную школу, разносторонне подготовившую их к великому служению. Большинство же начинали епископствовать, не получив нужной подготовки. Вся обстановка, все условия доепископской службы «ученых» иноков были таковы, что скорее могли развращать, чем воспитывать и усовершать их. Молодой инок жил в миру, не проходя монастырского подвига послушания, не воспитывая в себе главной, не только в монашеской, но и вообще в христианской жизни добродетели — смирения. Ученый инок, обыкновенно, не шел, а летел на аэроплане по служебной дороге, перегоняя не только своих самых талантливых товарищей, но и своих учителей и профессоров, не принявших иноческого звания. В то время как талантливые, честные и чистые светские студенты назначались помощниками инспекторов семинарий, преподавателями семинарий и духовных училищ, а инспекторские и смотрительские места были для них мечтой, которая нередко не сбывалась до самой их смерти, — ученые монахи — в последнее время сплошь и рядом самые слабые в науках — сразу занимали места инспекторов семинарий, смотрителей духовных училищ, через два-три года становились ректорами

семинарий, настоятелями богатейших монастырей[1], а через 8–10 лет уже святительски благословляли и своих учителей. На протяжении всего своего служебного жития ученый монах-инспектор, ректор, настоятель монастыря, наконец, владыка — только властвовал. А между тем, дабы уметь властвовать, надо научиться служить и подчиняться; а властвовать — не значит управлять.

Нельзя не отметить при этом одной особенности. Епископ должен знать все стороны епархиальной жизни, чтобы управлять епархией. Готовящиеся же к епископскому служению «ученые» иноки обыкновенно упражнялись только на одном поприще — духовно-учебном[2], которое в последнее время, можно сказать, всецело было им отдано для не всегда зрелых экспериментов. В прежнее время ректора семинарий состояли и членами консисторий — последнее же время и это не практиковалось. Часто поэтому случалось, что инок начинал знакомиться с епархиальной жизнью и органами ее управления, лишь заняв епископскую кафедру. Но тогда трудно ему было за множеством перегородок разглядеть и понять ее.[3] И не удивительно, что, при незнании епархиальным епископом ни порядков, ни законов, ни жизни, вершителем епархиальных дел оказывался секретарь Консистории, ловкий ее член, личный секретарь архиерея или еще кто-либо.[4]

---

[1] Это была одна из ошибок, когда не проходившему никакого монастырского послушания, не знакомому с настоящей монашескою жизнью, чуждому монашеского духа и уклада «ученому» иноку поручалось управление монастырем.

[2] Только немногие попадали в настоятели монастырей и еще меньше — в миссию.

[3] В других православных Церквах дело обстоит лучше: там все же постригают с большим разбором и затем постриженных ведут к епископскому служению, последовательно знакомя их с епархиальной жизнью чрез прохождение разных должностей по епархиальному управлению.

[4] Проф. А. Н. Заозерский указывал на это. См. «Журналы...» Т. I, 513.

Быстрота движения по службе, односторонность служебного стажа и оторванность от действительной жизни мешали ученому монаху опомниться, осмотреться, изучить жизнь. А занимавшиеся им высокие должности не могли воспитать в нем смирения. Такая «система», не годная для подготовки опытных деятелей, портила и коверкала характеры, развращала и уродовала «ученых» монахов. Если «ученый» монах был способен и талантлив, у него сплошь и рядом развивалось всезнайство, высокомерие, не знавшие пределов самодурство, деспотизм и тому подобные качества. Если он был благочестив, — что, впрочем, не часто случалось, — то он либо терял свое чистое настроение и смирение, превращаясь иногда в насильника и деспота, либо обращался в безвольного, не понимавшего запросов и интересов жизни манекена у власти, которым управляли и играли другие — его приближенные, почти всегда разные проходимцы и нахалы, а он не управлял никем. Лишенные же особых дарований и не стяжавшие благочестия «ученые» монахи под влиянием такой системы превращались в спесивых самодуров, тупых, упивавшихся собственным величием бездельников, плохих актеров, горе-администраторов и т. п. Каждый из упомянутых типов можно было бы иллюстрировать длинным рядом примеров и имен. Но... зачем тревожить тени!

В особенности много соблазнов несло с собой самое епископское положение.

Как ни в одной из других православных Церквей, у нас епископское служение и вся жизнь епископов обставлялись особенным величием, пышностью и торжественностью. В этом проглядывала высокая цель: возвысить престиж епископа и его служения. Неразумными же ревнителями величия архиепископского сана, с одной стороны, честолюбивыми и славолюбивыми владыками, с другой, пышность и торжественность всей архиерей-

ской обстановки часто доводилась до смехоты и абсурда, до полного извращения самой идеи епископского служения, делая наших владык похожими на прежних самых изнеженных и избалованных барынь, которые любили спать на мягком, есть нежное и сладкое, одеваться в шелковистое и пышное, ездить — непременно в каретах. Вся такая обстановка в большей или меньшей степени развращала даже лучших, а худших часто делала смешными и даже отвратительными.

А между тем, как ценил наш русский народ в наших владыках простоту, чуждую показной напыщенности и всякой изнеженности! Она сразу окружала владыку ореолом святости и влекла к нему сразу всех — и простецов, и знатных. Владыки, спустившиеся до благородной общежитейской простоты, боготворились народом. Новгородцы долго не могли забыть своего викарного епископа Арсения, чуждавшегося всякой архиерейской помпы и умевшего к каждому — и старому, и малому — подойти запросто и отечески обласкать его. Но такие владыки являлись редким исключением.

Богатейшие архиерейские оклады, открывавшие неограниченную возможность роскошной жизни, а также льстившие честолюбию и развивавшие недостойную епископа суетность пожалования орденами и звездами тоже не могли способствовать духовному росту носившего епископский сан. Погоня за этими отличиями, сопровождавшаяся нередко невероятными унижениями, завистью и кознями, была одним из печальнейших явлений нашей церковной жизни последнего времени.

Нельзя не отметить еще одной особенности прежней архиерейской жизни. У нас, как ни в одной из православных Церквей, епископ был отгорожен от мира и людей рядом перегородок. Он показывался народу лишь в величии своего сана: священнодействующим в храме, торжественно принимающим просителей в зале; на улице он появлялся только в карете; в простой обстановке, в семейном быту его могли видеть только самые близкие и избранные. Но из окна кабинета или кареты, как и с церковной кафедры, нельзя было увидеть жизнь, как она протекала, в неприкрашенном виде, узнать и понять ее. И большинство русских владык были удивительно далеки от жизни: та жизнь, которую они в детстве и юности наблюдали, изменилась, ушла, а новая была закрыта от них стенами их дворцов и карет, лестью, неискренностью, подмазыванием и подхалимством их подчиненных. Обычно всякое новое явление, доходившее до их слуха, расценивалось ими с точки зрения канонов IV–IX вв., хотя бы в данном случае канон оказывался отставшим от жизни и жизнью отмененным. Конечно, были и мудрые и святые владыки, но нежизненных и немудрых было больше.

Укажем еще на одно явление, которое мешало нашим владыкам знать даже чисто церковную жизнь своих епархий, — это принявшие в последнее время массовый характер перемещения с одной кафедры на другую. Особенно они развились в обер-прокурорствование В. К. Саблера. Совершались эти перемещения то в награду, то в наказание. Еп. Владимир Путята на протяжении четырех лет побывал на пяти кафедрах — одной викарной и четырех самостоятельных. Из викариев Санкт-Петербургской епархии он в 1911 г., был переведен на самостоятельную кафедру в Омск, отсюда в 1913 г. в Витебск, затем в 1914 г. в Новочеркасск — архиепископом Донским, а в 1915 г. в Пензу. Первые три перемещения выражали благоволение к нему его друга В. К. Саблера, последнее было наказанием за его беспутную жизнь.[1] Питирим, архиепископ

[1] Списки архиереев иерархии всероссийской... С.-Пб., 1915 г. С. 317.

Курский, в 1911 г. переводится во Владикавказ, в 1913 г. в Самару, в 1914 г. в Тифлис экзархом Грузии, в 1916 г. в Петроград — митрополитом.[1] Архиеп. Серафим (Чичагов), пробыв менее одного года (с 10 апр. 1905 г. по 3 февр. 1906 г.) в Сухуме, попадает в Орел, оттуда через два года (в 1908 г.) в Кишинев, а в 1914 г. в Тверь.[2] Митрополит Московский Владимир 23 ноября 1912 г. переводится в Петербург, а 23 ноября 1915 г. в Киев; еп. Феофан (Быстров) с 22 февр. 1909 г. — епископ Ямбургский, с 19 ноября 1910 г. — Таврический, с 25 июня 1912 г. — Астраханский, а с 8 марта 1913 г. — Полтавский[3] и т. д. и т. д.

За три года саблеровского правления из 186 епископов только 36 не были тронуты с мест.[4] Можно сказать, что вся наша иерархия в эти годы кочевала по России, перепрыгивая с одной кафедры на другую.

«Срок службы большей части архиереев последнего обер-прокурорства, по счету группы петербургских священников, — писал Екатеринославский епископ, — не превышает 4-х лет в епархии. Целые десятки архиереев увольняли на покой и переводили из одной епархии в другие, этим делая большую часть архиереев чуждыми своей пастве, утомленными сизифовой работой, апатичными. Почему, например, епископ Кавказа, уроженец его, преосв. Кирион оказался более нужным Орловской епархии, чем родному Кавказу? Ведь это бессмыслица, нелепее которой трудно придумать».[5]

Между тем обычай частых епископских перемещений, не практикуемый ни в одной из восточных православных Церквей и только у нас широко применявшийся, противоречит не только букве, но и духу канонов, по которым епархиальный епископ (как и приходской священник), вступая в управление паствой, вступает в духовный союз с нею — союз нерасторжимый, не допускающий смены паствы.[1] По Уставу Константинопольской Церкви, перевод с одной кафедры на другую может быть допущен не более одного раза для каждого епископа, и то в виде исключения. Привился у нас этот обычай под влиянием государства, где перемещение сановников с места на место — в порядке вещей.[2] Папа Лев в своем послании епископа, переходящего с бедной кафедры на богатую, сравнивает с человеком, который покидает свою бедную невесту ради богатой, — он есть прелюбодей.[3] У нас же преимущественным мотивом перемещений служило получение более богатой епархии. Движение обратное означало наказание. Надо ли доказывать, что подобные частые перемещения, хотя бы и приятные для перемещаемых, были всегда невыгодны для епархий. При таком порядке немногие епископы, особенно многолюднейших епархий, могли сказать: «Знаю моих и мои знают меня» (Ин. 10, 14).

Знакомству епископа со своими пасомыми и их пастырями, кроме указанных причин, не могли способствовать и порядок, как и характер архиерейской работы. Проследим порядок дня епархиального архиерея.

Кроме утренней и вечерней келейной молитвы благочестивые русские архиереи ежедневно присутствовали на утренних и вечерних богослужениях, совершав-

[1] Списки архиереев иерархии всероссийской... С.-Пб., 1915 г. С. 235.
[2] Там же. С. 111.
[3] Там же. С. 4—5; 272—273.
[4] В. Г. Орлов. «О церковной жизни». Москва, 1915 г.
[5] Отзывы архиереев... Т. III. С. 8—9; 188.

[1] 14 ап., I Всел. 15, Ант. 16, Сард. 1 и 2.
[2] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. I, 432.
[3] Там же. I, 441.

шихся в их домовых церквах, а накануне воскресных и праздничных дней и в самые эти дни сами совершали богослужения. В будни, после утреннего богослужения, следовал прием докладчиков и просителей. Докладывали архиерею: его личный секретарь, секретарь и члены Консистории, ректор семинарии, смотрители духовных училищ, начальницы епархиальных женских училищ, миссионеры, председатель и смотритель свечного завода, епархиальный наблюдатель церковно-приходских школ, председатель епархиального училищного совета; дальше шли доклады по братствам, эмиритальной кассе, епархиальному попечительству о бедных, по разным обществам и комиссиям и т. д. С просьбами являлись самые разнообразные лица и по самым разнообразным делам: о назначениях, увольнениях и переводах, о разрешениях на вступление в брак несовершеннолетних, о разводах, о наградах; являлись жалобщики и обвиняемые, довольные и обиженные, богатые с жертвами, а бедные за подаянием и т. д., и т. д. Архиерейская гостиная часто бывала переполнена народом. Нельзя было и требовать от епископа, чтобы он каждому просителю уделил много времени. Довольно было и того, если у него хватало терпения выслушать все просьбы и дать на них те или иные, хотя бы самые краткие, ответы. Далее следовал обед, кратковременный отдых, экстренные приемы, визиты, а к вечеру епископа ожидала гора бумаг: журналов, протоколов, просьб, донесений, жалоб и пр., и пр. В многолюдных епархиях архиереи буквально утопали в массе таких бумаг, ежедневно тратя на их просмотр по много часов. Каждую из таких бумаг архиерей должен был прочитать, над иными долго поразмыслить, на каждой положить свою резолюцию. Само собой понятно, что епископ не имел возможности глубоко вникнуть в каждое дело, проверить правильность

решения, принятого представившей бумагу инстанцией, и он часто писал резолюцию, доверяя решавшим дело.[1]

Как и в Синод, к епископу поступало много бумаг, которые могли бы обойтись и без его утверждения. Но таков уж был порядок, что епископ должен был знать все происходящее в его епархии, и ничто не должно было совершаться там без его благоизволения и благословения. А результат получался обратный: архиерей узнавал бумажную, казовую сторону жизни, притом в освещении третьих лиц, поверхностно и далеко не всегда верно, подлинной же духовной жизни своей паствы не видел, переживаний паствы не замечал и часто даже ее болезненных воплей не слышал. Начальничьи архиерейские резолюции на бумагах заменяли живые отеческие отношения архиерея к его пастве. И фактически связь архиерея с паствой сводилась к нулю, а с нею обесценивалось и влияние епископа на паству. Часто его и совсем не было: епископ жил своею жизнью, а паства своей. И лишь отдельные члены паствы видели архиерея в величии владыки, на великолепнейших архиерейских богослужениях, с которых они уходили более или менее ублаженными благолепным служением. Но и по идее архипастырского служения, и по нуждам времени не это только требовалось для паствы. В годы государственной смуты и душевных смятений, назревавшего религиозно-морального кризиса, исканий, сомнений и блужданий — может быть, как никогда раньше — требовались еще близость отца-архипастыря к его детям — пасомым, его разумное наставление, внушение, предостережение, его мудрый отеческий совет, его мощная поддержка.

---

[1] Я собственными глазами видел достойные увековечения архиерейские резолюции: «Исполнить, что можно исполнить»; «Все верно, кроме моих замечаний». (См. Полоцкие Епарх. Ведомости за 1915 г. Резолюции на протоколах епарх. съезда.)

Конечно, нельзя сказать, чтобы все наши архипастыри совсем не входили в общение со своими пасомыми. Были архиереи более или менее общительные, находившие возможность, при всех своих многосложных обязанностях, поддерживать и отеческие отношения со своими пасомыми. Но характерен факт: внимание наших владык уделялось почти всегда и исключительно «благочестивым» — старушкам, вдовицам, женам и мужьям, елейно настроенным. К свободомыслящим же, «нечестивцам», к которым весьма часто причисляли не только хромающих в отношении веры, но и просто не умеющих лицемерить и играть верой, владыки относились с подозрением или просто сторонились их. А Христос-то прежде всего шел к грешникам, ибо не здоровые, а больные имеют нужду во враче, и из Савлов иногда выходят Павлы.

Образовавшаяся между епископами, с одной стороны, паствой и, как увидим дальше, с клиром, с другой, рознь была слишком заметна для всякого, кто следил за церковной жизнью. Участники Предсоборного Присутствия в 1905 г. многократно указывали на ненормальное положение русского епископа и доказывали необходимость принятия мер к устранению его.[1] «Русский епископ, — докладывал Н. Д. Кузнецов, — обратился в сановника и даже богатого землевладельца, окруженного целым штатом светских чиновников... Епископ сделался в глазах духовенства и народа скорее администратором известного церковного округа, чем пастырем человеческих душ. В сознании очень многих уже давно укоренилось представление об епископах как о лицах, по табели о рангах соответствующих генералам, и мы невольно приравниваем епархиального начальника к губернатору, а викарного архиерея к вице-губернатору. Громадные размеры епархий с миллионным населением и тысячами церквей и духовенства, вверяемых попечению епископов, заставляют его заниматься лишь делами внешнего церковного порядка, и притом самым кабинетным образом. Близкие и жизненные отношения епископа к пастве уже давно совершенно подавлены началом бюрократическим... К этому следует добавить, что современное церковное управление требует умелого распоряжения разными земными средствами и чисто мирских знаний и опытности. При таких условиях нужно обладать особыми дарами и быть гораздо выше обыкновенного среднего человека, чтобы еще возможно было должное исполнение главных пастырских обязанностей, направленных к возрождению человеческих душ и соединение их с Богом. Обыкновенно мы видим, что административная деятельность епископов парализовала у них пастырскую... Завет апостола пасти Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе кровию Своею (Деян. 20, 28), оказался сведенным к управлению ею, да еще наподобие чисто бюрократической деятельности».[1]

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. I, 207; II, 470 и др.

«Не имея возможности быть действительными пастырями для всех, — пишет проф. Е. И. Голубинский, — архиереи наши все меньше и меньше заботились о том, чтобы быть таковыми пастырями некоторых, и кончили тем, что совсем перестали быть ими, став как бы не существующими для паствы и оставшись только высшими церковными чиновниками, окружными начальниками приходских духовенств».[2]

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. III, 78–79.

[2] Проф. Е. Голубинский. «История Русской Церкви». Т. I, полов. 1. С. 368.

Лучшие епископы сами сознавали создавшуюся ненормальность их положения. Один из них писал, что «нет в современной России непосредственных, близких отношений архиереев к их пастве и духовенству, вследствие чего они (архиереи) были и до днесь являются не столько архипастырями, сколько высшими начальниками, окруженными чиновниками».[1]

Другой епископ сознавался, что епископы «по причине обширности своих епархий и многочисленности пасомых поставлены в невозможность близко знать свою паству и даже подведомственное им духовенство, не имеют по той же причине и тесной связи со своею паствою».[2]

Сознавали лучшие епископы и опасность такого положения. «Пока архипастыри будут для духовенства и народа почти чуждыми им чиновными властителями, вроде начальников губерний, — деятельная любовь и христианские добродетели не могут быть восстановлены в духовенстве и народе», — писал один епископ.[3] А другой епископ считал, что «епископы должны быть поставлены так, чтобы они, по примеру апостолов, были свободны от всяких хозяйственных и канцелярских дел и пребывали только в молитве и служении слова, чтобы они были всем вся, первые последними и большие рабами и служителями всех, велики не по своей власти, а своим внутренним религиозно-нравственным авторитетом, чтобы они — архипастыри — знали свою паству и глашали своих овец по имени, чтобы они были первыми миссионерами, учителями и руководителями в религиозно-нравственной жизни пастырей и мирян, чтобы к ним имели свободный во всякое время доступ не только всякий клирик, но и мирянин».[1]

[1] Отзывы епарх. архиереев по вопросу о церковной реформе. С.-Пб., 1906. Ч. II, № 51. С. 52.

[2] Там же. Ч. I, № 24. С. 521.

[3] Там же. Ч. III, № 49. С. 13.

Нельзя не упомянуть здесь еще об одном явлении, наблюдавшемся в нашей дореволюционной церковной жизни: тогда для большинства архиереев, а для архиепископов и митрополитов почти обязательно, архиерейское служение было пожизненным. Поэтому на архиерейских, нередко самых ответственных и трудных, кафедрах иногда оказывались совершенно одряхлевшие не только физически, но и духовно[2], и даже психически ненормальные[3], не способные уже ни к какой работе. И еще чаще продолжали «управлять» епархиями и украшаться звездами — конечно, не небесными — владыки, ясно доказавшие полную неспособность к административной деятельности.[4] Получалось впечатление, что не архиереи для епархий, а епархии для архиереев, и что высшей власти как будто было совершенно безразлично: управляется или не управляется епархия. Не лучше ли было бы: освободив одряхлевшего владыку от управления, окружить его какой угодно честью и славой, если он в них еще не перестал нуждаться, чем обрекать епархию на безначалие? И для таких владык это было бы лучше: многие из них иногда отходили бы в историю в ореоле своих прежних дел и не оставляли бы тяжелых воспоминаний, связанных с годами немощного их владычествования.

[1] Отзывы епарх. архиереев по вопросу о церковной реформе. С.-Пб., 1906. Ч. I, № 21. С. 334. По вопросу о роли русских архиереев можно найти материал: а) в особом мнении прис. пов. Н. Д. Кузнецова, в общее собрание Присутствия 1.06.06 г. («Журналы...» Т. III. С. 77–79); «Истории Русской Церкви» проф. Голубинского; «Вопросах веры и церкви» Н.В. Гилярова-Платонова. Москва, 1905. Т. I; и «Отзыв епарх. архиереев по вопросу о церковной реформе. С.-Пб., 1906. Т. I. I–III.

[2] Как впавший в детство архиеп. Ставропольский Агафодор и отчасти Московский митр. Макарий.

[3] Митр. Санкт-Петербургский Палладий, Московский Леонтий, Киевский Феогност.

[4] Как Кубанский еп. Иоанн и мн. др.

Теперь скажем несколько слов об отношениях наших архиереев к клирикам.

В восточных православных Церквах нет такой разницы между положением архиерея и положением священника, какая существовала в нашей Церкви. Там и в материальном обеспечении разница между архиереем и священником не столь уж значительна, и в правовом отношении там священник достаточно независим: священник избирается на приход паствою, может быть лишен места только по суду; за его спиною стоит паства, могущая защитить его. У нас же было иное. Епископ — магнат, в сравнении с ним священник — пролетарий.[1] Епископ — владыка, владычествующий прежде всего над священником. Мирянин подчинен епископу, пока признает его. Если же он не признает епископа, то может и не подчиняться ему. Но священник всегда и во всем зависим от архиерея. Архиерей дал ему благодатный дар, но он же без суда и следствия может приостановить действие этого дара (запрещение в священнослужении); в его власти и отнять у священника сан. Епископ может облагодетельствовать священника, назначив его на хороший приход, но может также поставить его в невозможные условия существования, переведя многосемейного на бедный или разоренный приход; может постепенно довести его до нищенства, переводя с одного места на другое. За каждой из этих фраз стоят сотни, тысячи примеров. В 60-х годах прошлого века в Полоцкой епархии архиерей, исключительно по своему капризу, в течение нескольких месяцев переместил всех священников своей епархии. По крайней мере, на протяжении тридцати лет после того передавались там рас-

[1] Особенно в северных губерниях; в южных — духовенство было обеспечено лучше.

сказы, как по всем дорогам тогда тянулись обозы со священническим скарбом и семействами, как перемещавшиеся, еще не доехав до места, в дороге получали новые назначения и т. п. Подражатели же этому преосвященному, только в иных размерах и иной форме, не переводились до последнего времени.

Таким образом, права архиерея были огромны; духовенство всецело зависело от него. При таком положении дела властвованию легко дойти до деспотизма, а послушанию — до раболепства, со всеми обычно сопутствующими ему проявлениями — лестью, подхалимством, пресмыкательством и пр. Мы еще помним владык, которые требовали от священников — не исключая заслуженных старцев-протоиереев — чтобы те приветствовали их обязательно земными поклонами...

Примеров высокомерно-пренебрежительного отношения наших владык к подчиненным им белым священникам можно было бы указать тысячи, когда, например, — это особенно часто случалось во время архиерейских поездок по епархии, — владыка сажал рядом с собой исправника или даже станового пристава, а старик-священник в это время должен был стоять навытяжку или ютиться у порога, на кончике стула; когда владыка говорил приготовившемуся угостить его обедом (согласно объявленному маршруту) священнику: «Меня только что пригласил отобедать у него здешний помещик (поляк-католик), я у тебя не буду обедать»; или когда прибывший в храм «не в духе» владыка начинал перед всеми прихожанами придираться к священнику и разносить его. А это обычное, особенно у молодых, — совсем недавно — плохих студентов, — архиереев обращение к убеленным сединами священникам на ТЫ, когда к тому же станóвому приставу они обращались на ВЫ... и т. д., и т. д.

Как контраст такой и подобной, принижавшей не только третируемых священников, но и третировавших их архиереев, архиерейской грубости, вспоминается величавая фигура всегда благородного, чуткого, ко всем внимательного и в обращении решительно со всеми простого и приветливого Санкт-Петербургского митрополита Антония (Вадковского), бывшего действительным отцом, братом, другом духовенства. Его пример нашел последователей, но, к сожалению, не искоренил упрочившегося зла.

Правда, предоставленная архиерею власть над духовенством должна была умеряться и смягчаться лежащими на нем нравственными обязательствами: епископ обязан быть отцом, другом, слугою, всем для всех своих пасомых, в том числе, и прежде всего, для своих соработников на ниве Христовой — пастырей. Но на нашей грешной земле и особенно в наш материалистический век хорошо помнят о своих правах и не любят вспоминать о своих обязанностях. Наши иерархи не составляли тут исключения. Отцовство их в отношении к пастырям проявлялось реже, чем начальничество, которое у некоторых принимало резкий и оскорбительный для подчиненных тон, когда епископ подчеркивал, что он — владыка, а они — «попишки». Не удивительно, что в то время, как дети ищут общения с любящим отцом, священники, особенно провинциальные, избегали встреч со своим владыкою. И некоторым это очень удавалось. Мы знали одного священника (Ал. Ч-го), который, прослужив 35 лет в одном селе (Г-чи) П. епархии, ни разу после рукоположения не видел епископа. И это было в маленькой епархии (308 приходов). Можно ли было признать нормальным такое положение дела, когда епископ даже ни разу не видел некоторых своих сотрудников и потому не мог иметь о них представления?

По самой идее епископской власти, по обязанности начальника, руководителя епархии, епископ должен объединять около себя пастырей, руководить ими, вдохновлять их, исправлять их неверные шаги и направлять их на правильный путь. Пастыри, со своей стороны, должны быть проводниками идей и предначертаний епископа, а в других случаях — его советниками и осведомителями. Только при таком содружестве и согласном действовании может преуспевать церковное дело, процветать врученная епископу Церковь.

На деле было иное. Обремененный всевозможными делами епископ тяготился общением со священниками и при случайных встречах с последними старался поскорее отделаться от них; священники предпочитали не напоминать о себе епископу и реже попадаться ему на глаза. В результате получалось, что общение епископа со священниками ограничивалось случайными, короткими встречами — планомерного и регулярного общения не было.[1] При отсутствии такого общения не было и планомерного руководства епископа пастырями. Составлявшиеся на основании архиерейских резолюций консисторские циркуляры не могли заменить живого общения и личного руководства.

Это отсутствие живого общения архипастыря с пастырями было одной из самых больных сторон нашей церковной жизни. Сколько неопытных пастырей было бы научено, сбившихся — направлено на добрый путь, отчаявшихся — обнадежено, упавших — поддержано; сколько, с другой стороны, епископ почерпнул бы новых и нужных сведений о состоянии своей паст-

[1] Епископ иногда не находил нужным или «не имел времени», чтобы сказать несколько наставительных слов новопосвященному иерею. Это мы испытали на себе.

вы, о ее переживаниях и нуждах — если бы он чаще и задушевнее беседовал со своими пастырями!

Ознакомлению и общению с пастырями могли служить архиерейские поездки по епархии. Но их следовало в корне изменить. В том виде, как они совершались, когда архиерей ехал окруженный не только своей свитой, но и сонмом светского начальства и свое пребывание в том или ином приходе ограничивал служением молебна, реже литургии, кратким поучением, беглым осмотром храма с проверкой церковной отчетности, закуской или чаепитием у священника, — такие поездки для бедных иереев и их прихожан уподоблялись варварскому нашествию.

Пред проездом владыки полиция выгоняла крестьян для исправления дорог, по которым должен был следовать владычный поезд. При проезде — та же полиция наряжала бесплатно для тяжелой, дорожной архиерейской кареты и свитских экипажей крестьянских лошадей, которые нередко при быстрой езде по песчаным или грязным дорогам надрывались и погибали. Встречавшие и провожавшие крестьяне отрывались от полевых работ, — ибо в рабочую летнюю пору обыкновенно разъезжали по своим епархиям владыки, — и крестьяне терпели ущерб. Для самого священника прием архиерея с его многочисленной свитой «несытых скотов», которых надо было не только накормить и напоить, но и ублажить, прежде всего надолго расстраивал его скудный бюджет, а затем мог сулить всякие неожиданности, в особенности если владыка пребывал «не в духе» или если его челядь оставалась недостаточно ублаженною.

Бывали, конечно, владыки, приезд которых напоминал приезд после долгой разлуки отца к сыну, которые при посещении прихода старались вникнуть в пастырскую работу священника, в его нужды и переживания, как и в нужды прихожан, и всем посильно помочь. Но такие владыки являлись нечастыми исключениями.

А чего проще было нашим епископам подражать Пастыреначальнику, беседовавшему с апостолами, проходя по засеянным полям, когда те растирали в руках колосья и ели (Мф. 12, 1; Мк. 2, 23; Лк. 6, 1), или на берегу озера, после рыбной ловли, у горящего костра, на котором пеклись для ужина рыбы (Ин. 21). Чудный пример дает и ап. Павел, не переставший навещать просвещенные им города и страны и утверждать в вере учеников и пресвитеров. Сохранилась запись об одной из трогательно-задушевных Павловых бесед — беседе с пресвитерами Ефесскими (Деян. 20, 17–38). Если бы и наш епископ поставил себе целью, без многочисленной свиты и помпы, посетить все благочиния своей епархии, увидеть всех пастырей в обыденной, житейской обстановке и провести с ними в общении и беседах не по десять минут — простое посещение намеченных пунктов, куда могли бы собраться все священники данной округи, — тогда и он мог бы иметь апостольский успех. Там за чашкой чаю, за простой трапезой, за прогулкой в лесу, за ловлей рыбы, в задушевной и родственной обстановке он мог бы действительно узнать «своих», как и «свои» узнали бы его, раскрыли бы пред ним свои души и поспешили бы приобщиться к его опыту и мудрости. Там епископ мог бы увидеть жизнь подлинную, неприкрашенную. Там он мог бы узнать жизнь и нужды не только пастырей, но и пасомых, запросто, не страшась грязи и убожества, заглянув в деревянные избы и побеседовав с их обитателями.[1] А молитвенное общение, для

[1] В 1916 г. мы советовали двум епископам (П-му и М-му) проверить на опыте целесообразность таких именно поездок. Они обещали. Революция помешала им исполнить обещание.

которого тут нашлось бы довольно времени, закрепило бы установившуюся сердечную связь между архипастырем и пастырями. Верится, что архиерейский авторитет от таких поездок только выиграл бы. Тогда архиерейского приезда ждали бы, а не страшились, а пребывание архиерея в доме священника оставляло бы память о дорогом госте, любимом отце, а не о грозном владыке. Торжественность, может быть, и пострадала бы, зато дело пастырское выиграло бы, а любовь торжествовала бы. Тогда обозревающий свою епархию уподоблялся бы не метеору, который поражает эффектом, но иногда и засыпает пылью, а солнечному лучу, который согревает и оживляет все существующее на земле.

Даже и между епископами и благочинными, которые по своей должности являлись посредниками между епископом и духовенством, наместниками архиерея в благочиннических округах, — не было желательного общения. Между ними поддерживалась более бумажная, чем живая связь: благочинный доносил, владыка приказывал и предписывал. Множество благочинных держалось той же практики, что и священники: лучше реже показываться на глаза начальству. И чаще показывались пронырливые, желавшие выслужиться, а не лучшие.

Отсутствие живого, постоянного общения архиерея с благочинными отражалось, между прочим, на понимании ими своих заданий и обязанностей. Об этом мы скажем, когда специально о них поведем речь.

Консистория и ее секретарь; благочинные

Раньше консистория имела весьма дурную славу. В иерейских кругах о ней повторяли слова Щербины: «Consistoria порочит, diaconorum, djacorum et ponomarorum obderantio[1] est». Еще называли консистории «Пилатовскими конторами». Такая характеристика в значительной степени была верна: взяточничество процветало в наших прежних консисториях, правда не уживалась там. Брали там все: и секретарь с чиновниками, и заслуженные протоиреи — члены консисторий; брали и с виновных, и с правых; брали деньгами и натурой: чаем, сахаром, медом, вареньем, всякого рода живностью — индюками, гусями, поросятами и т. д. Поводов к «взиманиям» находилось множество: назначения, увольнения, перемещения, награды, разного рода судные дела, дела бракоразводные, аренды, покупки и продажи, постройки и ремонты и разные иные решавшиеся в консисториях дела тогда проходили гладко и скоро, когда заинтересованными в них ублажались консисторские чины. Сановные консисторские протопопы иногда откровенно заявляли просителю: «Ущедри мя, и прославлю тя».

С конца прошлого столетия началась значительная эволюция консисторских порядков и настроений. Все

[1] От слова «обдирать» — обирать.

чаще и чаще начали встречаться в консисториях секретари нового типа — молодые кандидаты духовных академий и такие же — нового духа академисты-члены консисторий, усердно принявшиеся за искоренение всякой нечистоплотности в ведении консисторских дел и за введение новых порядков. Результат не замедлил обнаружиться: скоро наши консистории начали даже вызывать похвалу. Проф. Н. Н. Глубоковский докладывал Общему Собранию Предсоборного Присутствия 24.11.1906 г., «что, в общем, новые консисторские секретари везде[1] стояли на высоте призвания, как люди свежие, достаточно опытные, энергичные, преданные службе ради дела, чуждые прискорбных повадок и подозрительных замашек прежнего консисторского режима, между тем несли такие «деликатные», сложные и многопредметные обязанности, каких нет ни у одного из аналогичных чинов во всей Российской державе... Они не только уничтожили все архаическое, но и самые учреждения преобразили до неузнаваемости во всех отношениях, почему ныне наши консистории могут с успехом и надеждою на победу спорить со многими сродными правительственными установлениями».[2]

Действительность не всегда отвечала приведенной характеристике, ибо старые консисторские нравы и порядки не легко поддавались искоренению и время от времени давали о себе знать. Но все же большого сдвига в лучшую сторону нельзя было отрицать.

Виновником появления секретарей нового типа считали тогдашнего товарища обер-прокурора В. К. Саблера. Благодаря ему при Синоде образовалась своего рода

[1] К сожалению, не везде.

[2] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. III, 160.

«секретарская академия», где молодые кандидаты богословия специально воспитывались и тренировались к исполнению секретарских обязанностей, а потом, разъезжаясь по местам, применяли на службе усовершенствованные приемы высшей школы со всеми ее облагороженными особенностями.[1]

Освободившись таким образом в значительной степени от злоупотреблений прежнего времени, наши консистории однако до самой революции не успевали обновиться в самом своем строе, который оставался архаическим и во многих отношениях страдал серьезными недостатками.

О недостатках консисторского строя писалось и говорилось много.[2] Еще митр. Филарет указывал в качестве существенного недостатка консисторий — тройственность власти: епископской, Св. Синода и обер-прокурора.[3] Епископу была подчинена консистория, Св. Синод назначал и увольнял членов консистории, обер-прокурор назначал и увольнял секретаря. В 1905–1906 гг. только немногие преосвященные, как, например, Туркестанский и Тульский, решались утверждать, что недочеты, приписываемые консисториям, преувеличены.[4] Остальные признавали необходимым скорейшее преобразование консисторского строя. Член Предсоборного Присутствия, проф. прот., Т. И. Буткевич преобразование консисторий считал самым неотложным делом в Русской Церкви. «Консистории, — говорил он в заседании II отдела

[1] Журналы и прот. заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. 16, III, 161.

[2] Елагин. «Чего надо желать для нашей Церкви». Вып. I–II. С.-Пб., 1882–5; архим. Михаил Всеменов /«Епископ и консистория»/ Церк. Вед., 1905, № 29/; проф. Заозерский. «О церковной власти». Серг. Посад., 1894. «Журналы». Т. I.

[3] Собрание мыслей и отзывов митр. Филарета. Т. IV. С. 412.

[4] Журналы и прот. заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. I, 429.

Предсоборного Присутствия 2 мая 1906 г. — необходимо преобразовать в корне. Это будет великое благо. Если Присутствие решит вопрос о патриаршестве, введет другие реформы, но оставит консистории, то оно ничего не сделает для Церкви Божьей. А если и патриаршества, и других реформ не введет, но преобразует консистории, то сделает великое дело для Церкви».[1]

В словах Т. И. Буткевича было много правды. Консистория являлась тем присутственным местом, через которое, под непосредственным начальствованием архиерея, производились управление и суд в епархии.[2] Консистория служила главною, после архиерея, двигательною силою в епархии. Ее властная рука касалась всех сторон епархиальной жизни. Ее недостатки не могли поэтому не отражаться на жизни всей епархии и прежде всего на деятельности священников — этих, по преимуществу, работников на церковной ниве.

Недостатки консистории заключались а) в ее конструкции и б) в духе и характере ее работы.

К первым прежде всего надо отнести недостаток, отмеченный еще митр. Филаретом, — тройственность власти: консистория подчинялась Синоду, архиерею и обер-прокурору. Св. Синод и назначал, и увольнял членов консистории. Этим самым членам консистории как будто предоставлялась некоторая самостоятельность и независимость от архиерея. Но в то же время они назначались и увольнялись по представлению архиерея. Архиерей же волен был утвердить или отменить решение консистории. Имел он также право отстранить члена консистории от присутствования при решении извест-

[1] Журналы и прот. заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. I, 499.
[2] Устав духовной консистории. I.

ного дела и мог назначать временно присутствующих членов. Наконец, формально полунезависимые в консистории, консисторские члены оказывались всецело зависимыми от архиерея, как приходские священники. Первое, таким образом, аннулировалось последним. И при всесильной власти архиерея проявлять самостоятельность члену консистории было совсем небезопасно: слишком самостоятельный член консистории мог потерять не только консисторское, но и приходское место.

Власть же обер-прокурора Св. Синода простиралось на консисторию чрез ее секретаря, им назначавшегося и от него всецело зависевшего.

Только в Русской Православной Церкви был такой орган государственного надзора над церковной властью. В аналогичных учреждениях других Церквей — римско-католической, армяно-григорианской, евангелическо-лютеранской такого органа, как консисторский секретарь, не было. От лютеранских консисторий раньше губернский прокурор мог требовать представления ему на просмотр постановлений консистории. Потом это было отменено.

Положение секретаря и в консистории, и в епархии было двойственным. 285 ст. Уст. Дух. конс. гласила: «Секретарь консистории, находясь под ближайшим начальством епархиального архиерея, состоит вместе с тем в непосредственном ведении обер-прокурора Св. Синода как блюстителя за исполнением законных постановлений по духовному ведомству и обязан исполнять все его предписания». А по ст. 284 того же Устава «Секретарь может быть увольняем только по предложению обер-прокурора Св. Синода». Таким образом, с одной стороны, секретарь, как начальник консисторской канцелярии, был подчинен епископу; с другой же, — еще непосредственнее он подчинялся обер-про-

курору, непосредственно с ним сносился и также непосредственно от него получал указания. В консистории он был не просто консисторский чиновник, но блюститель закона, следивший за действиями и консистории, и даже самого архиерея и доносивший о них обер-прокурору Св. Синода. Он, значит, был не только подчиненным архиерея, но и обер-прокурорским оком и, если угодно, шпионом при архиерее, по велению обер-прокурора или по собственному усердию осведомлявшим последнего обо всем, что касалось жизни и деятельности архиерея.

В консистории при решении дел у секретаря была почти такая же роль, как у обер-прокурора в Св. Синоде: он не имел права голоса, но его голос был сильнее голоса любого из членов; он мог не высказывать своего мнения, но он давал освещение делу, разъяснял его по закону, все конфиденциальные сведения собирались чрез него; он не был председателем, но фактически он руководил ходом заседаний. Хотя по уставу консисторий, возглавляемой секретарем консисторской канцелярии принадлежала власть исполнительная, на деле же все существенное ею производилось: канцелярия составляла экстракты из дел, излагала ход дел, наводила справки, выставляла статьи закона; большинство консисторских постановлений предварительно заготовлялось столоначальниками. Присутствие консистории принимало постановления, заранее подготовленные докладами канцелярии и ее секретаря. Все, таким образом, в консистории делалось с ведома и по указанию ее секретаря. При таком положении дела, если секретарь консистории был сведущим и искусным, он мог легко забрать все в свои руки и, особенно при слабом архиерее, управлять не только консисторией, но и епархией. Сами архиереи сознавали это. На одном из заседаний

Св. Синода преосв. Герман[1] на вопрос: «Кто больше в епархии — архиерей или секретарь консистории» и на последовавший ответ: «Конечно, архиерей», — заметил: «Нет, это еще надо подумать».[2]

Как у членов консистории их формальная полунезависимость в консистории аннулировалась их приходскою зависимостью от архиерея, так, наоборот, формальная зависимость секретаря, как служащего в консистории, от архиерея, как начальника последней, совершенно стиралась полной зависимостью секретаря от обер-прокурора Св. Синода. И в действительности секретарь консистории мог быть в епархии совсем независимым и своею независимостью подавлять не только членов консистории, но и самого архиерея. Иногда самый сильный преосвященный ничего не мог сделать с секретарем консистории, если последний пользовался благоволением обер-прокурора. Известен такой случай из не столь далекого прошлого: Санкт-Петербургский митрополит просил об увольнении или переводе на другое место секретаря его консистории. Митрополиту ответили, что это не его дело, по самому Уставу консисторий (ст. 284). И митрополит Петербургский, Первенствующий член Св. Синода должен был уступить.[3] А что же мог сделать со своим секретарем какой-либо провинциальный архиерей, в особенности — слабый, не ладивший с обер-прокурором или не пользовавшийся его благоволением? Для такого преосвященного секретарь консистории, непосредственно, секретно сносившийся с обер-прокурором и осведомлявший, как уже говорилось, последнего

---

[1] Бывший Псковский.

[2] Журналы и прот. заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. III, 129.

[3] Там же. I, 509.

обо всем, что касалось не только деятельности, но и всех мелочей частной жизни епископа[1], был грозою.

Удивительно ли, что не только секретарь, но и столоначальники консистории в отношении духовенства держали себя начальниками. «Припоминается один эпизод из жизни покойного митр. Иннокентия (Московского), — докладывал Предсоборному Присутствию проф. о. Т. И. Буткевич. — Уже будучи архимандритом, он приехал в Петербург для принятия хиротонии и должен был явиться в Санкт-Петербургскую Духовную консисторию для предъявления своего паспорта. «Но когда я вошел в консисторию, — рассказывал митрополит, — и подошел к столоначальнику, он глянул на меня таким гордым оком и несытым сердцем, что я задрожал». «Сердце болит и теперь, — продолжал о. Т. И. Буткевич, — когда увидишь, как иногда дрожит пред молодым секретарем консистории престарелый и заслуженный благочинный-протоиерей. А отчего? — На секретаря жаловаться некому».[2]

Аналогия с Синодом у консистории получалась полная. Там властвовал обер-прокурор — здесь секретарь; там все подготовляли и все решали обер-секретари, секретари, столоначальники — здесь столоначальники. Разница была лишь в масштабе — в образовании, в развитии, в кругозоре синодальных и консисторских чиновников, как и возглавлявших их обер-прокурора и секретаря. Синодские чиновники, за редкими исключениями, — лучшие кандидаты академий, иногда магистры и даже доктора богословия; консисторские — сплошь и рядом недоучившиеся семинаристы, и того ниже — за-

[1] В канцелярии обер-прокурора мы видели такие донесения «ревностных» секретарей и поражались.

[2] Журналы и прот. заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. III, 152.

кончившие свое образование курсом духовных училищ, изловчившиеся в канцелярском крючкотворстве, заучившие консисторские законы и почти всегда далекие от понимания истинно церковного духа и истинных задач Церкви. Это были люди шаблона, формы, буквы, рутины, но не творческой мысли и животворящего духа.

И в другом отношении консистория походила на Синод. Как и Синод, она утопала в море бумаг, причем так же, как и там, к ней поступало множество дел, которые без всякого ущерба и с большим удобством и пользой могли бы разрешаться низшими инстанциями: благочинными, благочинническими советами — и не загромождать консисторского делопроизводства.[1]

К несомненным недостаткам консисторского строя надо отнести и то, что в ней не было председателя, который нес бы ответственность за такое или иное вершение дел, — в чем консистория в известном отношении также походила на Синод.

По строю и характеру своей работы консистория была финансово-контрольно-полицейско-административным и менее всего пастырским учреждением. В своих суждениях, велениях и распоряжениях она прежде всего руководствовалась не Евангелием, Кормчей или Книгой правил, а статьями консисторского устава, правительственными и губернскими распоряжениями и в лучшем случае — указами Св. Синода. Не пастырский, а формально-канцелярский дух господствовал в ней. Он сказывался и при назначении членов консисторий.

[1] Проф. И. С. Бердников справедливо полагал, что можно было бы предоставить благочинническому совету решение таких дел, как увольнение членов причта в отпуск в пределах епархии до 28 дней, разрешение мелочных церк.расходов до 150 р. на один предмет, наблюдение за ремонтом церк. зданий, освидетельствование и прием рем. работ и разрешение всех недоразумений, какие могут возникать по этим делам, разрешение всех жалоб на духовенство со стороны духовных и светских лиц и т. д. («Журналы...» I, 489—490.)

Обыкновенно в консисторские члены избирались не идейные и вдохновенные пастыри, а дельцы — мастера́ канцелярского дела, как способные одолеть кипы бумаг, заполнявших консисторские столы. Идейные пастыри и не годны были для консистории, ибо не могли они удовлетворяться консисторско-канцелярской работой и мириться с консисторским духом, где Устав консисторий и гражданские законы оттеснили евангельские, апостольские святоотеческие заветы, где рутина часто душила самые ценные проявления духа и жизни.

Консисторско-канцелярский дух заявлял о себе и дальше. Лучшими священниками в епархии консисторией считались не истинные по духу и сердцу пастыри, а добрые канцеляристы, аккуратно составлявшие и своевременно представлявшие установленные отчеты, делавшие удачные денежные сборы, ловко производившие поручавшиеся им следственные дела и т. п. На них сыпались награды, их назначали благочинными, им предоставляли лучшие в епархии приходы. Подлинные же пастыри-молитвенники, печальники и самоотверженные радетели о вечном спасении и земном благоустроении человеческих душ, истинные творцы часто или оставались незамеченными, или на них смотрели как на фантазеров, новаторов, беспокойных и не жизненных. Для добрых пастырей консистория чаще служила тормозом и помехой, чем опорой и поддержкой.

Окаменелых форм консисторской машины не могли оживить и свежие люди — секретари новой формации и члены-академики. Они могли положить конец прежним злоупотреблениям и неправдам консисторским, но сделать канцелярскую машину животворящей силой могла лишь коренная реформа, которой люди, чаявшие обновления церковной жизни, с нетерпением ждали от грядущего собора.

Между прочим, занимавшиеся консисторским вопросом указывали, как на существеннейший ее недостаток, на сосредоточение в ней административной и судебной власти: по Уставу консисторий она «есть присутственное место, чрез которое производится управление и суд в епархии» (ст. 1). При этом указывали на крайнюю примитивность и несовершенство консисторского суда: суд производился чаще всего заочно, по следственному производству, по причине неподготовленности и неопытности следователей-священников часто несовершенному, одностороннему и неполному, без защитника на суде, иногда по делам, касавшимся пастырской совести, не подлежавшим оглашению и требовавшим особого разбирательства «на духу», как и особых показаний, не зависевших от каких бы то ни было статей закона, и т. д.

Добрые пастыри, как и верующие, ждали нового духовного суда и новой консистории, не бумажно-канцелярской, а живодейственной и пастырски творческой.

Консистория была отделена бумажною стеною от духовенства епархии и самой епархии — она имела дело с бумагами, на которые отвечала бумагами же. Для жизненного общения с духовенством и для непосредственного влияния на религиозно-нравственную жизнь приходов, как и их пастырей, были предназначены благочинные.

Благочинный того времени избирался из достойнейших священников и определялся архиереем «для сохранения порядка в Церкви и исправности в ее служениях, на пользу христиан и во славу Божию».[1] Право выбора принадлежало архиерею. В либеральную пору 60-х годов прошлого столетия (в 1869 г.) были допущены выборы благочинных самим духовенством. Толку из

[1] Инструкция благочинным пар. 52.

этого не вышло. Духовенство выбирало не достойнейших и способных, а угодливых и угодных, слабых и снисходительных, которые, чувствуя свою зависимость от избирателей, держали бы себя «тише воды, ниже травы». Эта уступка мирскому духу времени — по свидетельству Могилевского еп. Стефана — скоро повела к самым печальным результатам — к упадку дисциплины и понижению добрых качеств клира. Поэтому синодальным указом от 5 апреля 1881 г. № 5, в отмену существующего в епархиях выбора благочинных самим духовенством предписано назначать благочинных «по личному внимательному архиерейскому выбору».[1]

Роль благочинных могла быть огромной, а их работа — весьма плодотворной. Епископ не имел возможности быть всегда и со всеми пастырями в непосредственном общении, не мог лично следить за их жизнью, каждого направлять и исправлять. Равным образом епископ лишен был возможности лично следить за жизнью всей епархии, за всеми назревающими и назревшими ее нуждами и явлениями, требовавшими от него особого попечения и особых мер. Чтобы архиерей мог осуществить и первый, и второй свой долг, законодатель дал ему в помощь благочинных. Назначение последних — быть помощниками архиерея, его очами и ушами, теми живыми радиусами, чрез которые периферия круга — пастыри — постепенно сообщалась бы с его центром — архипастырем.

Что же требовалось от благочинных, чтобы они были благочинными, а не злочинными? Если консистория и могла превратиться в канцелярию, то превратить всю Церковь в канцелярию нельзя. Церковь — живая сила, и

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. II, 50.

двигать ее вперед могут лишь живые и жизненные люди, не канцелярские мертвецы, а с огненным сердцем и пламенеющей душою ее подлинные служители. Содействие воспитанию таких именно служителей Церкви — первая и главная задача благочинного. А чтобы воспитывать, самому надо быть воспитанным. И благочинный прежде всего сам должен был быть добрым пастырем, понимающим пастырские задачи, испытанным в пастырском деле, носителем лучших пастырских традиций, мудрым руководителем вверенных ему пастырей, наставляющим начинающих, неопытных и малоопытных, подбадривающим и вдохновляющим охладевших, поддерживающим ослабевших и падающих.

Кто знает требования, предъявляемые к священнику, обязанности, на нем лежащие, и путь, им проходимый, — тот поймет, насколько важной и ответственной была и насколько полезной для Церкви могла быть должность благочинного.

Не было и нет такого государственного или общественного деятеля, к которому кто-либо предъявлял бы столько требований, сколько предъявляли и предъявляют к священнику. Верующие желают, чтобы их пастырь был и благообразен, и осанист, и с образованием, и с твердой верой, и с сильной волей, и с мягким, добрым сердцем, и с хорошим голосом и с художественным слухом и чутьем, и с мудростью змеиной, и с кротостью голубиной, и т. д., и т. д. Кажется, нет такого положительного качества, которого не хотелось бы верующим видеть в своем священнике. С другой стороны, никакое иное служение не является таким обособленным, не сопряжено с такими трудностями и опасностями, не требует такой осторожности и не нуждается в такой поддержке, как служение священника. Получал посвящение молодой человек, окончивший, а в последнее время

нередко и не окончивший курсов духовной школы. Не секрет, — это мы видим дальше, — что наша духовная школа не давала законченной подготовки к пастырскому служению. Да и никакая школа не может воспитать законченный тип доброго пастыря. Добрые и мудрые пастыри воспитываются не только школой, но и службой, и жизнью. Вчерашний молодой человек сегодня стал пастырем, духовным отцом, «батюшкой». Он сразу же должен ясно представить себе и высоту, и задачи пастырского служения и потом никогда не забывать их; он должен верно ориентироваться в своем новом положении, взять верный курс, избежать ложных шагов; ему нужно усвоить хорошие манеры в совершении богослужений, добрые приемы в обращении с пасомыми; во все последующее время он должен бороться с искушениями, которых бесконечное множество на пастырском пути, побеждать препятствия, выдерживать борьбу с врагами и не поддаваться влиянию опасных друзей; споткнувшись — уметь подняться; забывшись — вовремя опомниться; падая — не упасть до преисподней. Чтобы пастырь мог преуспеть, ему необходим, пока он молод, умудренный опытом руководитель, а во все последующее время — испытанный, верный и сильный друг, который разрешал бы его сомнения, отмечал его ошибки, в одних случаях наставлял, в других укорял и обличал, властной рукой останавливал, поддерживал, поднимал, иногда спасал. Именно благочинный мог и должен был это делать. Как пастырь, он должен был быть другом пастырей, а как представитель епископа, уполномоченный последним наблюдать за пастырями округа и руководить ими, — их начальником и руководителем. Дружеское, братское начальствование — таковым должно было быть отношение благочинного к подчиненному ему духовенству.

Как в отношении духовенства благочинный проявил бы непонимание своей должности и своих обязанностей, если бы он только требовал, приказывал и наказывал, так и в отношении епископа он не выполнил бы обязанностей своего звания, если бы он ограничился точным исполнением архиерейских и консисторских предписаний, аккуратными представлениями разных ведомостей и отчетов, аттестацией своих подчиненных и т.п. Благочинный должен был быть не архиерейским чиновником, а живым, инициативным органом, помогающим переобремененному разными делами и отдаленному от жизни архиерею узнать насущные требования жизни и находить лучшие и верные способы их удовлетворения. От благочинных епископ должен был осведомляться не только о пастырских согрешениях — для уврачевания их, но и о пастырских достижениях — для их распространения и применения в широком масштабе. Благочинные, таким образом, должны были быть не только проводниками архипастырских идей и велений в жизнь епархии, но и собирателями опыта лучших пастырей для применения его, при содействии епископа, в жизнь не того или иного только прихода, а целой епархии, более того — всей Церкви.

К сожалению, редкие из российских благочинных так понимали свой долг, и это имело большие и печальные последствия, о которых мы скажем в главе о приходском священнике. Теперь же представим самый распространенный тип русского благочинного дореволюционного времени.

В курсе церковного права проф. А. С. Павлова[1] о благочинных сказано, что это — «органы церковно-по-

[1] По изданию И.М. Громогласова. Св. Троице-Сергиева лавра, 1902. С. 246–247.

лицейской власти архиерея, имеющие не только церковно-полицейскую власть, но и прокурорскую». К сожалению, так и было на деле. Огромное большинство благочинных сводили моральные обязанности своей должности к тому, чтобы следить за духовенством своего округа и о своих наблюдениях устно или письменно докладывать епископу. Благочиннические доклады епископу не всегда приносили нужную пользу духовенству. Но они делали благочинного опасным для его подчиненных. В особенности были опасны устные аттестации, когда из-за них и судиться с благочинным не представлялось возможным: благочинный очернит священника, а последний и знать об этом не будет.

Сложнее были отношения благочинного и консистории.

Фактически благочинный был консисторским чиновником, работавшим вне консисторских стен, но исполнявшим самые разнообразные функции канцелярско-консисторской работы и, естественно, отражавшим все недостатки консисторского строя.

Мздоимство, в котором не без оснований обвиняли прежних членов консисторий, не было чуждо и прежним благочинным. В старое время благочинного старались одаривать и правые, и виноватые члены причтов: правые — чтобы стать еще более правыми и снискать благоволение; виноватые — чтобы задобрить начальника и не быть обвиненными или очерненными. Благочинные последнего времени все более и более освобождались от этого недуга, но метод благочиннической работы туго подвигался вперед. Благочинный предреволюционного времени, как и прежний, продолжал сводить почти всю свою работу к канцелярщине. Он рассылал циркулярные консисторские предписания, производил, по поручению консистории, или принимал от церквей всевозможные денежные сборы — им же не было числа; проверял и принимал приходо-расходные и метрические книги; проверял записи богослужебных журналов; вся эта отчетность и принятые суммы переправлялись в консисторию; по поручению консистории участвовал в различных строительных и приемных комиссиях и т. д. Каждую из таких работ мог бы выполнить любой дьякон или дьячок, если он был достаточно грамотным и толковым человеком. Во всех этих занятиях собственно пастырской работы не было.

Пастырским целям, казалось бы, должны были служить личные встречи благочинного с членами причтов при их приездах к нему и при благочиннических ревизионных поездках, совершавшихся благочинными два-три раза в год. Но и благочиннические ревизии на местах прежде всего сводилась к проверке церковного письмоводства и церковных сумм, к осмотру церкви, Св. Даров и антиминса, и посещению школы, и испытанию учеников по Закону Божию. Главного же — ревизии настроения, стремлений, характера и размеров чисто пастырской работы самого пастыря, его уменья совершать богослужения, наставлять и исправлять своих пасомых, содействовать их духовному преуспеванию и материальному благополучию и т. п. — этого и подобного не проверялось, как будто оно не заслуживало благочиннического внимания и было безразлично для Церкви. Во всем этом пастырь предоставлялся самому себе и сам должен был отыскивать пути для своей работы, как и сам проверять себя. Даже для начинающего служение священника у благочинного не находилось руководственного и наставительного слова, а в руководстве и наставлении опытного пастыря нуждаются не только новопосвященные, но и седовласые иереи. Пример этому — чистосердечное признание только что отпразднo-

вавшего 50-летний юбилей священства старца-протоиерея о. Ф. Я-на, который писал автору, по прочтении его книги «Православное пастырство»: «Как жаль, что ничего подобного мне не пришлось прочитать в дни молодости. А теперь, на закате дней жизни приходится только скорбеть, что 50 лет трудился в мнимом благочестии, хотя и это слава Богу!»[1]

Было множество благочинных — усерднейших и аккуратнейших консисторских чиновников; случались благочинные — бичи для подчиненного им духовенства, усердными доносами по начальству и пристрастными аттестациями причинявшие своим подчиненным великие огорчения и беды; случалось немало и милостивых, прикрывавших не только грехи юности и неведения, но и явные преступления укоренившихся во зле и нуждавшихся в биче из вервий; но очень и очень мало встречалось благочинных — пастырей, ставивших целью совершенствование и самих пастырей, и методов их работы.

Несовершенство, однобокость и узость благочинической работы были одним из проявлений отсутствия в нашей Русской Церкви строго продуманной и планомерной системы церковного управления, в которой главное, нужное для церковного преуспеяния являлось бы главным предметом общих забот и усилий, а второстепенное никогда не заменяло бы главного. И в жизни Церкви имеют известное значение: и церковное письмоводство с разных видов отчетностями и книгами, и церковные суммы с разного рода сборами, но главное в ней все же — живые души, их религиозно-нравственное преуспеяние, и эти два предмета должны занимать по преимуществу внимание и архиерея, и консистории, и благочинных.

[1] Письмо от 18/31.12.1930 г.

Назначенный архиереем благочинный вместе с помощником благочинного и членом благочиннического совета, избиравшимся духовенством округа, составляли благочиннический совет, который созывался благочинным по мере надобности. О деятельности благочинических советов не приходится распространяться, ибо она была весьма ограниченной, незначительной, хотя могла бы быть весьма существенной и для Церкви полезной. Все зависело от благочинного: он мог привлечь совет к работе или свести его роль к нулю. И чаще всего она сводилась к нулю — к аттестации один раз в год в клировых ведомостях духовенства благочиннического округа.[1]

Необходимо упомянуть еще об одном должностном лице в благочинническом округе — о духовнике, который избирался духовенством округа и в некоторых епархиях входил в состав благочиннического совета.

Идея учреждения особых для духовенства духовников — прекрасная идея. Если и миряне предпочитают говеть у духовника опытного и авторитетного, то для исповеди пастырей необходим особо чтимый и мудрый духовник, который мог бы со властью обличить и мудро наставить своих согрешивших братий. Задача такого духовника — быть совестью округа, духовным отцом и наставником пастырей. Но высокое и ответственное звание духовника благочиннического округа потеряло всякое значение после того, как духовные лица округа начали исповедоваться у кого случалось, а своему духовнику лишь представляли свидетельства о бытии у исповеди.

[1] Эти аттестации могли бы дать богатый материал для интересного трактата. Я сам видел такую аттестацию одного сельского псаломщика: «В характере замечается некоторое коварство».

Приходское духовенство

На белом духовенстве лежала вся тяжесть великой и ответственной работы — религиозно-нравственного просвещения и воспитания русского народа на всем необъятном пространстве русской земли.

Перегруженные всякого рода кабинетно-канцелярской работой, обособившиеся от мирского общества епископы, почти все без исключения, были далеки от своей паствы.

Так называемые «ученые» монахи столь же были далеки от «мира» — они обыкновенно занимали начальственные места в духовно-учебных заведениях, реже — настоятельские в монастырях; с народом они мало соприкасались. Наши монастыри... Их было множество, и были они рассеяны по всему лицу русской земли. По идее, они должны были служить проводниками высокой духовной культуры в народе, ибо если вообще жить — значит служить, то подвизаться — еще более значит служить. Но и в правящих духовных сферах, и в монашеской массе утвердился взгляд, что монастыри — для монахов и только между прочим — для верующих мирян. Вследствие такого взгляда служение огромного большинства русских монастырей свелось к тому, что они являлись как бы духовными станциями или курортами для благочестивого отдыха благочестивых людей. Благочестивые люди приходили или приезжали в монастырь, чтобы, отрешившись от мирской суеты, подышать монастырской атмосферой, умилиться уставными

и благолепными монастырскими богослужениями и с успокоенной душой вернуться к прежним занятиям. Монастыри служили почти исключительно благочестивым. Уже это делало их служение ограниченным. Распространить свое — притом более широкое — влияние на верующую массу наши монастыри не пытались, да и не могли по состоянию своих интеллектуальных сил. Но о них речь дальше.

Вся тягота духовной работы нашей Церкви была подъята и велась более или менее успешно, более или менее талантливо белым духовенством. Белыми священниками были заняты почти все места во всей России: приходских пастырей, законоучителей низших и средних светских учебных заведений, профессоров богословия в высших учебных заведениях, миссионеров, заведующих многочисленными в Империи церковно-приходскими школами, законоучителями этих школ и т. д.

Белые священники все время вращались в толще народной, лицом к лицу встречались и с добром, и со злом, выявлявшимся в народной жизни, старались насильно подавлять второе и утверждать первое, споспешествовать благу своих пасомых. Именно белые священники были духовными отцами русского народа.

Самый многочисленный класс белого духовенства составляло приходское духовенство, насчитывавшее в предреволюционное время во всей России до 60.000 человек. На его деятельности в особенности необходимо остановиться.

Предварительно же скажем несколько слов о материальном и правовом положении русского дореволюционного приходского священника.

Материальное положение приходского духовенства в разных местах Российской Империи было самым разнообразным. На севере, в губерниях: Архангельской,

Вологодской, Олонецкой, Новгородской, Смоленской, Псковской и других — было обычным явлением, что годовой бюджет приходского священника не превышал 300–400 руб. На юге — в области Войска Кубанского, в губерниях Ставропольской, Екатеринославской и др. не было редкостью, что бюджет приходского священника достигал до 10.000 и даже более рублей в год. Первые влачили, в особенности при многосемейности, полунищенское существование, наравне с крестьянами трудились над землей и в жизни мало чем отличались от крестьян. Вторые жили магнатами.

Священнический бюджет составлялся 1) из доходов от причтовой земли, 2) из вознаграждений за требоисправления и 3) казенного жалования.

Размер земельного дохода зависел от многих причин: а) от количества причтовой земли; нормальным считался надел — 33 дес. на одноклирный (из священника и псаломщика) причт, обычно же причты пользовались большими наделами: в Минской губернии один причт пользовался 3.000 десятинами земли; б) от качества земли — иное дело песчаная земля на севере и чернозем на юге; и в) от умения священника использовать землю.

Доход от требоисправлений зависел от зажиточности прихожан, от их усердия и обычаев, наконец, от любви прихожан к своему пастырю.

Вопрос о казенном содержании приходского духовенства имеет свою историю. До 1893 г. таким содержанием пользовались сравнительно немногие причты, преимущественно в западном крае. Высочайше утвержденным 23 апреля 1893 г. мнением Государственного Совета было предоставлено обер-прокурору Св. Синода, по сношении с Министром финансов, входить ежегодно с представлением о постепенном увеличении кредита от казны на содержание всех причтов Империи. На

докладе Св. Синода с выражением благодарности за эту милость государь начертал: «Буду вполне рад, когда мне удастся обеспечить все сельское духовенство». После этого последовал ряд дополнительных ассигнований из казны от 200.000 до 600.000 руб. в год.

20 мая 1908 г. Государственная Дума приняла пожелание: «Признавая существующие способы содержания духовенства Православной Церкви умаляющими его пастырское влияние, Государственная Дума выражает пожелание, чтобы Ведомство Православного Исповедания выработало, для внесения в законодательном порядке, план определенного обеспечения городского и сельского духовенства ежегодным содержанием».

Обеспечение духовенства казенным содержанием постепенно налаживалось. В 1914 г. уже получали жалованье от казны причты 31.413 приходов. 22 июня 1914 г. последовал высочайше утвержденный закон о дополнительном отпуске от Государственного Казначейства на содержание духовенства по 1.650.000 р. в год, а другим законом от того же 22 июня 1914 г. велено отпускать еще 900.000 руб. на увеличение содержания духовенству.[1]

Параллельно с вопросом о жалованье служащему духовенству разрешался вопрос и о пенсиях для духовенства.

Мы еще помним одного престарелого девяностолетнего дьячка, который, находясь за штатом, со своей престарелой женой за свыше пятидесятилетнюю службу получал от Епархиального Попечительства пособие в размере от 8 до 10 руб. в год, и только. Заштатные священники получали немного больше. С 1 января 1879 г. были установлены следующие оклады пенсий: священ-

[1] «Церковные Ведомости», 1914 г. № 23. С. 1237–1242.

никам до 130 руб. в год, вдовым или без детей до 65 руб., а с детьми до 90 руб. в год. По высочайшему повелению от 11 января 1880 г. были установлены пенсии и для заштатных диаконов по 65 руб. за 35 лет службы, для их вдов по 40 руб., а с детьми по 50 руб. в год. Церковнослужители — дьячки, пономари и псаломщики — еще оставались без пенсий.

Высочайше утвержденным 3 июня 1902 г. «Уставом о пенсиях и единовременных пособиях» были установлены новые пенсионные оклады: за 35 лет службы: священнику 300 руб., кафедр. протоиерею 500 руб., ключарю 400 руб., диакону 200 руб. и псаломщику 100 руб. в год.

Образованная в ноябре 1913 г. комиссия для выработки нового пенсионного устава наметила новые оклады: кафедр.протоиерею 1.200 руб., штатному протоиерею 1.050 руб., священнику 900 руб., диакону 600 руб. и псаломщику 300 руб.[1] Ее предположения не успели осуществиться.

Если бы не произошла революция, вопрос об обеспечении нашего приходского духовенства к настоящему времени разрешился бы окончательно. Этим в огромной степени были бы облегчены условия жизни и работы приходского духовенства. Но пастырский вопрос этим еще не был бы разрешен.

Не подлежит никакому сомнению, что нужда и нищета служат помехой во всяком труде, как и в пастырском. Как требовать от священника неустанной пастырской работы, если он вынужден собственными руками вспахивать и убирать поле, кормить и поить скот — вообще быть чернорабочим в своем домашнем хозяйстве? Но, с другой стороны, сытость и довольство еще не обеспечивают продуктивной и самоотверженной деятельности пастыря. Идейность не покупается хотя бы и самым сытым куском хлеба. Лучшей иллюстрацией к этому может служить само же русское священство. Северные наши священники в значительной своей части влачили полунищенское существование, южные были пресыщены довольством. И, однако, первые были идейнее, вдохновеннее, ревностнее вторых. Апостолы ничего не имели и однако явили миру образы совершеннейших пастырей. Пастырские идейность и ревность создаются призванием, подготовкой, увлекающими примерами, руководством со стороны умудренных и старших. Материальное же обеспечение является лишь средством, освобождающим от уз нужды, которые могут сковать и обессилить и самого идейного пастыря.

[1] «Церковные Ведомости», 1914 г. № 21. С. 955, 957, 963.

Благополучно доведенное до конца обеспечение приходского духовенства казенным жалованьем имело бы четыре важных для пастырского дела последствия: 1) оно освободило бы многих священников от необходимости, в ущерб своим пастырским обязанностям, заниматься разными житейско-хозяйственными трудами и попечениями, избавило бы их семьи от нужды и нищеты и дало бы возможность всем детям духовенства получать образование; 2) оно привело бы если не к полному уничтожению, то к сокращению и смягчению нравственно-тяжелого и унизительного взимания платы за требы, что лучших пастырей смущало и угнетало, худших толкало на различные ухищрения и злоупотребления, многих ставило в зависимость от кулаков и богатеев и всем служило не к возвышению, а к унижению; 3) оно дало бы возможность правящей власти смелее предъявлять духовенству требования относительно исполнения ими своего долга; 4) оно, несомненно, привлекло бы в пастырские ряды свежие и лучшие силы.

Вместо такого отрадного будущего русскому духовенству, с началом революции, пришлось испить чашу горчайших страданий за свои вольные и невольные, ведомые и неведомые грехи.

Заслуживает быть отмеченным, что наиболее равнодушно относился к вопросу о достаточном казенном обеспечении приходского духовенства Св. Синод. А его последний предреволюционный Первенствующий считал такое обеспечение совсем излишним. Об этом свидетельствует следующий эпизод.

В 1915 г. к митр. Владимиру, как первенствующему члену Св. Синода, прибыла депутация членов Гос. Думы с прот. А.В. Смирновым, профессором богословия в Санкт-Петербургском университете, во главе. В это время вопрос об обеспечении приходского духовенства живо и весьма сочувственно дебатировался и в печати, и в обществе, и в Гос. Думе. Депутация прибыла просить митрополита, чтобы Св. Синод, со своей стороны, принял меры к скорейшему разрешению вопроса. Митр. Владимир — сын священника — и сам был некоторое время священником в г. Козлове Тамбовской губернии. Он должен был знать и понимать материальные невзгоды, выпадающие на долю русского священника и мешающие его пастырской работе. И вдруг митрополит, выслушав просьбу, ошеломил депутацию вопросом: «А зачем духовенству большее казенное содержание? Мой отец от казны не получал ни гроша и, однако, был отличным священником». «Как зачем? — возразил один из членов депутации. — Да затем, чтобы священник не протягивал руку за каким-либо пятаком иль гривенником; затем, чтобы избавить наших священников от необходимости принимать эти унизительные подачки». Митрополита это не убедило. «Что ж тут унизительного? — ответил он. — Извозчик, когда вы ему платите, протягивает же руку». С этим и ушла депутация. Оправдалась пословица: сытый голодного не понимает.

И если кто с наибольшей чуткостью относился к необеспеченности сельского духовенства, то это почивший государь император Николай Александрович. В данном случае им руководило не только чувство христианского сострадания к нужде и невзгодам материально необеспеченных пастырей, но и глубокое, верное понимание налагавшихся современной жизнью и ее запросами обязанностей, которые должен был выполнить сельский священник.

Главный контингент приходского духовенства составляло сельское духовенство. О нем надо сказать особо.

Сельский священник

Чтобы правильно оценить положение предреволюционного сельского священника и понять задачи, которые настойчиво диктовались ему жизнью, надо сказать несколько слов о русской деревне того времени.

В последние 20–30 лет пред революцией в жизни русской деревни обнаружился ряд явлений, которые требовали самого серьезного внимания и нуждались в соответствующем воздействии или противодействии.

Первым из таких явлений было начавшееся еще раньше, а в эти годы усилившееся, бегство со своей земли помещиков. Одни из них продавали свои имения, другие уезжали на службу в города и столицы, оставляя управителями своих имений людей, заботившихся исключительно о получении больших доходов и совсем не помышлявших о культурном влиянии на окружающую серую крестьянскую массу. Оставались еще в своих имениях или восторженные любители сельского хозяйства, — но таких было очень мало, — или не имевшие возможности пристроиться на службу неудачники. Среди них встречались — и нередко — бессмертные гоголевские типы Собакевичей, Плюшкиных, Коробочек и др. С уходом помещика деревня лишалась естественного, знавшего ее и ее нужды культуртрегера, в котором она в ту пору в особенности нуждалась.

Вторым явлением было усиление отхожих промыслов. Крестьяне массами устремлялись в столицы и большие города за добыванием средств. Между столицами и

деревней как бы шел постоянный обмен: одни из крестьян шли туда, другие возвращались в свои деревни. Возвращающиеся приносили новые веяния и взгляды, под влиянием которых духовный облик деревни не мог не изменяться.

Последнему также способствовало сильное развитие школьной сети, покрывшей русскую землю множеством начальных школ: правительственных, земских, церковно-приходских. Различаясь по типу, все эти школы имели одну общую всем им особенность: они сообщали своим питомцам зачатки грамотности и не давали положительных, практических, нужных крестьянину знаний. Такие школы возбуждали в своих питомцах вопросы, но не давали на них ответов — тех средств, которыми могли быть удовлетворены деревенские нужды и запросы. Несмотря на сильное различие начального образования, деревенская культура туго подвигалась вперед: невежество проглядывало всюду — и в жизни, и в разных отраслях крестьянского хозяйства. В довершение ко всему этому и как следствие всего этого, в деревне началось шатание религиозно-нравственных устоев.

Деревне русской в это время — может быть, как никогда на протяжении всей русской истории — требовался идейный, вдохновенный, понимающий ее нужды и пользующийся у нее авторитетом деятель, который защитил бы ее душу от религиозно-нравственного разложения и в то же время помог ей двинуться вперед по пути экономического прогресса. Таким лицом в деревне мог быть только сельский священник — духовный ее отец.

Замечательно, что, несмотря на все тлетворные веяния и разрушительные влияния, русский простой человек до самого последнего времени не терял уважения к священнику. Достойные же пастыри были исключительно любимы и уважаемы простым народом. А самое

главное — это то, что простой человек признавал за своим пастырем неоспоримое право вникать и в жизнь своей паствы, и в жизнь отдельных лиц, быть судьею и слов, и дел своих пасомых. Пастырский же долг обязывал священника стоять на страже и духовных, и материальных нужд верующих и всеми силами содействовать удовлетворению и тех, и других.

Если несколько подробнее формулировать вытекавшие отсюда обязанности тогдашнего сельского священника в отношении своей паствы, то они выражаются в следующем.

Священник прежде всего должен был быть добрым молитвенником — истовым совершителем богослужений в храме и теплым, отзывчивым исполнителем треб в домах своих прихожан. И то, и другое любил и весьма ценил русский человек.

Затем от пастыря требовалось, чтобы он был назидательным учителем, а где надо — и нелицеприятным обличителем. В последнем отношении простой человек проявлял редкую мудрость, нисколько не гневаясь на пастыря за его обличения (проп. 918), если только они делались со справедливостью и нужной осторожностью. Будучи готов всегда прийти на помощь доброму пастырю, русский простой человек ждал и от пастыря отеческой теплоты и простоты, отзывчивости и известной заботливости. Вопиющие же нужды деревни: некультурность во всем — в пище и питье, жилище и одежде, в ведении хозяйства и использовании естественных богатств, в уходе за детьми и воспитании их, — все это и другое должно было быть предметом забот и попечений сельского пастыря. Словом, сельский священник должен был быть не только пастырем душ своих пасомых, но и их культуртрегером, способствующим совершенствованию сельской жизни во всех отношениях. В этом именно

нуждалась русская деревня, и этого ждали от сельского священника и общество, и государственная власть. Если бы наше сельское духовенство оправдало бы эти ожидания, оно оказало бы государству величайшую услугу.

Чтобы указанная программа была осуществлена сельским духовенством, требовалось: 1) чтобы не только сельские священники, но и их высшие руководители ясно ее представляли и ей сочувствовали; 2) чтобы священники обладали достаточной моральной и интеллектуальной силой для ее выполнения и 3) чтобы священники всегда находили нужную поддержку и руководство в высшей власти при исполнении этой работы.

Что же было в действительности?

До самого последнего времени в русских церковноправящих кругах упорно держался монашеско-аскетический взгляд на священника и его деятельность: от священника требовались — набожность (причем фарисейскую не всегда отличали от действительной), благочестие, в смысле соблюдения церковных обычаев и уставов, и смирение, в смысле беспрекословного подчинения начальству; долг же священника в отношении его прихожан ограничивался насаждением в их душах благочестия для приведения их к вечной жизни в Царствии Небесном.

При господстве такого взгляда можно было наблюдать два явления: 1) энергия, инициатива, широта размаха в работе пастыря нередко, если не весьма часто, ценились гораздо ниже указанных выше качеств наружного благочестия. Пастырей с большой инициативой и энергией как будто боялись, их не замечали, их осаживали, иногда не стеснялись третировать.

Нам выпало счастье на месте убедиться в поразительнейшей работе, может быть, самого выдающегося русского сельского пастыря XX века, о. Митрофана, в селе Киселях Полоцкой епархии. Этот замечательней-

ший по своей энергии, широте пастырского взгляда, самоотвержению и обаятельности пастырь за пятнадцать лет своей службы обратил нищий, пьяный, развращенный и безобразный Киселевский приход в культурнейший уголок, рассадник полезнейших знаний, преобразовав решительно все стороны его жизни. Для своих прихожан о. Митрофан был не только пастырем их душ, но и их судьею, их верным советником во всех их делах. Под могучим воздействием о. Митрофана в селе Киселях вырос великолепнейший храм; появились прекрасные две школы: женская профессиональная и церковно-учительская с образцовым садом, огородом и складами семян и сельскохозяйственных орудий и со скотным двором с породистыми производителями — жеребцами, быками, боровами, баранами и кроликами. При церкви работало общество трезвости и целомудрия; при школе действовал сельскохозяйственный комитет, руководивший крестьянскими хозяйствами и быстро усовершенствовавший их до высших пределов. Трудно перечислить все сделанное о. Митрофаном для своего духовно и материально погибавшего прихода.[1]

Епархиальное начальство не замечало о. Митрофана. Прошло пятнадцать лет совершенно беспримерной службы, но он еще не имел камилавки.

Буквально пораженный результатами трудов о. Митрофана, пишущий эти строки направился к правящему епископу С., магистру богословия, уже седьмой год управлявшему Полоцкой епархией и имевшему возможность узнать и оценить работу о. Митрофана. «Вы были, владыка, в селе Киселях?» — «Нет, не был». — «Вы слыхали, что там сделано о. Митрофаном?» — «Да,

[1]См. мою книгу «Православное пастырство». С. 248–253.

мне что-то говорили». — «Но вы-то знаете о. Митрофана?» — «Да, это довольно хороший священник». У вопрошавшего руки опустились...

Мало этого, о. Митрофан чуть было не попал в число гонимых. Ему была отпущена от казны сумма на постройку школы. Он собрал еще значительную сумму пожертвований, постройку повел хозяйственным порядком и, благодаря этому, выстроил большее, чем требовалось планом, по размерам, с разными хозяйственными пристройками, здание школы. Прибывшая для приемки комиссия нашла здание прекрасным, но план нарушенным и хотела отдать ревностного строителя под суд. Только заступничество Петербурга спасло его.

2) Правящая церковная власть благосклонно смотрела на работу священника по насаждению благочестия. Всякие же выходившие из рамок узко понимаемого благочестия начинания пастыря, хотя бы они клонились ко благу пасомых и были для них необходимы, часто совсем не ценились, иногда же ставились под подозрение и даже осуждались как не соответствующие сану священника занятия. Правящие как будто забывали, что на каждом богослужении Церковь молится не только о спасении душ, но и о благорастворении воздухов и изобилии плодов земных... Культуртрегерство стояло под подозрением и владычним благоволением не пользовалось. Замечательно совпадение. В то самое время, когда замечательнейший сельский священник нашего века[1] начал блестяще проводить в жизнь свою пастырскую программу, выработанную им еще на школьной скамье в беседах с идейными товарищами, — в это самое время считавшийся самым выдающимся среди русских иерархов епископ-ректор ду-

[1]О. Митрофан.

ховной академии вещал с академической кафедры, наставляя духовных студентов: «Еще иного рода искушение бывает тогда, когда молодой пастырь начертывает себе внешнюю строго определенную программу действий и мечтает об осуществлении ее. Такая программа, может быть, полезная для политического деятеля, не должна иметь места в деятельности пастырской. Различные внешние предприятия — общества трезвости, попечительства, постройка храмов и школ — предприятия добрые, но они не должны быть главными, всепоглощающими предметами его забот, как это часто случается, когда подобные предприятия заставляют забывать главный предмет своего служения, а главный предмет — это богослужение и спасение, делают его лихорадочным дельцом, но в то же время лишают его благоговения и внимательного сострадания и любви к ближним».[1] А один из преемников этого епископа по должности ректора духовной академии и профессора по предмету пастырского богословия был еще категоричнее и шел дальше, развивая мысли, что «государственность и общественность зачались вовсе не от Духа Святого», что «царство культуры по существу своему и по своей природе есть царство сытости плоти, царство горделивого ума человеческого и веры в себя», что «каждый христианин и тем более пастырь и должен смотреть на этот культурный рост как на мираж и фикцию, даже более: как на своего рода богоборство».[2]

Приведенные мысли показывают, что даже виднейшие представители тогдашней пастырско-богословской мысли и правящей церковной среды были совсем не

[1] Архиеп. Антоний. «Собрание лекций и статей по пастырскому богословию». Москва. 1909. Т. 1911. С. 79.

[2] Из чтений по пастырскому богословию. Аскетика. Записи по лекциям Р. А. Е. Ф. Сергиев Посад, 1911. С. 107, 86 и др.

склонны признавать указанную нами программу пастырского действования и тем более проводить ее в жизнь. Оставалась возможность, что сами пастыри путем наблюдений опытно придут к заключению, что их пастырская деятельность, ввиду особых условий времени, не может замыкаться в рамках строго духовной работы. Но отцы Митрофаны встречались редко.

Поэтому в общецерковном сознании того времени оставался признанным старый идеал пастыря — священнослужителя, духовника, духовного наставника. Но и для осуществления такого идеала требовались: призвание к пастырскому служению, достаточная морально-интеллектуальная подготовка и непременно неусыпное руководство. И первое, и второе, и третье у нас оставляли желать лучшего.

У нас вообще трудно было говорить о призвании пастырей как настойчивом, непреодолимом влечении известного лица именно к пастырскому служению. До последнего времени у нас пастырское служение в общем оставалось наследственным: дети духовных лиц обыкновенно поступали в духовно-учебные заведения; окончившие духовные семинарии шли в священники. И то, и другое совершалось, так сказать, автоматически, без особых каких-либо побуждений.

В последние пред революцией годы дело несколько изменилось. Для семинаристов открылся доступ в ряд высших учебных заведений, и готовившиеся духовной школой к священству массой хлынули туда. Другие, по окончании семинарии, бросились на светскую службу, менее от них требовавшую и сулившую лучшие выгоды. Сразу ощутился огромный недостаток в кандидатах священства. За отсутствием патентованных епархиальные архиереи начали набирать случайных людей. Дело с призванием от этого не улучшилось, а ухудшилось, ибо, как

показала действительность, эти последние в большинстве случаев устремлялись в священство «не ради Иисуса, а ради хлеба куса». Поэтому близок был к истине некий католический ксендз, изрекший: «У католиков пастыри по призванию — общее правило, а наемники — исключение; у православных наемники — общее правило, пастыри же по призванию, — избранники, работающие по долгу пастырства и совести иерейской, — исключение».[1] У католиков даже семинаристы, не доказавшие в продолжение всего времени учения своей преданности Католической Церкви и доброй настроенности, заботами и попечением семинарского начальства направлялись на другие сродные их наклонностям служения. У нас же не было и намека на сортировку кандидатов по призванию.

С подготовкой к пастырскому служению, к сожалению, дело обстояло не лучше. Наши семинарии не давали всего нужного кандидату священства. Это мы докажем в главе о духовно-учебных заведениях. Все же окончившие курс духовных семинарий более или менее были подготовлены. Но уже в начале 1900-х годов в Русской Церкви обнаружилось грозное явление. Раньше в епархиях почти все священники были с полным семинарским образованием, теперь последних было не более половины. «За прошлый год, — докладывал Предсоборному Присутствию один из лучших архипастырей того времени, Могилевский епископ Стефан, — мне пришлось половину священнических мест заменить лицами, исключенными из низших классов семинарии, окончившими курс в духовных училищах и второклассных школах, городских училищах и сельских семинариях...[1] Мы имеем лишь половину пастырей с полным средним образованием».[2] Правда, у этого осторожного и мудрого архипастыря, благодаря принятым им самим строгим мерам «к самому тщательному исследованию нравственных качеств» и испытанию познаний этих кандидатов, из 20 с лишком таких священников лишь один оказался мало достойным своего звания.[3] Но в других епархиях, у менее внимательных владык, дело обстояло гораздо хуже: за неимением кандидатов с семинарским образованием там принимали всякого, кто стучался в двери священства: малограмотных и развращенных диаконов, проворовавшихся волостных писарей, отданных под суд полицейских урядников, бездельников-учителей начальных школ... О каком тут призвании можно было думать!

С каждым годом после революции 1905–1906 гг. число семинаристов, принимавших священный сан, становилось все меньше. В 1908 г., по словам Полоцкого епископа, в его епархии священный сан приняло всего два окончивших курс местной духовной семинарии. Эта цифра окажется знаменательной, если принять во внимание, что из выпуска той же семинарии 1891 г. 25 человек из 31 стали священниками. Такое явление наблюдалось не только в бедных епархиях, где семинаристов могла пугать материальная необеспеченность священника, но и в самых богатых, как, например, Херсонская, где священники были обеспечены сверх меры, где, как уверяли меня, не было прихода с меньшим, чем в 2.000 рублей, годовым бюджетом священника. Это уже было бегство не от пастырской нищеты, а от духовной службы, ставшее знамением времени.

[1] Журн. и проп. II. 211. «Задачи Православной Церкви на западе и юго-западе России после указа 17 октября 1905 г.

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. II, 543.
[2] Там же. II, 544.
[3] Там же. II, 543.

Указанный кризис однако же мог быть не только предотвращен, но даже и использован ко благу Церкви — к обновлению священнического сословия, если бы своевременно приняты были нужные меры. Ведь в распоряжении церковной власти имелся огромный — многотысячный — контингент молодежи, учившейся в разного рода церковно-приходских школах. Среди учеников этих школ в каждом выпуске встречались весьма одаренные и прекрасно настроенные мальчики. Если бы их продвинуть дальше и, создав для них особую пастырскую школу, подготовить их к служению Церкви, они составили бы драгоценный кадр способных, талантливых, иногда, может быть, гениальных, знающих быт крестьянской массы и идейных кандидатов священства и с пользой для дела заменили бы убегавших от священнослужения, не имевших призвания семинаристов. Мы не раз доказывали преосвященным необходимость такой меры. Ею не воспользовались. Не хотели запастись пшеницей — питались плевелами, а то и прямо гнильем.

Само собою понятно, что новая, влившаяся в священническое сословие, совсем не подготовленная к пастырскому служению и не всегда доброкачественная масса требовала усиленного руководства и самого внимательного наблюдения. А духовный руководственный аппарат продолжал действовать по-прежнему.

Вообще, с сокрушением за наше прошлое, надо признать, что, кажется, нигде руководствование старших и начальствующих младшими и подчиненными не было поставлено так слабо, как у нас, в отношении пастырского служения. Точно у нас думали, что пасти людей легче, чем быков или баранов, что пастырское служение самое простое занятие, для прохождения которого не требуется ни знаний, ни опыта, ни мудрости и которое может понести всякий, у кого только явится желание. В действительности же — и это признавали, об этом в духовных школах проповедовали — пастырствование есть тончайшее искусство, требующее от пастыря, с одной стороны, знаний, такта, опыта, мудрости, которых он может не иметь, а с другой, вдохновения и постоянного бодрствования, которые у него могут ослабевать и которые сильная посторонняя рука должна поддерживать и возбуждать.

В особенности руководствование необходимо было для начинающих священников. У нас, к сожалению, не было принятого в других Церквах, например, в Галицийской униатской Церкви, правила, по которому каждый священник, прежде чем получить самостоятельное место, в продолжении нескольких лет, в качестве викарного, под руководством опытного настоятеля, практически изучал пастырскую службу во всех ее проявлениях. И это там строго соблюдалось, несмотря на то, что униатские семинарии и богословские факультеты — а в Галиции почти все священники имели высшее образование — давали своим питомцам гораздо лучшую пастырскую подготовку, чем наши. У нас же новопосвященный сразу получал самостоятельное место, часто в одноклирном причте, в селе, удаленном от других приходов. Такой новопосвященный во всем предоставлялся самому себе: и в способе свершения служений, и в проповедовании, и во всем труднейшем деле пастырского душепопечения, и в выработке пастырского такта, и в выборе друзей, и во всех своих пастырских переживаниях, недоумениях и сомнениях. Сколько тут опасностей угрожало начинающему, в особенности малоподготовленному пастырю! А как важны для всей последующей службы пастыря его первые шаги, его манеры и навыки, усвоенные в начале служения!

В ведомстве военного и морского духовенства приходилось постоянно встречаться со множеством пастырей, прибывавших на службу в этом ведомстве почти из всех

российских епархий. Все они предварительно подвергались испытанию в уменье совершать богослужение и проповедовать. Получалось поразительное разнообразие. Каждый испытуемый служил на свой манер: то с совсем не гармоничными модуляциями в голосе, то с неуклюжими или чрезвычайно быстрыми движениями; то скороговоркой, проглатывая слова, то растягивая каждый звук; то норовя как можно больше сократить службу, то без нужды растягивая ее. То же наблюдалось и в проповеди, когда один старался придать своему голосу неестественную елейность и жалобность, другой доходил до безобразного увлечения жестикуляцией, третий, забыв, что он в храме, а не на политической трибуне, принимался разрешать политические вопросы и т. д. Это же и в обращении, и в одеянии: одни были одеты щегольски неприлично, другие неряшливо противно; одни в обращении были смиренно низкопоклонны, другие мужицко грубы. Чувствовалось, что все это самоучки, которых еще не коснулась шлифующая рука руководителя опытного, воспитанного, понимающего, что необходимо пастырю, чтобы он мог привлекать, а не отталкивать от себя пасомых.

Не секрет, что наше духовенство, и в особенности сельское, не было свободно от отрицательных типов: встречались в нем не только «храбрые к питью», но и спившиеся; встречались опустившиеся; встречались ставшие вместо пастырей эксплуататорами своих пасомых, вымогавшие за требы, изобретавшие новые обычаи, обряды и праздники, заискивавшие и низкопоклонные пред богатеями, грубые и небрежные в обращении с бедняками и т. д. Многие погибали от своих недостатков.

Недуги нашего духовенства чаще всего старались объяснить его материальной необеспеченностью, средой заедавшей и разными соблазнами. Всего этого нельзя отрицать. Но все же главной причиной всех духовных

недугов наших пастырей было то, что они предоставлялись сами себе, и не было отеческого глаза, который зорко следил бы за ними, не было мощной и благодеющей руки, которая благовременно останавливала бы неразумно увлекающихся, поддерживала падающих, направляла неопытных и укрепляла слабых. Мы знаем случаи, когда даже совсем опустившиеся поднимались и пьяницы становились трезвенниками, попадая под крепкую руку благоразумного начальника. Начинающего же падать тем легче поддержать и убедить еще не совсем потерявшего разум.

У приходского священника было два непосредственных начальника — епископ и благочинный.

Епископу, перегруженному всякого рода делами, в особенности бумажными, и расстоянием отдаленному от священника, не легко было изучать подведомых ему пастырей, следить за ними, входить в общение с ними, руководить ими. Но ведь только через пастырей архипастырь и совершает в епархии свое служение. Если каждый пастырь пастырствует по-своему и все пастырствуют без единого плана и согласия, — значит, в епархии нет единой направляющей воли, нет управляющего центра. Дискредитируя себя, пастыри дискредитируют и своего архипастыря, ибо пастыри не только его сотрудники, но и чада по благодати, за которых он ответственен, которых он обязан направить и управить. Наконец, души пастырские и совершаемое ими дело должны быть дороже и ближе архипастырю, чем кипы рассматриваемых им бумаг, часто ничтожных и даже лишних, или чем беседы с благочестивыми старцами и старицами. У епископа должны находиться и время и силы для самого внимательного отношения к пастырям и их нуждам. И они всегда могут найтись.

Еще ближе мог подойти к пастырям представитель и помощник архиерея — благочинный. Ему надо было

лишь перестать быть сборщиком церковных податей, регистратором, экспедитором, архивариусом церковных документов — для этого могли найтись другие — и остаться руководителем, другом, старшим братом всех пастырей своего благочиния, готовым каждому служить своим опытом и знаниями, поддерживающим и наставляющим слабых, направляющим сильных. Тогда он мог бы знать каждого из своих сопастырей и каждому сказать то, в чем тот нуждается: кого вдохновить, кого вразумить и на правый путь наставить.

Так могло бы быть. Что же было?

На этот вопрос я позволю себе ответить несколькими примерами из собственной жизни.

19 марта 1895 г., в пятое воскресенье Великого поста, после 3,5 лет службы в должности псаломщика, я был посвящен в сан священника в Б. церкви Полоцкой епархии. Б-кий приход был беднейшим в епархии — годовой бюджет священника не превышал 400 рублей. Но он имел особенности, требовавшие от его настоятеля благоразумного внимания и большой заботливости. Это был прежний униатский, сильно окатоличенный приход, граничивший, кроме того, с католическими приходами, продолжавшими оказывать на него свое влияние. Наконец, это был запущенный приход: мой предшественник, долго тут священствовавший, был болезненным, апатичным и «храбрым к питью» человеком, слишком мало интересовавшимся пастырским делом. Естественно, что отправляющийся на такой приход новопосвященный, неопытный пастырь нуждался в авторитетных указаниях и наставлениях.

Ни пред посвящением, ни после посвящения хиротонисавшим меня епископом не было сказано мне ни одного слова. Во вторник, 21 марта, после совершенного мною в кафедральном соборе утреннего богослужения ключарь собора обратился ко мне: «Вас владыка требует, — идите к нему сейчас!» Через несколько минут я стоял пред лицом владыки. Получив благословение, я услышал из его уст следующие слова: «Твой приход давно без священника. В субботу ж на этой неделе Благовещение, затем воскресенье Вербное, потом Страстная, Пасха, — тебе надо скорее быть в приходе. Если не можешь сегодня, то завтра утром непременно отправляйся к месту своего служения. Господь да благословит!» И владыка еще раз благословил меня. Слова владыки тогда поразили меня своею краткостью и на всю жизнь врезались в память. Обыкновенно ставленников после посвящения заставляли по крайней мере в течение недели практиковаться в кафедральном соборе под руководством соборных священников. Меня отправили, когда я еще не умел совершить ни одной литургии, и даже не спросили меня: смогу ли я самостоятельно совершать литургию?..

На следующий день вечером я прибыл в свой приход, а в субботу, в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, не без труда и ошибок, совершил первую литургию. В один из первых дней страСтной недели я представился благочинному.

Благочинный, протоиерей И. К., почти 70-летний старец, был незаурядной личностью. Он первым по списку окончил курс духовной семинарии, принял священство и очень скоро затем был назначен на должность благочинного. Уже 42-й год он исполнял эту должность. Среди сельских священников о. И-в резко выделялся. Он живо интересовался литературой и наукой, без всяких словарей свободно читал не только Цезаря, но и Горация и Овидия. Стены его дома были испещрены латинскими изречениями. Со своим сыном, учителем латинского языка в духовном училище, он переписывался по-латыни. В беседе он был чрезвычайно интересный, много видевший, много испытавший, много знавший человек.

Старец-благочинный принял меня радушно, с отеческой лаской и сразу очаровал меня и своим гостеприимством, и своей интересной беседой.

Приход мой уже 42-й год находился в его благочинии и был известен ему во всех деталях. Из моих слов ему стало известно, что, как уроженец противоположного конца епархии, я совершенно не знаком с местным населением, его нравами и обычаями и что я не успел попрактиковаться в совершении богослужений. Но... много интересного услышал я от своего о. благочинного, необходимых же по службе указаний получил мало. Только и сказано было мне о. благочинным: «Беден твой приход — перебивайся! Там у тебя помещики — поляки, только одна А-дра Ант. Левикова — русская. Но они — добрые люди. Ты с ними ладь! Сейчас же сделай визит живущему в 3-х верстах от твоего села ксендзу Обронпальскому (85-летнему старцу, богатому помещику), — он ежегодно будет давать тебе три кубических сажени березовых дров. Церковного же лесу в твоем приходе нет». С этим только наставлением я и покинул гостеприимный дом о. благочинного.

Хотя я и был тогда очень молод, — мне шел 25-й год, — может быть, благодаря частым беседам на школьной скамье с теперешним о. Митрофаном и другими своими товарищами, я все же в своем новом служении взял довольно верный курс: при совершении богослужений старался следить за каждым своим словом и движением, на каждой литургии проповедовал, внимательно и участливо относился к своим прихожанам и их нуждам, усердно занимался преподаванием Закона Божия в школе, — даже евреи-ученики не уходили с моих уроков, — начал постройку новой школы. Но все же отсутствие опытной, руководящей руки сказывалось на моей работе, на ее интенсивности и качестве. Я и доселе краснею от стыда, вспоминая один эпизод из тогдашней своей деятельности. Летом 1895 г. я возгорелся ревностью Илиною против сельских работ в царские дни. И 22 июля (день тезоименитства императрицы Марии Федоровны), увидев работавших на поле одного мелкого земледельца-поляка, своего соседа, я официально донес полиции, причинив этим ему значительную неприятность, а после и себя заставив многократно краснеть при воспоминании об этом поступке.

В первых числах декабря 1895 г. я совершенно неожиданно получил назначение в А-кий приход. Приход этот находился в моем родном уезде; население прихода было чисто русское, материальное обеспечение священника гораздо лучшее, чем в Б-м приходе. Но это был единственный в епархии приход, зараженный штундою. Бывшие в ссылке четыре вожака только что вернулись в свои дома и снова начали ревностную пропаганду. Мое же знакомство со штундой ограничивалось сведениями семинарского учебника. Казалось бы, отправляющегося на столь ответственную миссию молодого и малоопытного священника следовало вызвать в епархиальный город, где, кроме архиерея, был и специалист-миссионер, ориентировать его в положении дела, дать указания относительно способов борьбы, литературы, даже снабдить его литературой и т. д. Меня никуда не вызывали, никаких указаний мне не давали и после за все время моего трехлетнего пребывания в этом приходе ни разу не поинтересовались узнать: как же обстоит дело со штундой? А ведь из этого прихода штунда могла распространиться на всю епархию.

Прибыв в приход, я поспешил к благочинному. Чудный человек! Добрый, отзывчивый, радушный — встретил меня с поразительной теплотой. Но все его «служебные» указания свелись к следующему: «Хоро-

ший твой приход, хозяйственный: чудные луга, при доме сад, и люди — народ добрый. Вот только гадость эта завелась — штундисты... Как-то ты с ними управишься?»

Так и на новом, весьма ответственном месте я оказался предоставленным самому себе: сам должен был придумывать способы и отыскивать средства для борьбы со штундистами.

Для дела, может быть, и лучше было, что мною не руководили миссионеры, которые, наверное, навязали бы мне свои способы борьбы. Без них же я по-своему повел дело: по моему приглашению, раз или два в неделю, вечерами приходили ко мне все четыре штундиста, и мы мирно и дружелюбно, сидя в моей столовой, у кипящего самовара, обсуждали различные вопросы их учения. Результат получился довольно благоприятный: один из них совсем одумался и, однажды явившись ко мне, восторженно заявил: «Я, батюшка, бросил штунду и стал православным — я уже и пью, и курю». Я пожурил его, разъяснив, что православие не в питье и курении, а в принадлежности к Церкви, в соблюдении ее уставов, в пользовании предлагаемой ею благодатью, в верном понимании Христова учения. Он почтительно выслушал мои наставления и после этого старался проявлять свое православие уже иным, более соответствующим способом. Другой, Прохор Лаврентьев, сын почтеннейшего церковного старосты, человек весьма вдумчивый, замкнутый и самолюбивый, скоро начал относиться ко мне с исключительным уважением и трогательной заботливостью, но медлил присоединиться к Церкви. Когда я однажды сказал ему: «Пора бы тебе, Прохор Л-ч, покончить со своей штундой», — он кротко ответил мне: «Обождите, батюшка, еще не пришло время!» Я понял, что ложный стыд мешает ему сделать решительный шаг, и терпеливо ждал момента, стараясь

поддерживать постоянное с ним общение. Под конец моего пребывания в приходе он начал изредка заходить в церковь. Последние два оказались упорными, но начатая ими пропаганда не имела успеха — весь приход был на моей стороне. Их работа была замечена полицией, и они, кажется, в 1897 г., административно были высланы в одну из отдаленных губерний. Штунда после этого прекратила свое существование в моем приходе.

Приведенные мною факты как будто красноречиво свидетельствуют, как мало епархиальная власть интересовалась службой священника, как мало вникала она в его положение, как слабо приходила она к нему на помощь в его служении.

Но, может быть, так обстояло дело только в П. епархии, где и о. Митрофан, и я начинали свое служение. К сожалению, не в одной П-ой. Интересуясь этим вопросом, я расспрашивал многих священников разных епархий. И все они отвечали, что везде было так или приблизительно так, кое-где еще хуже, где епархиальная власть не только игнорировала, но и часто третировала сельского священника. Nomina sunt odiosa. Явление обратного порядка были редкими исключениями.

Недостаток начальственного руководства как будто мог бы быть восполнен братской помощью старших, опытом умудренных. Но тут стояли на пути два препятствия: 1) те старшие, не только сельские, но и городские пастыри, которые должны были быть учителями и руководителями младших и неопытных пастырей, были свидетелями служения своих отцов и сами начинали свое служение в то время, когда условия пастырствования и требования, к нему предъявлявшиеся, были совсем иными, чем в наше время. Тогда пастырь — аккуратный совершитель богослужений и треб, если только он не был «пьяница, бийца, сварлив и сребролюбец» (I Тим. 3, 3), и

особенно если он при этом имел «ипостасный» вид, — уже считался идеальным пастырем, которым гордился приход. Проповедничества от него не требовалось, заботы о просвещении прихода считались не обязательными. Народ веровал непосредственно, просто и удовлетворялся минимумом духовной пищи. Множество привыкших к такому пастырствованию старых священников, и дожив до новых времен, не могут уразуметь, что теперь от пастыря требуется иная работа и иное отношение к делу. Укажем характернейший пример. Председатель Училищного совета при Св. Синоде[1], магистр богословия, бывший ректор Тамбовской духовной семинарии, митрофорный, весьма почтенный протоиерей (умерший потом в сане Астраханского архиепископа) Павел Ильич Соколов во время Московского собора (1917–1918 гг.) упорно отстаивал мысль, что всякая проповедь при богослужении излишня и даже неуместна, ибо православное богослужение само достаточно поучает, проповедь же только понижает производимое богослужением впечатление. Менее же просвещенные старцы готовы были считать затеей чуть ли не все выходящее за пределы совершения богослужений и треб. При таких взглядах они могли скорее осудить, чем разогреть ревность молодого пастыря.

Стариковский взгляд на объем пастырского служения от отцов и дедов был воспринят и некоторыми молодыми пастырями: одними по нежеланию понять требования времени, другими по лености, — гораздо легче совершать в положенные дни богослужения и исполнять требы, чем все время стоять на страже нужд своей паствы.

Другим тормозом, мешавшим нашим пастырям, по завету апостола (Евр. 3, 13), наставлять друг друга, слу-

[1] С 27 февраля 1906 г.

жило наблюдавшееся, к сожалению, у нас сплошь и рядом отсутствие интереса к изучению обязанностей своего звания и к разрешению разных вопросов и недоумений, возникавших при прохождении пастырского служения. Наши сельские пастыри встречались друг с другом часто, но о службе беседовали мало, точно у них не бывало недоумений и вопросов.

В заключение скажем несколько слов о служебной подготовке кандидатов священства.

Единственными кандидатами священства должны были бы быть а) окончившие курс духовных семинарий и б) диаконы.

В большинстве епархий первые предварительно в течение нескольких лет проходили должности псаломщиков или учителей начальных школ. Учительская должность очень мало подготовляла к священству. Поэтому каждый желающий принять священный сан, казалось бы, должен был непременно послужить в должности псаломщика. А чтоб на этой должности он мог научиться, а не разучиться, ему надо было проходить псаломщическую службу под руководством благоговейного, разумного и опытного пастыря, который стал бы его добрым учителем, а не безрассудным развратителем. У нас же в этом отношении не было никакой системы: окончившего курс семинарии назначали на первое попавшееся место, совершенно не считаясь с тем, в какие руки попадет этот необработанный материал. И нередко случалось, что молодые идейные люди попадали под руководство узких, нерадивых, беспечных, а иногда и совсем беспутных священников. Одни из них старались поскорее вырваться из-под такой опеки; слабые заражались беспутством беспутных, и только немногие, самые сильные, на отрицательных примерах учились обратному. Впрочем, и лучшие священники, под руководство

которых попадали кандидаты священства, далеко не всегда прилагали достаточно усилий, чтоб надлежаще подготовить их к пастырскому служению.

Что же касается нашего прежнего диаконского состава, то он в общем менее всего годился для пастырского служения. По постановлению Св. Синода от 29.01–25.11.1886 г., в приходах, где более 700 душ, причт должен был состоять из священника, диакона и псаломщика. Предполагалось, что диаконы будут учительствовать в школах и помогать священнику в устройстве и ведении религиозно-нравственных чтений. Учительствование диаконов в школах и еще более помощь их в религиозно-просветительской деятельности священника свелась почти к нулю, ибо к тому и другому диаконы были не подготовлены, а то и прямо были неспособны.

Юго-западные и северо-западные епархии и после этого постановления воздержались от размножения диаконов. До последнего времени там даже многие городские церкви оставались без диаконов; в селах же нередко один диакон приходился на целый уезд. Зато в Великороссии иногда при одном священнике служили три диакона. «Там, – говорил в Предсоборном Присутствии один из самых лучших архипастырей последнего времени, Херсонский архиепископ Димитрий (Ковальницкий), – необходимую принадлежность благолепия церковной службы составлял диакон, бесчинные вопли которого, как и тысячепудовый колокол, доставляли высокое наслаждение тугоухим великороссам. Развилось соперничество диаконами, как и колоколами, и в последнее время дошло до того, что сельские причты пустились в диаконаты. Я знал в Тамбовской епархии, переполненной диаконами, такие причты, в которых при одном священнике три диакона. Вот горе там священнику! Но не меньше горе и епископу, которого одолевают вечными жалобами, спорами и раз-

дорами эти «слуги епископа».[1] Прот. М.Н. Казанский дополнял: «Диаконы худы – это больное место нашей церковной жизни. Причина дурного поведения диаконов – ничегонеделание. Священники часто виноваты, что не дают диаконам участвовать во внутренней жизни прихода».[2] Еще раньше Московский митрополит Филарет выражался: «Диакон – это язва церковная».

Диаконы, как диаконы, в том, что они не отвечали своему назначению, не так уж были повинны. Более повинна была церковная власть, не принимавшая нужных мер, чтобы возвысить, облагородить и поставить в нужные рамки диаконский институт. А затем повинны были дурные вкусы прихожан, желавших, чтобы в храме диакон своим голосом потрясал своды, а в домах прихожан был лихим участником в кутежах и даже дебошах. Всякие же свадебные, поминальные, крестильные и иные празднественные трапезы давали отцам диаконам массу возможностей для такой практики.

Ограничивая свое служение участием в совершении богослужений и треб, а в остальное время предаваясь ничегонеделанию или бесцельному блужданию по домам и бражничанью, диаконы, конечно, не могли такими упражнениями подготовлять себя к пастырскому служению. А между тем в годы оскудения подготовленных кандидатов священства епископам приходилось пользоваться диаконами для замещения пустовавших священнических мест.

Правда, ввиду этого некоторыми епископами стали приниматься серьезные меры для обновления и возвышения диаконского института. В Могилевской епархии,

---

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. III, 224.
[2] Там же. II, 27.

например, начали допускать в диаконы лишь лиц, имевших диплом учителя или псаломщика, и притом по сдаче при духовной семинарии установленного экзамена по пению, церковной истории, гомилетике, методике Закона Божия и ведению пробного урока.[1] Но в Могилевской епархии тогда святительствовал епископ Стефан. В большинстве же других епархий диаконское дело оставалось неизменным до последнего времени.

Не подлежит никакому сомнению, что и характер, и темп, и результаты нашего приходского и в особенности сельского духовенства были бы совершенно иными, если бы наши правящие владыки глубже вникали в нужды своих паств, внимательнее следили за деятельностью подчиненных им пастырей и старались направлять ее соответственно требованиям жизни и времени. Правящие епископы как тогда должны были, как и всегда должны будут, — скажем словами Н. Д. Кузнецова, члена Предсоборного Присутствия, — «понимать многие тонкости настроения общественной мысли и чувства и внимательно следить в этом за своей паствой, чтобы иметь возможность, по заповеди апостола, быть всем для всех» (Кор. 1, 9, 22). Но епископы, подобные епископу Стефану, который заявлял в своем отзыве Св. Синоду: «Нарождающиеся с необыкновенной быстротой новые течения и веяния жизни требуют силы и новизны церковного слова»[2], — такие правящие архиереи являлись исключением. Большинство же архиереев продолжали управлять по старому шаблону: совершали торжественные богослужения, испещряли своими резолюциями всевозможные журналы, протоколы, рапорты, прошения, жалобы, дела-

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. II, 28.
[2] Отзывы епархиальных архиереев. Ч. I. № 6. Стр. 25.

ли назначения и увольнения; одни чаще, другие реже, одни теплее, другие бездушнее принимали и выслушивали посетителей и просителей; иногда бурно и величественно проносились — это называлось архиерейскими ревизиями — по селам и почти всегда оставались далеки от пастырей, как и пастыри от них. Замечательно, что до самого захвата власти большевиками у нас сохранялся нелепый архиерейский этикет, позволявший архиерею появляться на улице не иначе как в карете, причем впрягать кобылиц в архиерейскую карету не полагалось. Пытавшиеся нарушить этот этикет архиереи, появляясь на улице в пешем виде и даже на извозчике, у одних вызывали удивление, у других возмущение и осуждение.

Необходимо отметить еще одну, довольно распространенную черту архиерейско-пастырских отношений, не способствующую успеху пастырской работы. Это было высокомерное отношение многих владык к белому духовенству. Об этом мы уже говорили, но зло было так велико, что скажем и еще.

Достойнейший, христиански гуманнейший и благороднейший среди наших архиереев последнего времени, Санкт-Петербургский митрополит Антоний (Вадковский, † в ноябре 1912 г.) накануне своей смерти признавался своему внучатому племяннику — доктору: «Чувствую, что ухожу из этого мира. Всем прощаю и всех прошу меня простить. И архиепископу Х. прощаю все зло, какое он часто причинял мне. Но одного не могу простить ему — его пренебрежительного отношения к белому духовенству. На одном из синодальных заседаний при обсуждении вопроса, лучше известного белым священникам, чем нам — архиереям, я предложил: прежде, чем выносить решение, спросить белых священников: что они думают по этому вопросу. На это предложение этот епископ, член Синода, презрительно заметил: «Стоит нам спрашивать этих по-

пишек!» На это я ему ответил: «Преосвященный, вы забываете, что эти попишки — наши отцы». Надо при этом заметить, что этот преосвященный в то время считался самым выдающимся архиереем и на него возлагали в духовном мире самые большие надежды.

Взгляд архиеп. Х. на белых священников был среди наших иерархов весьма распространенным. Множество наших епископов смотрели на себя как на сановников, притом облеченных чрезвычайными благодатными дарованиями, как на владык, вольных и в жизни, и в смерти подчиненных им пастырей. А на последних смотрели как на «попишек», как на своих слуг, обязанных им рабским послушанием.[1] В некоторой степени такой взгляд отразился и в беженской пасторологической литературе. У еп. Дамиана (бывшего Царицынского), в его «Руководстве по предмету пастырского богословия» (София, 1928), на с. 56 мы читаем: «Священник есть орудие епископской власти и проводник архипастырских предначертаний». Определяя таким образом отношение священника к своему епископу, благостный владыка, сам долго служивший в должности приходского священника, не задал себе вопроса: а что же делать пламенному, умному и мудрому священнику, если его архипастырь — что в жизни не раз случалось — не имеет и не желает иметь никаких предначертаний? Ужель только оставаться его орудием — значит, орудием бездействования? Достойно внимания, что некоторые епископы до последнего времени упорно старались поддерживать обычай зем-

[1] Власть епископа над священником была безгранична: он мог не только делать ему всевозможные замечания, выговоры, с внесением и без внесения в послужной список, но и запрещать ему священнослужение, сажать в монастырь на послушание, перемещать на худшие места и даже совсем лишать его службы. Во всех таких случаях добиться священнику защиты было очень трудно. Об этом мы уже говорили.

ного поклонения являвшихся к ним священников, хотя еще в начале XVIII в. Петровский Регламент требовал, чтобы архиереев, пока они здравы, не водили под руки и чтобы подчиненные не кланялись им в землю и не воздавали им «лишней и, почитай, царской чести».[1]

К глубокому прискорбию, надо признать, что русский епископ прежнего времени для своих пастырей чаще являлся высокомерным начальником, строгим карателем, чем их отцом, другом, руководителем и защитником.

Закончим наши рассуждения проникновенными словами проф. В. И. Несмелова: «Наше белое духовенство, — докладывал он Предсоборному Присутствию, — собственно говоря, всегда было только униженным и оскорбленным. О непомерном унижении его в жестокое минувшее время весьма выразительно свидетельствует позорная поговорка, отмеченная для нашего особого назидания даже на страницах семинарского учебника по русской церковной истории: «бей попа, как собаку, и отдай пять рублев». Жестокое время это, конечно, давно уже прошло, но только оно прошло не для нашего сельского духовенства. Наше духовенство в сущности попрежнему осталось забитым и униженным, бесправным и беспомощным, и если оно чем может, к несчастию, похвалиться пред своими дальними предками, то лишь целой армией новых начальников, о которых не ведало прежнее жестокое время. Не говоря уже о своем епархиальном архиерее, сельский священник, пожалуй, даже более, чем пред архиереем, дрожит и пред важными членами консистории и по страху заискивает даже пред консисторскими сторожами. Сельский священник вынужден бояться и своего о.благочинного, вынужден бо-

[1] П. Знаменский. «Руководство к русской церковной истории». Изд. 2-е. Казань, 1876. С. 315.

яться и разных новоиспеченных ревизоров своей пастырской деятельности в лице епархиальных миссионеров и разных наблюдателей церковно-приходских школ, вынужден бояться и всякого влиятельного барства, вынужден бояться и всякого богатого купечества, вынужден бояться даже просто-таки всех, кому только не лень оскорбить его или кому только не лень нагнать на него страх бессмысленною угрозой ни за что, ни про что под суд его упечь; потому что все и всячески действительно могут ему всю жизнь отравить, потому что, при существующем строе епархиального управления и суда, оправдаться сельскому священнику в клеветнических наветах на него — дело не только трудное, но часто даже совсем невозможное. И это еще не все, по крайней мере, это еще не самое главное. Весьма прискорбно, конечно, что наши сельские священники изнемогают под тяжестью своего бесправия, но еще более прискорбно, что от тяжкого гнета этого векового бесправия страдает не только личность забитого священника, но страдает и то великое дело, которое ему поручено. Какой он может быть пастырь, когда он всякого строптивого козлища в своем стаде боится и когда всякая мятежная овца из его стада в самом буквальном смысле может его с места сжить! Поневоле он является не пастырем, а только требоисправителем».[1]

Трагедия нашего белого духовенства была трагедией всей нашей Церкви.

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. II, 172.

Деятельность белого и, в частности, сельского духовенства

Даже и в последнее время встречались сельские священники, которые вместо того, чтобы культивировать серую крестьянскую массу, сами опускались до ее уровня. Я знал одного окончившего полный курс семинарии священника, который, прослужив более тридцати лет в захолустном селе, утратил всякое представление о грамотности. Даже его краткие рапорты благочинному могли служить и в логическом, и в синтаксическом, и в правописном отношениях образцами безграмотного маранья, позорного даже для закончившего курс начальной школы. Такой грамотности соответствовало и умственное развитие этого пастыря, очевидно, по выходе из семинарии не прочитавшего ни одной книги. О другом, также окончившем полный курс семинарии, пастыре так выразился неграмотный, но умный крестьянин: «Наш батюшка... да он не то, что в вашу, он и в нашу компанию не годится». Но такие печальные исключения, слава Богу, были редкими. В общем же наши сельские священники и культурно, и умственно возвышались над массой своих прихожан, что давало им возможность культивировать свою паству. Облекавший же их сан предоставлял им право, более того — обязывал их быть учителями, просветителями, совестью своей паствы. И этот долг признавался самой паствой.

Деятельность сельских священников в предреволюционное время по своему характеру и размерам была са-

мой разнообразной. Одни ограничивались минимумом пастырской работы: совершением богослужений, исправлением треб, преподаванием Закона Божия в школе. Другие, кроме того, старались вникать в жизнь своих пасомых и так или иначе, в частных беседах и церковных поучениях, реагировать на все ее добрые и дурные стороны. Третьи, как о. Митрофан, развивали максимум пастырской деятельности. В общем же даже у первых замечался значительный прогресс по сравнению с предшествующими поколениями пастырей — наших отцов и дедов. Начнем с богослужения.

Не только в 80-х, но и в начале 90-х годов прошлого столетия в наших сельских храмах продолжали одиноко гнусавить дьячки, не подготовленные к своей службе, часто не имевшие, как тогда выражались, «ни гласа, ни послушания», т. е. ни голоса, ни слуха. В большие праздники и отчасти в воскресные дни собирались и «хоры». Но эти хоры часто напоминали китайские оркестры: кто в лес, кто по дрова, и в человеке со сколько-нибудь развитым слухом могли вызвать сострадание к певцам, но не молитвенное умиление.

Вспоминаются годы юношества. Я только что окончил курс семинарии. Наступил праздник апп. Петра и Павла. В соседнем (в XVIII в.) селе Хвошне, центре многолюднейшего прихода, храмовой праздник. Село это славилось своим хором и особенно тенором, крестьянином Вороновым. Я отправился туда, чтобы послушать прославленный хор. Представившаяся мне картина и сейчас стоит пред моими глазами. Прекрасный, обширный, с высоким, открытым куполом храм переполнен народом, пестро, по-праздничному одетым. Скромно и благоговейно служит средних лет священник. Певцы на хорах. Их более двадцати — все взрослые, бородатые, иные — убеленные сединами мужики. Неистово машет руками псаломщик, командующий хором. Псаломщик яростно раскрывает рот, издавая хрипло-трескучие, басообразные звуки. Знаменитый тенор Воронов, лет 35 мужчина, с маленькой бородкой и орлиным носом, унесся ввысь и выделывает невообразимые трели. Другие певцы отстают, догоняют, но каждый из них старается выявить всю мощь своего голоса. Особенно умилительны стоящие на левом фланге два убеленных сединами, небольшого роста мужичка. Это — дисканты хора. Фальцеты их все время срываются. Но они напрягают все усилия, чтобы не посрамить себя. Слезы градом сыплются из глаз их.

Такое пение могло производить впечатление на серую массу и даже умилять ее. Но ведь богослужению нужна подлинная, величественная красота, которая соответствовала бы величию и совершенству Небесного Отца, пред Которым предстоят в храме молящиеся. Пение церковное должно умилять не только простецов и невежд, но и развитых, культурных людей, и не только умилять, но и облагораживать.

Когда в 80-х годах прошлого столетия в селе Маклоке Полоцкой епархии появился первый сельский музыкально организованный хор и тут же было введено общее пение некоторых молитв[1], об организаторе того и другого «новшества», священнике о. Тимофее Рыбакове с удивлением заговорили во всей епархии. Некоторые священники и миряне специально ездили в это село, чтобы, подобно неверующему Фоме, собственными очами и ушами убедиться в действительности факта.

В 1900-х годах уже при всех сельских церквах имелись в одних местах прекрасно, в других прилично сорганизованные хоры, управляющиеся по большей части

[1] За литургией — «Верую», «Достойно есть», «Отче наш»; за утреней: «Взбранной воеводе».

учителями начальных школ и составленные главным образом из настоящих и бывших учеников этих школ. У о. Митрофана за богослужениями в праздничные и воскресные дни пело два хора, один на правом, другой на левом клиросе. Хор правого клироса состоял из 40 человек. И подобных хоров в той же Полоцкой епархии тогда было множество. Весьма распространилось и общее за богослужениями пение. Надо ль говорить о том, что организованные церковные хоры изменили характер, облик богослужения и усилили его привлекательность, что для того времени было весьма необходимо ввиду несомненного понижения религиозной настроенности и в крестьянском населении под влиянием событий 1905–1906 годов.

Проповедь в прежнее время раздавалась не часто, особенно в сельских церквах. Обычно сельские священники разверзали свои уста в самые большие праздники, в дни большого стечения народа. Проповедовали по тетрадке, а еще чаще по книжке, пользуясь печатными сборниками проповедей. Попытки приспособить печатную проповедь к данному моменту не всегда оказывались удачными. Известна речь знаменитого архиепископа Прокоповича при погребении императора Петра I, начинавшаяся так: «Что се есть? До чего мы дожили, о россияне? Что видим? Петра Великого погребаем!» Анекдотичен случай подражания ей. Один сельский священник воспользовался этой речью при погребении своего церковного старосты и так начал свою речь пред гробом старосты: «О, братие, россияне! До чего мы дожили? Что видим? Что делаем? Своего церковного старосту погребаем!..» Живое слово с церковного амвона раздавалось столь редко, что о нем приходилось говорить как о диковинном исключении.

Время произвело большую перемену и в этой области. В 90-х годах проповедь стала обычным и даже обязательным явлением. Уже оказывалось немало священников, ко-

торые не оставляли воскресных и праздничных богослужений без проповеди. И в селах начало раздаваться живое проповедническое слово, откликавшееся на радостные и печальные явления приходской жизни, служившее отзвуком воспитательной системы, проводившейся пастырем в своем приходе. В некоторых же приходах в воскресенье и праздничные дни, в промежутки между утреней и литургией, псаломщиками, окончившими курс духовных семинарий, и школьными учителями велись религиозно-нравственные беседы и чтения. Успех таких чтений мог бы быть весьма серьезным, если бы власть имущие и мудрые выработали необходимые для этих чтений жизненные программы и предоставили бы нужный материал. Отсутствие же руководства не могло не сказываться на успехе этого полезного начинания, особенно ввиду понизившегося образовательного уровня значительной части священнического института, который должен был направлять это дело.

Нельзя умолчать и о школьной работе сельского духовенства. В последние 25–30 лет пред великой войной школьная российская сеть разрослась до огромных размеров. Кроме весьма размножившихся министерских, земских и иных светских начальных школ, в 1913 г. в России имелось 38.284 церковных школ[1] с 2.002.921 учащимся обоего пола.[2] В светских школах священники преподавали Закон Божий, в церковных же они заведовали и хозяйством, и учебным делом и законоучительствовали. Законоучители не священники в церковных школах встречались сравнительно редко: в том же 1913 г. из всех 34.821 законоучителей одноклассных церковных школ было: а) священников 28.723, диаконов 1.746, псаломщиков 243 и светских

[1] Начальных — 37.795, учительских — 489.
[2] «Церковные Ведомости», 1914 г. № 3. С. 120.

лиц 4.104[1]; в двуклассных школах из 1.240 законоучителей было: священников 940, диаконов 126, псаломщиков 31 и светских лиц 143[2] и т. д. Как бы ни расценивать школьную работу сельского духовенства, в количественном отношении она была весьма значительной и в сравнении с прежними поколениями — новой. Ее недостатки с каждым годом сглаживались. Пред революцией уже были епархии, в которых церковно-приходские школы ни в каком отношении не уступали светским начальным. А некоторые, руководимые талантливыми и ревностными священниками, даже превосходили их. Инспектор народных училищ Невельского уезда Вит. губ., Д. Т. Н-ий решительно утверждал, что самые лучшие учителя начальных школ в Нев. уезде — это окончившие курс Киселевской церковно-учительской, возглавлявшейся о. Митрофаном школы: они набожны, идейны, ревностны, умеют заинтересовать своих питомцев различными отраслями сельского хозяйства, с культурной постановкой которого они ознакомились в своей школе, и усердно распространяют культурные сельскохозяйственные знания среди крестьян.

Слабее обстояло дело с пастырским духопопечением, т. е. с чисто пастырским руководством священников своими пасомыми. Зависело это от двух причин: 1) с каждым годом руководительство пасомых становилось все более трудным, так как под влиянием расширившегося образования, с одной стороны, и разных отрицательных влияний, с другой, пасомые становились все более требовательными, менее послушными, критически относящимися к словам и действиям пастырей — потребовались пастыри чуткие, просвещенные, умудренные. 2) Между тем образо-

[1] «Церковные Ведомости», 1914 г. № 3. С. 127.
[2] Там же. С. 123.

вательный уровень пастырей, как уже говорилось, в последнее время продолжал не повышаться, а понижаться. В предреволюционные годы число семинаристов, принимавших священный сан, уменьшилось по сравнению с предыдущими годами более чем наполовину. При этом уклонялась от священства наиболее сильная и способная часть оканчивающих семинарский курс. Священнические ряды стали заполняться в лучшем случае второразрядными семинаристами, в худшем — разными случайными людьми, часто совершенно чуждыми пастырскому делу. Первые по большей части шли на священническое служение по инерции, вторые — ради куска хлеба. Первые не блистали дарованиями, вторые часто оказывались ничего не стоящими. Конечно, исключения случались. Не только тискадские (Режицкого у. Полоц. еп.) православные прихожане, но и тискадские старообрядцы, которых так было много, не могли забыть тискадского православного священника, простеца-иеромонаха Мелитона, оказавшегося «милостью Божиею» пастырем: спешившего к каждому без различия — будет ли он старообрядец или православный — нуждавшемуся в его пастырской помощи и всем благотворившего. Подобным образом преемник-богослов (т. е. окончивший курс семинарии) ни в каком отношении не мог заменить Ловецкому приходу (Нев. у. Пол. еп.) священника Онуфрия Ш., окончившего курс всего лишь духовного училища, служившего затем волостным писарем, потом столоначальником консистории, по принятии же священнического сана развившего в Ловецком приходе удивительную по размаху и соответствию духовным нуждам данного времени пастырскую деятельность.[1]

[1] К сожалению, деятельность о. Онуфрия не встретила сочувствия ни у собратий-священников, ни у начальства, и он скоро покинул свой приход.

Между священниками предшествовавшего поколения и предреволюционного была большая разница. Между первыми встречалось немало талантливых, сильных духом и здравым смыслом людей. Они тогда безмерно возвышались над серой, безграмотной массой своих прихожан и без особого труда могли влиять на нее. Пасомые беспрекословно признавали их авторитет, страшились их обличений и епитимийных наказаний, подчинялись им. Раньше не было редкостью встретить такого пастыря, который, хотя по теперешнему взгляду и не отличался учительностью: почти не произносил за богослужением проповедей, не вел внебогослужебных бесед, однако крепко держал в руках весь свой приход, был его совестью, — с ним считался и его осуждения боялся каждый его прихожанин. Отеческое внушение, сделанное таким пастырем провинившемуся, быстро разносилось по всему приходу, и оно действовало на массу сильнее всяческих отвлеченных проповедей, произносимых ex officio с церковной кафедры. Не стяжавшие авторитета, не имеющие нужных знаний и такта пастыри, хотя бы они и надрывались над сказыванием проповедей и ведением бесед, не могут владеть душами своих пасомых. А этих именно качеств стало недоставать множеству пастырей предреволюционного времени.

Время однако давало о себе знать. Его нужды и запросы не могли не достигать до сердца наиболее чутких, талантливых и вдохновенных пастырей и не встречать у них отклика. И мы в предреволюционную пору видим целый ряд совершенно новых, раньше не применявшихся на русской земле опытов пастырской работы.

Так, в конце 80-х годов XIX столетия два столичных Санкт-Петербургских пастыря — Сергиевского военного собора прот. Д. Никитин и Казанского собора свящ. М. Соколов начинают народные религиозно-нравственные чтения. Их дело потом превращается в ставшее знаменитым Общество религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, в течение многих лет до начала революции возглавлявшееся известнейшим прот. Ф. Н. Орнатским, потом погибшим в 1918 году. Это Общество уже к началу нашего столетия имело в Петербурге четыре собственных прекрасных храма, в которых ежедневно совершалось богослужение и каждый день раздавалась проповедь, свои дома, залы для чтений, библиотеки, издавало свой журнал и, пользуясь студентами духовной академии и столичными священниками, вело беседы во многих пунктах Петербурга и его окрестностей. По его примеру стали создаваться подобные общества и в других городах. Его огромная заслуга, между прочим, состояла в том, что оно служило прекрасной практической школой для начинающих проповедников, студентов — будущих пастырей.

О. Митрофан в захолустном селе Киселях дает образец сельского пастыря, пекущегося не только о духовных, но и о материальных нуждах своих пасомых, во всех отношениях культивирующего свой упавший приход. Одновременно с ним его почти однолеток, Санкт-Петербургский столичный иерей А. В. Рождественский начинает в 1898 г. развивать около своего храма — Воскресения Христа на Обводном канале Общество трезвенников, в 1900-х годах насчитывавшее свыше 10.000 членов, имевшее свой зал для бесед и лекций, свой журнал и спасшее многих от пьянственной гибели. В г. Москве священники Лихачев и И. И. Смирнов собирают бездомных, уличных детей, устраивают для них приют и школу, учат их грамоте и ремеслам, потом заботятся о приискании им работы. Тискадский о. Мелитон, обходя в праздники с крестом дома православных, посещает и старообрядцев-беспоповцев и за них молится. И старообрядцы не могут потом забыть

этого. Он спешит оказать помощь всякому застигнутому бедой, не различая — православный это или чужой, находит благотворителей, отдает последнее свое. Это пастырь-молитвенник, благотворитель.

О другом, не названном по имени пастыре-печальнике рассказывал в г. Киеве свящ. Нестору Шамраевскому богомолец-крестьянин. Передаем рассказ этого крестьянина, как он записан о. Нестором.

«Нигде на всем свете нет таких батюшки и матушки, как в нашей деревне. Вот мы здесь на богомолье (Киев) почти всем селом, дома остались только дети да слабые старики. Но мы вполне спокойны за детей своих, за имущество. Там у нас остались добрые ангелы хранители. Обо всем позаботятся наш дорогой «отец-батюшка» и добрая его «матушка», дай Бог им здоровья и все, чего они у Бога себе просят. И не только теперь, а вот уже 10 лет как мы не нарадуемся на них. В летнюю страдную пору, когда приходится целый день проводить нам в поле, мы всю детвору отводим и относим во двор библиотеки, а сами спокойно отправляемся на работу. Во дворе батюшки — в школе, в клуне, в кухне остаются наши дети целый день под присмотром старух и матушки. Там их кормят, поят, и мы за них вполне спокойны. Только вечером приходят матери разбирать детей по домам, как ягнят из стада. И так все лето. У нас почти никогда не бывает пожаров, как бывало раньше от детской неосторожности, и никаких несчастий с детьми. Нищих и разных попрошаек у нас тоже нет. О бедняках заботятся батюшка с матушкой — никому нет нужды протягивать руку за милостыней. Каждую субботу мы по заведенному обычаю приносим кто что может для бедных в дом священника, а он с матушкой уже распределяет бедным — и пищу, и топливо, и одежду. И так постоянно. На общественный счет мы купили батюшке две коровы, и дети бедняков бесплатно пользуются молоком, когда нужно. Зимою батюшка с матушкой учат детей в школе. По вечерам два раза в неделю женщины собираются в кухне у матушки прясть, ткать и шить для бедных. Есть у батюшки и аптечка, и, когда нужно, он помогает больным. От пьянства и других пороков хранит нас Господь. Среди нашей молодежи не слышно ни скверной брани, ни срамных песен и никакого озорства. На все наставляет нас добрый, но строгий отец духовный и в церкви, и при каждой встрече. Читает нам хорошие книги, беседует с нами о Боге, о христианской жизни. И мы его слушаем, потому что он добрый. Он заботится о нас больше, чем родной отец наш. Мы безгранично любим наших благодетелей. Они у нас ни в чем не нуждаются, ни о чем для себя не заботятся и живут, слава Богу, в полном довольстве, хотя у нас очень маленький приход. Другие им завидуют. Мы миром пашем их поле, засеваем, убираем хлеб, свозим, молотим и складываем вовремя и скоро Есть у них всякого добра довольно и себе, и людям».[1]

Ловецкий о.Онуфрий развивает иного рода деятельность: он хочет неусыпно стоять на страже своего прихода, быть действительным его руководителем. Для этого он все время объезжает свой приход, каждую субботу совершая всенощное бдение то в той, то в другой деревне. После всенощной беседует с крестьянами: узнает их нужды, дает советы, поучает, наставляет, когда надо — обличает.

В 1912 г. молодой, образованный и ревностный священник Троицкого (лейб-гвардии Измайловского полка) собора И. Ф. Егоров организует в своем соборе беседы для детей и достигает огромного успеха. Беседы он ведет в соборе вечером, дважды в неделю. Детей собирается до 800, иногда и более. С детьми приходят нередко

[1] «Церковные Ведомости», 1914 г. № 34. С. 1513–1514.

и родители. Порядок при беседах соблюдается строгий: дети распределены по десяткам и сотням; каждая из таких групп возглавляется взрослым, чаще всего студентом или студенткой, избранными о. Иоанном. Руководители не только следят за порядком — приходом и уходом детей, поведением их в храме, но и проверяют, каждый в своей группе: поняли ли дети беседу; непонятное разъясняют. Руководители, в свою очередь, дважды в неделю беседуют с о. Иоанном, который дает им нужные указания и наставления. Беседы с детьми предваряются служением молебна, на котором поют дети, и перемежаются общим пением детьми разных молитв. От времени до времени о. Иоанн совершает специально для детей литургии, за которыми опять же поют сами дети. В Великом посту устраивается общее говение детей.

Следуя примеру о. Иоанна, такие же беседы начинает в 1916 г. в Колпинской, морского ведомства, церкви еще более талантливый, образованный и энергичный молодой священник А. И. Боярский и быстро достигает огромного успеха.

Подобных пастырей, чутких душою, проникавших в действительные нужды своих паств и творчески прокладывающих новые пути пастырской работы, на русской земле было немало. К сожалению, они, в одних случаях, оставались непонятыми, в других — незамеченными, а то и гонимыми. О. Митрофан и о. Онуфрий среди своих собратьев слыли за затейников-новаторов и карьеристов. Епархиальное начальство не замечало их работы, а о. Митрофан за усердие при постройке школьного здания, как мы уже говорили, чуть не попал под суд. Московский печальник о беспризорных детях со скорбью рассказывал, что больше всего препятствий в его работе ставило его же епархиальное начальство. Гремевший в 90-х годах и первой половине 1900-х годов своими проповедями и беседами, собиравший к своей кафедре массы интеллигенции и аристократии, положивший начало новой изящно-литературной проповеди Санкт-Петербургский священник Г. С. Петров своим печальным концом был в значительной степени обязан зависти и интригам некоторых своих собратий, не сумевших понять и поддержать его.

В данном случае даже не то важно, что такое отношение собратий и начальства к ревностным труженикам оскорбляло последних. Гораздо важнее и печальнее то, что прекрасные опыты многих лучших пастырей, являвшиеся ценнейшими достижениями в пастырском деянии, необходимыми и для настоящего, и для будущего, проходили эпизодически пред глазами сравнительно небольшого круга верующих, непосредственно их наблюдавших, но не закреплялись, не пропагандировались, не распространялись. Как на живые примеры можно указать на тех же отцов Митрофана и Онуфрия. Когда первый, по семейным обстоятельствам, перешел на службу в город, на его место был назначен вялый, совершенно не способный продолжать его работу пастырь. И чрез несколько лет только прекрасные здания церкви и школы продолжали напоминать о великих трудах о. Митрофана. На место о. Онуфрия был назначен окончивший курс семинарии, решительно ни в чем не поддержавший «затеи» о. Онуфрия и всю свою энергию направивший на увеличение причтовых доходов.[1] Блестящие труды того и другого так и не нашли ни продолжателей, ни подражателей. Многим пастырям своей

[1] Одним из средств для этого он избрал выписку икон новопрославленных угодников. Иконы эти освящались у св.мощей и от ближайшей ж.д.станции торжественно переносились с крестным ходом в церковь. День перенесения потом ежегодно торжественно праздновался. Крестьяне служили молебны. Батюшка этот в 1914 г. хвастался: «Выписал я икону предстателя Феодосия — дает причту рублей пятьдесят. Скоро прибудет икона Иоасафа Белогородского. Даст, пожалуй, больше».

же епархии они были даже неизвестны. А между тем каждый сельский пастырь должен был и в своей мере мог им подражать. А если бы размножились о. Митрофаны на русской земле — это изменило бы ее облик.

К сказанному о белом духовенстве прибавим одно замечание.

В рядах этого духовенства имелось немало лиц, наделенных большими дарованиями, обладавших тонким пониманием жизни и ее нужд, энергией, опытом, мудростью, административными талантами, уменьем влиять на людей и покорять их сердца. Их дарования давали им право, а польза церковного дела настоятельно требовала, чтоб такие лица ставились на «свещнике» (Мф. 5, 15) и могли проявлять деятельность в мировом масштабе. Но с каждым годом доступ к высшим должностям для белого духовенства все более и более сокращался. В 70–80-х годах прошлого столетия в трех академиях: Санкт-Петербургской, Московской и Казанской ректорскую должность занимали протоиереи: в 1-й И. Л. Янышев, во 2-й — А. В. Горский, а потом С. К. Смирнов, в 3-й — А. П. Владимирский; большинство семинарских ректоров также были протоиереями. В 1907 г. во всех четырех академиях ректорствовали монахи; в числе 57 ректоров семинарий и 1 наблюдателя миссионерских курсов при Казанской духовной академии значились 31 монах и 27 протоиереев.[1] Для белого же священника с семинарским образованием высшим служебным достижением могло быть членство в консистории, реже — должность епархиального миссионера. Но первая, требовавшая большой канцелярской усидчивости, должность не могла удовлетворить идейно-

[1] Именной список ректорам и инспекторам духовных семинарий за 1907 г. С каждым годом число монахов-ректоров увеличивалось, число ректоров протоиереев сокращалось.

го, жаждущего живой работы пастыря; вторая же могла быть по сердцу лишь особым любителям логомахийного искусства. И надо было стрястись большой беде над белым священником — овдоветь ему, чтобы он, — если он был академиком, — получил доступ ко всем почестям высшего звания.[1] Монашество в последнее пред революцией время захватило все права и старалось захватить все более видные места в Церкви. Для оправдания этого стали настойчиво проповедоваться еретические теории: «самый худший монах лучше самого лучшего бельца»; «монашеский постриг есть таинство, в котором Божия благодать немощное врачует и оскудевающее восполняет». Действительность не подтверждала этих странных теорий: после пострига тупоумные не освобождались от своего тупоумия и подлые — от своей подлости; невежественные не становились более просвещенными, и даже развратных не всегда сдерживал постриг. Но сторонники этих теорий, — как бы для того, чтобы со временем ярче выявилась их уродливость, — стригли направо и налево всякого, кто только склонял голову, отнюдь не заботясь о выборе для должности высшего звания достойнейших и способнейших.

Считавшие, что только монашеское звание делает человека достойным и пригодным не только для пастырствования, но и для управления и пастырями, и пасомыми, забыли о рассуждениях по этому вопросу величайшего учителя Церкви св. Иоанна Златоустого. Его рассуждения сводятся к следующему: никакая жизнь,

[1] Удавалось это иногда и не имевшим такого диплома; примеры этому: семинаристы — Московский митрополит Макарий, член Св. Синода, бывший Вологодский архиеп. Никон и даже полный неуч, полуграмотный Тобольский архиеп. Варнава... Но это исключения. Вообще семинаристы-монахи дальше настоятелей монастырей не шли. Диплом академии давал монаху ореол «учености» и открывал пред ним широкую дорогу.

как бы она высоконравственна ни была, — пусть это будет даже высшая — аскетическая, — все же она еще не может быть достаточным условием для возложения на кандидата пастырского дела. Причина этого в том, что пастырство имеет свои особые условия, особые нужды, требования, запросы, особую природу и требует особых подвигов и трудов. Прежде всего пастырь должен быть знаком с миром, с общественной жизнью, какого знания не имеют аскеты. Вообще, св. отец считает, что подвиг священства труднее и многознаменательнее монашеского, как труднее управлять кораблем в открытом море, чем в тихой закрытой пристани. По этой причине, — рассуждает Златоуст, — весьма немногие с монашеского подвижничества переходят на подвиг священства. Да и те большей частью обнаруживают свою неопытность, падают духом и встречают случаи весьма неприятные и затруднительные,.. недоумевают, затрудняются, приходят в такое состояние, что сами не знают, что делать. Многие из них, кроме того, что не приумножают добродетели, теряют и то, что принесли с собой.[1] «Знаю многих, — говорит св. Златоуст в другом месте, — из проведших всю свою жизнь в затворничестве и изнуривших себя постом, которые, пока пребывали в уединении и пеклись только о себе, более и более преуспевали, а когда явились к народу и должны были исправлять невежество людей, тогда одни из них с самого начала оказались неспособны к такому делу, а другие хотя и продолжали служение, но оставили прежнюю строгость жизни, причинили величайший вред себе и не принесли никакой пользы другим.[2]

[1] Твор. Т. I. С. 465–466.
[2] Слово о священстве. Т. III. 15. С. 429.

Если св. отец так рассуждал и об обыкновенном пастырствовании, то что же сказать об архипастырствовании, в особенности в ту трудную предреволюционную пору. Тут требовались еще большая опытность и житейская мудрость. И вот сплошь и рядом приходилось наблюдать такого рода явление: епархией «управлял» лишенный нужных дарований, не знающий жизни и даже не всегда благочестивый, не способный к управлению монах, а у приходского дела, сравнительно с епархиальным маленького, стоял ряд талантливых, опытных и мудрых белых священников. Первый не в силах был управиться со своим делом[2], вторым негде было развернуться.

Бывало и хуже. Посредственность не терпит таланта. Про Тобольского неуча-архиепископа Варнаву рассказывали, что он в своей епархии преследовал священников с высшим образованием. В этом художестве он не был единственным.

Жизнь человеческая двигается талантами, опытом, мудростью. И нашей Церкви необходимо было сделать какие-то героические усилия, принять какие-то исключительные меры, чтобы таланты, опыт и мудрость находили поле для проявления себя и чтобы на высоких местах оказывались высокой ценности и соответствующих месту качеств люди, независимо от их звания или состояния.

[1] Невольно вспоминается Кубанский еп. Иоанн (Левицкий), умерший уже в революционное время. Добрый, честный и благочестивый — он был совершенно не способен к какому бы то ни было епархиальному управлению. Бывшие в 1918–1919 гг. на его служебных приемах часто наблюдали такую картину: в зале архиер.дома ждет выхода владыки толпа посетителей. Наконец, выходит владыка в рясе, клобуке, с панагией на груди и начинает обход просителей. Владыка соображает медленно, дает неудачные ответы... Просители подымают шум. Тогда вбегает в залу келейник владыки, как утверждают злые языки, управлявший епархией и получивший прозвище «Ефим Кубанольский» (он ранее служил рабочим на заводе Кубаноль в г.Екатеринодаре), и уводит владыку в кабинет, а затем, вернувшись в залу, водворяет тишину, после чего снова появляется владыка.

Духовные школы

До Петра Великого все школьное просвещение на Руси сосредотачивалось в руках Церкви: при монастырях, архиерейских домах, церквах, в домах священников и дьячков. Другой школы, кроме церковной, тогда не существовало. Потом стали множиться разного рода светские школы. Все же до самого последнего времени в руках Церкви продолжала оставаться значительная часть русских школ. Кроме четырех академий (Санкт-Петербургской, Московской, Киевской и Казанской), с миссионерскими курсами при Казанской академии, Русская Православная Церковь имела 57 духовных семинарий, 184 мужских духовных училища, 62 женских духовных епархиальных училища и 12 таких же училищ Ведомства императрицы Марии.[1] Кроме того, Русская Церковь располагала огромной сетью двуклассных, второклассных, одноклассных церковно-приходских школ, школ грамоты и нескольких учительских семинарий.[2]

Самыми важными школами для Церкви были духовные семинарии и духовные академии. Первые имели своей задачей быть рассадниками, выращивающими пастырей для Русской Церкви; вторые должны были раз-

[1] Именной список ректорам и инспекторам духовных академий на 1907 г. Алфавитный указатель I–IV. Именной список служащих в женских училищах: а) духовного ведомства, б) епархиальных на 1907 г. Приводим числа по спискам 1907 г. После этого года указанных школ прибавилось очень мало.

[2] Таких школ в 1913 г. было 38.284 с 2.002.921 учащимся.

вивать и умножать богословские силы, подготовлять кадры деятелей для высших должностей церковного служения. В каком же положении находились эти драгоценнейшие для Церкви учебные заведения? Коснемся сначала семинарий.

Уже один факт ставшего в последние годы почти поголовным бегства семинаристов, притом лучших, от священнического служения, даже и в тех епархиях, где материальное положение священника было весьма завидным, — уже этот факт не может быть объяснен одними внешними причинами и влияниями. Его объяснения надо искать и в тогдашнем состоянии самой Церкви, и, прежде всего, — в состоянии духовных семинарий, воспитывавших кандидатов священства.

Только упорно закрывавшие глаза и не желавшие замечать вопиющих недостатков своей alma mater[1] могли думать, что в наших семинариях все обстояло благополучно. Те же, кто рассматривал семинарии не через призму благодушия и сыновнего почтения, а с точки зрения выполнения семинаристами своих задач и соответствия их постановки действительным требованиям и запросам современной церковной жизни, — те приходили в ужас от разложения, захватившего эти школы, признавая, что невозможно дальше оставлять их в таком состоянии. Послушаем, что говорилось на заседаниях Предсоборного Присутствия лицами, которых ни в каком отношении нельзя заподозрить в нелюбви к духовной школе или желании опорочить ее.

[1] К сожалению, такие лица встречались на самых верхах церковного управления. На одном из заседаний С в Синода в 1916 г. один из присутствующих членов заявил: «Наши духовные семинарии требуют самых неотложных и серьезных реформ как в воспитательном, так и в образовательном отношении». Первенствующий митр. Владимир на это недовольным тоном заметил: «Сам окончил духовную семинарию, а так думает о ней».

Санкт-Петербургский митрополит Антоний, бывший ректор Санкт-Петербургской духовной академии, заявлял, что «оставлять их (духовно-учебные заведения) в том положении, в каком они ныне находятся, невозможно».[1] Псковский епископ Арсений, бывший ректор Московской духовной академии, а затем председатель Учебного Комитета при Св. Синоде, признавал «полную дезорганизацию церковной школы» (духовно-учебных заведений) и считал необходимым немедленно приступить к ее реформе.[2] «Хронический недуг школы духовной», по мнению Ф. Д. Самарина, состоял «в несоответствии ее своему назначению».[3] То же подтверждал проф. В. Ф. Певницкий. «Своего главного назначения, — говорил он, — приготовлять достойных пастырей Церкви, — нынешние семинарии не выполняют: они не дают достаточного количества кандидатов священства и еще менее дают достойных пастырей. Епархиальные преосвященные сознаются, что они находят себя вынужденными определять в священники людей, не получивших полного богословского образования, а вышедших из низших школ, так как семинаристы не хотят идти в священники». В сборнике статей, касающихся вопроса о состоянии духовно-учебных заведений, вышедшем в настоящем (1906) году в Москве под заглавием «Духовная школа» помещены, между прочим, вопросные пункты, посланные студентами Московской академии воспитанникам всех духовных семинарий. Между этими пунктами стоит один такой: «Много ли известно вам лиц из окончивших семинарию, принимающих сан священства по искреннему убеждению?» Ответ напечатан только одних тобольских семинаристов, и ответ такой: «Принимающих священство по искреннему убеждению из окончивших нашу семинарию мы ни одного не знаем» (с. 278). По моему мнению, таким признанием семинаристы произнесли смертный приговор семинарии, имеющей своим назначением приготовлять и воспитывать достойных пастырей Церкви.[1] «Петербургские семинаристы» выпуска 1907 г. в своем печатном (в газете «Руль») обращении к Совету профессоров Санкт-Петербургского университета прямо заявляли, что у них «нет ни призвания, ни желания идти в священники и в духовную академию», т. е. именно туда, куда их специально готовили 10–11 лет», — заявлял проф. Н. Н. Глубоковский.[2] «Духовная школа потеряла секрет давать духовных пастырей», — писал известный публицист М. С. Меньшиков.[3] Еще резче отзывался проф. В. З. Завитневич: «Нынешний режим сделал духовную школу атеистичною».[4] И еще резче — проф. прот. Т. И. Буткевич: «Наша школа есть труп, разлагающийся и заражающий окружающую ее атмосферу, т. е. общество».[5] Большой знаток духовной школы К. П. Победоносцев незадолго до своей смерти прямо назвал духовные семинарии «домами разврата».[6]

Недуги наших духовных семинарий беспрерывно давали о себе знать, выражаясь в попойках и бесчинствах семинаристов, а время от времени и в диких семинарских бунтах, поднимавшихся против семинарского начальства и сопровождавшихся большими материальными разрушениями и даже убийствами неугодных рек-

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. II, 409.
[2] Там же. II, 407.
[3] Там же. II, 537

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. II, 493–494.
[2] Там же. IV, 250.
[3] Новое Время. № 11, 174. 21 апреля 1907 г.
[4] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. II, 123.
[5] Там же. II, 509.
[6] «К. П. Победоносцев в письмах». С.-Пб., 1907. С. 16.

торов и инспекторов.[1] В полной же мере настроение семинарий выявилось в 1905–1907 гг., в пору первой российской революции. Все творившееся тогда в наших семинариях проф. Н. С. Суворов характеризовал таким образом: «Ни в одной стране, — говорил он, — нет таких печальных явлений, какие обнаружились в последнее время в наших духовно-учебных заведениях, нет ни обструкций, ни забастовок, ни резолюций революционного характера».[2] «Семинария дошла до состояния прямо невозможного», — подтверждает проф. В. Ф. Певницкий. Сходясь с упомянутыми профессорами в оценке состояния наших духовных семинарий, проф. Н. Н. Глубоковский в своем докладе-приложении к журналу № 20 V-го отдела Предсоборного Присутствия нарисовал картину страшного духовного разложения, охватившего наши семинарии. «В некоторых духовно-школьных садах, — говорил он, — находились корзины с гостинцами в виде изрядной массы боевых патронов, и по вечерам раздавались выстрелы даже внутри зданий...[3] Воспитанники потеряли всякую дисциплину, бурно и грубо протестуют против проверочных экзаменов[4], — необходимых, но

[1] Достаточно вспомнить дикий бунт витебских семинаристов 26.10.1899 г. против достойнейшего ректора, прот. И.Х. Пичеты, разразившийся в то время, когда умирал первенец о. ректора, студент университета. Толпа семинаристов разгромила семинарское здание, перебила стекла, выломала несколько дверей. Сам о. ректор случайно спасся от тяжкого избиения, а может быть, и от смерти. Подобные бунты были почти обычными для семинарий. А покушения на жизнь ректоров и инспекторов! Укажем на убийство в 1896 г. прот. Чудновского, ректора Тифлисской семинарии, на тяжкое ранение ректора Владимирской семинарии архим. Никона в 1894 г., жестокое избиение ректора Одесской семинарии прот. В. А. Флоровского в 1903 г. и др. Одесский семинарский бунт был усмирен по окружении семинарии кавалерией и пожарной командой. Одновременно, по сговору, произошли бунты в Тифлисской, Черниговской, Екатеринославской и др. семинариях.

[2] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. II, 492.

[3] См. Новое Время, № 151, 1 апреля 1907 г., где этот факт смягчен.

[4] См. «Колокол», № 357 и № 360 за 5 и 8 апреля 1907 г. С. 2–3.

введенных непредусмотрительно[1], — и бойкотируют их даже явочным порядком (в Санкт-Петербургской академии 1 мая 1907 г.), а на отеческие увещания маститых иерархов от забастовки отвечают свистом и шиканьем (в Воронежской семинарии 20 февраля 1907 г.), инспекторов же в их собственных квартирах подстреливают прямо в лицо 17-летние семинаристы по постановлению революционного кружка (там же 21 февраля 1907 г. в 6 ч. в.[2]), прихватывая и ректоров, которым предательски пускают пули в спину (в Тамбовской семинарии, где из-за этого многосемейный инспектор безнадежно сошел с ума) или обливают лицо кислотою, когда несчастно погибший сын их начальника лежит на столе (в Харьковской семинарии)... И вот пред нами теперь законченная революционная организация, сформировавшаяся на последнем «семинарском съезде» (в Москве 25–27 декабря 1906 г.), «Центральный (распорядительно-исполнительный) орган» в Вятке[3], издавна известной всякою либеральною пропагандой и теперь ставшей очагом гибельной чумы педагогических брожений,[4] прочно засевших в местной семинарии.[5] Устраиваются (в г. Орле) самые вызывающие

[1] Учебному Комитету своевременно указывалось на неизбежность осложнений по этому предмету. На чью голову должна пасть здесь вина больше всего — см. ответ в «Церковном Вестнике», № 15 за 12 апреля 1907 г. С. 483–484.

[2] О положении Воронеж.сем-рии см. «Церковный Вестник», № 14 за 5 апреля 1907 г., столб. 462 и «Колокол» № 332 за 7 марта 1906 г. С. 3.

[3] См. «Колокол», № 351 за 29 марта 1907 г., но у нас была точная копия «протоколов» этого съезда, проведенного с замечательной парламентской выдержанностью, которой могут позавидовать даже обе наши Гос. Думы. Видно, что дело находится в опытных и твердых руках мастеров своего дела. А говорят, что все это вызвало движение Комитетской воды (Учебн. Ком-та) только потому, что какой-то ректор семинарии опубликовал в «Колоколе» вышеназванный отчет.

[4] См. Новое Время, № 11.156 за 3 апреля 1907 г. в корреспонденции из Вятки о «гибнущей молодежи».

[5] См. Новое Время, № 11.175 за 22 апреля 1907 г. С. 5, столб. 6–7, корреспонденция из Вятки под заглавием «Семинаристы-революционеры».

похороны «павшим в борьбе роковой жертвам» из семинаристов, и над могилами таких «борцов за свободу» даже преподаватели произносят зажигательные речи, фанатизируя распущенных питомцев, которых иногда (в Ярославле) будируют и либеральничающие отцы иеромонахи, не брезгающие печатно апеллировать к общественному мнению на решения Св. Синода и... остающиеся безнаказанными.[1] Бывают случаи (в Тобольской семинарии), когда сами начальники и педагоги учили воспитанников, как организовывать профессиональные союзы, и раздавали или рекомендовали специальную по сему предмету литературу.[2]

Богослужебное дело составляло и составляет первую и ответственнейшую часть пастырского служения. Научить готовящегося к священству благоговейному отношению к богослужению и должному поведению при богослужении — казалось бы — является непременным долгом воспитывающей пастырской школы. Но можно сказать, что никогда и нигде — ни в одном из русских храмов — не проявлялось такого молитвенного безразличия, такой небрежности, такого, иногда, кощунственного неприличия, какие являлись повсеместным, обычным и почти постоянным явлением в семинарской жизни. Высшие семинаристы могли бы рассказать — каждый о своей семинарии — множество эпизодов, свидетельствующих о небрежном и даже циничном отношении семинаристов к богослужению в семинарских храмах: как се-

[1] См. о иером. Алексии (Кузнецове), преподавателе дух. семинарии в Ярославле, корреспонденцию оттуда Л. Зарина в Московских Ведомостях № 93 за 21 апреля 1907 г., под заглавием «По стопам освободительного движения». Это не помешало однако состояться 25 ноября 1916 г. высочайшему повелению о бытии Алексию (Кузнецову) епископом Дмитровским, 5-м викарием Московской епархии — благодаря покровительству Распутина.

[2] См. «Колокол», № 375 за 1 мая 1907 г. С. 3, столб. 4.

минаристы прибегали к разным ухищрениям, чтобы увильнуть от богослужения; как они, стоя в рядах или на клиросе, разговорами и шутками старались скоротать богослужебное время; как и певцы конкурировали друг с другом, иногда на пари, в скорости чтения и пения; как «молящиеся» семинаристы тут же за богослужением отборными словами поносили свое начальство, замедлявшее службы; как во время богослужения же в храмах те же семинаристы умудрялись закусывать, причем на длинных службах во время говенья — демонстративно колбасой; как семинаристы составляли и распевали кощунственные акафисты; как семинаристы высмеивали своих товарищей «богомолов», т. е. проявлявших действительные религиозные чувства, и т. д.

Но вот свидетельство авторитетного лица, Могилевского еп. Стефана. «Случайно я попал, — докладывал он Общему Предсоборному Присутствию, — в качестве простого посетителя, на богослужение в одну из многолюдных семинарий. Предо мною стояла громадная толпа юношей, битком набитая в неособенно поместительной церкви. В этой толпе я видел разговаривающих, смеющихся, читающих какие-то листки и тетрадки, но не видел лишь молящихся; многие воспитанники выходили из церкви и тут же на паперти курили папиросы; инспекция, вероятно, как и я, замечала все это, но, видимо, чувствовала свое полное бессилие по отношению к этой громадной толпе, несомненно, зараженной ужасным религиозным индифферентизмом».[1] Такого рода картины можно было наблюдать во всех духовных семинариях.

В революционные 1905–1906 годы семинарское богослужебное бесчинство стало выливаться в форму от-

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. IV, 547.

вратительнейших скандалов, попадавших иногда на страницы печати. «Колокол» сообщал[1] о «движении семинаристов... против богослужения». Таврические семинаристы обошлись со своей святыней более непочтительно, чем университетские (киевские) студенты с иконой».[2] «Симбирские же семинаристы устроили «химическую обструкцию» даже в самой своей церкви во время богослужения».[3] «Теперь, — заявлял 26 мая 1906 г. Могилевский еп. Стефан, — явно требуют (семинаристы) отмены обязательного посещения богослужения, причастия Св. Тайн и даже глумятся над всем святым».[4] Этого требовали подготовлявшиеся пасти Христово стадо!..

Учебное дело в наших семинариях, если не касаться специализации и смотреть с формальной стороны, обстояло не худо. По циклу преподаваемых предметов духовные семинарии стояли особняком среди всех русских среднеучебных заведений и во многих отношениях преимуществовали над ними. Особенностью семинарского курса было преподавание ряда философских наук — логики, философии, психологии и близкой к ней дидактики, а также богословских — Св. Писания обоих Заветов, догматики, основного, нравственного, обличительного, пастырского богословий, гомилетики, литургики, церковной истории, истории и обличения русского раскола. Все эти науки не только обогащали и тренировали ум, но и приучали занимавшихся ими к серьезному и проникновенному мышлению. А обязательные для семинаристов по всем предметам и во всех классах сочинения, кроме того что развивали в молодых «писателях» уменье логически и грамматически правильно излагать свои мысли, еще знакомили их с приемами и методами научного творчества, в то же время заставляя их изучать и критически оценивать литературу, касающуюся трактуемого в сочинении предмета. Благодаря этим двум особенностям наши духовные семинарии давали своим питомцам весьма солидное развитие.

Правда, в таком развитии таилась и некоторая опасность. Философствовавшие семинаристы, из наиболее пытливых и бурных, не найдя у своих воспитателей нужных ответов на их запросы и волновавшие их недоумения, иногда превращались в безбожников и даже анархистов. Но в общем семинарии могли давать отличный, развитой и упорный в труде материал для всех высших учебных заведений, кроме специально-технических, где требовалась серьезная подготовка по математическим и естественным наукам, слабо проходившимся в семинариях. Академические корпорации высших светских учебных заведений весьма ценили студентов из семинаристов. Достаточно указать следующий факт. Конференция Военно-Медицинской академии в конце 1900-х годов[1] просила Св. Синод не препятствовать семинаристам поступать в эту академию. Просьба мотивировалась тем, что с запрещением допуска семинаристов в это высшее учебное заведение в нем значительно понизился процент лиц, пригодных для занятия профессорских кафедр. Действительно, в корпорации Военно-Медицинской академии еще в 1890-х годах числилось много выдающихся профессоров из бывших семинаристов.

[1] «Колокол», № 364, за 13 апреля 1907 г. С. 2—3. Журн. и прот. Т. IV, отд. V. С. 251.

[2] Вообще для характеристики Таврической семинарии см. официальный документ в «Колоколе», № 341, за 17 марта 1907 г.

[3] См. «Новое Время», № 11.159, за 6 апреля 1907 г. С. 6, столб. 2 и «Колокол», № 360, за 8 апреля 1907 г. С. 3. Доклад проф. Глубоковского. Журн. и прот. Т. IV, отд. V. С. 250.

[4] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. II, 527.

[1] Это сообщил нам Директор Канцелярии обер-прокурора Св. Синода В. И. Яцкевич.

Семинаристы оказывались дельными работниками и на разных иных поприщах светской службы. Степной генерал-губернатор, генерал от кавалерии Н. Н. Сухотин в 1906 г. заявлял пишущему эти строки, что в его генерал-губернаторстве самые лучшие — развитые, деловые, усидчивые — чиновники из окончивших курс духовных академий и семинарий.

Но ведь семинарии должны были готовить не студентов светских учебных заведений и не чиновников для светской службы, а добрых, идейных, вдохновенных пастырей, для которых общего развития было недостаточно — требовалась еще специальная подготовка. Подготовляя кандидатов священства, семинария должна была дать им солидный запас богословских и общих знаний и, кроме того, обязательно развить в них любовь к пастырству, понимание его духа и сущности, пастырское настроение. В этом отношении дело обстояло несравненно хуже.

Преподавание основных богословских предметов: Священного Писания, догматического и основного богословия, кажется, во всех семинариях велось серьезно и успешно, ибо преподавателями этих предметов обыкновенно назначались лучшие кандидаты богословия. Я с благоговением вспоминаю своих преподавателей: по Св. Писанию Ветхого Завета — Ф. И. Покровского, по догматическому, основному и нравственному богословию — Н. М. Миловзорова, которые оба могли бы служить украшением и академических кафедр, а также В. А. Демидовского, проникновенно изъяснявшего нам первую часть (курс 5 кл.) Нового Завета — Евангелия. Хуже дело обстояло с курсом Св. Писания (Деяния св. апостолов и Послания апостольские), проходившимся в 6 кл. и всегда преподававшимся ректором. Я и доселе не иначе, как с состраданием, представляю своего ректора,

архимандрита Г., с мучительной скукой и для себя, и для нас проводившего все уроки и ничего не давшего нам для лучшего уразумения и усвоения столь важного курса.

Подобное явление наблюдалось и в других семинариях, когда на ректорских постах оказывались молодые, но не талантливые монахи, быстро достигавшие ректорских постов и скоро оставлявшие их.

Еще хуже обстояло дело с преподаванием предметов: пастырского богословия, литургики и гомилетики.[1] Их совершенно незаслуженно считали второстепенными богословскими предметами, когда в пастырском служении они должны иметь исключительное, если не самое важное значение. Как бы ни был богословски и обще образован пастырь, — пусть он будет ученейшим профессором, доктором богословия, — ему цена грош, если он не будет проникнут благоговением к святыне и к своему служению, если он не разовьет в себе способности проникновенно и вдохновенно священнодействовать и если он не овладеет секретом пастырского слова, достигающего до сердец пасомых. И в жизни встречались примеры, когда ученейшие доктора богословия оказывались скорее вредными, чем полезными в своем пастырском служении, а простецы — отцы Мелитоны — творили великое Божие дело.

Лучшие кандидаты богословия уклонялись от преподавания этих предметов, и они обыкновенно попадали в руки слабейших, притом почти всегда светских, не имевших ни пастырского опыта, ни пастырских познаний, не понимавших ни условий пастырской работы, ни всей широты требований, предъявляемых к пастырству жизнью. А между тем эти предметы были наиболее трудными, требовавшими от преподавателя, кроме знаний, которые

[1] Эти три предмета в наших семинариях преподавались одним преподавателем.

можно почерпнуть из книг, еще опыта, настроения, вдохновения, полета, творчества. Эти предметы должен был преподавать непременно священник, притом лучший священник, священник идейный и вдохновенный, который уже практически изучил и жизненно усвоил природу пастырства и его проявлений — священнодействия, проповеди и руководительства — и умеет связать преподаваемые им предметы с действительной жизнью, например: свои беседы по пастырскому богословию иллюстрировать примерами прежних и современных идейных пастырей и собственными пастырскими переживаниями, уроки литургики — образцовыми богослужениями в семинарском храме, гомилетическое же искусство своих питомцев развивать не только на уроках в классе, но и на внешкольных опытах, устраивая беседы с детьми и с народом. Светские, притом заурядные преподаватели ничего подобного сделать не могли, и изучение этих необыкновенно важных в семинарском курсе предметов сводилось к заучиванию, с незначительными, не всегда удачными дополнениями[1] не всегда удачных учебников по пастырскому богословию и литургике, к усвоению гомилетических, часто схоластических, правил гомилетического ис-

[1] В В. семинарии преподаватель литургики, излагая историю развития христианского богослужения, каждое положение старался подтвердить рядом ссылок на св. отцов и древних церк. писателей, не приводя, однако, дословно их свидетельств, а лишь называя их имена. Например: «Трисвятое» появилось тогда-то, о нем говорят такой-то, такой-то, такой-то; колокола были введены тогда-то, о них упоминается у такого-то, такого-то, такого-то; и т. п. Иногда приводилось пять и более имен. И только в доказательство троеперстия упоминалось одно свидетельство — мощи св. Спиридона, нетленно почивающего с троеперстно сложенной рукой. В каждом уроке получалось такое множество имен, что их не могла удержать самая феноменальная память. А преподаватель неотвязчиво приставал к отвечающим с вопросами: «А не припомните ли, кто об этом свидетельствует?» Ученики 6 кл., сговорившись, на все такие вопросы, касались ли они колоколов, светильников, икон, троеперстия или чего другого, начали отвечать: «Мощи свт. Спиридона». Преподаватель возмущался: «То есть как это мощи Спиридона?» Но ученики добились своего: такие вопросы прекратились. Курьезно, но факт.

кусства и зазубриванью образцовых проповедей. Такое преподавание не приносило желательной и нужной пользы. Более того: неудачные преподаватели развивали в учениках пренебрежительное отношение и даже отвращение к этим предметам.

На протяжении всего духовно-учебного курса, начиная со второго класса духовных училищ и кончая шестым классом семинарии, преподавались латинский и греческий языки. На них, таким образом, тратилась масса учебного времени. Проф. М. А. Машанов в Общем Собрании Предсоборного Присутствия задал вопрос: «Зачем 20.000 воспитанников обременять изучением латинского языка, когда, быть может, только двадцать человек из них воспользуются этим изучением и приложат его к делу?» Ему возражал проф. Н. Н. Глубоковский: «Я не смотрю на языки с утилитарной точки зрения, а признаю их необходимыми по особой важности для общего образования. Классические языки, будучи выработанными и образцовыми во всех существенных отношениях, в то же время знакомят нас с законченной цивилизацией, на которой можно изучить развитие известных начал во всех фазисах и вариациях по таким богатым памятникам всякого рода. Мы не имеем пока другой (кроме классической) столь законченной культуры, где можно было бы заимствовать столь всесторонние уроки прошлого. Поэтому я стою за оставление в духовной школе древних языков».[1]

Проф. М. А. Машанов, таким образом, разрешал вопрос с утилитарной точки зрения, забывая, однако, что окончившие курс семинарии шли не только в учителя, священники, чиновники, которым на их службе не требо-

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. IV, 9.

вался латинский язык, но и в такие высшие учебные заведения, куда без отметок по древним языкам не принимали. А в эти учебные заведения поступало не 20 из 20.00, а много более 10% оканчивавших семинарский курс. Проф. Н. Н. Глубоковский смотрел на дело с общеобразовательной точки зрения и видел в изучении древних языков могучее средство к познанию великих древних культур. Но семинаристы узнавали об этих культурах на уроках древней гражданской истории. Среди семинарских преподавателей древних языков едва ли находилось и 10% таких, которые на своих уроках сообщали ученикам не только знание этих языков, но познание красот древних культур. Обычным было другое явление: и семинарское начальство, и сами преподаватели древних языков более чем равнодушно относились к этим предметам. Преподаватели преподавали их кое-как, а начальство смотрело на такое преподавание сквозь пальцы. В результате получалось, что семинаристы к концу курса, не научившись ничему новому, забывали и те прочные основы, которые закладывались в них духовным училищем.[1] При таком отношении и учащих, и учащихся к древним языкам не только непроизводительно убивалось много часов учебного времени, которые с большей пользой можно было употребить на изучение других дисциплин, но и развращались ученики, приучавшиеся небрежно относиться к делу. Между тем в семинарском курсе чувствовался большой пробел, что не изучалось природоведение. Сельскому пастырю все время приходилось бороться с разными суевериями, развивавшимися чаще всего на почве непонимания природы. Чтобы бороться с ними, пастырю необхо-

[1] Так преподавались древние языки в наше время. При наших дедах и отцах они изучались лучше.

димо самому знать и понимать природу. Знание природы важно и для проповеди. Законы мира физического и духовного в существе одни и те же. Зная и понимая первые, легче понять и вторые. Речи Иисуса Христа наполнены примерами, взятыми из природы. Наконец, нельзя не согласиться с проф. А. И. Бриллиантовым, что «естествознание имеет важное значение и в методически-формальном отношении, в смысле приучения наблюдать природу и сознательно относиться к непосредственно окружающему внешнему миру.[1] Если бы поэтому сократить число уроков по древним языкам и оставшиеся свободные часы употребить на изучение природоведения, дело от этого несомненно выиграло бы.

Остается еще сказать несколько слов о преподавании пения. Во многих семинариях на этот предмет не обращалось никакого внимания. И это было большой ошибкой. Священник должен знать церковное пение и обладать слухом. Могут указать, что бывали знаменитые архиереи, не обладавшие ни голосом, ни слухом. Да. Но архиерею сослужат несколько священников, несколько диаконов, его богослужение происходит в величественной обстановке, которая может скрашивать безголосие епископа. Священник же, в особенности служащий без диакона, сам своей персоной, своим голосом и своим поведением должен создавать богослужебную обстановку. Его «козлогласие» не может не быть убийственным для слуха и молитвенного настроения верующих, мучительным и для его сослуживцев-певцов.

В итоге питомцы духовных семинарий не получали от своей alma mater главного, что должна была дать доб-

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. IV, отд. 5, 13.

рая пастырская школа: 1) любви и влечения к пастырству и требуемого для прохождения пастырского служения настроения; 2) искусства проходить пастырское служение; «Нам говорят, что теперешние наши кандидаты священства выходят из семинарии, не зная церковного устава, не умея ни читать, ни петь, ни даже креститься. И это верно», — заявлял еп. Стефан.[1] Куда тут было дальше идти!

Что же сделало такими наши семинарии?

Начнем с того, что назначение семинарии быть духовными рассадниками в сильной степени парализовалось другим их назначением: служить сословным интересам духовенства — быть школами для детей духовенства. Самое низкое ремесло требует любви и влечения к нему, как и специальных способностей от всякого принимающегося за него. Тем более требует всего этого пастырское дело. В семинарии же священники, диаконы и псаломщики отдавали своих детей, совершенно не рассуждая и не разбираясь, пригоден ли или не пригоден их сын к пастырскому служению. Для огромного большинства детей духовенства светская школа была недоступной, и выбирать не приходилось. Кадры семинаристов, вследствие этого, составлялись не из отборных, отмеченных печатью подлинного призвания, а из случайных, совершенно различных по настроению, душевному складу и влечению юношей. Среди них немало встречалось совершенно равнодушных к тем высоким идеалам, которые должен был усвоить будущий служитель Церкви. Встречались и еще худшего рода типы. Пребывание тех и других в семинарии не могло быть иным, как только гибельным. В Предсоборном Присутствии были ярко и настойчиво отмечены как недостатки духовной школы, «сословность и

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. II, 546.

профессиональность — с одной стороны, а с другой — двойственность задач, смешение общего образования со специальным», так и необходимость отделить общее образование от специального.[1] Но до самой революции семинарии продолжали оставаться в прежнем состоянии. Никакой реорганизации их не было произведено. Не станем выяснять причин этого — они весьма сложны.

При столь разнообразном настроении и направлении питомцев семинарий семинарское воспитание, чтобы школа достигла своей цели, должно было совершить чудо: идейных и душевно-влекомых к пастырству предохранить от растлевающего влияния их худших товарищей, тепло-хладных разогреть и воодушевить и даже Савлов превратить в Павлов. Но горе наших семинарий состояло в том, что воспитание в них становилось все хуже. Вернее сказать: воспитательная сторона в семинарии последнее время отсутствовала.

Чтобы не быть голословным, обращаюсь к авторитетному отзыву председателя Учебного Комитета при Св. Синоде[2], Псковского епископа Арсения. 29 апреля 1906 г. он докладывал V отделу Предсоборного Присутствия: «Всем известна ненормальная постановка воспитания в духовной школе в настоящее время. Все воспитание здесь ограничивается внешнею стороной, дисциплиной, наружным порядком. Но исключительная забота об одном внешнем порядке не имеет существенного значения. Воспитание должно направляться к тому, чтобы утвердить в воспитаннике христианскую настроенность, а не одну внешнюю выправку. Не будет ошибкой сказать, что воспитатели ныне не соответствуют своему назначению; они

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. II, 491.

[2] Возглавлявшего наше духовно-учебное дело. Еп. Арсений с 16 января 1906 г. исполнял обязанности Председателя этого Комитета.

не имеют должного авторитета, так как не обладают той внутренней силой, которая покоряет воспитываемых нравственному влиянию воспитателя. Ныне воспитатели допускают две крайности — или односторонний ригоризм, или столь же одностороннее попустительство. В первом случае воспитателя собственно нет: между воспитателем и воспитанниками внутренняя связь отсутствует; ученики, являясь страдательной стороной, смотрят на воспитателя как на внешнюю и грозную силу, которая забывает, что ученик — личность. Во втором случае воспитатель, нисходя до потворства ученикам, утрачивает всякое влияние на них; попустители не понимают, что ученики желают видеть в воспитателе нечто высшее, идеальное и что, благодаря своему попустительству, авторитет воспитателя только понижается в мнении учеников... Воспитание должно развивать все богатство души человека, применяясь к его индивидуальности, — развивать его религиозное чувство, его умственные способности, нравственные и эстетические склонности. Духовная школа должна воспитать человека, христианина и пастыря».[1]

Более решительно отзывались о воспитании в наших семинариях другие члены Предсоборного Присутствия. Проф. прот. Т. И. Буткевич категорически заявлял: «Воспитателей в школе (в семинариях) у нас нет... Нет у нас воспитания».[2] «В них (т. е. в семинариях) внедрилась полная распущенность», — утверждал проф. В. Ф. Певницкий.[3] «Воспитание должно направить свои усилия к пробуждению и развитию именно добрых сторон в человеке. Для этого нужно не только особое тво-

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. IV, отд. 5, 24–25.
[2] Там же. II, 495–496.
[3] Там же. IV, отд. 5, 26.

чество со стороны воспитателя, но и вера в человека. У нас же на первом плане механика, правила, репрессии», — говорил проф. В. З. Завитневич.[1] Он же совместно с прот. А. П. Мальцевым и проф. свящ. А. П. Рождественским считал необходимым «полное осуждение нынешнего воспитательного режима, рассчитанного только на механическое подавление дурных наклонностей человеческой природы, и введение воспитательной системы, требующей культивирования благороднейших наклонностей человеческой души, между которыми первое место принадлежит религиозно-нравственному и национально-патриотическому чувствам».[2]

Действительно, необходимого для будущих пастырей воспитания в наших семинариях не было. В них господствовал не пастырско-воспитательский, а полицейско-карательный режим, как более легкий. Выслеживались, раскрывались и карались проступки, но нужные добродетели не насаждались. В отношениях между воспитательным персоналом и воспитанниками не доставало тех элементов, которые знаменуют истинное воспитание, — не доставало доверия первых ко вторым, любви и уважения вторых к первым. «Усердные» воспитатели изощрялись в искусстве уловлять учеников, а ученики — в искусстве обманывать своих воспитателей. И последние обычно в своем искусстве опережали первых. От всего этого у воспитываемых развивался ряд нежелательных и отвратительных качеств: фальшь, лицемерие, обман, ложь и пр. И, конечно, полицейский режим не мешал процветать иным, более гнусным порокам: грубости, пьянству и у значительной части питомцев — разврату.

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. IV, отд. 5, 27
[2] Там же. II, 185.

Иначе и быть не могло: пороки предупреждаются и искореняются не полицейскими мерами, а усилиями теплого, задушевного, морального воздействия, могущего воспитать и закрепить противоположные порокам чувства, настроения, добродетели.

И самый главный недостаток воспитательной стороны наших семинарий состоял в том, что в их питомцах не воспитывались пастырский дух, пастырское настроение и все прочие необходимые пастырю качества. Это странно, это печально, но это факт, что в наших семинариях менее всего говорили о пастырстве и еще менее — раскрывали питомцах дух истинного пастырствования. О нем могли бы возможно чаще напоминать не только воспитатели с ректором и инспектором во главе, но и каждый из преподавателей — в особенности преподаватели богословских предметов и русской церковной истории. Но низший воспитательный персонал — надзиратели и помощники инспекторов, был — занят надзором; ректор и инспектор были отделены от семинаристов стеною величия; а преподаватели замыкались в рамках своего предмета, заботясь о выполнении курсовых программ и совсем не помышляя о возбуждении в своих учениках пастырского настроения. Даже преподаватель чисто пастырских предметов — пастырского богословия, литургики и гомилетики, чаще всего светский человек, свое преподавание ограничивал передачей сухого, заключавшегося в учебниках материала, который не мог ни потрясти, ни воспламенить юношеские души.

Отсутствие живого, задушевного общения между учебно-воспитательским персоналом и семинаристами и должного влияния первого на последних лишали наши семинарии характера воспитывающего учебного заведения.

В семинарском воспитании всегда придавалось большое значение богослужению, которое должно было развивать в семинаристах религиозность и церковность. Такому представлению в 1906 году был нанесен решительный удар, когда семинарские Правления стали высказываться «за свободу, за необязательное посещение богослужений».[1] Этим самым произносился жестокий приговор и семинариям, и готовящимся в них стать пастырями. Будущие пастыри не обязаны посещать богослужения, не обязаны быть набожными... Это contradictio in adjecto.

Но подобные решения семинарских Правлений не могли быть беспредметными и беспричинными. Они свидетельствовали о том, что семинарские богослужения не соответствовали своему назначению и не достигали своей цели.

Нельзя не согласиться с мнением проф. Н. Н. Глубоковского, что посещение богослужений «может быть достигнуто сердечной заботливостью о воспитании внутренней религиозной настроенности и живой любви ко храму Божию, привлечением к сознательному участию в богослужении, попечениями касательно одухотворенной осмысленности и увлекающей величавости последнего и т. д.» Н. Н. Глубоковский приводит осязательный пример: смотритель Никольского дух. училища, прот. Арист. П. Соколов «совершал с учениками богослужения в кладбищенской церкви, и, несмотря на отдаленность ее от центра, туда охотно, без особого полицейского принуждения, ходили все воспитанники, привлекая массы горожан».[2] Чтобы стать привлекательными, семинарские богослужения должны были быть совершенными как по художественности, так и по благоговейности их исполнения. Они должны были развивать у будущих пастырей

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. IV, отд. 5, 29.

[2] Там же. С. 30.

возвышенный богослужебный вкус и любовь к богослужению. Тут должны были стоять на высоте и совершитель богослужения — священник, и чтецы, и певцы. Семинарское богослужение должно было быть образцом богослужебного совершенства. С другой стороны, нельзя было не считаться с возрастом, с силами учащихся и с этим сообразовать продолжительность служб. В наших же семинариях о художественности богослужения мало где заботились: в семинарских храмах реже приходилось умиляться исполнением богослужений, чем испытывать неприятное чувство от грубого и маломузыкального пения, спешного и неотчетливого чтения, от неуменья священнослужителей придать богослужению выразительность и величественность, наконец, от небрежного стояния учащихся.

Не умея придать семинарскому богослужению необходимый характер, некоторые начальники — ревнители богослужебного устава — вводили в семинарских храмах 3–4-часовые богослужения. А иные иногда «прямо тиранили малышей ежедневными церковными службами пред началом уроков... и, конечно, с успехом воспитывала измлада «нелюбие к храму в духовном юношестве»[1], ибо всякий пересол в этом отношении обязательно приводит к обратному результату. Утомленные семинаристы в таких случаях нередко вместо того, чтобы, стоя в храме, возносить молитвы Господу Богу, проклинали своих начальственных богомольцев. Бывали и такие начальники, что в присутствии синодского чина затягивали всенощные чуть не на три часа, а в его отсутствие укорачивали их до неприличного minimum'а.[2] Ученики на примере своего начальника учились, таким образом,

[1] Проф. Н. Н. Глубоковский. Журн. и проток. Т. IV, отд. 4, 265.
[2] Там же.

фальши и обману в самом святом деле. Забывали такие начальники, что «нет ничего грешнее и вреднее, как фарисейская показность пред лицом Божиим».[1]

Всеобщее признание наших духовных семинарий не отвечающими своим задачам ярко выразилось в указе Временного Высшего Церковного Управления на Юге России от 6 ноября 1919 г. Приведем полностью этот документ.

«Временное Высшее Церковное Управление на Юго-Востоке России имело суждение о поднятии дисциплины и воспитания добрых нравов среди учащихся духовно-учебных заведений.

ПОСТАНОВИЛИ: обратиться к администрации и учащим духовно-учебных заведений с циркуляром следующего содержания. Ныне государственной властью духовно-учебные заведения уравнены со светскими учебными заведениями в отношении отпуска казенных средств на их содержание. Это событие, полагающее конец материальной необеспеченности духовно-учебных заведений, в сильной степени тормозившей развитие всей их жизни, дает повод высшему Церковному Управлению принять некоторые меры к обновлению и улучшению их жизни и в других отношениях.

Нельзя оспаривать, что в последние годы пред революцией и особенно в революционные годы в наших духовно-учебных заведениях, в особенности в духовных семинариях, учебное и воспитательное дело значительно понизилось. Уже тот факт, что семинарии почти перестали давать кандидатов священства, достаточно свидетельствует о серьезных недочетах, закравшихся в духовную жизнь.

[1] Проф. Н. Н. Глубоковский. Журн. и проток. Т. IV, отд. 4, 266.

Не касаясь учебной стороны, реформа которой связана с переменой программ, курсов, учебников и пособий и требует значительного времени, Временное Высшее Церковное Управление считает необходимым в первую очередь обратить внимание на воспитательную сторону дела, тем более что эта сторона страдала наибольшим дефектом.

С глубокой скорбью, но необходимо признать, что наши духовно-учебные заведения, и в особенности духовные семинарии, мало воспитывали цельного человека, хотя по своему складу и своим задачам должны были более всего воспитывать. Временное Высшее Церковное Управление напоминает административному и учебному персоналу духовно-учебных заведений, что задача последних — не только дать ученикам известный запас знаний, развить дисциплину ума, но и кроме того — и это главное — воспитать в них добрые качества человека, гражданина, христианина, а в питомцах семинарии — и пастыря. Приличие, опрятность, вежливость, почтительность, благородство и честность, трудолюбие и аккуратность; любовь к Родине, уважение к дому и готовность к самопожертвованию; любовь к Богу, к людям, смирение и благоговейность, наконец, понимание пастырского дела и любовь к нему — эти и другие качества должны быть непрерывно внедряемы и воспитываемы в питомцах как воспитателями, так и учителями. И те, и другие должны составить одну дружную корпорацию, как бы один аппарат, обязанный вести питомцев к единой цели — не только к умственному, но и к духовному во всех отношениях совершенствованию.

При единстве целей у членов корпорации должно быть и единство действия. Каждый преподаватель не только обязан учить, но и, в согласии с другими лицами персонала, воспитывать своих учеников, пользуясь

каждым поводом, каждым случаем, чтобы бросить в юношеские души семена веры, правды и всякого добра. Отсюда не могут быть терпимы, имевшие ранее в некоторых учебных заведениях место, явления, когда одни преподаватели, бравируя своим легкомыслием, свободомыслием, индифферентизмом и неверием, разрушали то, что старались насаждать другие — благомыслящие.

Отсюда же, не могут быть терпимы и такие явления, когда берущиеся воспитывать других сами иногда являли развращающие питомцев примеры внешней и внутренней неряшливости и нечистоплотности, небрежности к своему долгу, неаккуратности и т. п. недостатков.

Одним из главных воспитывающих средств было и должно быть богослужение. Необходимо помнить, что как разумно, правильно поставленное богослужение производит неотразимое благотворное впечатление на умы и сердца юношей, так, с другой стороны, неумелая постановка богослужения может вызвать охлаждение религиозного чувства или послужить развитию ханжества, лицемерия и тому подобных нежелательных качеств.

Начальствующие в духовных учебных заведениях, особенно в семинариях, должны приложить все усилия к тому, чтобы как следует поставить богослужение. Для этого должно быть обращено особенное внимание на качественную сторону богослужения. В нем все должно быть благообразно и по чину: служение священнослужителей — благоговейно и величественно, пение — стройно и церковно, чтение — толково, отчетливо и вразумительно, а продолжительность богослужения сообразна с настроением и физическими силами молящихся. Необходимо, чтобы богослужение не утомляло воспитываемых неумелой постановкой, а возвышало, укрепляло и вдохновляло их. С другой стороны, будущим пастырям необходимо видеть в своем храме образец бого-

служения, каким оно должно быть, дабы затем самим уметь поставить как следует богослужебное дело.

В частности, должно быть обращено самое серьезное внимание на привлечение воспитанников семинарии к активному участию в богослужении: в чтении, пении, прислуживании в алтаре и сказывании поучений и на должную подготовку к такому участию.

Доселе дело духовников в учебных заведениях ограничивалось совершением ими богослужений и исповедью в Великом посту. Этой ненормальной постановке должен быть положен конец. Духовник должен стать духовным отцом для своих духовных чад, знающим эти души и влияющим на них. В особенности в семинарские духовники должны набираться лучшие, опытнейшие, вдохновенные пастыри, которые своими беседами и вообще духовным общением с семинаристами могли бы раскрыть им сущность, широту и красоту пастырского дела и возжечь в них огонь пастырского воодушевления. Духовники, не отвечающие назначению, не способные влиять на юношество, должны быть заменены другими. Возможно близкое и частое духовное общение духовников с питомцами обязательно.

Равным образом ректор, инспектор и прочие лица инспекторского надзора и в особенности воспитатели не должны ограничивать свое дело одним начальствованием и наблюдением за внешним порядком, но чаще являть отеческую близость к питомцам, разумным, теплым словом будить в них высокие чувства, входить в радости и печали их жизни, отзываться на их душевные волнения и запросы.

Нельзя игнорировать и развитие в питомцах эстетического чувства, действующего облагораживающе на человеческую душу. Развитию такого чувства могут содействовать: пение, музыка, устройство концертов и

музыкально-вокальных вечеров, посещение музеев и т. п. С целью же всестороннего развития сил учащихся и для здорового развлечения в духовно-учебных заведениях должны всячески поощряться занятия ручным и вообще физическим трудом, здоровые игры и всякие занятия, не противоречащие религиозно-нравственному чувству.

Принимая, со своей стороны, все меры к благотворному воздействию на воспитание своих питомцев, инспекторский надзор обязан требовать от них неуклонного и точного исполнения своих обязанностей, честного отношения к делу, соблюдения приличия и порядка во всех отношениях и всеми мерами противодействовать небрежности, разгильдяйству, распущенности, заботясь об их исправлении и искоренении.

Возлагая общее наблюдение за укреплением дисциплины и порядка в духовно-учебных заведениях и ответственность за это дело на начальствующих лиц, Временное Высшее Церковное Управление призывает всех воспитателей и преподавателей со всем вниманием отнестись к воспитательскому делу, имеющему исключительное значение в настоящую пору всеобщей у нас духовной разрухи и разоренья».[1]

Казалось бы, этот составленный одним из членов В. Ц. Управления указ предъявлял самые естественные, здоровые и необходимые требования, которые давным-давно надо было применить в нашей духовной школе. Однако, при обсуждении текста этого указа один из членов, Таганрогский епископ Арсений, весьма озабоченно заметил: «А что скажет наш почтенный

[1] «Церковные Ведомости» (изд. при Вр. Ц. Управлении на Юго-Востоке России) за 1919 г. № 6, за 15 нояб. С. 170–173.

председатель — митр. Антоний[1], если мы примем и разошлем такой указ?» Еп. Арсения в особенности смущала часть указа, касающаяся богослужения. На это председатель, Новочеркасский архиепископ Митрофан, в течение 28 лет[2] занимавший должность ректора семинарии, твердо ответил: «Здесь нет митр. Антония и мы не обязаны считаться с его мнением. Я совершенно разделяю все мысли, изложенные в проекте указа». Прочие члены[3] В. Ц. У. согласились с ним.

Возражение еп. Арсения показывает, как у нас крепко держались за status quo, страшась всякого движения живой воды.

Итак, воспитательная сторона наших духовных семинарий стояла так низко, что о ней приходилось говорить только с отрицательной стороны, обнаруживая одну за другой страшные, разъедавшие ее язвы. Что же довело наши семинарии до такого состояния? Что все более приближало их к пропасти?

Упадок наших духовных семинарий — явление весьма сложное. Одной какой-либо причиной объяснить его нельзя. Когда вопрос о духовных семинариях обсуждался в 1906 г. в Предсоборном Присутствии, члены его указывали целый ряд причин, послуживших разложению этих рассадников русского православного пастырства.

Указывали прежде всего на многолюдность семинарий (иногда до 600 человек в одной семинарии) и мало-

[1] Киевский митр. Антоний был избран В. Ц. Управлением в почетные председатели в августе 1919 г.

[2] С 1877 по 1905 г.

[3] Тогда В. Ц. Управление состояло из председателя, архиепископа Митрофана, и членов: Таврического архиеп. Димитрия, Таганрогского епископа Арсения, протопресвитера Г. Шавельского, протопресвитера А. П. Рождественского, гр. В. В. Мусина-Пушкина и проф. П. В. Верховского, избранных на Ставропольском соборе в мае 1919 года.

численность воспитательского персонала.[1] Другие обращали внимание на небрежный и часто весьма неудачный подбор лиц для этого персонала: «В воспитатели, — говорил проф. А. И. Алмазов, — обыкновенно назначаются лица второстепенные по своим духовным качествам. Кто не может пристроиться в преподаватели, тот обычно и поступает в воспитатели. И само собой разумеется, благих результатов от деятельности таких воспитателей трудно было ждать».[2] «На должность инспектора[3] поставлялись люди слишком молодые и малоопытные, случайно и без призвания бравшиеся за это дело, и выходили печальные результаты», — добавлял проф. В. Ф. Певницкий.[4] «Ректора семинарий — часто юнцы, люди неопытные. В одной семинарии инспектор состоял уже на службе, когда ректор ее только что родился», — заявлял бывший ректор семинарии прот. П. И. Соколов.[5]

Проф. Н. Н. Глубоковский считал, что огромный вред учебному делу был нанесен «монахоманией». «На беду сюда (в школьное дело), — докладывал он, — вторглась еще педагогическая монахомания, вызвавшая окончательную путаницу.[6] Тут уже вся важность была не в человеке, а в куске материи известного цвета. Главные начальственные и административные должности заполнялись молодыми чернецами, получавшими самый невероятный ход — точно они были воплощением педагоги-

[1] Председатель отд. еп. Арсений (Журн. и прот. Т. IV, отд. 5, 24–25); еп. Стефан (Т. II, 546).

[2] Там же. С. 25.

[3] На инспекторе лежала ответственность за всю воспитательную часть в семинарии.

[4] Журн. и прот. Т. IV, отд. 5, 26–27.

[5] Там же. II, 140.

[6] Как она привилась в описываемый период, см. у прот. Ф.И. Титова — «Две справки о преобразовании дух.академий в России в XIX в.». Христ. чтение за 1907 г., № 4. С. 494, 500.

ческой мудрости и образцовых добродетелей. Эти радужные перспективы окрыляли педагогических посредственностей светлыми надеждами на легкую поправку своей ученой отсталости, и — вопреки прежним временам — позднее пошли в монахи совсем не лучшие студенты. Со стороны «от внешних» тоже ринулись всякие неудачники, которые сразу заявляли, что чрез академическое монашество желают устроить свою духовную карьеру — от смотрительства к ректорству и затем к архиерейству, достигавшемуся иногда чуть не в тридцать лет. Были, конечно, люди искренние и идейные, но не грех сказать, что они относились к разряду исключений и двигались служебно едва ли не медленнее своих коллег иного склада и других упований. Во всяком случае, все монахи-начальники, попадавшие на ответственные посты прямо со школьной скамьи, не имели для сего ни опыта, ни знаний, ни такта, а ранг, диспозиции и инструкции обязывали их держаться «славно и грозно», открывая им простор к свободному и бесконтрольному хозяйничанью казенными кредитами на свои личные нужды или причудливые капризы. Тогда оставалось одно средство — закутаться в начальственное величие и свои несомненные недочеты восполнять не менее бесспорною властностью, для подчиненных мало приятною и почти неотразимою при доступности духовного правительства для первых и при равной замкнутости для вторых, которые часто и не предчувствовали уготовляемых им прещений. Развивался глухой антагонизм и — по подобию цирковых партий разлагавшейся Византии — образовались в духовной школе столь вредные оппозиционные течения «рясофоров» и «фрачников», или «сюртучников», нередко питавших непримиримое взаимное недоброжелательство. Бывало даже так, что молодой монах поступал начальником туда, где служили его седовласые учители, и он порою расправлялся с ними «без стеснений», повелительно высылая их из официальных педагогических заседаний при непокорном протесте. Гораздо чаще встречались случаи, когда монах из захудалых студентов, известный в академии под кличкою «иерокапитана»[1], оказывался ректором, либо смотрителем, хотя его лучший товарищ являлся при нем в скромной роли надзирателя, помощника инспектора, сверхштатного поурочного преподавателя и т. п.[1] И на инспекторских седалищах в академиях восседали иногда такие иноки, о которых, поистине, удобнее молчать, а они все-таки скоро сподоблялись чести архиерейства, едва ли изменяясь в природе. Можно ли было ожидать тут авторитетности и влиятельности, да еще в такое тревожное время.[2] Все это сразу создавало противоестественное положение и фатально вносило роковую дезорганизацию во всю духовную педагогию. Причина коренилась в природе вещей, и никакие усилия самых молодых монахов и корпораций не могли устранить того, что было в существе дела и требовало радикального улучшения именно в последнем... Для беспристрастного наблюдателя незыблемо, что оно вольно и невольно способствовало падению педагогического уровня наших духовных учебных заведений... Ошибочная система давила все учреждение и всех его деятелей. Тою порой отмеченное настроение приобретало господство и всячески поощрялось «предержащими властями», потому что давало им решительное

[1] Н. Н. Глубоковский тут, несомненно, разумеет Леонида (Скобеева), захудалого офицера, еще более захудалого студента, бесталанного ректора Литовской духовной семинарии, беспутного, наконец, живоцерковского митрополита.

[2] Это относится не только к духовной школе, но и ко всей церковной жизни. Приводим слова от 1 июля 1906 года К. П. Победоносцева: «Удивляться надо всеобщему безумию. Видно, нечто роковое есть в этом вынимании со дна кем-то брошенного камня... Какое же может быть здание без основания? Какой дом построишь, не соображая ни материка, ни почвы?» См. в брошюре «Константин Петрович Победоносцев в его письмах». С.-Пб., 1907. С. 14.

средство передвигать духовно-педагогических правителей по карте Российской Империи с неменьшей легкостью, чем пешки на шахматной доске. Отсюда опять новое неблагоприятное следствие: нетерпимый в одном месте педагог-начальник должен был бы прямо удалиться с педагогического поля, но его переводили в равноправный педагогический институт, как будто педагогическое дело не везде тождественно и не требует всюду преданных и опытных работников. Рассуждали и поступали иначе, неизбежно утверждая тот взгляд, что духовно-школьное служение есть своего рода «прибежище заяцем»... Иллюстраций этому слишком много. Достаточно напомнить для примера, что люди, неудобные в качестве членов консисторий, получали ответственные смотрительские посты в важнейших пунктах... При описанных условиях педагогическое дело стремительно падало. Индивидуальное творчество поглотилось бесцветною серенькою формой, и она возводилась в идеал. Водворялась покорная корректность при холодном безучастии и канцелярской мелочности. Благостные начальники и ревнительные преподаватели были неугодны самою своею правдой... Люди чисто педагогического склада, вскрывавшие действительные педагогические раны, были просто «не по сезону», и их держали в загоне под разными предлогами, что это «монахобойцы» и «монахофобы», дисгармонирующие с господствующим режимом и т. п.»[1]

Н. Н. Глубоковский, кроме того, огромную часть вины за все семинарские неустройства возлагал на возглавлявший наши духовно-учебные заведения Учебный Комитет при Св. Синоде, признавая его совершенно не-

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. IV, отд. 5, 248–253.

годным, не понявшим своих задач и приносившим духовной школе больше зла, чем пользы, учреждением, «бумажно-канцелярской машиной, тормозившей развитие местных педагогических сил и стеснявшей их свободное функционирование».[1]

Проф. прот. П. Я. Светлов главную причину духовно-школьных неустройств видел в тогдашнем церковном режиме. «Я боюсь, — говорил он, — церковного режима, фундаментом которого служит ложное понимание христианства в монашеском духе...» «Режим этот и привел наши семинарии к разрушению. Режим этот покоился на послушании, отречении от мира, подавлении личности. Личность ученика задыхалась. От этого монашеского режима пастырей не получалось, а было одно озлобление против угнетателей личности, духовное и нравственное одичание».[2] А проф. В. И. Несмелов, с другой стороны, отмечал отсутствие в наших семинариях нужного режима, именно того режима, «который оживляет мертвые письмена школьных уставов искренней любовью к школьному делу,.. который силой нравственного авторитета школьных руководителей превращает формальные требования школьной дисциплины в собственные требования морального чувства самих воспитанников школы. Если такого режима в пастырской школе не будет, — докладывал он, — то заранее можно сказать, что все чувствительные речи о подвиге, о призвании, о пастырском настроении в действительности приведут не к созданию нравственно-сильных носителей христианского просве-

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. IV, 253–271. Об этом Комитете см. «Богословский Вестник», 1905 г., № 12. С. 683–685, 688–695. Сборник «Духовная Школа». Москва, 1906. С. 223, 255–256. «Церковный Вестник». 1906 г. № 47 за 23 ноября, столб. 1532–1533.

[2] Журн. и прот. Т. II, 131, 141.

щения, а лишь к созданию безусловно вредных для христианской церкви ханжей и святош. Почему же о введении этого благодетельного режима не позаботились в отношении наших теперешних школ?»[1]

Митр. Антоний (Вадковский) объяснял семинарские неустройства неустройствами всей русской жизни. «Я согласен, — говорил он, — что у нас коренной недостаток — отсутствие дисциплины в воспитании. А где у нас в России есть хорошая дисциплина? Ее нет ни в семье, ни в нравах, ни в обществе, ни в школе вообще, за исключением, разве, нескольких аристократических высших учебных заведений (училище Правоведения, Александровский лицей), где поэтому и забастовок не было. Не будь общего расстройства в общественной жизни, не было бы волнений в наших школах. До конца 50-х годов у нас была строгая дисциплина, но это была дисциплина палки. А чтобы дисциплина держалась во имя долга, чести, до этого мы еще не доросли. Надо перейти известный воспитательный период жизни, который прошли другие народы, чтобы и у нас выработалось сознание во имя долга подчиняться дисциплине».[2]

Ни одно из приведенных объяснений нельзя полностью отвергнуть. Воспитательский персонал в наших семинариях был действительно малочислен и недостаточен для осуществления нужных задач воспитания. В Витебской семинарии, например, в наше время насчитывавшей до 250 учеников, и 9/10 их жили в семинарском интернате, — этот персонал состоял из ректора, инспектора, помощника инспектора и надзирателя. Первый и второй фактически не участвовали в постоянном наблюдении за

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. II, 169–170.

[2] Там же. II, 502.

учениками; весь надзор и в классное время и во внеклассное, как за живущими в семинарском общежитии[1], так и за квартирными лежал на последних двух. Но дело не в том, что первые не участвовали в надзоре, а вторые были перегружены надзором, а в том, что надзор еще не есть воспитание, которое достигается не полицейскими мерами, а живым общением воспитывающих и воспитываемых, передачей первыми последним здоровых взглядов и убеждений, выработкой в последних цельного мировоззрения, чувства долга и разумно-серьезного отношения ко всему. А обо всем этом семинарские воспитатели и не заботились. Семинарские начальники-воспитатели умели являться пред учениками в «трусе» и «огне», но не в «гласе хлада тонка». (3 Цар. 19, 11–12).

Не менее верно и то, что семинарской разрухе способствовали: назначение юнцов-монахов на ректорские и инспекторские места[2] и худших кандидатов на низшие воспитательские должности, частые перемены и передвижения воспитательского персонала[3],

[1] Более 200 человек.

[2] Антоний (Храповицкий) 26-ти лет был инспектором, 27-ми лет ректором академии; Сергий (Страгородский) — инспектор академии 26-ти лет, то же и Исидор (Колоколов), Михаил (Ермаков) — инспектор академии 28 л.; Феодор (Поздеевский) — инспектор семинарии 26 л. и ректор семинарии 28 л., Гавриил (Чепур) — инспектор семинарии — 25 л. и ректор 28 л., то же — Варлаам (Ряшенцев), Фаддей (Успенский) 26 л. инспектор, Анастасии (Грибановский) 28 л. ректор и пр. и пр. Приведенные имена показывают, что не только выдающиеся, но и ничем не выдавшиеся, заурядные, даже порочные 26-летними получали инспекторские, а 27–28-летними ректорские посты, и не только в семинариях, но и в академиях. См. «Состав Св. Прав. Всеросс. Синода и Росс. Церк. иерархии за 1915 г.» С.-Пб., 1915. С. 41, 37, 345, 105, 29, 85, 175, 117, 237.

[3] Никодим (Кротков) в 1900 г., сразу по окончании академии — смотритель Владикавк. дух. учил., в 1902 г. — инспектор Кутаисской сем., в 1903 г. — ректор Александр. сем., в 1905 г. — ректор Псковск. сем., в 1907 г. — епископ (см. «Состав Св. Прав. Всер. Синода за 1915 г.» С. 19); Феодор (Поздеевский) в 1901 г. — препод. Калуж. сем., в 1902 г. — инспектор Казан. сем., в 1904 г. — ректор Тамб. сем., в 1906 г. — ректор Моск. сем., в 1909 г. — ректор Моск. акад. (там же с. 29); Серафим (Лукьянов) в 1904 г., по оконч. курса, препод. Уфим. сем., в 1906 г. — инспектор, в 1907 г. — ректор Тавр. и затем Саратов. сем. (там же, с. 39); Сильвестр (Братановский) в 1990 г., по оконч. акад.

как и проводившийся в семинариях монашеский режим и пр. Но ведь беспорядки и волнения происходили не только в семинариях, управлявшихся не имевшими ни опыта, ни мудрости юнцами-монахами, но и в семинариях, возглавлявшихся ректорами из белого духовенства. Отсутствием воспитания страдали все наши семинарии.

Подмена подлинного христианского мировоззрения монашеским и насаждение этого последнего в семинариях, конечно, были крайностью, часто приводившею к отрицательным результатам. Но нельзя же сказать, что это явление не наблюдалось и в тех семинариях, где ректорствовали протоиереи, а не монахи.

Наконец, нельзя отрицать того, что общерусская расхлябанность последнего времени отражалась и на семинариях. Но семинарии должны были и могли преодолеть влияние, если преодолевали его не только училище Правоведения и Александровский лицей, но и все военно-учебные заведения, и Историко-Филологический институт (С.-Пб), не знавшие ни волнений, ни забастовок.

Ясно, что надо искать еще какую-то причину, которая подтачивала в корне наши семинарии. Такой причиной, по нашему разумению, являлось несовершенст-

курса, — смотритель Мстисл. дух. уч., в 1901 г. — инспектор Кутаис. сем., в 1902 г. — ректор той же сем., в 1904 г. — ректор Смол. сем., в 1906 г. — настоятель Херсон. мон. (там же, с. 49); Гавриил (Чепур) в 1896 г. — преподав. Новгор., а затем Александр. сем., в 1899 г. — инспектор той же сем., в 1901 г. — инсп. Могил. сем., в 1902 г. — ректор Полт. сем., в 1906 г. — ризничий (с. 85); Арсений (Смоленец) в 1902 г., по оконч. акад. курса, — пом. смотр. дух. уч., в 1903 г. — инсп. Киев. дух. сем., в 1904 г. — ректор Алекс. сем., в 1907 г. — настоят. мон. (с. 113); Фаддей (Успенский) в 1897 г., по оконч. ак. курса, — преп. Смол. сем., в 1898 г. — инсп. Мин. сем., в 1900 г. — преп. Уфим. сем., в 1902 г. — инспектор, а затем ректор Уфим. сем., в 1903 г. — ректор Олонец. сем. (с. 117); Антонин (Грановский) в 1891 г. — пом. инсп. Киев. ак., потом — смотр. Моск. дух. уч., в 1893 г. — смотритель Киев. дух. уч., в 1895 г. — инсп. Тульск. сем., в 1897 г. — препод. Холм. сем., в 1898 г. — ректор Благовещ. сем. (с. 193) и т. д., и т. д.

во, отсталость воспитательной системы, которой придерживались — с уверенностью можно сказать — все наши семинарии.

К 20-му веку наука о воспитании ушла далеко вперед. В сознании лучших представителей нашей Церкви и богословской науки, как мы видели из рассуждений проф. В. И. Несмелова и др., предносилось возвышенное представление о нужном для наших семинарий воспитании. Но в семинариях продолжали применяться прежние, ставшие устарелыми воспитательные методы полицейско-внешнего характера. Воспитатели как будто совсем не интересовались душевным миром своих питомцев, свою роль ограничивали внешним надзором и дисциплинарными карами, слишком мало входя в живое общение с воспитанниками и не оказывая нужного влияния на их душевное развитие. Исключения бывали весьма редки. Но и тут попытки некоторых молодых начальников-монахов войти в более живое общение с учениками и влиять на них часто приводили к другой крайности. Семинарии должны были воспитывать прежде всего добрых пастырей, способных понимать жизнь и отвечать на ее духовные запросы, а эти начальники употребляли все свое влияние, чтобы развивать влечение к монашеству и пренебрежение к обыкновенной жизни. Малоопытные же и несерьезные, кроме того, нередко переступали тот рубикон, когда отношения воспитываемого к своему главному воспитателю — начальнику переходят в амикошонство, или когда появляются приближенные, любимцы, которым все прощается и во всем оказывается поддержка. Тут для фальши и лицемерия открывался неограниченный простор, а серьезному семинарскому воспитанию наносился страшный удар, нередко сопровождавшийся расстройством всей семинарской жизни.

Проф. Н. Н. Глубоковский в своем громоносном докладе Предсоборному Присутствию[1] докладывал, что наши духовные семинарии полной катастрофой воспитательного дела были обязаны Учебному комитету при Св. Синоде, возглавлявшему все наше духовно-учебное дело. По его прогнозу, Учебный Комитет превратился «в бумажно-канцелярскую машину, которая своим неприспособленным вмешательством безусловно тормозила развитие местных педагогических сил и стесняла их свободное функционирование».[2] Самое устройство его было таково, что он «призывался служить более «предержащим» лицам, чем идеям, и, подчиненный сразу двум авторитетам[3], должен был лавировать между ними... При частых коллизиях и всегдашних возобладаниях разных сил и течений он нередко оказывался без собственной воли и без своей заправляющей власти, а духовно-педагогическая ладья плавала по бурному морю без руля и без ветрил при одолевавшем напоре постепенно разъярившихся стихий.»[4] «В конце концов...» Учебный комитет «совершенно превратился в рабски послушную «канцелярию обер-прокурора».[5] Обязанный следить за духовно-учебным делом, давать ему нужное направление и, не переставая, его совершенствовать, Учебный комитет перестал выполнять свое назначение. Это в особенности проявлялось в ревизиях семинарий и других духовно-учебных заведений, производившихся его членами. Ревизии направлялись «к поддержанию status

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. IV, отд. 5, 239–272.
[2] Там же. IV, 270.
[3] Комитет был подчинен и Синоду, и обер-прокурору, и последнему более, чем первому.
[4] Журн. и проток. Т. IV, отд. V. С. 259.
[5] Там же. IV, 241.

quo духовных школ и потому уже не могли быть орудием прогресса, а тем более коренной реформы этих школ. Они сосредотачивали свое внимание только на внешней стороне воспитания,.. оказались неспособными проникнуть в глубь семинарского воспитания, усмотреть основные недостатки этого воспитания и указать радикальные меры к их устранению».[1] В противоположность прежним ревизорам, бывшим для школ «любящими и опытными няньками, способными и готовыми помочь добрым советом и авторитетным указанием, но не холодными прещениями и страшными карами[2], новое «педагогическое ревизорство превратилось в полицейское», а «ревизоры новой формации... — в своеобразных усмирителей», расправлявшихся «со всеми приемами укротителей, видевших в подведомых школах лишь плохо дрессированные зверинцы».[3]

Согласно приведенной характеристике, Учебный комитет обнаруживал все признаки неудачнейшего правящего учреждения, более тормозившего, чем двигавшего дело: сухой формализм, поверхностное и холодное отношение к воспитанию будущих пастырей, отсутствие творчества и стремления к прогрессу в школьной работе. Получалось впечатление, что постановка семинарского образования, сосредоточившая все внимание на внешнем порядке и пользовавшаяся для водворения его преимущественно полицейскими мерами, совершенно соответствовала воззрениям и педагогическим идеалам комитета. Чего ж тут можно было ожидать?

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. IV, отд. 5, 256. Примеч. 2.
[2] Там же. IV, 240.
[3] Там же. IV, 253.

Но если и согласиться вполне с приведенной характеристикой Учебного комитета и его работы, все же нельзя всю вину за семинарскую неурядицу взваливать на него.

Справедливо то, что Учебному комитету было вверено все духовно-школьное дело и что он прежде всего отвечал за такую или иную его постановку. Особенное внимание он должен был обратить на духовные семинарии как рассадники будущих пастырей и приложить все усилия, чтобы семинарии действительно воспитывали достойных пастырей. Но каждая семинария воспитывала пастырей прежде всего для своей епархии. В таком или ином воспитании их был заинтересован более всего местный архиерей, которому подчинялась семинария и которому лучше, чем петербургским чиновникам — членам Учебного комитета, было известно: какие пастыри требуются для епархии, какое должно быть дано им воспитание, какие взгляды и идеалы должны быть им привиты. Ему легче, чем комитетским, приезжавшим на несколько дней ревизорам-чиновникам, было узнать и достоинства, и недостатки своей семинарии, как и принять меры к развитию первых и искоренению вторых. Но выходило так, что архиереи наши как будто удовлетворялись формально-внешней постановкой семинарского воспитания и во всяком случае не принимали нужных мер к тому, чтобы сделать семинарское воспитание вполне соответствующим своей цели и назначению.

Надо больше сказать: архиереи, за очень редкими исключениями, весьма мало обращали внимание на семинарии и еще менее старались руководить ходом и направлением их жизни. Они и появлялись в семинарии только на некоторых экзаменах. Перегруженность архиереев разного рода иной работой, несомненно, мешала им вникать во все стороны семинарской жизни. Но, с другой стороны, семинарии были для епархий драгоценными источниками, от состояния которых зависел приток в епархии новых — добрых или злых — пастырских сил. Поэтому нельзя было управляющему епархией не уделять им преимущественного, главного внимания.

Должен был обратить самое серьезное внимание на семинарии и Св. Синод, каждый из членов которого — епископов — имел свою семинарию и должен был знать ее недостатки. Но там в самые последние годы скорее можно было заметить удовлетворенность, чем недовольство постановкой семинарского дела. Последний Первенствующий предреволюционного времени в этом отношении шел впереди всех: его возмущал всякий намек на семинарские недочеты.

После всего сказанного нетрудно определить последнюю и главную причину катастрофического упадка наших семинарий. Такой причиной было удивительное равнодушие, с которым относились к невыполнению семинариями своего назначения и Учебный комитет, и епархиальные архиереи, и даже Св. Синод. Никакие знамения времени не могли разбудить спавших. Индифферентизм, безбожие, отвращение к духовному служению с каждым годом пускали в семинариях все более глубокие корни. Состояние общества и всего народа было таково, что тогда в особенности нужны были не жрецы культа, не требоисправители, а истинные пастыри — «соль земли и свет мира» (Мф. 5, 13–14). Семинарии должны были неустанно, предусмотрительно и мудро развивать в своих питомцах, будущих пастырях, пламень веры, религиозный энтузиазм, влечение к истинному пастырскому подвигу. Сообщением голых богословских, философских, исторических и иных знаний это не достигается. Подвижниками веры и жизни становятся или по особой, чрезвычайной милости Божией, или благодаря увлекающему примеру, серьезному и целесообразному воспитанию.

Воспитание в семинариях должно было стоять на первом месте. А на деле ему уделялось минимум внимания.

Упадочные эпохи в жизни народов, между прочим, отличаются тем, что одних тогда охватывает духовный дальтонизм, других — наплевательская точка зрения. Одни из деятелей перестают замечать и понимать явно отрицательные явления, другие, видя и правильно оценивая их, безразлично относятся не только к их развитию, но и к разрушениям, ими производимым.

Такой была наша предреволюционная эпоха.

Семинарии наши, как долго плававший и устаревший корабль, требовали серьезного ремонта и решительных усовершенствований. Они дошли до такого состояния, что уже переставали исполнять свое назначение. А в это время одни из кормчих, ошибочно думая, что семинарии остаются такими, какими они были в их семинарские годы, и что такими они должны оставаться на веки вечные, на всякий упрек по адресу семинарий смотрели как на дерзкую непочтительность к alma mater. Другие отлично понимали несовершенства семинарского строя и предвидели все вытекавшие из него последствия. Еп. Псковский Арсений, бывший председателем Учебного комитета с января 1906 г. по февраль 1907 г., отчетливо видел все неустройства семинарского бытия. Не менее ясно представлял себе несовершенства семинарий наблюдательный и вдумчивый архиеп. Финляндский Сергий, с 1911 года постоянный член Синода, а с 9 ноября 1913 г. и председатель Учебного комитета. Но первый ничего не мог сделать для улучшения дела, а второй со свойственным ему благодушием взирал на продолжавшееся разрушение.

Революция прекратила жизнь, вернее — прозябание наших семинарий.

О мужских (четырехклассных) духовных училищах, бывших подготовительными к семинариям школами, не станем распространяться. Их задача пред Церковью и обществом была менее ответственной, а воспитательное дело в них — более легким. О духовных училищах последнего времени нельзя было судить по «Бурсе» Помяловского, ибо они успели освободиться от многих грубых недостатков дореформенной духовной школы. Но воспитательная сторона и в этих учебных заведениях не стояла на высоте, приличествовавшей подготовительной духовной школе.

Светлой точкой на фоне нашей духовной школы являлись женские духовные училища. Учебный их курс приближался к гимназическому. Главное же внимание отдавалось воспитанию, которое велось в строго православном и национальном духе. Обучение домашнему хозяйству не оставлялось без внимания. Эти духовные училища выпускали из своих стен развитых, дисциплинированных, воспитанных и прекрасно настроенных девушек, обычно, по окончании курса, с пользой и честью учительствовавших в начальных сельских школах или выходивших замуж за кандидатов священства.

Нередко возглавлявшиеся достойнейшими женщинами, иногда из высшего круга, эти школы заслуживали полного почтения и всякой поддержки. Последующее время могло изменить их учебную программу, чтобы сравнять их с гимназиями и, таким образом, открыть ученицам их доступ в высшие учебные заведения. Воспитательное же в них дело совершенно отвечало их цели и назначению.

Духовные академии

Не меньшему разложению подверглись в дореволюционные годы и наши духовные академии. И это совершилось не без вины тех, кому была вверена их судьба.

Русские духовные академии обладали одной особенностью, которой могло позавидовать любое из других высших учебных заведений. Академическое студенчество, за самыми незначительными исключениями, сплошь состояло из семинаристов. При этом в академии обычно поступали самые лучшие по успехам семинаристы, в значительной части по рекомендации семинарских правлений. Академические профессора поэтому имели пред собою аудиторию однородную, в совершенстве подготовленную к восприятию любых богословских знаний. Кроме того, академические студенты отличались редкой выносливостью и упорством в труде.

Не были обижены наши академии и в отношении профессорского состава. Огромное большинство академических профессоров стояли на высоте научного знания, а некоторые из них пользовались мировой известностью.

Материальная необеспеченность академий, в смысле скудости отпускавшихся на научные цели средств и не менее скудного вознаграждения профессорского труда[1], как и чрезмерная цензурная попечительность высших ду-

[1] До последнего времени ордин. профессор академии получал 3.000 руб. в год, экстраординарный — 2.000 руб., а доцент — 1.200 руб.

ховных сфер не могли не мешать продуктивности академической работы. Первая лишала наших профессоров возможности входить в непосредственные сношения с представителями инославной богословской науки, на месте знакомиться с постановкой научного дела в заграничных богословских факультетах и пользоваться тамошними книжными сокровищами. Вторая часто стесняла свободу богословского исследования. И тем большая заслуга наших богословов-профессоров, что, несмотря на все стоявшие на их ученом пути препятствия, они умели высоко держать знамя православной богословской науки и обращать на себя внимание многоученого Запада.

До самого последнего времени наши профессорские кооперации блистали учеными силами; каждая из академий, обладая совершенно солидным профессорским персоналом, имела в его составе нескольких ученых огромного калибра.

Надо при этом отметить, что наши академические профессора до последнего времени, несмотря на всякие отрицательные влияния и веяния, не утратили церковности, а многие из них, не исключая знаменитейших, как Болотов, Глубоковский, Певницкий и мн. др., удивляли новичка своей неподдельной и непосредственной набожностью.[1]

[1] «В 1897 г., — рассказывал мне бывший питомец Санкт-Петербургской дух. академии Поп-Пандов, — несколько нас, болгар, поступили в Санкт-Петербургскую дух. академию. Случайно мы попали туда. Никакого церковного настроения у нас не было — по убеждениям мы были социал-революционеры. К религии мы относились довольно безразлично, считая, что вера нужна для простецов, а не для культурных и образованных людей. Первые же лекции ученейших профессоров — Болотова, Глубоковского и др. — произвели на нас огромное впечатление. Но окончательно победило нас другое — когда мы в воскресный день увидели этих профессоров в академической церкви ставящими свечи, отбивающими поклоны, истово молящимися. Как же нет Бога, если такие ученые веруют в Него, смиренно молятся Ему? — осенила нас мысль, разбившая все наши скороспелые убеждения, перевернувшая наши души. Вот, что значит пример в воспитании молодежи», — закончил Поп-Пандов.

Весьма ценной особенностью прежних (до 90-х годов прошлого столетия) академий, благоприятно отражавшеюся на всем их быте и на их достижениях, было то, что они обычно возглавлялись лицами, отличавшимися не только выдающимися дарованиями, научным стажем и авторитетом, но и строгостью взглядов и жизни, — людьми порядка, дисциплины. Последними ректорами этого цикла были: в Санкт-Петербургской академии протоиерей (потом протопресвитер) Иоанн Леонтьевич Янышев, возглавлявший академию с 1866 по 1884 г., человек высокой культуры, научного веса, житейской мудрости и опыта; в Московской — протоиерей — знаменитый по своей учености, аскетической жизни и неограниченному авторитету и у студентов, и у профессоров Александр Васильевич Горский и весьма уважаемый Сергий Константинович Смирнов; в Казанской — протоиерей Александр Поликарпович Владимирский, в течение 24-х лет бессменно управлявший этой академией, при неизменном всеобщем уважении и почитании. Это были мудрые академические кормчие, знавшие, куда и как надо вести академический корабль, подлинные столпы академической жизни и науки. Они были последними «белыми» академическими ректорами. Их места заняли монахи. В 1884 г. на место ставшего протопресвитером придворного духовенства, блестящего во всех отношениях И. Л. Янышева на кафедру ректора Санкт-Петербургской духовной академии был назначен простоватый и далеко не ученый еп. Арсений; в 1890 г. место мудрого и опытного прот. С. К. Смирнова в Москов. академии занял 27-летний талантливый, но самоуверенный, увлекающийся и недисциплинированный архим. Антоний (Храповицкий), 21 июля 1895 г., после неудачных экспериментов в Московской дух. академии, осужденных митр. Московским Сергием, перемещенный на ректорскую же должность в Казанскую духовную академию. Чтобы пристроить незадачливого ректора Московской академии, освободили от должности многоопытного, пользовавшегося огромным авторитетом отца А. П. Владимирского, назначив его членом Учебного комитета при Св. Синоде. А затем ректорские академические кафедры превратились в этапные пункты для стремившихся к высшему званию иноков. Переместились понятия: раньше ректоры были для академий, теперь академии стали для ректоров. При целом ряде назначений получалось впечатление, что назначавшие совершенно не задумывались над вопросом: пригодно ли данное лицо для возлагаемого на него ответственнейшего дела, более того: способно ли оно принести академии хоть какую-либо пользу. Таковы были назначения на ректорские кафедры: 27-летних юнцов, почти с академической скамьи, еще не устоявшихся и не определившихся (архим. Антоний); совершенно болезненных и тяготившихся всяким делом (еп. Борис); молодых людей не от мира сего, хоть и обладавших высокими качествами сердца и настроения, но совершенно не знавших жизни, упорно сторонившихся от нее и решительно не пригодных ни к какой административной работе (еп. Феофан); циников в рясе, открыто бравировавших выгодами, извлекаемыми из их монашеского звания (еп. Евдоким и Алексий (Дородницин)) и др. Антоний (Вадковский) — ректор Санкт-Петербургской академии и Димитрий (Ковальницкий) — ректор Киевской академии, ранее бывшие академическими профессорами, являются чуть ли не единственными в массе академических ректоров предреволюционного периода, по достоинству и с пользой возглавлявшими вверенные им духовные академии.

Надо отметить еще одну особенность. Ректоры нового типа не любили долго задерживаться на своих местах. Для примера достаточно указать на Санкт-Петер-

бургскую духовную академию, где с 1898 г. по 1913 г. (за пятнадцать лет) сменилось семь ректоров-монахов.[1]

Уже такая частая смена руководителей наших академий была зловещей. Но с этим злом еще можно было бы мириться, если бы в руководители избирались мастера своего дела — мудрые кормчие, могущие верным путем вести академический корабль между рифов и подводных камней, которыми безмерно было богато то время, когда бурлила и шаталась вся Россия. К сожалению, у нас тогда при избрании лиц для замещения академических ректорских кафедр руководились случайными, а не существенными признаками. Для ректора академии требовались: педагогический опыт, административный дар и научный авторитет. Готовых академических ректоров находить трудно было. Их надо было предварительно намечать, подготовлять, воспитывать. У нас же в описываемое время при выборе ректора академии обращали внимание прежде всего на монашеский клобук, — монашество стало conditio, sinc qua non для академического ректора, — затем на номер выпускного разрядного академического списка, под которым значился намечаемый в ректоры, и на его ученый диплом, обычно магистерский. Дело не обходилось и без автоматических, так сказать, назначений, когда случайно попавший в инспектора академии при освобождении ректорской кафедры занимал ее.

Все указанные признаки нельзя назвать иначе, как случайными, и они при выборе ректора не должны были играть решающей роли. Ни монашеский чин, ни самый высокий номер выпускного академического списка, ни магистерский диплом совсем не гарантировали,

[1] Еп. Иоанн (Кратаров) в 1899 г., еп. Борис (Плотников) в 1901 г.; еп. Сергий (Страгородский) в 1905 г.; еп. Сергий (Тихомиров) в 1909 г., еп. Феофан (Быстров) в 1910 г.; еп. Георгий (Ярошевский) в 1913 г. и 30. 05. 1913 г. еп. Анастасий (Александров).

что данное лицо годно для специальной, трудной и ответственной должности ректора академии. Как монашески настроенные первенцы-студенты академий, так и написавшие блестящие магистерские диссертации сплошь и рядом могли оказываться совершенно непригодными для административных академических должностей, как и вообще для административного дела.

Поучительный пример в этом отношении дает нам Санкт-Петербургская духовная академия, ко времени революции доведенная до печального состояния, в чем немало повинны были ее ректоры: епископы Борис, Сергий, Феофан. Каждый из них мог считаться достойнейшим во многих отношениях. Еп. Борис — бывший профессор Казанской духовной академии, автор множества самых разнообразных и ценных статей, серьезный, глубокий и добрый. Еп. Сергий — первый студент выпуска 1890 г., строгий монах, бессребреник, талантливейший, проникновенный богослов, автор замечательной диссертации «О спасении», человек бесконечной доброты и очаровательной простоты. Еп. Феофан — первый студент выпуска 1896 г., строгий аскет, созерцатель, молитвенник, с детски чистой душой и Илиною ревностью о Боге. Но все трое на ректорском посту оказались не у своего дела. И это роковым образом отразилось на академии.

Еп. (тогда архимандрит) Борис, уже будучи больным и немощным, в 1899 г. во второй раз[1] занял пост ректора Санкт-Петербургской духовной академии. Утверждали, что он тогда усиленно пользовался морфием. Постоянное болезненное состояние лишало его возможности вникать в академические дела и еще более —

[1] В первый раз он ректорствовал в начале 1890-х годов.

править академией. При нем академия поплыла по течению, без правящего кормчего. Все же по инерции прочно заведенная старая машина продолжала работать более или менее исправно, хоть и с перебоями и со зловещими предзнаменованиями.

В 1901 г. еп. Бориса сменил бывший доселе инспектором академии архимандрит, вскоре епископ Сергий (Страгородский).[1] При несомненно блестящих качествах своего глубокого и тонкого богословского ума, чистого и чуткого сердца, еп. Сергий отличался одной, прямо необъяснимою, для администратора убийственною, особенностью: он, кажется, ко всему относился с наплевательской точки зрения. Посещали или не посещали студенты академическую церковь, присутствовали или почти in corpore отсутствовали они на лекциях, держали или не держали экзамены, подавали своевременно или не подавали установленные сочинения, вели себя благочинно или бесчинствовали — это для него было как будто безразлично. И о положительных, и об отрицательных сторонах академической жизни он мог говорить с одинаково благодушной иронией. «А наш-то Алешка Рубинов[2], — говорил он своему собеседнику в мае 1903 г., — как запил в августе прошлого года, так еще не кончил, все время пьян... Допился до зеленого змия... Лежит на кровати и видит Господа Саваофа, в сафьяновых красных сапогах, сидящего на печке. "Слезай! — кричит Господу, — а то я Тебя за ноги с печки стащу"». — «Владыка! Зачем Вы держите такого студента! Кому он такой нужен? Срамить будет только академию и умрет под забором». — «Что вы, что вы! — заступился владыка-ректор, — ему же совсем

[1] Род. 11. 01. 1867 г. Возведен в сан епископа 25. 11. 1901 г

[2] Священник-студент последнего курса.

немного осталось до окончания академии». И алкоголик свящ. Рубинов в 1903 г. получил академический диплом, а в следующем году умер от запоя.

«Поздравьте меня, — говорил в том же году и тому же собеседнику еп. Сергий. — Какого я старосту нашел для академической церкви: сенновского (с рынка на Сенной) купца. Согласился давать по 2.000 руб. в год на певчих. Теперь у меня будет отличный хор». — «Владыка, это же скандал! — возразил собеседник, — сенновский мужик-купец будет платить студентам академии, которых академия даром учит, кормит и одевает, — будет платить за то, что они поют в своей академической церкви!» — «Ну, что ж делать? Даром они не хотят петь», — ответил ректор. Или еще пример. «Был у меня этим летом, — рассказывал в 1903 г. еп. Сергий, — Полоцкий еп. Серафим. Не успел он переступить моего порога, как начал разглагольствовать о том, как надо поставить в академии науку — Основное богословие. А мне наплевать: как хочешь, так и ставь». Таких примеров можно было бы привести множество.

В довершение беды инспектором академии при ректоре епископе Сергии был назначен архимандрит Феофан († 6.11.1940 г. во Франции), по всему складу своей натуры совершенно неспособный поддерживать какую бы то ни было дисциплину. Начался быстрый и полный развал академии. Студенты перестали посещать академическую церковь и лекции. Дело дошло до того, что среди студентов велась очередь по посещению лекций. Очередные два человека от курса обязаны были в свой день просидеть на лекциях. Не желающие вынести этот труд, нанимали за себя других. На экзамены являлись неаккуратно. Семестровые сочинения подавались с большими опозданиями, что ранее строго преследовалось. На разные бесчинства начальство не обращало внимания. Сту-

денты жили как хотели. В академии завелись юродивые. Студент Илларион Туркевич бросил стричь волосы и ногти, брить бороду, носить шапку, а зимою и пальто, наконец, перестал говорить и лишь издавал нечленораздельные звуки. Весь обросший, с длинными волосами и ногтями, но в светской студенческой тужурке, без шапки, он останавливал внимание всех встречавшихся с ним, с удивлением рассматривавших дикообраза 20-го века. Так продолжалось около года (1901–1902). Архим. Феофан «не решался» сделать замечание Туркевичу, а еп. Сергий благодушно подтрунивал над «чудомором» Ларькой. Наконец, митр. Антоний обратил внимание и приказал привести студента в надлежащий вид. Туркевич оказался упрямым. Тогда его отправили в Китай, в нашу миссию. Он выехал туда уже серьезно простуженным во время странствований зимою в Петербурге без пальто и скоро умер от скоротечной чахотки.

6 октября 1905 г. епископ Сергий был назначен на Финляндскую кафедру с возведением в сан архиепископа, архимандрит же Феофан оставался академическим инспектором до 4 февраля 1909 г., когда состоялось его назначение на должность ректора Санкт-Петербургской духовной академии.

Инспекторство, как и ректорство с 1901 года архимандрита, а с 22 февраля 1909 г. епископа Феофана, было весьма оригинальным. Скромный, застенчивый затворившийся в своих покоях, он как будто сторонился студентов, стеснялся сделать студенту замечание; разговаривая со студентом, обычно закрывал рукавом рясы свое лицо. В житейском отношении он оставался ребенком, не разбиравшимся в самых обычных житейских вопросах. Вследствие этого его самые чистые и благие намерения и действия часто приводили к обратным результатам. Он, например, заявлял, что только благочестие важно в жизни человека. Но этой проповедью и высоким личным благочестием он увлек немногих, причем некоторые из этих немногих, отдавшись превышавшему их физические силы аскетизму, преждевременно закончили свое земное существование.[1] Вообще же в академии водворился нечестивый хаос. Студенты, опираясь на то, что наука — дело второстепенное, главное же — благочестие, то и дело выпрашивали у о. инспектора, а потом ректора разные льготы, освобождавшие их от «излишних» студенческих обязанностей. В случаях же неудовлетворения незаконных просьб студенты не стеснялись прибегать и к мерам нелегального порядка, как это было 1 мая 1907 г., когда они явочным порядком бойкотировали проверочные экзамены.[2] Дисциплина в академии упала окончательно. Весь академический порядок ограничивался приходом и уходом на лекции профессоров, читавших почти в пустых аудиториях. Академия стала походить более на ночлежный дом, чем на высшее духовно-учебное заведение. Если б не был таким блестящим состав студентов, из которых многие при указанных порядках старались отдаваться научной работе, и если бы не усилия профессоров, то академия потеряла бы всякий смысл своего существования.

И все это происходило в ту пору — девятидесятых годов, когда, можно сказать, вся Россия находилась в состоянии брожения, когда разные антирелигиозные и антигосударственные влияния проникали и в студенческую семью, когда от академических руководителей в особенности требовались и мудрость, и мужество, и твердость.

История ректорствования епископов Бориса, Сергия и Феофана может быть яркой иллюстрацией того,

---

[1] Архим. Макарий (Розанов), вып. 1902 г.

[2] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. IV, отд. 5, 260.

как весьма талантливые, образованные и честные люди могут разрушать, а не созидать, когда их приставляют к несоответствующему их склонностям и силам делу.

Протекционная система Св. Синода при назначении на высшие административные академические должности, когда при этом определялись инспекторами молодые монахи, только что кончавшие курс академии, вчерашние товарищи студентов[1], и даже ректорами — молодые люди, не приобретшие еще опыта и не проявившие административных способностей, или вообще угодные начальству люди, — в связи с бурной предреволюционной порой, распространявшей свое влияние и на духовные академии, сильно понизили достоинство наших духовных академий. Со всех сторон раздавались жалобы, что научная подготовка академических студентов, в сравнении с прежним временем, весьма упала, как упали и религиозная настроенность, и дисциплина. Академические профессора еще в 1906 г. свидетельствовали, что академии стали разлагаться.[2] Последующее время не исправило положение, ибо не было принято радикальных мер к его исправлению.

В непогоду и ненастье всегда развиваются болезни. В пору духовного безвременья замечается подобное же явление. Одною из академических болезней описываемого времени была усиленная вербовка студентов в монахи. Мы ее называем болезнью, ибо она производилась в ненормальных условиях, ненормально и необдуманно, когда заботились не о качестве, а о количестве постригаемых и постригали кого попало: бездарнейших тихонь, циничных карьеристов, открыто расценивавших ожидаемые выгоды монашеско-ученого звания, даже явных развратников и преступников, пред которыми начальниками ставилась альтернатива: или будешь выброшен из академии, или принимай монашество; убогих по дарованиям и — что тоже случалось — только что выпущенных из дома умалишенных, после продолжительного там пребывания, вдовцов священников и т. д. Раньше посредственности среди постриженных являлись исключениями, теперь исключениями стали таланты. И этим дешевеньким материалом сейчас же заполнялись высшие административные должности в духовно-учебных заведениях, а затем и епископские кафедры.

[1] Хотя по Уставу 1884 г. полагалось, чтобы инспектор академии назначался из профессоров академии, имеющих степень доктора или магистра богословия.

[2] Проф. С. Т. Голубев. «Журналы...» Т. IV, отд. V, 218.

Постановка учебно-академического дела также нуждалась в значительной реформе. Но это слишком обширный вопрос, затрагивающий все академические кафедры, и мы не станем им заниматься. Отметим здесь лишь один, на наш взгляд, весьма существенный, недостаток бывшей академической жизни — это разобщенность между профессорами и студентами. Живого и непосредственного общения между профессорами и студентами не было или его было слишком мало. Студенты видели своих профессоров в аудиториях, благовествующих ex cathedra. И только. Студенты получали от профессоров то, что последние им предлагали, каждый по своей специальности. Но никакая лекция не может дать всего того, что слушатель мог бы почерпнуть при живой беседе, выражая свои недоумения, задавая вопросы и получая на них ответы. Кроме того, в задушевной беседе профессора могли бы приобщать еще не умудренных жизнью и не выработавших законченной идеологии студентов к своему личному опыту, учить их не только книжной, но и житейской мудрости.

В других высших учебных заведениях это, может быть, и не столь важно. Но в духовно-учебных заведениях, обязанных не только сообщать своим питомцам

известные знания, но и развивать в них идейность и идеализм, это положительно необходимо.

Надо отметить, что опыты такого общения в описываемое время начали производиться, и именно — как и в семинариях — некоторыми инспекторами и ректорами-монахами. Прекрасное по идее начинание не дало, однако, желанных результатов, ибо оно не получило характера объективной академичности. Одни из инициаторов стали пользоваться собраниями у себя студентов для пропаганды крайних монашеских взглядов и совращения участников в монашество. У других собрания проходили в пустословии и злословии. Сами инициаторы иногда не обладали ни ученостью, пред которой мог бы студент благоговеть, ни знанием жизни и житейской мудростью, от которой мог бы он поучиться. Естественно, такие собрания могли развлекать одних и совсем не привлекать других, причем к этим другим относились наиболее серьезные.

Расстройство духовных академий было весьма опасно для Русской Православной Церкви. Духовные академии были рассадниками, где выращивались просвещенные церковные деятели. Прежние академии воспитывали сильных умом, морально крепких, стойких и серьезных работников. Академии последнего времени, при установившихся в них порядках и создавшемся настроении студентов, не могли не плодить «научных недоучек», расхлябанных, не приученных ни к порядку, ни, тем более, к беззаветному исполнению долга «деятелей».

Думаем, что, не разразись революция, скоро для всех стала бы очевидною невозможность дальнейшего в таком виде их существования и неминуемо последовала бы их радикальная реформа.

Большевистская власть прекратила в 1919 году существование всех четырех академий.

Русские монастыри дореволюционного времени

Русские святые обители... Сейчас их нет.[1] Новая власть не пощадила ни одной из них. За время революции все монастырские насельники разогнаны или погибли; драгоценности и имущества реквизированы; помещения и даже храмы обращены в общежития, клубы, склады, антирелигиозные музеи, кино, театры и проч.; священные реликвии монастырей — чудотворные иконы и мощи — уничтожены или помещены в музеи. Многие монастыри, как Новоспасский в Москве, основанный в 1490 г., и другие, разрушены до основания. Воскрешение в памяти облика, быта, особенностей жизни и деятельности бывших русских монастырей важно не только для истории Русской Церкви, ибо в жизни последней монастыри всегда играли весьма видную роль, но и для настоящего всех православных Церквей: правдивое слово о бывших русских монастырях, с одной стороны, поможет существующим православным монастырям заметить свои собственные ошибки и недоделки, а с другой, — применить и использовать в собственной жизни те достижения русского монастырского делания, которыми в особенности — как это увидим — заявило себя самое последнее пред революцией время.

[1] Это писалось в 1935 г.

Скудная фактами история древней Руси дает нам мало сведений о первых русских монастырях и об их основателях.

Древнейшим русским монастырем считается Киевский Михайловский Златоверхов монастырь, основание которого относят ко времени первого русского митрополита Михаила (988–993). Ранее Киево-Печерской лавры (основ. в XI в.) также существовали: киевские монастыри Георгиевский и Ирининский, очевидно возникшие при том же митр. Михаиле.

С распространением христианства начали быстро размножаться монастыри на Руси. Монашеский подвиг пришелся по сердцу верующим русским людям. Основывали монастыри, устремлялись в монастыри те, кто хотел уйти от суеты мирской и разных соблазнов света. Уединившись в лесах, горах, пещерах, — по большей части на берегах рек и озер, в живописнейших уголках русской природы, — отшельники пощением и молитвами, чрезвычайными трудами и подвигами созидали спасение душ своих. Монастыри стали теми драгоценными центрами русской религиозной жизни, где воспитывались подлинные богатыри православного духа, где выращивались и выявлялись на деле высшие православно-религиозные идеалы.

Рядом с монастырями, создававшимися самими подвижниками, древний летописец упоминает о множестве монастырей, которые были «поставлены от князей и бояр». Но о них он замечает: «не таковы они, как те, которые поставлены слезами, постом и бдением».[1]

С XIV в., под влиянием, с одной стороны, большего усвоения русскими людьми христианства, а — с другой —

[1] Проф. П. Знаменский. «Руководство к русской церковной истории». Казань, 1876. С. 46.

под давлением тяжелых переживаний времени, заставлявших прибегать за утешением к религии, начинается чрезвычайно быстрое размножение монастырей на Руси. В XIV–XV вв., на протяжении 150 лет, появилось до 200 новых обителей. В особенности множились они в Великороссии, чему немало способствовала тогда прославившаяся Троице-Сергиевская обитель, ставшая образцом для всех монастырей и трудами прп. Сергия и его учеников основавшая множество новых обителей. В XIV в. Москва была опоясана целой линией их, как оградой. В Твери тогда же было основано 11 монастырей, в Нижнем Новгороде — 4. Как много их было в Новгороде, видно из того, что новгородцы (в 1386 г.), собираясь защищать свой город от кн. Дм. Иоан. Донского, сожгли вокруг города 24 монастыря. Около Пскова тогда же возникло 12 новых обителей. С середины XV до XVI в. появилось до 100 новых монастырей.[1]

Со времени императора Петра I начинают приниматься меры к сокращению числа монастырей. «Регламент определил не строить новых монастырей без разрешения Св. Синода и Верховной власти, малые монастыри сводить в один, а их церкви обращать в приходские. Св. Синоду вменено было в обязанность искоренять старинное верование, будто без постриженья нельзя спастись и что по крайней мере пред смертью нужно непременно постричься в монашество». Приказывалось принимать и другие меры к сокращению монашеского сословия.[2] Императрица Анна Иоанновна продолжала в отношении монастырей политику Петра I. Напротив, имп. Елисавета

[1] Проф. П. Знаменский. «Руководство к русской церковной истории». Казань, 1876. С. 83, 85–87.

[2] Там же. С. 317–318.

Петровна милостями осыпала монашество, утверждая за монастырями их земли и угодья и наделяя их новыми.[1]

Правительство импер. Екатерины II, под влиянием либеральных веяний, охвативших тогда всю Европу, приступило к решительному сокращению монастырей. Из имевшихся в России (кроме Малороссии и Белоруссии) 954 монастырей по новым штатам было оставлено 224 монастыря и 161 на собственном иждивении — за штатом; остальные 569 велено было закрыть или обратить в приходские церкви. В Малороссии и Белоруссии, при введении штатов, оставлено было 29 обителей в штате и 55 за штатом. В начале XIX столетия во всей империи оставалось 452 монастыря — менее чем вдвое против числа их до 1764 г.[2]

Последующие императоры не ставили препятствий к размножению монастырей. Напротив, в царствование императоров Николая I, Александров II и III, Николая II происходит сильное размножение женских обителей. Появилось более 200 новых женских монастырей, а в последнее царствование еще было основано свыше 50 женских монастырских общин, обычно впоследствии преобразовывавшихся в монастыри. Независимо от этого в XIX в., особенно в последние два царствования, многие мужские монастыри были обращены в женские. Новых же мужских монастырей в царствования императоров Александра III и Николая II (1881–1917 гг.) открылось не более 40.[3]

Размножению женских монастырей способствовали два обстоятельства: 1) к этому времени женские обители

[1] Проф. П. Знаменский. «Руководство к русской церковной истории». Казань, 1876. С. 366, 374.

[2] Там же. С. 425.

[3] С. В. Булгаков. «Настольная книга для священнослужителей». С. 1419–1565.

успели склонить на свою сторону симпатии и царской, и высшей церковной власти, и общества своим благоустройством, подвигами и несомненной большой пользой, приносимой ими и Церкви, и государству; 2) с отменой крепостного права (в 1861 г.) русские простые женщины, освободившись от неволи и получив возможность давать желанное направление своему религиозному настроению, массами устремились к монашескому подвигу.

Приведенные выше цифры определенно свидетельствуют, что в XIX–XX вв. высшие власти весьма поощряли умножение женских обителей.

Все русские монастыри по источникам содержания, способам пользования ими и некоторым иным особенностям делились: 1) на общежительные и необщежительные; 2) на штатные и нештатные. В общежительных монастырях все было общее и все принадлежало монастырю, который уже от себя давал братии все необходимое. В необщежительных монастырях монахи получали только помещение и общую трапезу, все же прочее приобретали сами, пользуясь для этого получаемым от монастыря жалованьем и доходами.

Штатные монастыри имели положенное по штату число братии и пользовались содержанием от казны. Они делились на три класса. Среди первоклассных монастырей было несколько изъятых из ведения епархиальных начальств и находившихся в непосредственном подчинении Св. Синоду или Московской Синодальной Конторе. К ним принадлежали четыре лавры: Санкт-Петербургская Александро-Невская, Троице-Сергиева (в 60 км от Москвы), Киево-Печерская и Почаевская (Волын. епарх.), священно-архимандритами[1] которых

[1] Игуменами.

считались местные архиереи-митрополиты и Волынский архиепископ, а также ставропигиальные монастыри: Московские — Воскресенский, Донской, Новоспасский, Заиконоспасский и Соловецкий (Архангел. еп.).

Заштатные монастыри содержания от казны не получали и существовали на местные средства. Скиты и киновии — это по большей части приписные к монастырям, находившиеся в некотором отдалении от них келии, предназначавшиеся для искавших более уединенной и строгой жизни. Женские общины и по внешнему устройству, и по образу жизни их насельниц были теми же монастырями, с одной лишь разницею, что общинские сестры не принимали на себя пострига и соединенных с ним монашеских обетов. Тем не менее, они исполняли все правила и требования, обязательные для послушниц настоящих монастырей.

К сожалению, мы не можем указать абсолютно точную цифру русских монастырей последнего времени. В «Настольной книге для священнослужителей» С. В. Булгакова указывается: мужских монастырей общежительных — около 220 и приписных к ним (монастырей, киновий и скитов) — около 45, необщежительных — около 235 и приписных к ним — около 20; всего более 500; женских общежительных около 300 и приписных к ним около 15, необщежительных около 90 и приписных к ним 4; женских общин до 60; всего женских монастырей и общин до 490. Думаем, что действительная цифра и мужских, и женских монастырей была больше.

Более всего монастырей было: в Московской епархии (26 муж. и 24 жен.), в Новгородской (26 муж. и 17 ж.), Вологодской (25 м. и 6 жен.), Нижегородской (7 м. и 23 ж.).[1]

[1] С. В. Булгаков. «Настольная книга для священнослужителей».

Особенностью русских монастырей, по сравнению с монастырями других православных Церквей, была их многолюдность. В других православных Церквах — обычное явление, что братия монастыря состоит из одного — двух монахов. На Руси таких монастырей не было. Напротив, там было обычным явлением, что в мужском монастыре подвизалось 250–300 монахов, в других число их доходило до 500–600[1], а в некоторых и до 1500.[2] В женских же монастырях число подвизавшихся насельниц иногда доходило до 2000 (Введенский в г. Орле м-рь), а в некоторых до 3000 и более (Флоровский монастырь в Киеве до 2800 ч., Борисовская Тихвинская пустынь Курс. еп. до 3800 и т. д.).

Из всеподданейшего отчета обер-прокурора Св. Синода за 1908 г. видно, что в наших монастырях тогда числилось: в мужских — 9317 монахов и 8266 послушников, в женских — 12652 монахини и 40275 белиц (послушниц), всего более 70.000 человек.

Материальные богатства монастырей

Материальные богатства монастырей заключались: а) в землях с находившимися на них зданиями, хозяйственными заведениями и строениями, постоялыми дворами, лавками, харчевнями, соляными варницами, пасеками, скотными дворами, рыбными промыслами и даже банями, лесами, сенокосами и т. д.; 2) в капиталах, хранившихся в банках, и 3) в разного рода драгоценно-

[1] Глинская пустынь. Курс. еп. — до 600 ч.; Оптина, Калуж. еп. — до 500 чел.
[2] Валаамский м-рь — до 1200 чел., Киево-Печерская лавра — до 1500 чел.

стях — золоте, серебре и драгоценных камнях, украшавших монастырские храмы или сберегавщихся в монастырских хранилищах.

Монастырское землевладение в России было весьма значительным. По сделанному Н. А. Любинецким, на основании данных из Св. Синода и Центрального статистического комитета, подсчету в 1900 г. монастырям, как мы уже видели, принадлежало: 1) в Европейской России 521.810 дес. земли[1], в том числе удобной 451.971 десятина земли: а) пахотной — 122.382 дес., б) луговой 70.601, в) лесной 230.680 дес., г) не разделенной на угодья 28.308 дес. и д) неудобной — 69.839 дес.); 2) на Кавказе всякого рода монастырской земли было 24.297 дес. (в том числе неудобной 3.829 дес.); 3) в Азиатской России — 20.040 дес. (в том числе неудобной 2.232 дес.).[2] В общем, таким образом, русские монастыри владели 566.147 десятинами земли.

Некоторые монастыри представляли собою богатейшие помещичьи владения. К примеру, укажем на Бизюков-Григориевский монастырь Херсонской епархии, которому принадлежало более 25.000 дес. плодороднейшей земли — чернозему, с рыбными промыслами на р. Днепре, садами, виноградниками. В монастыре имелось более 3000 коров. Основанный в 1864 г. архим. Ионою († 9 января 1902 г.) на пожертвования вдовы Киевского генерал-губернатора кн. А. Васильчиковой, Св.-Троицкий монастырь в Киеве располагал огромными земельными угодьями около самого г. Киева и т. д.

Общая сумма денежных монастырских капиталов не поддается учету. Сообщения иностранной печати о миллиардных запасах русских монастырей, в особенности лавр, были весьма преувеличены. Но что некоторые монастыри располагали весьма значительными капиталами — это не подлежит сомнению. К примеру, укажем на приписанный к Московскому митрополичьему дому Перервинский Николаевский монастырь (основ. в XIV в.), о богатстве которого говорилось уже.[1] Годовой доход Александро-Невской (в Санкт-Петербурге) лавры официально определялся в сумме более 200000 руб.[2] А она была далеко не богатейшим монастырем в России.

Абсолютно не поддаются учету иного рода монастырские богатства, заключавшиеся в драгоценных окладах на иконах, в золотых и серебряных сосудах, архиерейских митрах и разных священных облачениях, раках для св.мощей и т. д. На протяжении всей русской истории, начиная со св. Владимира (X–XI вв.), русские князья, цари, вельможи и торговые люди щедро украшали Божии храмы и, прежде всего, монастыри. Многие из пожертвованных предметов, независимо от большой стоимости материала, из которого они были сделаны, имели огромную ценность в историческом или художественном отношении. Упомянем о некоторых.

Сооруженная в 1790 г. купцом Твердышевым, украшенная драгоценными камнями риза для принадлежавшей Перервинскому монастырю (Моск. еп.) Иверской иконы Божией Матери была сделана из золота — весом 27 фунтов и 59 1/2 золотников.[3] В Михайловском Златоверховом монастыре (в г. Киеве) подаренный имп.

[1] Десятина = 10,9 гектарам.

[2] Н. А. Любинецкий. «Землевладение церквей и монастырей Российской Империи». С.-Пб., 1900. Таблицы I–III.

[1] См. выше. С. 30.

[2] Н. М. Кутепов. «Памятная книга по С.-Петербургской епархии». С.-Петербург, 1899. С. 19.

[3] С. В. Булгаков. «Настольная книга для священнослужителей». С. 1488. Один фунт = 400 г.; в фунте 96 золотников.

Александром I (в 1817 г.), храмовой образ был написан на доске из чистого золота, весом около 10 фунтов, и осыпан бриллиантами и другими драгоценными камнями.[1] В Троице-Сергиевой лавре сень над престолом, устроенная в 1809 г. митрополитом Платоном, заключала в себе 6 пудов[2], 30 фунтов серебра и 3 ф. 40 золотника золота. Дарохранительница этой лавры, изображавшая горницу Тайной Вечери, была сделана из серебра (32 фун.) и чистого золота (9 фун.).[3] В Юрьевском (Новгор. еп.) монастыре хранился образ «Знамения Божией Матери», вырезанный на изумруде и осыпанный бриллиантами[4], — дар графини Орловой-Чесменской, а в Александро-Невской лавре — дар папы Пия VI-го импер. Екатерине — «Моление о чаше» на камне «ляпис лазури». Все фигуры, составляющие этот образ, были вылиты из чистого золота, и, кроме того, икона была украшена драгоценными камнями. И т. д., и т. д.

Как на исключительный пример мертвого монастырского богатства надо указать на сокровища Юрьевского Новгородского монастыря. Там в монастырской колокольне было свалено неимоверное количество жемчуга, драгоценных камней и разных иных ценностей. Все это было завещано на «вечное хранение» монастырю его украсительницей, почитательницей известного архим. Фотия графиней Орловой-Чесменской.[5] Баснословное

[1] С. В. Булгаков. «Настольная книга для священнослужителей». С. 1462.

[2] Пуд = 40 фунтам, или 16 кг.

[3] С. В. Булгаков. «Настольная книга...». С. 1491–1492. Оригинально в ней было то, что фигуры Спасителя и апостолов были сделаны из золота, а Иуды — из меди.

[4] Там же. С. 1511.

[5] По приблизительному подсчету, графиней А. А. Орловой-Чесменской было пожертвовано (в начале XIX в.) Юрьевскому монастырю свыше 65 млн. зол. рублей. Графиня не забыла даже монастырских голубей, оставив на питание их четыре тысячи руб. (Там же. С. 1511.)

по своей ценности богатство хранилось под несколькими замками и печатями, не принося никакой пользы. От времени значительная часть жемчуга умерла. Однако никто из властей не решился реализовать это богатство, боясь нарушить волю жертвовательницы[1], пока монастырь не попал в руки новой власти, которая, конечно, не считаясь с завещанием граф. Орловой, использовала ее сокровища для своих целей.

Накопленные веками монастырские ценности в 1922 г. и после были реквизированы. Вероятно, никогда и никому не удастся установить стоимости всего погибшего во время революции монастырского достояния, ибо в большинстве случаев сами монахи не имели ясного представления о размерах своих богатств, заключавшихся в разного рода драгоценностях, а имевшиеся сведения погибли вместе с монастырскими архивами. Различные официальные сводки о количестве отобранных у церквей и монастырей золота, серебра и разных драгоценных камней весьма не точны, ибо вполне возможно, что реквизиторы далеко не все отнятое сдавали в советскую казну. Несомненно и то, что значительная часть монастырских драгоценностей была скрыта монахами: замурована в стенах, зарыта в землю и т. д. Тем не менее, и их цифры весьма внушительны. По официальной сводке, с марта по 15 июня 1922 г. по 50 губерниям и автономным областям РСФСР изъято было из церквей и молитвенных домов: золота 21 пуд, 9 ф., 38 зол.; серебра 17971 п. 11 ф.; бриллиантов — 33700 шт.; жемчуга 3 пуда, 15 ф., 11 зол.; прочих драгоценных камней 43711 шт. По другому же официальному сообщению («Известия», № 287, 19 дек. 1922 г.), серебра было изъ-

[1] Как объяснял автору в 1918 году Новгородский архиеп. Арсений.

ято более 23.997 пудов. Имеются сведения об изъятии ценностей в это время из следующих монастырей: в Киево-Печерской лавре конфисковано было 2417 бриллиантов, из которых минимальные весом в 1 1/2 карата, а большая часть от 3 до 5 каратов и несколько камней по 9 каратов, изумрудов 1106 штук, рубинов 1345 шт., сапфиров 41 шт., жемчужных риз с драгоценными камнями 18[1] и т. д. По № 61 (1500) «Известий» от 16 марта 1922 г., в новгородском Юрьевском монастыре конфисковано ценностей на 1.000.000 зол. рублей, а в Десятинном монастыре на 580.000 руб.[2] По № 79 «Правды» за 1922 г. в Андрониковом Московском монастыре конфисковано: золота 5 фун. 54 зол., серебра 25 п. 6 ф. 30 зол., бриллиантов 625, других драгоценных камней 125 и жемчужная риза весом 2 ф. 18 зол.; в Новоспасском (Моск.) монастыре: золота 4 ф. 67 зол., золота и серебра вместе 38 п. 37 ф. 82 зол., драгоценных камней 135 и жемчужная риза весом 2 ф. 77 зол. с 1582 алмазами.[3] В Даниловском монастыре (Моск.) было изъято 32 п. 32 ф. 11 зол. золота и серебра[4], а в Иверской часовне, приписной к Перервинскому (Моск.) монастырю, 1 п. 7 ф. 70 зол. золота и 5 пуд. 31 ф. 61 зол. серебра.[5]

---

[1] А. А. Валентинов. «Черная книга». Париж, 1925. С. 281.
[2] Там же. С. 280.
[3] Там же. С. 261.
[4] Там же. С. 262.
[5] Там же. С. 265. «Правда», № 92.

Роль русских монастырей в церковной, государственной и народной жизни

Даже явные противники монашества и Церкви не могут не признать, что русские монастыри имели огромное значение в истории русского народа.

Русские монастыри прежде всего были главными миссионерскими центрами, откуда распространялся свет Христовой веры и образ православного благочестия. Полагая сущность христианского подвига в очищении себя от всякой скверны плоти и духа (2 Кор. 7, 1), в отрешении от излишних мирских привязанностей для совершенно беспрепятственного служения Господу (1 Кор. 7, 32–35) и людям, — ибо нельзя любить Бога, не любя ближних своих (1 Ин. 4, 20–21), нельзя и служить Богу, не служа ближним, — русские древние монастыри именно этот идеал и словом, и делом закрепляли в сердцах русских людей. Своей особенной и исключительной чертою — любовью и служению другим до самопожертвования (Мф. 20, 25) — русский народ если не всецело, то в огромной степени обязан нашим древним монастырям, показавшим на деле пример такого служения.

Этой, однако, религиозно-нравственной областью не ограничивалось служение народу наших монастырей.

Первоначальным своим образованием русский народ прежде всего обязан монастырям, ибо в монастырях появились и первые школы, и первые книжные люди. Из монастыря же вышел первый русский историк-летописец Нестор, как в монастыре зародилась и выросла первая русская школа — Киевская духовная академия.

И далекий север, и центр России, и ее юг в огромной степени обязаны монастырям своей колонизацией, разработкой новых земель, разведением образцовых сель-

ских хозяйств, поддержанием судоходства, промышленности, торговли и т. д. Монахи-пустынники проникали в непроходимые дебри лесов Костромских, Ярославских, Волжских краев и др. Многочисленные лесные монастыри становились после этого опорными пунктами крестьянской колонизации, рассадниками культуры.

Неоценимую услугу русскому народу монастыри оказывали в тяжелую пору татарского ига, когда они поддерживали в русских людях надежду на избавление, подогревали в них христианское и национальное самосознание, препятствовали окончательному порабощению и даже, — что было возможно, — поглощению русского народа чуждыми народностями — монголами.[1]

Некоторые монастыри, как Киево-Печерский с XI в. и Троице-Сергиев с XIV в. и др., показали высокий пример общественной благотворительности, а Соловецкий с XVI в. начал служить для всего Севера России рассадником высокой сельскохозяйственной культуры.

Древние русские монастыри были для сирот покровителями, больным — врачами, бедным — помощью, неграмотным — школою, для всех — образцом духовного подвига, непрестанного стремления к Богу, молитвы и душевной чистоты.

Но они не смогли удержаться на занятой ими высоте. Еще прп. Антоний Великий с воздыханием и слезами говорил своим ученикам: «Придет время, когда монахи оставят пустыни и потекут вместо них в богатые города, где вместо этих пустынных пещер и тесных келий воздвигнут гордые здания, могущие спорить с палатами царей; вместо нищеты возрастет любовь к собиранию богатств; смирение заменится гордостию: многие будут

[1] Проф. В. О. Ключевский. «Благодатный воспитатель русского народного духа».

гордиться знанием, но голым, чуждым добрых дел, соответствующих знанию; любовь охладеет; вместо воздержания умножится чревоугодие и очень многие из них будут заботиться о роскошных яствах не меньше самих мирян, от которых монахи ничем другим отличаться не будут, как одеянием и наглавниками; и несмотря на то, что будут жить среди мира, будут называться уединенными, т. е. монахами. Притом, они будут величаться, говоря: я Павлов, я Аполлосов (1 Кор. 1, 12), как бы вся сила их монашества состояла в достоинстве их предшественников; они будут величаться отцами своими, как иудеи отцом своим Авраамом. Но будут в то время и такие, которые окажутся гораздо лучше и совершеннее нас, ибо блаженнее тот, кто мог преступить и не преступил — зло сотворить и не сотворил, чем тот, кто влеком был к добру массою стремящихся к тому ревнителей. Почему Ной, Авраам и Лот, которые вели ревностную жизнь среди злых людей, справедливо так много прославляются в Писании».[1]

Предсказание св. Антония, к сожалению, оправдалось. Русские цари, князья, вельможи и верующий народ начали щедро одарять монастыри своими жертвами: деньгами, угодьями и разного рода благами. Заблестели златоглавые величественные монастырские храмы, наполнились разным добром монастырские кладовые и амбары. Многие монастыри превратились в богатые помещичьи поместья, где насельникам открывалась возможность сытого и беструдного жития, заманчивая для тунеядцев и опасная для ищущих подвига.

С течением же времени появилось и другое, весьма неблагоприятное для духовного роста монастырей, обсто-

[1] «Писания св. Антония Великого». Москва, 1883, пар. 26. С. 112.

ятельство: под влиянием западных веяний религиозный пафос в высших слоях русского народа стал ослабевать, и монастыри стали заполняться преимущественно простецами, не пригодными для высокой культурной религиозно-просветительской работы, в которой нуждался народ.

Несоответствие монастырей — говорим преимущественно о мужских — времени и своему назначению начало давать о себе знать особенно в последние три-четыре десятилетия пред революцией. Россия в эти годы быстро шла вперед к развитию культуры. С приобщением широких народных масс к просвещению, с распространением одновременно с этим в обществе и народе разных антирелигиозных учений религиозные запросы у русских людей разрослись и осложнились. Для удовлетворения «алчущих и жаждущих правды», для отражения посягательств на православные души разных лжеучителей и развратителей стала необходимой настойчивая, серьезная и просвещенная церковная работа. Обязанные быть духовными крепостями, — какими и были древние обители, — монастыри должны были бы в это время развить самую широкую просветительскую работу. Но что они могли сделать, когда они были населены почти сплошь полуграмотными простецами? Монахи из интеллигентов, с образованием, встречались в монастырях весьма редко. Еще реже там встречались монахи с высшим богословским образованием. Если же среди братии и оказывался такой монах, то это был или опальный, сосланный в монастырь на послушание, или бегущий от труда бездельник, или оказавшийся совершенно не пригодным ни к административной, ни к педагогической деятельности. Даже на настоятельских монастырских местах «ученые» монахи встречались очень редко. Обычно и сюда, за редкими исключениями, из «ученых» попадали не лучшие, а слабейшие, не награждаемые, а опальные. При таком составе своей братии русские монастыри активной, так сказать, наступательной религиозно-просветительной работы вести не могли. Древние монастыри шли впереди жизни, монастыри последнего времени тащились на буксире ее. Первые влекли за собою мир, зато вторые нередко сами порабощались миром.

Когда на Московском соборе (1917–1918 гг.) был поднят вопрос о привлечении монастырской братии к проповеднической работе, Уфимский еп. Андрей (кн. Ухтомский), со свойственной ему чистосердечностью и прямолинейностью запротестовал: «К какой просветительской работе вы хотите привлечь их (монахов)? Вы хотите заставить их проповедовать? Нам надо просить их не о том, чтобы они проповедовали, а о другом — чтобы они, ради Бога, не проповедовали. Ибо о чем они могут проповедовать?»

Факт несомненный, что русские монастыри последнего времени отстали от жизни и не могли играть в народе той роли, к какой они были призваны и какую успешно выполняли монастыри древние. Но было бы большой несправедливостью утверждать, что они утратили всякое значение для народной жизни. Уже тот факт, что к ним не переставали притекать толпы народа, свидетельствует, что они не были излишни.

Что же влекло народ в монастыри?

Особая монашеская обстановка, монастырская атмосфера и в особенности монастырские богослужения.

Далью веков, отрешенностью от мира, таинственной тишиной не переставало веять от всех русских монастырей. Старинные, часто напоминавшие крепостные, монастырские здания; величественные, богато и своеобразно украшенные монастырские храмы с разными святынями монастырей — древними чудотворными иконами, св.мощами и разными реликвиями подвизавшихся тут когда-

то праведников; тихие и обширные монастырские сады и рощи, окружающие монастыри, обычно живописнейшая природа; безмолвно двигающиеся фигуры монахов — все в черном: в храме — в клобуках и мантиях, вне храма — в подрясниках или рясах и камилавках, их смиренные приветы и поклоны, их безмолвные и бесшумные, с чтением житий святых трапезы; многократно в течение дня раздающийся стройный и мелодичный звон колоколов и непривычные для уха отрывистые и резкие звуки от ударов в «било»; наконец, вся строго распределенная по часам жизнь в монастыре — все это переносило посетителя монастыря — богомольца в особый, новый, как бы неземной мир, и на человека, желавшего временно отрешиться от утомившей его житейской суеты и не вглядывавшегося в «мелочи» и изнанку монастырской жизни, производило успокаивающее и обновляющее душу действие. Русские монастыри являлись прекрасными станциями для отдыха утрудженных житейскою суетою людей. Этому в сильнейшей степени способствовало еще совершавшееся в монастырях богослужение.

Надо отметить, что во всех без исключения русских монастырях богослужебное дело было поставлено очень высоко. Богослужения там совершались всегда чинно, с особым оттенком монастырской простоты и елейности, благоговейно и благолепно, при стройном и проникновенном пении. Составлявшиеся из отборных певцов хоры в больших монастырях иногда достигали до ста человек и своей мощью и торжественной стройностью могли потрясать души молящихся. В русских монастырях от давних времен установился особый богослужебный стиль, который усваивался младшими от старших и преемственно передавался из поколения в поколение. Такой преемственности, к сожалению, не было в приходских церквах, где не получившими нужной богослужебной выучки священниками часто вносилось в богослужение много индивидуального и далеко не всегда удачного и отвечающего цели.

Монастырское старчество также привлекало народ. Почти в каждом монастыре имелся один, а иногда и несколько старцев, приобретших известность своей благочестивой жизнью и духовным опытом. К таким старцам спешили русские люди, чтобы открыть пред ними свои наболевшие и изъязвленные души, чтобы укрепиться их молитвою, советами и наставлениями. В особенности прославилась своими старцами Козельская Оптина пустынь (Калуж. еп.). Ее старцы: Паисий (Величковский, † 1822 г.), Леонид († 11 окт. 1841 г.), Макарий († 7 сент. 1880 г.), Амвросий († 10 окт. 1891 г.) и др. были известны всей России. К ним притекали не только массы народа, но и высочайшие особы, знаменитые архипастыри, разные лица высокого положения и большой учености, напр.: вел. кн. Константин Константинович, Моск. митр. Иоанникий, профессора, государственные деятели и писатели — С. П. Шевырев, М. Н. Погодин, И. В. и П. В. Киреевские, А. Н. Муравьев, К. Д. Кавелин, Н. В. Гоголь, Т. И. Филиппов, К. Н. Леонтьев, графы А. К. Толстой и Л. Н. Толстой — последний в молодые годы своей жизни, и др. Монастырское старчество весьма способствовало поддержанию благочестия в русском народе.

Труднее констатировать другие положительные стороны русских монастырей.

Как просветительские центры они давно утратили значение.

Проповедь в монастырских храмах не процветала, миссионерством монастыри не занимались — об исключениях не говорим, ибо они были редки. О какой-либо научно-богословской работе и помину там не было. Издательско-просветительским делом, в котором так нуждался рус-

ский, в особенности простой, народ, русские монастыри также занимались мало. Санкт-Петербургская Александро-Невская лавра ничего не издавала. В Троице-Сергиевой лавре издавались архиеп. Никоном, бывшим монахом этой лавры, «Троицкие Листки», к самой лавре имевшие слишком малое отношение. Издания Почаевской лавры были изданиями архим. Виталия, отражавшими все особенности его характера. Киево-Печерская лавра занималась печатанием церковно-богослужебных книг и т. д. Но все монастырские труды в этой области были слишком незначительны в сравнении с действительными нуждами и с имевшимися у монастырей возможностями.

Многократно возникавшие слухи об учреждении специального монастыря для ученых монахов, наподобие западных р. к. монастырей, не осуществились, хотя для русской Церкви настоятельно требовался не один, а несколько таких монастырей и имелась полная возможность устроить их.

В некоторых монастырях помещались духовные училища и даже семинарии. Но все отношение этих учебных заведений к монастырям выражалось в том, что они занимали монастырские здания. Обучение же и воспитание в них велось специальным персоналом, не касавшимся монастыря. Было ль полезно пребывание духовно-учебных заведений в монастырской ограде? Думаем, что не всегда было полезно. Иногда было бы лучше, если бы подготовлявшиеся к пастырскому служению не соприкасались с монастырской обыденщиной и не соблазнялись ее «мелочами» и дрязгами.

То же приблизительно надо сказать и относительно церковно-приходских (начальных) школ, имевшихся при многих монастырях. Во-первых, существование церковно-приходской школы при монастыре нельзя было ставить монастырю в особую заслугу, раз церковно-приходские школы имелись при большинстве приходских церквей. Во-вторых, воспитание и обучение в этих монастырских школах велось обычно не монахами, а светскими учителями. И в-третьих, бывали случаи, что само местное, окружающее монастырь население оказывало противодействие школам мужских монастырей для предупреждения частого посещения монастыря матерями учеников.

В несомненную заслугу русским монастырям надо поставить то, что они сохранили множество ценнейших памятников старины: древних икон, св.сосудов, облачений, разных редчайших предметов церковной утвари, наконец, — священных по воспоминаниям реликвий, оставшихся от древних подвижников, просиявших своими трудами и святостью жизни. Некоторые же из монастырей до самой революции продолжали хранить множество замечательнейших памятников древней русской письменности: древних рукописей, грамот, актов и иных документов, а также старопечатных книг. В этом отношении в особенности замечательны следующие монастыри: 1) Московский Никольский единоверческий монастырь, в котором сохранялась знаменитая Хлудовская библиотека, где было собрано много древних рукописей и старопечатных (до Никоновского времени) книг; 2) Воскресенский — Новый Иерусалим монастырь (Моск. еп.), в библиотеке которого хранилось более 200 древних рукописей и до 150 старопечатных книг; 3) Флорищева пустынь (Владим. еп.), обладавшая ценнейшими рукописями, старопечатными книгами, грамотами и актами XVII–XVIII вв.; 4) Спасо-Преображенский (в г. Ярославле) монастырь, в книгохранилище которого имелось собрание ценнейших рукописей XIII в. (напр., Евангелие юсовое на пергаменте), XVI и следующих веков; 5) Николаевский Корельский монастырь (Архан. губ.), где было много древних рукописей и нотных книг знаменного распева; 6) Соловецкий

монастырь (Архан. еп.), которому принадлежали два Евангелия, писанные полууставом: а) XVI в. и б) 1606 г., а также писанное на пергаменте Евангелие от основания монастыря прп. Зосимою (первой пол. XV в.); 7) женский Успенский (Владим. еп.), хранивший много рукописей и синодиков XVI–XVII вв.; 8) Загаецкий (Волын. еп.), в библиотеке которого хранилось много книг и документов XVI–XVIII вв. на польском и литовском языках[1], и т. д. Кроме того, множество древних рукописей и книг в разное время были изъяты властями из монастырских книгохранилищ и после того хранились в разных библиотеках: Санкт-Петербургской Публичной, Академии наук, духовных академий, наконец, частных лиц. В библиотеке Санкт-Петербургской духовной академии, напр., хранились Белозерские древние рукописи.

Честь и слава монастырям, сохранившим такие ценности. Но здесь уместно вспомнить эпизод, приводимый знаменитым проповедником Евг. Берсье в одной из его замечательных проповедей. «Философ Диагор, высадившись однажды на берег Самофракии, посетил храм этого города; там ему показали развешенные по стенам приношения, которые лица, спасшиеся от кораблекрушения, посвятили благодетельным для них богам. «Дерзаешь ли ты теперь отрицать провидение богов, — сказали ему, — при виде всех этих доказательств их участия?» «Ах, — отвечал Диагор, — следовало бы также выслушать свидетельства тех, кои погребены в волнах».[2]

Ответ философа понятен. Философ не мог удовлетвориться скороспелым и логически не серьезным доказательством Божественного провидения. По-диагоровски

[1] С. В. Булгаков. «Настольная книга для священнослужителей». С. 1419–1565.
[2] Евг. Берсье. «Беседы». Т III. С.-Петербург, 1910. С. 11.

можно поставить вопрос и относительно русских монастырей. Монахи сохранили много драгоценных рукописей, грамот, актов и разных иных предметов старины. Это их заслуга. Но сколько драгоценных памятников старины, письменности, искусства погибло вследствие небрежности и невежества насельников этих монастырей! Укажем один пример, тем более яркий, что он относится к настоящему столетию. В 7 км от Ковно, на берегу р. Немана находится, став в 1830 г. православным, Пожайский монастырь. В нем замечателен своей архитектурой, изображеньями альфреско и мраморной обшивкой храм, построенный[1] в 1662–1673 гг. канцлером Литовского княжества Христофором Пацем. Храм окружен великолепными монастырскими зданиями, с чудным садом, с множеством расставленных по аллеям мраморных изваяний католических святых. В архиве монастырском имелись ценные документы по истории воссоединения западно-русских униатов. Некоторые из них были использованы Г. Я. Каприановичем в его сочинении «Жизнь Иосифа Семашки, митрополита Литовского и Виленского». Вильна, 1907 г. Пишущий эти строки в 1907 г. посетил Пожайский монастырь. Тяжелое впечатление производил тогда этот величественный монастырь: монастырские здания содержались грязно, мраморный пол в алтаре был покрыт деревянным, иконостас из итальянского мрамора был замазан краской, статуи святых в саду «ревнителями православия» были изуродованы — носы отбиты, глаза выцарапаны, помещавшийся в сырой и грязной комнате архив находился в хаотическом состоянии; документов, на которые ссылался Г. Я. Каприанович, уже не оказалось. На мою просьбу разрешить мне унести интересующие меня документы

[1] На постройку его было израсходовано 8 млн. злотых.

в келью, чтобы там рассмотреть их, — ибо в архивном — неудобном и сыром помещении нельзя было работать, — заведующий архивом монах добродушно ответил: «Да вы берите их совсем, если они вам нужны, — на что они нам!» Подобное отношение населявших монастыри простецов не являлось редкостью. В России было немало коллекционеров, которые ловко пользовались простотою и невежеством монахов: разъезжая по монастырям, в особенности северным, они то даром, то за бесценок приобретали древние иконы, книги и разные иные предметы старины. А многое старинное и драгоценное просто выбрасывалось иль сжигалось, как «ненужное» и «лишнее».

Что касается общественно-благотворительной деятельности русских монастырей, то надо сказать, что в последнее время она начала, было, все более расширяться и разнообразиться.

По статистическим данным всеподданейшего отчета, к 1908 г. имелось в монастырях: 184 больницы на 1789 лиц и более 148 богаделен с 1960 призреваемыми.[1] Если принять во внимание, что монастырей в то время было более 1000 и многие из них располагали огромными средствами, то приведенные цифры не покажутся слишком внушительными. Все же они свидетельствуют, что благотворительность не была забыта русскими монастырями. Особенного же внимания заслуживает то, что большинство благотворительных монастырских учреждений появилось именно в последние десятилетия.

Нельзя не отметить также и особого рода специальной школьной работы, проводившейся в некото-

[1] С. Б. Булгаков. «Настольная книга для священнослужителей». С. 1591. К 1917 г. эти цифры значительно возросли. Кроме больниц и богаделен при многих монастырях имелись амбулатории для приходящих больных, которым тут часто бесплатно выдавались лекарства.

рых монастырях. При Акатове-Алексеевском монастыре в г. Воронеже имелась регентская школа; при Абалацком (Тобол. еп.), Яблочинском (Холм. еп.) и Почаевской лавре — псаломщические школы; при Выдубицком (в г. Киеве) — школа пения; при Киево-Печерской, Троице-Сергиевой и Почаевской лаврах, а также при Софрониевской пустыни (Курск. еп.), Богоявленском Житомирском монастыре и др. — школы иконописи и иконописные мастерские; при Троице-Стефано-Ульяновском (Волог. еп.), Свято-Троицком Самарском (Екатеринослав. еп.), Туруханском (Енис. еп.), Выдубицком (в г. Киеве), Абалацком-Знаменском (Тобол. еп.) и др. — приюты для сирот со школами разных ремесел: столярного, малярного, кровельного, портняжного и т. д.

Особо, хотя в кратких словах, надо упомянуть о нескольких монастырях. Троице-Сергиева лавра имела: школу и мастерскую иконописи, фотографию (для снимания икон), литографию и типографию, больницу-богадельню, церковно-приходскую школу для певчих, мастерские, две гостиницы и трехэтажный странноприимный дом, вмещавший до 2000 странников, дом призрения, два училища — для девочек и для мальчиков, женскую больницу с отделением для неизлечимых, амбулаторией и аптекой для бесплатной выдачи лекарств, женскую богадельню и странноприимную для женщин.[1] При Почаевской лавре имелись: второклассная школа с двухгодичными при ней курсами для подготовления псаломщиков и диаконов, которые могли бы быть помощниками священников в преподавании Закона Божия в начальных школах; больница, странноприимни-

[1] С. Б. Булгаков. «Настольная книга для священнослужителей». С. 1495.

ца, древнехранилище, учебно-ремесленное заведение, иконописная мастерская, типография, книжная лавка.[1]

Исключительного внимания заслуживал Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, на берегу Черного моря, в 25 км от г. Сухума, основанный в 1875 г. и своим знаменитым игуменом — простецом о. Иероном доведенный до высшей степени культурного состояния. При монастыре имелись: школа для бедных абхазских мальчиков-сирот с содержанием их на средства монастыря, две больницы с аптекой, книжная и иконная лавки, странноприимный дом и разные мастерские. Но не в этом была слава монастыря. Замечательнее то, что Афонский монастырь явился насадителем совершенно новых не только на Кавказе, но и во всей России культур — апельсинов, лимонов и мандаринов. Он первый занялся этими культурами и уже с его легкой руки они распространились по всему южному кавказскому побережью. Кроме лимонных, апельсинных и мандариновых рощ при монастыре были разведены оливковые плантации и устроен отличный ботанический сад.[2] Ново-Афонский монастырь представлял собою удивительнейший уголок русской земли, тем более замечательный, что поднятая в нем на необыкновенную высоту сельскохозяйственная культура соединялась со строго монашеской жизнью его насельников. Монастырь жил по Старо-Афонскому уставу и чиноположению. Иноки ежедневно были заняты молитвою по 7–8 часов; всенощные накануне великих праздников начинались в 8 ч. вечера и продолжались до 3-х часов утра.

Доселе мы говорили главным образом об общественном служении русских монастырей. По бывшему

[1] С. Б. Булгаков. «Настольная книга для священнослужителей». С. 1437.
[2] Там же. С. 1537.

весьма распространенным в русских иерархических сферах и аскетической литературе взгляду, общественная деятельность монаха является лишь «поделием», т. е. делом второстепенным, делом «между прочим». Его прямое дело — пост, молитва, очищение сердца от страстей, ума от злых помыслов, умирание для мира, личное спасение, или, как иногда выражались, «святой эгоизм». «Кто хочет подвига ухода за больными или трудов в школах, тот пусть и идет в те благотворительные заведения, где это нужно. Ему нечего делать в монастыре».[1]

Как же русские монастыри выполняли эту свою специально-аскетическую задачу?

С прискорбием надо признать, что аскетическая в указанном смысле сторона монашеской жизни с каждым годом не поднималась, а падала. Внешние аскетические формы продолжали блюстись, но они не спасали монастырских насельников от мирской суеты с разными ее греховными проявлениями. Омирщение монашеской братии становилось все более ощутительным. Эта сторона взывала к врачеванию.

Перейдем лучше к женским обителям, начавшим, как уже сказано, усиленно распространяться именно в последнее царствование, и особенно в царствование имп. Николая II. Тут, в русских женских монастырях, гораздо раньше обозначился прогресс во всех отраслях их деятельности — благотворительной, просветительской и даже чисто аскетической. Этому способствовали два обстоятельства: во-первых, личный состав в женских монастырях был выше, чем в мужских, — сюда часто поступали и образованные женщины, даже из высшего круга, которые, занимая потом ответственные, не-

[1] «Душеполезное Чтение». 1902. Ч. 3. С. 194 и далее.

редко настоятельские места, давали благородный тон и культурное направление всей жизни монастыря. А во-вторых, вообще женщина более, чем мужчина, склонна к хозяйственности, жертвенности и даже набожности.

Русские женские монастыри – все без исключения – были благословеннейшими уголками для ищущих душевного отдыха. Все в них сияло чистотой, дышало молитвой, лаской, сердечностью. Везде виднелись: порядок, распорядительность, заботливость, обходительность, душевная теплота, дававшая гостю-богомольцу особый уют и покой, необходимые для уставшей от мирской суеты души.

Богослужение в женских монастырях носило свой особый, приятный отпечаток, отличаясь успокаивающей и молитвенно настраивающей душу задушевностью, нежностью и неизменной скромностью. Трогательная забота монахинь о своем храме отражалась решительно во всем. Кажется, нигде больше нельзя было найти храмов, так тщательно убранных и украшенных, в таком порядке и чистоте содержавшихся, как в этих монастырях.

Богослужение в женских монастырях совершалось монастырскими духовниками, на каковую должность обыкновенно назначались лучшие белые священники. Здесь поэтому, не в пример мужским монастырям, и проповедь часто раздавалась, и внебогослужебные беседы велись.

Благолепию и задушевности богослужений в русских женских монастырях много способствовали многолюдные, составленные из монахинь и послушниц хоры. Стройное, мелодичное, полное религиозного чувства пение этих хоров захватывало души молящихся. Всегда особенно сильное впечатление производило пение стихир на всенощном бдении с канонархом, когда искусная чтица – а в мужских монастырях чтец – высоким голосом возглашала каждый стих, а хор повторял его.

Религиозно-просветительской деятельности в общепринятом широком смысле этого слова, напр., научно-богословской, проповеднической, миссионерской от женских монастырей нельзя было требовать. Апостол освобождает женщину от обязанности благовествовать и учительствовать в храме (1 Кор. 2, 12). Жены должны благовествовать «житием», примером своим (1 Пет. 3, 1). И русские женские монастыри преуспевали в житии – трудолюбии и доброделании. Над чем только они ни трудились! В них имелись разных типов церковные школы – от начальных до средних училищ, школы рукодельные, золотошвейные, живописные и ткацкие мастерские, больницы, амбулатории, аптеки, богадельни, приюты, странноприимные дома, свечные заводы и даже типографии.

Весьма часто при одном монастыре имелось несколько школ и благотворительных учреждений. Укажем, к примеру, на Христо-Рождественский монастырь (Вятской еп.), имевший две школы, богадельню, больницу, свечной завод и мастерские: столярную, иконописную, рукодельную и чулочную; или на Новодевичий Арзамасский (Нижег. еп.), имевший странноприимный дом, две больницы и золотошвейную мастерскую, работы которой славились не только в России, но и в Греции, Палестине и иных странах. При Ново-Тихвинском монастыре (в г. Екатеринбурге) имелись: детский приют, школа, богадельня для старух, странноприимный дом, свечной завод и восемнадцать рукодельных заведений и мастерских, из которых самыми большими были: золотошвейная, иконописная и живописная, и т. д. и т. д. И только весьма и весьма немногие женские монастыри не имели ни школ, ни благотворительных заведений.

Зато некоторые из них развили поразительную деятельность, о какой только можно мечтать в наше время. Упомянем о некоторых, наиболее замечательных в этом

отношении. Такова была, например, Казанская Амвросиевская, близ села Шамордина, (Калуж. еп.) пустынь[1], учрежденная Оптинским старцем Амвросием († 1891 г.). Несмотря на недолгое время своего существования, она успела развить самую разностороннюю деятельность. В ней имелись: школа, типография, в которой, между прочим, печатались листки религиозно-нравственного содержания для народа, переплетная; монахини усердно занимались разного рода рукоделием, живописью, фотографией, чеканной работой, золочением, серебрением, резьбою по металлу, тканьем художественных ковров, шитьем золотом и шелками. Основателем ее, старцем Амвросием, были устроены при ней следующие благотворительные учреждения: приют на 60 крестьянских девочек, от году и более, приют на 10 убогих калек, женская богадельня, больница с амбулаторией, где больные бесплатно получали лекарства, и странноприимный дом.[2]

Еще большим разнообразием отличалась Серафимо-Дивеевская Св.-Троицкая обитель (Нижегород. еп.). В ней имелись: гостиница для богомольцев, больница с аптекой, богадельня для престарелых монахинь и приют с двухклассной школой для девочек-сирот, свечной завод, фабрика черных монашеских материй для ряс и множество мастерских: иконная, кистная, чеканная (для чеканки иконных риз), церковных облачений, шитья золотом, кружевная, вязальная, столярная, типография, литография, фотография, метахромотипия; имелись сады, огороды, пасека и большое сельское хозяйство с мукомольной мельницей. Все работы, кроме работ на конном дворе, проводились только трудами сестер, которые разделялись более чем на 70 «послушаний», каждое во главе с опытной «манатейною» монахиней, руководившею занятиями подчиненной ей группы сестер. Искусство живописи, а также метахромотипное и фотографическое дело тут были доведены до высокой степени совершенства.[1]

[1] В числе сестер-монахинь этой обители состояла родная сестра графа Л. Н. Толстого — Мария Николаевна Толстая.

[2] «Душеполезное чтение». 1902. Ч. 3. С. 1458.

Вообще надо признать, что деятельность женских монастырей в России была гораздо продуктивнее, шире и разнообразнее, чем деятельность монастырей мужских. И это тем более заслуживает внимания, что материальные средства, которыми располагали женские монастыри, были несравненно меньше таких же средств, находившихся в распоряжении монастырей мужских.

И в отношении чисто монашеского делания женские монастыри превосходили мужские. Насельницы женских монастырей в общем больше проявляли строгости в посте, усердия в молитве, безукоризненности в воздержании, чем насельники мужских монастырей. Большая занятость монахинь, а часто их перегруженность всякого рода занятиями, как и большая строгость надзора за ними и руководства старшими младших, предохраняли подвижниц от увлечения житейской суетой и удаления от своего назначения. Труд и молитва, чередуясь и дополняя друг друга, заполняли всю жизнь русской монахини. Труд ослаблял ее плоть, а молитва приближала душу ее к Богу.

Особо надо сказать о несколько нового типа женских монастырях, появившихся в самое последнее время и показавших значительно новый пример монашеского делания. Это были монастыри: Покровский Княгинин (в г. Киеве), Леснянский-Богородицкий и Вировский — Всемилостивого Спаса Седлецкой губ., Холмской епархии.

[2] «Душеполезное чтение». 1902. Ч. 3. С. 1505.

Основоположницами этих монастырей были: первого — великая княгиня Александра Петровна, в иночестве Анастасия, второго и третьего — мать Екатерина, в миру графиня Евгения Борисовна Ефимовская. Вел. кн. Александра Петровна была дочерью известного филантропа-гуманиста принца Петра Георгиевича Ольденбургского, а потом супругой вел. кн. Николая Николаевича, бывшего Главнокомандующего в русско-турецкую войну 1877–1878 гг. Мать Екатерина получила прекрасное образование, имела много близких знакомств с русскими писателями — И. С. Тургеневым, Маркевичем, Евг. Тур, Аксаковым, наконец, работала в знаменитой Татевской (Смолен. губ., Бельского уезда) школе под руководством известнейшего педагога С. А. Рачинского. Обе они почти одновременно начали свой монашеский подвиг. Вел. кн. Александра Петровна в 1889 г. устраивает свой Покровский монастырь; Е. Б. Ефимовская 20 окт. 1885 г. прибыла в Лесну, чтобы занять должность настоятельницы новообразованной Леснянской общины, затем 26 августа 1889 г. преобразованной в общежительный женский монастырь.

Кажется, эти две замечательные женщины ни разу не встречались, как и не состояли в переписке. Но их духовное родство, сходство их взглядов на монашеский подвиг были поразительными: как будто свой монашеский идеал они выработали под руководством одного и того же великого учителя. У обеих их был один идеал: не замкнувшееся в себе, отгородившееся от мира, но живое, деятельное, всем и всячески служащее монашество.

«Живое монашество, — писала великая княгиня Александра Петровна, — вот знамя, которое столь дорого моему сердцу и которому я уповаю служить до последнего издыхания. Никакие монашеские обеты не мешают ближнего любить, как самого себя, служить болящим, питать неимущих, призревать сирот и убогих, обучать желающих, ибо (тогда) монастыри будут иметь двойную силу и значение». «Больничное дело, — пишет она в другом письме, — было предусмотрено уставом Василия Великого. В св. уставе о больнице говорится: «монашки, опасающиеся, что путем больничного послушания они уклоняются от монашества, не понимают церковного устава, не понимают заповеди Христовой и не понимают того, что Господь во время Своего земного странствования так много заботился о болящих, а равно и св. апостолы. Когда мы сподобляемся приблизиться к болящему, то мы невидимо приближаемся ко Христу, и если при служении болящим храним в сердце и творим устами Иисусову молитву, то это — те живые четки, та идея, за которую радостно гореть на костре, за которую радостно принимать всякое поношение». «Любовь к страждущим прославляется Господом... Любовь — это высшая добродетель».[1]

Чувствуется, что великая княгиня в своих письмах не только декларировала свой монашеский идеал, но и старалась защитить его, а себя оправдать. И это не без причины, что объясним после.

Мать Екатерина тоже заповедь о любви ставит выше всех других заповедей. Евангелие — в любви, — рассуждает она, — а монастыри должны жить по Евангелию. Человеческая жизнь — капитал, который должен приносить пользу, а не быть зарытым в землю. Богу надо служить и не только словом и мыслию, но и делом, служа людям. Служить в Боге страждущим и обремененным, постоянно приносить такую действенную, реальную жертву любви — неустранимая часть монашеского делания. Соответственно этому она подбирает инокинь для своей обители.

---

[1] Проф. М. М. Тареев. «Религиозная жизнь». Т. V. Сергиев Посад, 1911. С. 8–9.

Она хочет управлять лишь подвижницами любви. Она не принимает к себе или, приняв, удаляет от себя не только тех, которые монашескою рясою прикрывают свою наклонность к тунеядству и леность, но и тех, которые сводят монашеский подвиг к аккуратному исполнению чина и обряда. Лицемерие и тунеядство преследовались ею решительно и беспощадно.[1]

Было сходство и в подвижничестве этих двух инокинь, смирении, самоотвержении, труде и лишениях, шедших впереди всех насельниц их обителей.

Великая княгиня показывала своим сподвижницам высокий пример смирения, поста, молитвы и самоотверженного подвига. В письмах своих она подписывалась не иначе, как «грешная Александра»; молилась много, питалась просто и скудно; жила в одной из больничных палат, как живут сиделки; дверь ее комнаты не закрывалась, чтобы и в ночное время она могла слышать стоны и жалобы больных и поспешать к ним на помощь. К трудным больным она в течение ночи вставала по несколько раз, забывая о постоянно мучившей ее болезни и необходимом отдыхе, давала больным лекарства, ободряла, утешала; при хирургических операциях сама обязательно прислуживала; больных, которым предстояли тяжелые операции, омывала собственными руками. Все это делалось с молитвою, с благословением.

Мать Екатерина, приняв управление убогою Леснянскою общиною, спит в сырой, почти подвальной комнате, в которую через окна забираются лягушки, сама носит дрова и воду, сама ухаживает за первой купленной коровой, в храме исполняет обязанности псаломщика, сама ведет всю переписку по делам общины.

[1] Проф. М. М. Тареев. «Религиозная жизнь». Т. V. Сергиев Посад, 1911. С. 46–47.

Во всех монастырских трудах и подвигах она всегда впереди всех. В 1905 г. у нее уже двести сподвижниц: подвиг заразителен.

Посмотрим теперь на их монастыри.

В Княгинином монастыре все внимание его основательницы было обращено на врачебную помощь. При нем была больница на 108 человек, с бараком для заразных на 12 человек и изоляционной на 5 мест — всего 125 мест, и два приюта: один для неизлечимо больных, другой для слепых. Монастырская лечебница для приходящих больных по своей обширности и благоустройству являлась лучшей в России; в иные дни она свободно вмещала по 400–500 человек. Все в ней было оборудовано по последнему слову науки. За десять лет, с 1893 по 1903 г. лечебница приняла 194.993 больных, сделавших 466.522 посещения; в больнице пользовалось 5020 человек, в обоих приютах призревалось 123 человека; монастырская аптека выдала бесплатно 501.064 номера лекарств.[1]

При монастыре же находились: училище для девочек-сирот, анатомический покой, странноприимница, дававшая бездомным и голодным приют и ночлег.[2]

Сестры обители сами обслуживали все эти учреждения, не гнушаясь никаким трудом. Огромная работа велась тихо, смиренно и всегда с молитвой. «Непрестанно творите молитву Иисусову: это могущественная сила, все дурное поглощающая... Всякий шаг с молитвою на уме», — писала великая княгиня сестрам своей обители.

Монашеская жизнь в Княгинином монастыре велась по строгому Студийскому уставу. Великая княгиня

[1] Проф. М. М. Тареев. «Религиозная жизнь». Т. V. Сергиев Посад, 1911. С. 65.
[2] Там же. С. 9–11.

сама зорко следила за молитвенным подвигом сестер. И этот молитвенный подвиг не отставал тут от деятельного подвига любви.

Император Николай II щедро поддерживал этот монастырь. В течение девяти месяцев 1900 г.[1], по его повелению, было выдано из сумм Министерства Двора 57 тысяч рублей и 64 тысячи для уплаты за приобретенный великой княгинею участок земли. А с 1-го января 1901 г. монастырь стал получать из государственного казначейства по 80 тысяч рублей в год. Субсидия для монастыря исключительная! Но что она значила в сравнении с той работой, которую вел монастырь, и со всеми расходами, которые вызывались содержанием стольких учреждений при монастыре! Откуда же брались дополнительные средства? Первым и главным источником для содержания монастыря служила сама великая княгиня, отдавшая своему детищу — монастырю — все имевшееся у нее и затем не переставшая отдавать ему огромное, получавшееся ею как высочайшей особой от казны жалованье. А затем... В России ни одно доброе дело не оставалось без сильной поддержки и щедрых жертв.

Леснянский монастырь посвятил себя воспитанию бездомных и бедных детей. В 1905–1906 гг. там воспитывалось 356 детей, из них: 245 учениц девятилетней церковно-учительской школы, 23 ученицы ремесленной школы, 21 — сельскохозяйственной, 67 малюток, среди которых было 19 «ползунков».[2] Кроме того, при монастыре еще имелись школы: двухклассная с пятью отделениями и второклассная. Церковно-учительская монастырская школа имела почти гимназический курс.

[1] Это был второй год существования монастыря.

[2] Т. е. не умеющих ходить.

Ни один из русских монастырей не имел столько интеллигентных, образованных сестер, сколько имел Леснянский. Это давало ему возможность все свои учебные заведения обслуживать собственными силами. И он их обслуживал: все восемь учительниц были монастырские сестры.[1]

Призреваемые монастырями дети все были круглыми сиротами или детьми весьма бедных родителей. Их приносили издалека, иногда из других губерний, и матери спокойно оставляли их на попечении монахинь, уверенные, что «вместо одной родной матери ребенок приобретает десятки одинаково любящих и самоотверженных». За уход, прокорм и обучение монастырь не брал ничего. Подростки обучались не только грамоте, но и ремеслам: мальчики — сапожному, столярному, кузнечному и слесарному мастерствам, девочки шили, ткали и исполняли разные сельскохозяйственные работы.

Одновременно с этим монастырь оказывал большую врачебную помощь местному населению. Всем больничным делом: и врачебным, и фельдшерским, и аптекарским — заведовали сами сестры. Удовлетворяя нужды обители, монастырская больница не отказывала в помощи никому из посторонних. В монастырском же лазарете имелось 25 кроватей для своих и 8 для народа.[2]

В монастыре все время кипела работа. Во всех трудах его насельниц был виден радостный, светлый, святой подвиг, всегда с молитвою, на благо ближних, во славу Божию.

Вировский женский монастырь, бывший с 1894 по 1899 годы приписным к Леснянскому, развился и рас-

[1] Проф. М. М. Тареев. «Религиозная жизнь». Т. V Сергиев Посад, 1911. С. 60.

[2] Там же. С. 61.

цвел благодаря самоотверженной и вдохновенной работе трех своих просвещенных игумений: Анны[1] (в миру Анны Александровны Потто[2], дочери артиллерийского генерала), Софии[3] (в миру кн. С. А. Шаховской) и Сусанны[4] (дочери известного артиста Мельникова) — главным образом благодаря первой.

Игумения Анна получила монастырское воспитание под руководством Леснянской игумении Екатерины, прониклась ее духом и идеалами. Оттого Вировский монастырь был весьма сходен с Леснянским. Тут шло то же дело любви, совершалось тоже служение Богу в ближних: призрение и обучение бедных, несчастных детей, помощь болящим.

В 1905–1906-м годах монастырь воспитывал более 400 детей: во второклассной школе училось до 130 девочек, в приюте и школах грамоты — 163 и там же 11 малюток, в Моложевской двухклассной школе — 120 учеников и в Чакановской практической школе сельского хозяйства и домоводства 24 девочки. И все это были брошенные на произвол или бедных родителей дети.

В монастырской богадельне содержалось до 40 призреваемых женщин и детей. Монастырская больница, обслуживавшаяся сестрами, принимала в течение года десятки тысяч амбулаторных больных, которым бесплатно выдавались и лекарства.[5]

Самый наружный вид Вировского монастыря был поучителен. Все бросавшееся в глаза, богатое и красивое — это монастырские храмы и благотворительные уч-

[1] С 1894 по 29 авг. 1903 г.
[2] Род. 9 дек. 1865 г.
[3] С 1903 по сент. 1905 г.
[4] С 17 сент. 1905 г.
[5] Проф. М. М. Тареев. «Религиозная жизнь». Т. V. Сергиев Посад, 1911. С. 41.

реждения. Помещения же для сестер — убогие и тесные. Отдельные кельи — только для немногих монахинь. Сестры — а их было до 200 — находили себе пристанище там же, где проходило их послушание: в аптеке, в больнице, в богадельне, в детском приюте, в каком-либо уголке или чердачной каморке.[1] Сама игуменья пользовалась маленькой кельей. И в этой келейке однажды была положена четырнадцатилетняя болевшая натуральной оспой католичка, а в другой раз больная дифтеритом девочка, за которыми сама матушка игумения Анна и ухаживала.[2]

Богослужение в Вировском монастыре совершалось уставно, благолепно, торжественно. Строгое воздержание, смиренная кротость и высокая настроенность отличали всех насельниц. И в благотворительном труде, и в молитве мать Анна шла впереди всех. Она первою приходила в церковь и последнею уходила из церкви; читала и пела на клиросе; не гнушалась никаким трудом, являясь душою своей обители, ее светом и ее безграничным сердцем, желавшим всех обнять и всех приютить.

В жизни Леснянской и Вировской обителей, окруженных католическим населением, выступает еще одна замечательная черта — веротерпимость. Они не делят несчастных на своих — православных и чужих — инославных, или иноверных, но в каждом видят страждущего брата или сестру и одинаково ко всем спешат на помощь, никогда не посягая на их религиозные убеждения, и, благодаря этому, завоевывают глубокое уважение и любовь всего окрестного населения.

Проф. М. М. Тареев рассказывает, со слов католического ксендза, трогательный и поучительный случай.

[1] Проф. М. М. Тареев. «Религиозная жизнь». Т. V. Сергиев Посад, 1911. С. 29.
[2] Там же. С. 97

Этот ксендз был приглашен в Вировский монастырь, чтобы напутствовать Св. Тайнами лежавшую в монастырской больнице католичку. У ворот обители он был встречен толпой монахинь с зажженными свечами. Впереди всех стояла сама игумения Анна. Монахини приветствовали несущего Св. Дары ксендза низким поклоном и с горящими свечами провожали его до постели больной. Ксендз был потрясен виденным.

Близкой по духу и подвигу к этим монастырям была основанная 1910 г. в г. Москве великой княгиней Елисаветой Федоровной[1], родной сестрой императрицы, Марфо-Мариинская община. Эта «белая» — ибо сестры ее не принимали пострига — обитель имела более 40 сестер, которые обслуживали учреждения общины: больницу для бедных женщин, лазарет для воинов на 50 кроватей, амбулаторию, где лекарства выдавались бесплатно, две странноприимницы, трудовой приют на 18 девочек, бесплатную библиотеку[2] и кроме того были постоянными помощницами и посредницами при оказывании беспрерывных благотворений их удивительной настоятельницей — великой княгиней.[2]

Душою этой обители была настоятельница — великая княгиня, отрешившаяся от всякой житейской суеты и в молитве, посте и постриге подававшая высокий пример. Все свое великокняжеское содержание она отдавала на содержание обители и помощь несчастным. Сама занимала скромное помещение, по заповеди Спасителя не имела двух одежд (Мф. 10, 10), питалась скудно, много молилась, много служила больным. Часто занималась иконописью. Собираясь начать новую икону, она

[1] Вдова вел. кн. Сергия Александровича, сына царя — Освободителя.

[2] С. Б. Булгаков. «Настольная книга для священнослужителей». С. 1501.

обычно затворялась в маленькой келье, устроенной в церкви рядом с алтарем, и там в сосредоточенном уединении, молитве и строгом посте проводила 10–15 дней.

В 1918 г. великая княгиня-подвижница была зверски убита в Алапаевске.

Описанный тип женских обителей, посвящавших себя деятельному служению ближнему, в последнее царствование получал все большее распространение. Леснянскому и Вировскому монастырям стали подражать другие женские монастыри и общины. Некоторые из них начинали благотворить с первого же дня своего возникновения и с каждым годом все расширяли эту святую работу. Для примера укажем на Казинскую, Омской епархии, общину, основанную в 1897 или 1898 г. вдовой есаула Анной Васильевной Казиной на ее 120-десятинном земельном участке. Помощницами Казиной стали: дочь офицера Наталия Прокофьевна Панкова и 26-летняя вдова вахмистра Лепехина. Все они потом приняли монашеский постриг, получив имена: Евпраксии, Евстолии и Елиониды.

На другой же год существования общины, как только община обзавелась церковью и нужными жилыми помещениями, эти три подвижницы занялись призрением и воспитанием сирот-девочек. Приютив в августе одну трехлетнюю сироту, они в декабре того же года уже призревали 11 сирот в возрасте от 1 до 10 лет. На третий год у них было уже до 60 душ призреваемых. Община в это время уже имела деревянные помещения для жилья, школу и мельницу. На следующий год в ней появилась большая церковь и двухэтажный корпус с флигелями для портняжной и сапожной мастерских, была устроена пасека и посажен фруктовый сад. Все работы в общине, исключая постройки, производились самими насельницами. Мужчин в общине было всего два: священник и 60-летний мельник. Проходили годы. Игумения давала у себя приют не толь-

ко детям, но и больным, и престарелым женщинам. Детей, призреваемых в монастыре, учили вере в Бога, нравственности, рукоделию, хозяйству, портняжному делу, сапожному мастерству, тканью полотна и ковров. Взрослых своих питомиц община выдавала замуж в хорошие семьи. На место выбывших набирались новые. «И так шел севооборот разумного, доброго, вечного».[1]

Казалось бы, новый тип русских женских монастырей, посвятивших себя служению евангельской деятельной любви, служению несчастному, страждущему брату, должен был бы вызвать и в правящих церковных кругах, и в православной массе благодарность и благословение. Вышло немного иначе.

В православном русском сознании прочно сложился другой идеал монашества — идеал спасения собственной души чрез пост, воздержание и молитву, терпевшей около себя деятельную любовь лишь как нечто второстепенное и необязательное, не как дело, а как «поделие».[2] Нового типа женские монастыри, выдвинувшие на первый план не спасение собственных душ, а спасение близких — любовь, молитвенно, подвижнически действующую, — явились чем-то новым, к которому раньше не привыкли и которое теперь сразу не все поняли. Старые мехи не вмещают нового вина (Мф. 9, 7).

С появлением этих монастырей столкнулись два идеала: идеал отрешения от мира, умертвия, и идеал жизни, обновления и воскрешения мира; идеал приобщения себя к ангельскому чину и идеал спасения малых сих от потери человеческого образа; святой эгоизм и священнодейственное самопожертвование. И Леснянская, и Ви-

[1] Прот. Гр. Яковлев. «Три матери». «Сибирский казак». Харбин, 1934. С. 217–220.
[2] Т. е. второстепенное, незначительное дело.

ровская св. обители, и Княгинин монастырь вызвали множество подозрений, возражений и нареканий, и не только со строны ревнителей не по разуму уставного благочестия, не разумевших ни Писаний, ни силы Божией (Мф. 32, 29), но и от виднейших (nomina sunt odiosa) «стражей дома Израилева», усмотревших в направлении этих монастырей модернизм и чуть ли не измену православно-монашескому идеалу. Даже великокняжеский титул настоятельницы Покровско-княгинина монастыря не избавил его от нападок и обвинений, что доказывают приведенные нами отрывки из ее писем, где она старается оправдать себя и защитить свой идеал. Другим, менее славным настоятельницам доставалось еще больше.

Но победа их была несомненна, ибо идеал будущего — идеал жизни, а не умертвия. Верным доказательством жизненности этого идеала служило то, что, несмотря на короткое время существования, их обители успели привлечь к себе множество искавших подвига, как и найти огромные средства, требовавшиеся для их широкой работы, и, наконец, вызвать подражание во многих других обителях.

О реальных результатах их работы надо ли говорить?

Они спасли множество погибавших душ и еще более утерли человеческих слез. И это, конечно, послужило к славе Православной Церкви.

Сравнительная оценка русских монастырей старого типа и монастырей нового направления

Все русские мужские монастыри и значительная часть женских, разнообразясь в частностях — в распорядках их жизни, принадлежали к одному типу — мона-

стырей созерцательного направления. Целью монашеского подвига в них становилось личное спасение души, а средствами для этого служили пост и молитва, воздержание и послушание.

При всей несомненной важности и необходимости созерцательного подвига для каждого христианина, а тем более для каждого монаха, нельзя признать этот подвиг единственным и исключительным, а обращение всех монастырей в созерцательные — удачным, как нельзя признать и «святой эгоизм», как обычно называли монашескую заботу о личном спасении, высшею христианскою добродетелью. Иисус Христос дал нам пример (Ин. 13, 15), от которого не смеет уклоняться носящий имя Христово и тем более монах, всецело посвятивший себя служению Христу и Его св. Церкви. А Иисус Христос не ограничивался созерцательным подвигом. Не оставляя ни поста, ни молитвы с богомыслием, Он странствовал по всем городам и селениям, где исцелял всякую болезнь и всякую немощь в людях (Мф. 9, 35), насыщал голодных (Мк. 6, 34–43), даже воду претворил в вино, чтобы выручить хозяина из неловкого положения, а для гостей продолжить законное праздничное веселье (Ин. 2, 1–10). Христос призывал к Себе всех утружденных и обремененных, чтобы облегчить их бремя (Мф. 11, 28), и неустанно проповедовал Евангелие Царствия Божия. Из Его сердца все время изливалась на людей благодеющая любовь, а из уст Его — божественное учение. Иисус Христос, не переставая, служил людям, благотворя и уча. Он для того и пришел на землю, «чтобы послужить и отдать душу свою за многих» (Мф. 20, 28).

По учению Иисуса Христа, и жизнь Его последователей должна состоять, кроме познания Бога и общения с Ним, в служении людям (Мф. 20, 26), в служении до самопожертвования (Ин. 15, 13), и в просвещении других светом Христовой истины (Мф. 28, 19). Уклоняющихся от деятельной, сострадательной любви ожидает, по слову Спасителя, тяжкое осуждение на Страшном Суде (Мф. 25, 41–46).

Ограничение монашеского подвига одними созерцательными упражнениями и уклонение монастырей от широкой благотворительной и просветительской деятельности не является ли уклонением от Христова примера тех, которые всецело отдали себя на служение Христу и Его делу?

Но есть в этом вопросе и другая сторона.

Созерцательный подвиг наиболее трудный из всех христианских подвигов. Достойно понести его и достигнуть нужных результатов могут немногие, особые избранники. Требовать от каждого монаха, чтобы он занимался только этим подвигом, равносильно тому, если бы всех грамотных заставить заниматься исключительно философией. И кажется, нигде не открывается такого простора для фальши, лицемерия и всяких злоупотреблений, как в области созерцательного подвига. Контроль тут труден, даже невозможен. Как можно, напр., проверить: усердна или неусердна келейная молитва монаха; чистые или нечистые помыслы обуревают его душу? Едва ли легко проконтролировать и постнический подвиг монаха, ибо не желающий истощать плоть свою может ежедневно необильную монастырскую трапезу келейно дополнять какими угодно ястиями и питиями. Ленивый «созерцатель» может свести свой подвиг к механическому участию в очередном богослужении, а затем — к ничегонеделанию. Так часто и случалось, когда духовный подвиг уступал место духовному прозябанию и кончался полным обленением. В бедных сельских монастырях такое обленение предупреждалось занятостью монахов различными заботами и трудами по ведению монастыр-

ского хозяйства и обработке монастырской земли. Пользы для Церкви от этих трудов получалось немного, ибо приносимые ими плоды шли на содержание самих же тружеников. Все же труды отвлекали монаха от многого непотребного. Но в городских богатых монастырях, где монахи обязаны были заниматься только духовным делом, а материальных средств им предоставлялось в изобилии, для монаха, не чувствующего большой любви к подвижническому житию, предоставлялось много опасностей «утучнеть, отолстеть и разжиреть» (Втор. 32, 15). И неудивительно, что в таких богатых монастырях, как Санкт-Петербургская Александро-Невская лавра, чаще встречались разжиревшие сибариты, которых заслуженный профессор Санкт-Петербургской духовной академии, протоиерей С. А. Соллертинский называл «Божьими свинками», чем истинные подвижники.

Сужение монашеского подвига, ограниченного молением, — точнее, совершением богослужений, — пощением и послушанием, неблагоприятно отражалось и на личном составе монастырей, и на выполнении ими своего высокого назначения.

Если бы каждого вступающего в монастырь, кроме молитвенно-постнических упражнений, ожидало еще жертвенное, до самозабвения, служение страждущему, несчастному брату или серьезный просветительский труд, то ищущие беструдного и безмятежного жития не устремлялись бы туда, а попав, скоро, как это бывало в Леснянском монастыре, улетучивались бы оттуда. А уж польза, приносимая монастырями, и их престиж в обществе возросли бы в чрезвычайной степени. При бывшем же положении дела существование множества русских мужских монастырей, ограничивших свое служение Церкви и народу одним совершением благолепных богослужений, можно было оправдывать, но трудно было

совсем оправдать. Богослужения должны были и могли благолепно совершаться в каждой приходской церкви. Монастыри же должны быть и духовными крепостями, и самыми жизненными центрами церковной жизни, а не только молитвенными домами, хотя бы идеально поставленными, и местами для душевного отдыха.

Односторонность монастырского подвига понижала ценность даже самых лучших мужских монастырей.

На Руси были монастыри и весьма высокого типа, сохранявшие и дух, и строй лучших древних монастырей: Валаамский, Оптина пустынь, Соловецкий и многие общежительные монастыри, где процветало подлинное благочестие и где могла отдохнуть, обновиться и сил набраться человеческая душа. Отшатнувшийся от Церкви граф Л. Н. Толстой, почувствовав приближение смерти, направился в Оптинский монастырь к тамошним старцам. Доселе не выясненная причина помешала ему свидеться с ними. Но и у таких монастырей был один, весьма существенный для нашего времени, недостаток: они были для верующих благочестивых, которые сами к ним шли, а не для более больных — неверующих и нечестивых, которых надо было разыскивать и к ним подходить, как это делал Христос (Мф. 9, 12; Мк. 2, 17 и др.) и св. апостолы. И их — этих монастырей — идеалом было бегство от мира, а не борьба с миром, которую настойчиво требовало и требует наше время. Активная и широкая просветительско-миссионерская деятельность была чужда почти всем русским мужским монастырям; благотворительная работа если и имела в них место, то производилась она далеко не в тех размерах, какие соответствовали бы имевшимся у них средствам и их назначению.

Русские женские монастыри понятнее были миру и больше пользы приносили людям. Их разнообразные мастерские и ремесленные школы, как и прекрасно постав-

ленные во многих из них сельские хозяйства, распространяли среди окружающего населения множество полезных знаний. И житием своих насельниц — их трудолюбием, смирением, молитвенною настроенностью — эти монастыри поучали больше, чем монастыри мужские.

В лучших женских монастырях в последние пред революцией десятилетия явно обнаружился огромный прогресс, притом не только в практической, но и в идейной области, когда они, не ослабляя обычных монашеских подвигов: молитвенного бдения, смирения, поста, послушания и нестяжательности, — особое внимание обратили на благоговейный, с молитвою проходимый, самоотверженный подвиг любви, следуя примеру Небесного Учителя, всецело посвятившего Себя служению людям.

Многие из женских монастырей, как мы видели, достигли в своем развитии такого состояния, которое можно было считать идеальным при устроении монашеского жития. Смеем думать, что в размахе и разнообразии подвижнической работы они не уступали лучшим западным монастырям, а широтою христианской любви, свободной от всякой конфессиональной нетерпимости, может быть, и превосходили их. Кипучая и благородная деятельность этих монастырей была как бы молчаливым протестом против установившегося типа монастырей, ограничивавших монашеский подвиг совершением богослужений, пощением, послушанием и разными услугами монастырю и его хозяйству. Но широкий и возвышенный размах их работы был еще не по плечу монастырям, составленным из простецов, притом не всегда искавших подвига, и прекрасный, чрезвычайно важный для Церкви пример не мог сразу получить нужного широкого распространения. Для нового вина требовались новые мехи (Мф. 9, 17; Мк. 2, 22; Лк. 5, 37–38). В данном случае в первую очередь требовалось коренное

и самое решительное обновление личного монастырского состава чрез устранение негодных элементов, засорявших монастырскую жизнь, и замену их новыми людьми, пригодными для высокого подвига. А затем не излишня была и классификация монастырей по преобладающему роду их подвигов, как это есть в инославных Церквах. Русская Церковь имела полную возможность, чтобы позволить себе и такую роскошь: устроить специальный «ученый монастырь», предоставив ему все возможности для разносторонней ученой работы.

Надо, хоть и с горечью, признать, что русские монастыри дореволюционного времени, как и распоряжавшиеся ими высшие церковные власти, не использовали всех представлявшихся им возможностей и имевшихся у них материальных средств.

Монастырями, прежде всего, ничего не делалось для поднятия образовательного уровня своих же насельников. Монахов-простецов, достигших зрелого возраста, сделать образованными было трудно, но и они могли просветиться и кой-чему поучиться, если бы знающими людьми велись с ними беседы, устраивались для них чтения и даже курсы. Обычно же, кроме житий святых, прочитывавшихся за трапезой, никаких бесед и чтений с монахами не велось; о дальнейшем умственном их развитии никто не заботился. Но кроме таких монахов в общей массе русских монастырей имелся большой контингент юношей-послушников, поступавших в монастырь иногда с десяти-двенадцатилетнего возраста. Среди них встречались на редкость одаренные натуры. Попав в монастырь, они исполняли обязанности келейников, кухонных мальчиков, певчих и т. д., учась монашескому обхождению — поклонам, приветствиям и незаметно впитывали все недостатки данного монастырского жития. Правда, при некоторых монастырях, как, например, при Алексан-

дро-Невской лавре, имелись школы для монастырских мальчиков-певчих. Но это было не то, что требовалось для всероссийской монастырской молодежи. Для нее необходимы были специально монашеские школы — низшие и средние, со своими программами, дисциплиной и всем укладом жизни. Один Бизюков (Херсон.еп.) монастырь мог бы содержать не одну, а несколько таких школ. Другие монастыри могли бы подражать ему. Но ни одной такой монашеской школы в России не было.

Могли бы русские монастыри иметь и свою собственную академию, куда поступали бы окончившие курс духовных семинарий, готовящиеся к монашескому подвигу, как и окончившие курс средней монашеской школы.

Русские монастыри могли бы иметь и специальные высшие богословские курсы для усовершенствования окончивших духовные академии монахов, предназначавшихся к почестям высшего звания.

Но русские монастыри почти никогда не имели даже своих стипендиатов-монахов в духовных семинариях. И это не потому, что уклад тогдашней духовно-семинарской жизни не всегда благоприятствовал упрочению монашеского настроения, а по иной причине: монастыри этим не интересовались, не усматривали нужды в этом. Монахи-студенты духовных академий и вербовались, и выращивались без ведома и участия монастырей и к последним фактически не имели никакого отношения.

Русские монастыри, располагавшие огромными материальными средствами, могли бы стать истинными меценатами русской богословской науки и русских ученых богословов.

Русская богословская наука и ее самоотверженные жрецы чаще испытывали нужду, чем видели избыток. Заграничные, совершенно необходимые для академических профессоров всех дисциплин командировки для русских

профессоров-богословов представлялись, за самыми редкими исключениями, не осуществимыми. Академии и еще более семинарии были крайне ограничены в средствах на выписку книг и пособий. Ученые богословы были затруднены в издании своих сочинений. Уставшие и изможденные за учебную пору, духовные педагоги не знали иногда, где преклонить голову на летнее время, чтобы на лоне природы набраться свежих сил для новых трудов.

Русские монастыри имели полную возможность придти на помощь всем указанным нуждам и даже больше того. Общими усилиями они могли создать какой угодно фонд для выдачи премий за лучшие богословские сочинения, за разработку наиболее тревожных вопросов того времени. Они могли субсидировать не только профессиональных богословов, но и светских ученых — за освещение разных богословских вопросов с естественнонаучной точки зрения. Материальные средства позволили бы русским монастырям иметь собственные ученые кабинеты, лаборатории и даже астрономические обсерватории. Много было и иных возможностей.

Пример Леснянского, Вировского и Покровско-Княгинина монастырей показал, какая высокая филантропическая деятельность могла развиваться в монастырях. Филантропия всегда составляла неотъемлемую часть христианского делания, а в наши дни она в церковной работе в особенности необходима. В огромном большинстве бывших русских монастырей она не получила нужного развития.

Грех русских монастырей не в том только состоял, что узость кругозора, инертность и примитивность их насельников воспрепятствовали им с наибольшей выгодой для Церкви, общества и для себя использовать имевшиеся у них средства, хоть и это был большой грех: по римскому изречению «Frustra habet, qui non utitur» — на-

прасно владеет чем-то не извлекающий из него пользы. Но тут грех неиспользования имеющихся средств усугублялся еще тем, что широкая филантропическая деятельность монастырей непременно привлекла бы к ним неограниченные новые русские средства, ибо — еще раз повторим — русские люди прежнего времени всегда охотно и щедро, не жалея своих средств, откликались на всякое доброе дело, в особенности если оно творилось во имя Божие. Пример тех же Леснянского и Вировского монастырей, начавших свою великую работу не имея никаких денежных средств, блестяще доказал это.

Проявляя большое равнодушие к образованию вообще и к богословской науке в частности, столь же слабо откликаясь на общественные нужды, русские монастыри лишь не жалели своих средств для обеспечения архиерейских кафедр, доводя оклады некоторых архиереев, в епархиях которых имелись богатые обители, до баснословных размеров[1] что уже едва ли было полезно и во всяком случае, едва ли было необходимо.

У русских монастырей было чрезвычайно много возможностей, указанных нами и иных, чтобы послужить Церкви и народу и самим подняться на большую высоту. Совершенно достаточно у них было и материальных средств для осуществления всех таких возможностей. Недоставало лишь сознания, что монастырская жизнь и работа требовали одухотворения, оживления и самого решительного расширения, что время и народные нужды обязывали всех церковных деятелей, в том числе и монастырских, к пересмотру и перестройке ме-

[1] Киевский митрополит, например, при готовой квартире, пропитании, прислуге и всей прочей обстановке, предоставлявшихся ему Киево-Печерской лаврой, получал наличными около 100.000 руб. в год. А председатель Совета Министров в России получал в год 24.000 рублей, без пропитания.

тодов и способов действования, дабы не отстать от жизни и тем более не оказаться обузою для нее. Жизнь безжалостна: все устаревшее и омертвевшее она отбрасывает как негодное и лишнее. К славе приводят вдохновение, самоотверженный порыв, энергия, труд, а не нерадение и косность. Nemo ignavia immortalis factis est — никто леностью не заслужил бессмертия, — говорили римляне. И еще: «Otia dant vitia» — безделие рождает пороки. Все это — вечные истины, к сожалению, постоянно забываемые людьми. Забыты они были и многими монастырями, слабо реагировавшими на настоящее и не прозревшими будущее, пока не грянул гром, разметавший накопленные веками тленные монастырские сокровища, в значительной своей части употребленные потом на разрушение того великого и святого, развитию и укреплению которого призваны были служить монастыри.

Русский монастырский вопрос вопиял о разрешении. Узкомонашеская и во многих монастырях примитивная деятельность не могла ни удовлетворить общество, ни принести нужной пользы Церкви. Она нуждалась и в углублении, и в расширении. В ту пору, когда церковный корабль со всех сторон обуревался грозными волнами, когда для отражения угрожавших Церкви многоразличных опасностей требовалось чрезвычайное напряжение всех церковных сил, — в такую пору монастыри, обязанные быть не только тихими пристанями для убегания от мира, но и мощными крепостями для отражения и посрамления злых элементов мира и орудиями милующей, благодеющей и просвещающей силы Церкви, не должны были замыкаться в рамках «святого эгоизма» и личного духовного подвига. А церковная власть обязана была приложить все усилия, чтобы в наш просвещенный и сугубо опасный для Церкви век св.обители заполнялись не одними простецами, но и людьми, соответствующими ве-

ку развития и культуры, чтобы «просвещенным» козням и нападкам врагов веры и Церкви они могли противопоставлять не менее просвещенные возражения и обвинения, как и показывать миру пример просвещенной, христианской, деятельной любви. В данном случае православным Церквам не следовало бы чуждаться примера западной Церкви, которая в лице своих разного вида и направления монастырей воспитала огромную культурно-просветительскую, ценнейшую для той церкви и грозную для ее противников, силу, распространявшую свое влияние далеко за стенами монастырей.

В сознававших необходимость реорганизации русских монастырей недостатка в России не было. Монастырские неустройства и отсталость смущали одних, вызывали нарекания и ропот других. Недовольные голоса раздавались не только из светского общества, но и из правящих церковных кругов. На Московском Поместном соборе (1917–1918 гг.) было сказано много горьких слов по адресу русских монастырей. И однако реформа их не начиналась, ибо не находилось готовых серьезно взяться за нее. А между тем всякий русский архиерей имел полную возможность в пределах своей епархии произвести такую реформу.

Тут в известной степени сказалась ставшая своего рода болезнью боязнь творчества в области церковных дел. В XVII веке эта боязнь породила крупнейшее церковное явление — русский раскол, восставший против стремления высшей церковной власти усовершенствовать богослужебное дело. Русская Церковь вместе с восточными патриархами осудила раскол. Но основной грех русского раскола продолжал заявлять о себе в русской церковной жизни. Все сложившееся в Церкви, хотя бы и под влиянием ненормальных условий и отлившееся в ненормальные формы, становилось обычным, естественным, как бы выражающим сущность православного бытия. К нему привыкали и с ним мирились даже и те, которые отчетливо представляли себе его отрицательные стороны. Всякие же смелые попытки реорганизовать отсталое, обновить обветшавшее и освежить затхлое, не отвечающее требованиям времени и не служащее к возвеличению Церкви, вызывали протест и всякие обвинения по адресу «новаторов», хотя бы попытки этих «новаторов» диктовались самыми чистыми побуждениями и шли навстречу неотложным, вопиющим нуждам и запросам.

К сожалению, весь уклад русской церковной жизни последнего времени был таков, что в Церкви во множестве воспитывались раболепные исполнители чужой воли, ревностные, иногда до неистовства, охранители status quo, но не борцы и не творцы в духе патр. Никона.

А Церковь без творчества, без постоянного совершенствования форм своей жизни и методов своего действования, при незыблемо-неизменном сохранении своих вековечных догматических основ, преуспевать не может. Не только прекращение, но и ослабление творчества в Церкви знаменует время ее упадка и угрожает ей неприятными последствиями.

Возродятся ли русские монастыри?

Непременно возродятся. Православная Церковь немыслима без монастырей, как немыслимо благоустроенное государство без крепостей, на которые могла бы опираться его вооруженная сила, без курортов и санаториев, где могли бы отдыхать, крепнуть и здороветь уставшие и изможденные, без питомников и оранжерей, где выращивались бы ценнейшие деревья и растения. Монастыри необходимы для Церкви, как центры наибольшего накопления и выявления религиозной энергии и как питомники для выращивания духовных сил, отдающих себя на всецелое служение Богу. Необходи-

мы они и для верующих душ, одни из которых требуют отдыха в отрешенной от житейской суеты атмосфере, а другие ищут полного удаления от мира. Чем тревожнее, тяжелее, мучительнее время, тем более оказывается желающих уйти от мира.

Пережитые и переживаемые русскими людьми ужасы для многих из них обесценили мирскую жизнь и устремили души их к горним высотам. Это сказалось даже в русской эмиграции, где у многих заметно тяготение к монашескому подвигу. Там же, в России, такое тяготение несравненно сильнее и заметнее. И не надо быть пророком, чтобы с уверенностью утверждать, что с предоставлением русскому народу свободы совести начнут быстро размножаться на русской земле монастыри. Конечно, золотом, серебром и драгоценными камнями не будут так, как раньше, сиять их храмы, а прежние огромные богатства, может быть, и никогда не вернутся к ним. Но есть все основания думать, что новые монастыри засияют иным, более ценным светом — очищенными в страданиях душами, высоким религиозным воодушевлением и благословенными подвигами их насельников.

Такая уверенность находит для себя подтверждение в поступающих из Советской России сообщениях, что, с разрушением одних и упразднением других монастырей, монашество, как определенное явление и как потребность христианской души, там не прекратилась: можно убить тело, души не убить (Мф. 10, 28). Разрушены великолепные, богато украшенные и всем снабженные обители, — жаждущие монашеского жития стали укрываться в пещерах, катакомбах, непроходимых дебрях лесов и там совершать свой подвиг.

Великий Гете сказал: «Die Menschheit sehreitet immer fort, und der Mensch bleibt immer derselbe». История поэтому вечно повторяется.

Едва ли совершенно верно утверждение, что монашество явилось протестом против какой бы то ни было связи Церкви со светом и светской культурой.[1] Монашество явилось во время жесточайших гонений на христианскую Церковь, прежде чем последняя вошла в связь с греко-римской державой и тогдашним языческим культурным миром. Уходили от мира, устремляясь в монашество, по разным причинам: одни убегали от языческого нечестия, окружавшего жизнь тогдашних христиан, или от разных соблазнов, проявлявшихся в самом христианском обществе; другие спасались от безумных велений и преследований со стороны предержащей власти; третьи просто находили, что уединение и безмолвие — наилучшие средства для христиански возвышенного воспитания и спасения души.

Прп. Антоний Великий подвизался в одной из кладбищенских пещер, потом в заброшенном военном укреплении, наконец, в удаленной пустыне; прп. Пахомий спасался в Фиваидской пустыне, Аммоний — в Нитрийской, Макарий Египетский — в Скифской, свв. Василий Великий и Григорий Богослов — в Каппадокийской пустыне; основатель Киево-Печерской лавры прп. Антоний — в пещере и т. д. Там, в отдалении от мира, в строгом уединении и непрестанном богомыслии у древних подвижников воспитывался дух и вынашивались идеалы, благодаря которым развилось и во всем христианском мире распространилось монашество.

В раннейшей русско-советской жизни многое благоприятствовало бегству от мира. Преследования верующих, дерзкое и циничное издевательство над Богом и Церковью, развившиеся безбожие и отвратительнейший

[1] Проф. М. Е. Поснов. «История на християнската Църква». София, 1933. С. 533.

развратт, охватившие все слои общества, бесправие граждан, беззащитность каждого и беспрерывные репрессии — все это заставляло мистически настроенных людей, по образу древних подвижников, бежать в горы, леса и пещеры и там совершать свое спасение. Накопленный ими, под влиянием пережитых и переживаемых страданий, религиозный опыт даст нечто новое, которое послужит к лучшему устроению будущего монашества и к большему уразумению православно-христианского идеала.

Многие из этих подвижников, подобно прп. Антонию, дважды (в 311 и 351 гг.) оставлявшему свою пустыню, чтобы посетить г. Александрию[1], выходили из своих убежищ и, странствуя по городам и селам, утешали угнетенных и малодушных, вразумляли заблудившихся и многих спасали. В будущем они станут основоположниками и возродителями многих русских обителей, которые помогут восстановлению праведности на осквернённой тяжкими грехами русской земле.

Огонек монашества на Руси не только теплится, но и все более разгорается, чтобы потом ярким светом засиять пред всем миром, погрязшим в материализме и забывшим великие Христовы заветы.

[1] В первый раз для утешения гонимых, во второй — для обличения еретиков. Благодаря проповеди прп. Антония обратилось ко Христу много язычников и еретиков.

Приход

В 1914 г. в Российской Церкви насчитывалось 41.270 приходов. Каждый приход представлял территориальную единицу с своим приходским храмом и причтом. Последний обязан был удовлетворять все религиозные нужды живущих на данной территории православных людей. Без особого разрешения посторонние священнослужители не имели права в районе этого прихода совершать ни богослужений, ни треб. Нарушения этого правила рассматривались как вторжения в чужой приход и строго карались.

Надо заметить, что территориальные разграничения в России не всегда были удачными и для населения удобными. Оршанский уезд Могилев. губ., например, начинался в 10 верстах от губернского города Витебска и в 160 верстах от своего губернского города. То же явление наблюдалось и в отношении епархий и приходов. Были епархии, как Новгородская, где епархиальный архиерей мог попасть в некоторые церкви своей епархии только чрез территорию соседней епархии. Мы помним деревню, которая находилась в 15 верстах от своей приходской церкви (Дубокрайской, Городок и Вит. губ.) и в 4 верстах от чужеприходной (Хвошнянской). Подобное явление наблюдалось во множестве приходов и создавало для жителей таких деревень большие затруднения. Обыкновенно насельники таких деревень посещали ближайшую чужеприходную церковь и там совершали свои требы: проскомидийные поминовения, молебны, панихиды, в

крайних случаях исповедь и крещение. Но за исполнением «обязательных» треб — венчанием, погребением, служением разного рода молебствий на дому, причащением больных, а также для исповеди и крещения — они обязаны были обращаться к своему приходскому причту, т. е. или посещать свою приходскую церковь или привозить к себе ее причт, что, особенно при осенней и весенней распутице, создавало большие затруднения.

Подобная же неравномерность замечалась и в количественном распределении приходов. Пишущий эти строки начинал свою псаломщическую службу в упомянутом Хвошнянском, Городокского уезда, Полоцкой епархии, приходе. В нем при одном священнике числилось, по исповедной ведомости 1891 г., 5550 прихожан обоего пола. Но в той же епархии имелись приходы с православным населением — 800–900 чел.

В чем же выражалась жизнь прихода? В посещении прихожанами богослужений, совершаемых в приходской церкви, и в отправлении треб у своих приходских священников. Активного же и живого участия в духовной жизни приход не принимал: священно- и церковнослужители назначались независимо от него, в заведовании церковным имуществом, в просветительской и благотворительной деятельности приход не участвовал. Бывали отдельные, мгновенные вспышки приходской жизни: когда требовались большие суммы на постройку или ремонт храма, на сооружение церковной ограды, колокола и т. п., — тогда настоятелем храма собирался церковно-приходской сход, который определял подушную раскладку или изыскивал другие источники средств.

Правда, при многих церквах существовали церковно-приходские попечительства, «Положение» о которых было высочайше утверждено 2 августа 1864 г. По разъяснению Св. Синода (циркул. Указа от 12 окт. 1868 г. № 62), цель попечительства заключалась «в воспособлении Правительству и св. Церкви в поддержании благолепия церковного, в обеспечении служителей ее, в распространении духовного образования, а не в воспрещенном канонами посягательстве на ее достояние». А еще раньше (цирк. ук. Св. Синода от 27 июля 1867 г. ном. 2) Св. Синод признал, что «приходские попечительства не имеют значения самостоятельных, т. е. особых от прихода и приходской церкви установлений», и потому отказал им в праве иметь особую печать. И первый, и второй указы показывают, что Св. Синод с некоторой опаской относился к возможной деятельности попечительства.

Попечительства размножались довольно успешно. В 1912 г. их было в Православной Русской Церкви 19750[1] — они, таким образом, имелись почти в половине приходов.

Но в общем деятельность их была весьма незначительной. В 1912 г. всеми (19750-ю) попечительствами было израсходовано: а) на поддержание и украшение церквей 3.401.572 руб.; б) на школы и благотворительные учреждения — 794.348 руб.; в) на содержание причтов 307.464 руб., всего 4.503.384 руб.[2] В среднем, значит, в 1912 г. одно попечительство расходовало на школы и благотворительные учреждения немного более 40 руб., а на помощь духовенству немного более 15 руб.[3]

Приходские попечительства, как некий благотворительный придаток к приходским церквам, не могли оживить приходской жизни. Поэтому и после введения при-

[1] В 1868 г. их было 5327.

[2] В 1868 г. было израсходовано: а) 364.851 руб., б) 90.243 руб., в) 19.008 руб., — всего 474.102 руб., — почти в 10 раз меньше.

[3] В. Введенский. «Приходские попечительства при православных церквах». Церковные ведомости за 1914 г. № 50–52.

ходских попечительств не переставали раздаваться голоса о необходимости устройства приходских обществ. В 1860-х годах Д. Ф. Самарин посвятил этому предмету несколько статей. На епархиальных съездах с 1869 г. то и дело подымались вопросы о том же.[1] Но дальше разговоров дело не шло — приход оставался в прежнем положении. Усиленно заговорили об оживлении прихода в 1905–1906 гг., когда над Россией и Церковью разразилась первая революционная гроза; когда начался решительный поход не только против государственной власти, но и против Церкви; когда, по свидетельству Могилевского епископа Стефана, «в каждой деревне начали рыскать, как лютые волки, разные агитаторы-социалисты, анархисты, безбожники», которым не в силах был противостоять один священник; когда хулиганство проникло в деревни, в школы и даже в храмы[2]; когда, кроме того, опасность начала угрожать Церкви и с другой стороны — от Государственной Думы, в 1906 г. заговорившей об отнятии церковных и монастырских земель. Тогда многие поняли, что ни приходским священникам, ни церковной власти собственными силами не преодолеть опасностей, что Церкви в такую пору надо опереться на более реальную и живую силу, какою может быть только приход. IV отдел Предсоборного Присутствия в это время настаивал на необходимости оживления церковной жизни. «Нашею задачею, — заявлял председатель этого отдела еп. Стефан, — было оживление церковно-приходской жизни, привлечение к живому участию в общем церковном деле всех членов Церкви, в том числе и мирян, привлечение всего тела Христова к полноте жизни во Христе, объединение всех в

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. II, 407.
[2] Там же. III, 352.

дружной совместной работе на ниве Христовой... Оставление прихода in statu quo, так, как было раньше, было бы с нашей стороны не только тем банкротством, в котором нас обвиняют, но и прямо делом зловредным».[1] Еп. Стефан тем более считал необходимым привлечение мирян к приходской деятельности, что, по его убеждению, «стихийного движения мирян к участию в церковной жизни не было возможности остановить».[2] Член Предсоборного Присутствия Н. П. Аксаков в мертвенности прихода видел величайшее несчастие русской Церкви. «Прежде всего, — говорил он, — наша задача внести в Церковь оживление. Но пока не существует прихода как единого целого, все наши попытки оживления Церкви будут напрасны. Без прихода не может быть ни благочинных собраний, ни епархиальных собраний. Не может быть вполне плодотворною и сама деятельность епископа, ибо и епископ опирается на приход — этот краеугольный камень всей церковной жизни... Защита Церкви, апология Церкви безусловно нужна... А эта защита и эта апология прежде и лучше всего может исходить именно из прихода».[3] Архиеп. Финляндский Сергий в допущении мирян к заведованию церковным имуществом видел лучшую гарантию безопасности этого имущества. «Если, — говорил он, — им (церк. имуществом) будет владеть и распоряжаться только церковная власть, общество может оказаться совершенно равнодушным, когда церковному имуществу будет угрожать опасность... Иное дело, если бы этим имуществом владел народ». Это говорилось по поводу готовившегося за несколько месяцев пред тем в Государственной Ду-

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. III, 352, 351.
[2] Там же. III, 353.
[3] Там же. III, 359.

ме проекта об отобрании церковных имуществ. Голоса с мест взывали о том же. Епархиальный собор Курской епархии в полном составе, т. е. при архиерее и его викариях, с участием клира и мирян, происходивший в конце октября и начале ноября 1905 г., прямо высказывался о желательности «возможно скорого возбуждения ходатайства относительно выработки положения о православном приходе».[1] «Для оживления приходской жизни, — писал один преосвященный, — необходимо вызвать интерес к ней со стороны прихожан чрез предоставление им возможно больших прав на участие во всех сторонах приходской жизни.[2] Новгородская комиссия, в составе духовных и светских лиц под председательством викарного епископа, пришла к заключению, что ненормальное состояние прихода привело его к упадку, ибо отнята его душа — «церковная свобода, самостоятельность, право участия его в церковных делах, выражающееся в избрании при известных условиях себе пастырей и в заведовании и распоряжении под руководством епископа церковной кассою».[3]

Оживлению приходского вопроса в особенности способствовал знаменитый закон 17 октября 1906 г. о свободе вероисповеданий. По этому закону состоящая из 50 и более человек сектантская или старообрядческая религиозная община получала право на регистрацию. Зарегистрированной общине предоставлялись все права юридического лица: избирать себе наставников, сооружать себе молитвенные дома и иные помещения, учреждать богоугодные заведения и даже школы, приобретать недвижимые имущества (впрочем, на сумму

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. IV, отд. 4, 124.

[2] Отзывы епарх. преосвященных по вопросам церковной реформы. Ч. I, № 12. С. 164.

[3] Там же. Ч. II, № 34. С. 191.

свыше 5.000 руб. с высоч. соизволения), отчуждать эти имущества, образовывать капиталы, заключать договоры, вступать в обязательства, искать и отвечать на суде.

После этого закона сектантские и старообрядческие общины оказались в несравненно лучшем положении, чем православные приходы: они могли теперь а) организовываться, б) выбирать себе наставников и в) пользоваться правом юридического лица, — всего этого лишен был православный приход. Его организация откладывалась до собора, другими словами, ad calendus graeras, ибо никто не мог сказать, когда соберется собор. Естественно, что вопрос о православном приходе начал еще сильнее беспокоить и церковные круги, и вообще верующих людей. Казанский отдел Русского Собрания отношением от 2 ноября 1906 г. за № 111 просил обер-прокурора Св. Синода обратить внимание на то «поразительное» обстоятельство, что старообрядческие общины в настоящее время имеют гораздо более гражданских прав, «чем православные приходы», — ввиду этого надо немедленно сравнять в правах церковно-приходские советы господствующей Церкви[1] с инославными общинами, «хотя бы во имя справедливости, если у высшего Русского Правительства не имеется иных мотивов к уравнению православных со старообрядцами в гражданских правах».[2] Н.Д. Кузнецов заявлял в Предсоборном Присутствии: «Православная Церковь обижена; дайте поскорее нашему приходу, хотя бы во имя справедливости, то, что получили старообрядцы и сектанты по закону 17 октября 1906 г., — вот, что нередко

[1] Правила о церковно-приходских советах и приходских собраниях были введены определением Синода от 18.11.1905 г. Советам было предоставлено право ведения приходских дел, как просветительных, так и хозяйственных и благотворительных. Это был шаг вперед, но не разрешение вопроса.

[2] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. IV, отд. 4, 91.

приходится слышать теперь кругом, и притом от многих лиц, расположенных ревновать о благе Православной Церкви».[1] Большинство членов IV отдела Предсоборного Присутствия были склонны ввести нормальный приходской Устав, не дожидаясь собора.[2]

Предсоборное Присутствие с большим рвением отнеслось к приходскому вопросу. IV отделом Присутствия был составлен «нормальный устав православных приходов в России» из 109 параграфов[3], дополненный и измененный потом на заседаниях отдела 8, 13, 15, 22, 25 и 29 ноября 1906 г.[4], а затем рассмотренный и измененный в общем собрании Предсоборного Присутствия.[5] Параллельно с нормальным уставом был предложен Предсоб. Присутствию сепаратный проект проф. И. С. Бердникова.[6]

Казалось бы, вопрос о православном приходе приближался к благоприятному концу. Составленный столь компетентной организацией, как Предсоборное Присутствие[7], нормальный приходский Устав оставалось Синоду ввести во всех православных церквах, чему, конечно, не воспрепятствовала бы верховная власть. Вышло однако по-иному. Смолкла революционная гроза. Острая опасность для Церкви как будто миновала. Церковь опять почувствовала себя под опекой сильной государственной

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. IV, отд. 4, 92.

[2] Там же.

[3] Там же. II, 83–95.

[4] Там же. Дополнения и изменения. III, 268–270.

[5] Там же. III, 281–386.

[6] Там же. III, 387–412.

[7] Открывшееся в марте 1906 г. (Журн. и проток. Т. I. С. 1). В него входили три митрополита и самые выдающиеся иерархи того времени: архиепископы: Димитрий Херсонский, Сергий Финляндский, Иаков Казанский, Никандр Литовский, Арсений Новгородский, Антоний Волынский, еп. Стефан Могилевский, обер-прокурор и его товарищ, все наши канонисты и выдающиеся представители духовной профессуры, духовенства и мирян.

власти. И церковная власть успокоилась. Не отрекаясь совсем от приходского вопроса, Св. Синод перестал заниматься им. Постоянные с разных сторон напоминания о нем не изменяли дела. О необходимости организации прихода от времени до времени заговаривали в Государственной Думе, как и в печати. Среди иерархов нашелся один ярый сторонник устроения прихода — епископ (потом архиепископ) Серафим (Чичагов), который неутомимо и в Синоде, и в обществе пропагандировал идею о необходимости оживления церковной жизни и, как о главнейшем средстве для этого — организации православного прихода. Еще более ревностным поборником приходской идеи оказался А. А. Папков, б. Тавастгудский губернатор, а в 1906 г. — член Предсоборного Присутствия. Не ограничившись помещением в печатных органах целого ряда статей о приходе, он, совместно с другим идейным поборником организации прихода, Иоасафом Всевол. Никаноровым, сделал опыт, не дожидаясь синодальных соизволений, организовать приход. Объектом своим они избрали Суворовскую при Николаевской Академии генерального штаба церковь (в Санкт-Петербурге). Официального прихода эта церковь не имела, считаясь академическою. Но, как то нередко случалось с петербургскими неприходскими церквами, при ней сгруппировалось немало верующих людей, составивших сильный, хоть и негласный, приход. В 1910 г. тут и начата была организация православного прихода по рецепту А. А. Папкова и И. В. Никанорова. Развиться организации, однако, не удалось, так как настоятель этой церкви, с которым инициаторы повели работу, получил иное назначение.

Надо упомянуть еще об одном своеобразном выступлении в пользу организации прихода — это о выступлении в 1916 г. Санкт-Петербургского митр. Пити-

рима в газете «Новое Время». В то время в обществе все чаще и чаще начали высказываться недоумения: почему Св. Синод медлит с приходским вопросом. Митрополит Питирим, как член Св. Синода, мог выступить в самом Синоде с решительным предложением довести до конца приходской вопрос. Но митр. Питирим был человек карьеры, шума, а не дела. Деловитое, но скромное выступление в Синоде не могло удовлетворить его. Ему надо было выдвинуть себя, обратить на себя внимание и общества, и Царского Села, показать, что, когда Св. Синод спит, он один бодрствует. Помещенная им статья не вполне согласовалась с истиной и была оскорбительна для Синода. Пользы делу принести она не могла и, как мы уже видели, окончилась большим конфузом для автора.[1]

Естественно, возникает вопрос: почему же Синод не хотел довести до конца приходской вопрос, когда Предсоборное Присутствие подготовило все к его разрешению, а жизнь на каждом шагу вопияла об его разрешении? Для каждого внимательно вглядывавшегося в тогдашнюю народную жизнь и серьезно вдумывавшегося в необходимую для того времени церковную работу должно было быть совершенно ясно, что одинокой, хотя бы и идейной и талантливой работы священника в своем приходе недостаточно, что необходима группировка около него всех благочестивых и церковно настроенных приходских сил, привлечение к стоянию на страже церковной всех, кому дороги интересы Церкви как Царства Божия на земле. С умножением врагов должны были умножаться и защитники. Психология же человеческая в большинстве случаев

[1] См. выше. Стр. 90–100.

такова, что, чтобы человек стал работать около Церкви и для Церкви, его надо заинтересовать делом, привлечь к делу, обязать его долгом, возложить на него ответственность. В церковной жизни не раз приходилось наблюдать явление, что даже индифферентные, почти безразличные к Церкви люди, будучи привлечены к церковной работе, заинтересовывались ею и становились потом усердными и полезными церковными деятелями. Сущность приходской реформы к тому и сводилась, чтобы около приходского священника объединить наиболее преданных Церкви, деятельных, горячих, дабы они служили его опорой, его помощниками в церковной работе.

Но само собою понятно, что нельзя налагать на деятеля одни обязанности, не предоставляя ему прав. И нормальный Устав предоставлял приходским собраниям и приходским советам значительные права по управлению церковным имуществом и заведованию другими делами прихода. Предоставление же прав мирянам ограничивало права не только приходских священников, но и, в известном отношении, владык и даже самого Синода, которые до того времени являлись полномочными распорядителями церковных достояний. Боязнь мирского засилья в Церкви, боязнь, что «участие мирян в церковной жизни грозит разного рода опасностями для Церкви»[1], — вот что восстанавливало против организации прихода многих пастырей и архипастырей. Еще в Предсоборном Присутствии приходилось доказывать неосновательность такой боязни и даже канонически разъяснять, кто же в Православной Церкви является распорядителем церковного имущества. Так, проф.

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. III, 355.

Н. А. Заозерский ссылками на каноны 10 и 12 правил Феофила Александрийского и на 2 прав. Кирилла Александрийского доказывал неканоничность установившегося в Русской Православной Церкви неограниченного права епископа распоряжаться церковным имуществом. «Каноны, — говорил он, — ясно говорят, кто есть хозяин церковного имущества и кому из духовных учреждений принадлежат права юридического лица. Субъекты права собственности на церковное имущество, по христианской и языческой теориям, различны. По христианскому учению, имущество церковное есть имущество нищих, по языческому же верованию собственником такого имущества является бог языческий. Признавать, что распорядитель церковного имущества есть епископ — точка зрения языческая. По воззрениям язычников, бог языческий требует жертвы; по христианскому понятию, Бог лишь допускает и принимает благочестивые жертвы. С возникновением христианства указанная языческая теория вошла в христианство, проникла в Кормчую Книгу, а засим утвердилась в нашем религиозном сознании».[1]

Нельзя отрицать того, что приток новых сил на поле церковной работы должен был осложнить дело церковного управления и не мог не приносить иногда некоторых огорчений церковным властям. Но все «опасности», которыми он угрожал Церкви, в бесконечной степени компенсировались бы теми выгодами, которые должны были получиться от оживления, объединения и согласованной работы доселе находившихся в мертвенно-бездейственном состоянии приходских сил. А главное, время настойчиво

[1] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. IV, отд. 4, 103—104.

требовало такого оживления и объединения. Это доказала действительность. Когда после революции Церковь и духовенство лишились всех прав и имуществ, раньше предоставлявшихся им государством, и для них потребовались иные опора и поддержка, православные приходы начали организовываться сами собою, оказавшись затем действительно единственной надежной и сильной опорой Церкви. Конец приходскому вопросу был положен собором 1917–1918 гг. Собор выработал Положение о приходе и узаконил существование прихода.

Остается сказать несколько слов о выработанном Предсоборным Присутствием «проекте нормального Устава православных приходов в России». Проект точно определял как идею православного прихода, так и его обязанности и представлявшиеся ему возможности. «Назначение прихода — по нему — состоит в том, чтобы православные христиане на всяком месте жительства соединялись в одну церковную общину при своем приходском храме и при посредстве церковного клира имели общение в молитвах, таинствах и христианском учении, ВЗАИМНО СОДЕЙСТВУЯ ДРУГ ДРУГУ В ДОСТИЖЕНИИ СПАСЕНИЯ ЧРЕЗ ДОБРУЮ ЖИЗНЬ И ДЕЛА ХРИСТИАНСКОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ И БЛАГОТВОРЕНИЯ» (пар. 1).

Для такого содействия «из прихожан обоего пола, особенно ревнующих об охране чистоты веры от заблуждений или о распространении духовного просвещения и о доброй жизни, в приходах составляются кружки: миссионерские, просветительские, благотворительные и общества трезвости» (пар. 11). «Из девиц и вдов, достигших сорокалетнего возраста и всецело посвятивших себя на служение Христовой Церкви в своем приходе, некоторые, по ходатайству настоятеля церкви, могут быть возводимы епископом в звание диаконисс по примеру древней Церкви. Обязанности их определяются особыми ин-

струкциями» (пар. 12).[1] Проект предоставлял право приходам «открывать или особые профессиональные школы, напр.: земледельческие, сельскохозяйственные, ремесленные и др., или же дополнительные классы при церковно-приходских школах — общеобразовательные и профессиональные» (пар. 25), а также «учреждать церковные библиотеки для народного чтения, открывать читальни и воскресные школы и пользоваться другими способами для распространения духовного просвещения» (пар. 26), а для призрения сирых, убогих и престарелых «устраивать приюты, богадельни, ясли и другие благотворительные учреждения», причем с целью более успешной благотворительности, приходы могли объединяться» для устройства общих просветительских, благотворительных и хозяйственных учреждений» (пар. 27 и 48) и т. д. Высшая распорядительная власть в приходе предоставлялась приходским собраниям, на которых должны были обсуждаться и решаться все главнейшие вопросы и нужды приходской жизни (пар. 33–34) и которые должны были изыскивать меры к воздействию на население прихода для возвышения его нравственно-религиозной жизни и искоренения в приходе господствующих пороков (пар. 40). А для борьбы с проникающими в приход или уже с существующими в приходе вредными противорелигиозными и сектантскими учениями, в случае надобности, приходам предоставлялось право учреждать миссионерские кружки из ревнителей веры, сестер и братчиков, библиотеки с читальнями, любительские церковные хоры, общество трезвости и пр. (пар. 42, 43, 94).

[1] Инструкцией (Журн. и проток. Т. II, 102–104) указывались следующие обязанности диаконисс: они заботятся о чистоте в храме, по содержанию облачений, утвари и вообще радеют о благолепии храма (пар. 3); наблюдают за поведением в храме женщин и детей; содействуют поддержанию порядка при богослужении (пар. 4); прилагают усердное попечение о научении неведающих христианского учения, особенно женщин, готовящихся ко св.крещению, и о вразумлении заблуждающихся (пар. 5); помогают священнику в делах благотворительности: изыскивают средства, посещают квартиры и облегчают тяготы несчастных (пар. 6). Подвиг диаконисс — добровольный и безмездный (пар. 12). Не достигшие 40 л. возраста вдовы и девицы допускаются к подобной деятельности, без особого посвящения, в звании церковниц (пар. 11).

В целях взаимодействия к поднятию общего экономического благосостояния прихода приходскому собранию предоставлялось также право заводить кассы — похоронные, ссудные и кассы взаимопомощи и для бедных невест, устраивать образцовое хозяйство, приобретать сельскохозяйственные орудия для общего пользования (пар. 46) и т. д. и т. д. Словом, полномочия приходского собрания простирались на все стороны приходской жизни — религиозную, моральную, экономическую. Возвышение приходской жизни во всех отношениях — вот к чему должно было стремиться приходское собрание.

Но приходское собрание только принимало решения. Исполнительным же, беспрерывно действующим органом являлся Приходской Совет, избиравшийся приходским собранием на 3 года в составе 12 лиц (пар. 83–84).

Особенностью проектируемого прихода было еще то, что он становился хозяином всех церковных и причтовых капиталов, кроме причтового прихода, которыми он распоряжался чрез свой Приходской Совет (пар. 28). Кроме того, каждый приход получал право юридического лица и мог на имя церкви и на свое имя приобретать недвижимые имущества, не испрашивая на это разрешение епархиальной власти, за исключением таких случаев, когда на покупку надо было употребить церковные суммы в размере, при котором требуется разрешение епарх. начальства[1], и приходские суммы свыше 10.000 руб. (пар. 29).[2]

[1] Т. е. для сельских храмов 150 руб., для городских 300 руб. (пар. 28).

[2] Раньше приходы прав юридического лица не имели.

Если бы не были известны имена членов Предсоборного Присутствия, разрешивших приходской вопрос, то можно было бы подумать, что цитированный «проект нормального устава» списан с натуры — с упомянутого нами[1] Киселевского прихода, в 90-х годах прошлого столетия блестяще сорганизованного идейным и талантливым пастырем о. Митрофаном. О. Митрофан, независимо от всяких уставов, нашел способы и средства создать, можно сказать, идеальный, нужный Церкви и народу приход, вызвав к религиозно-нравственной, просветительской и хозяйственно-экономической деятельности, на общую пользу, лучшие силы своей церковной общины. Успех начинания о. Митрофана оказался блестящим. Ранее морально распущенный, экономически убогий, Киселевский приход начал с поразительной быстротой расцветать во всех отношениях. В 1905–1906 годах[2] он уже мог служить показательным примером того удивительного возрождения русской деревни, к которому могла привести разумно организованная приходская жизнь. Жутко вспоминать, что работа о. Митрофана не вызывала ни подражания у равных, ни одобрения у старших. Собратья-пастыри смотрели на него как на беспокойного новатора, а церковные власти его не замечали. Шаблон и рутина заедали жизнь, душили проявления животворящего духа. Начинания, подобные начинанию о. Митрофана, были лишь отдельными и случайными вспышками, которые, однако, ясно показывали, что могла сделать организация церковных приходов, если бы она настойчиво и разумно была проведена по всей русской земле.

[1] См. выше. Стр. 206.

[2] Когда Предсоб. Присутствие вырабатывало приходской устав.

В Государственной Думе, как это всем известно, не было недостатка в резких выпадах и тяжких обвинениях по адресу Русской Православной Церкви, вернее — ее управления. Многие из таких обвинений диктовались принципиальной ненавистью к Православной Церкви известных членов Гос. Думы. Но другие вызывались и иными побуждениями. Докладчик по смете Св. Синода Е. П. Ковалевский откровенно говорил: «Необходимо было, чтобы в сознание тех, которым это ведать надлежит, проникла идея неизбежности реформ. Формулировать эту идею мы стремились по разным поводам и в разных выражениях, и мы надеемся, что она достигла своего назначения. Нам думается, что эти положения сыграли роль бродильного начала и вызвали некоторое движение синодальных сфер».[1] Знаменательнее заявление представителя Церкви еп. Евлогия, который политику думского центра объяснял таким образом: «Быть может, думские ревнители церковных преобразований вторгались так настойчиво в неподлежащую им область церковного управления, даже вопреки ими же признаваемым принципам невмешательства, только потому, что мало видели внутри Церкви движения в сторону этих необходимых преобразований, что этими внешними, довольно, может быть, грубыми толчками они побуждали церковное управление пойти, скорее, по пути преобразования своих учреждений... Одним словом, они хотели использовать эту думскую трибуну для того, чтобы вызвать внутри Церкви ряд назревавших преобразований»[2] Первым и главнейшим из таких преоб-

[1] Е. П. Ковалевский. Засед. 64, 23.II.1911.

[2] «Церковные Ведомости». 1914 г. № 49. С. 2036–2037.

разований и в Думе? и в обществе тогда считалось преобразование прихода. К великому сожалению и несчастью для Церкви? именно возглавлявшие Церковь равнодушнее всех относились к церковным преобразованиям: одни из них совсем не видели нужды в них, другие, хоть и сознавали их необходимость, не торопились с ними. И все почти жили под страхом грядущего засилья мирских элементов.

Некоторым коррективом к столь неблагополучно разрешавшемуся приходскому вопросу служили образовавшиеся при некоторых церквах братства.

В основе церковных братств лежала та же идея, что и в основе организованного церковного прихода: привлечение верующих мирян к дружной, братской работе в православно-церковном духе.

Появление братств на Руси относят к глубокой древности. В Ипатьевской летописи под 1159 г. говорится о приглашении полочанами князя Ростислава «в братщину на Петров день, ко св. Богородице, к старей». О братчинах же упоминается в Новгородской былине о Василии Буслаевиче и в былине «Садко, богатый гость». Правда, упоминаемые братчины означали пир, устроенный в складчину в дни больших праздников. Но скоро, под влиянием угрожавших Православной Церкви и русской народности опасностей, братчины начали приобретать характер организованных церковно-общественных учреждений для служения Церкви Божией. Первыми в этом духе братствами были: Львовское, основанное около 1439 г., и Виленское «кушнерское» (т. е. скорняков), возникшее около 1458 г. Оба эти братства на первых порах ограничивали свою деятельность светским общением, взаимной помощью и поддержкой их членов. Но со второй половины XVI в., когда началось в Польше систематическое

преследование православных со стороны вдохновлявшегося иезуитами польского общества, западные братства, не прекращая своей церковно-благотворительной деятельности, расширили рамки своей работы, превращаясь в религиозно-оборонительные союзы, с целью защиты Православной Церкви и русской народности от католицизма и полонизма. В это время возникает целый ряд новых братств: Богоявленское в Киеве (1588 г.), Николаевское в Бресте (1591 г.), Анненское при Петропавловском соборе в Минске (1592 г.), Богоявленское в Бельске (1594 г.), Спасское в Могилеве (1597 г.), Крестовоздвиженское в Луцке (1617 г.), Богоявленское в Пинске (1633 г.) и др. С конца XVII в. братские учреждения под влиянием разнообразных причин начинают падать и исчезать. В начале XIX в. деятельность братств прекращается.

Возродились братства в 60-х годах прошлого столетия — в западном крае под натиском новых туч, собиравшихся там над Церковью при возникших беспорядках от польских мятежников и напоминавших прежние унижения православия и западно-русского народа, а в центре и на окраинах России — вследствие усилившегося радикального движения, стремившегося освободить личность от всяких «религиозных, бытовых и семейных пут», а общество — от «гнета» правительства и государства. Интересно указать первых инициаторов восстановления братств. В 1862 г. в Киевской еп. был опубликован составленный применительно к условиям того времени устав для братств. В следующем, 1863 г. такой же устав для церковных братств Минской епархии был напечатан в минских Епархиальных Ведомостях. А 8 июля 1863 г. прихожане Успенской церкви в г. Людине (Полоцк. еп.) решили учредить братство, поставив целью широкое и деятельное участие мирян в делах Церк-

ви — поддержание православия и Православной Церкви, бедных прихожан, богадельни и училища.[1]

8 мая 1864 г. были высочайше утверждены правила учреждения православных братств. С этого времени начинается их размножение и развитие. В 1893 г. существовало 159 братств с 37.642 братчиками, с ежегодным доходом до 800 т.р. и неприкосновенным капиталом свыше 1,5 млн. руб.

Деятельность братств, в целой ее совокупности, распадалась на четыре группы: 1) религиозно-просветительская деятельность заключалась в заботах а) о просвещении детей и б) просвещении взрослых; 2) миссионерская деятельность распределялась на а) противораскольническую и противосектантскую, б) просвещение и обращение к истинной вере инородцев; 3) благотворительная – осуществлялась путем а) устройства разного рода благотворительных и богоугодных учреждений и б) оказания материальной помощи неимущим, сирым, бедным, немощным и убогим, а также, в частности, ученикам духовных училищ; 4) церковно-благоустроительная — заключалась в заботах а) о благолепии храмов, построении таковых, помощи бедным причтам, поддержании в порядке кладбищ и т.п. и б) о благолепии совершения богослужения по церквам.

В 1914 г. русских православных братств было более 700. Многие из них имели свои школы — обыкновенные

[1] Заслуживает внимания отношение к этому братству, с одной стороны, общества, а с другой, представителей власти: в братство охотно записывались не только местные жители, но и заинтересовавшиеся его программой петербуржцы. А в это время военный начальник майор Кошелев и Витебский губернатор Веревкин высказали недовольство этим учреждением, требуя, чтобы братство круг действий своих строго ограничивало одною материальной поддержкою людинской церкви, не касаясь ничего выходящего из сего назначения. Полоцкий архиеп. Василий вынужден был просить обер-прокурора Св. Синода, в январе 1864 г., об оказании защиты братству (В. Введенский. «Православные церковные братства». «Церковные Ведомости», № 17, 1914 г.)

и миссионерские, вели богослужебные собеседования, а также публичные религиозно-нравственные и исторические чтения, распространяли посредством бесплатной раздачи книги и брошюры религиозно-нравственного содержания. Иные (как Киевское Владимирское, Тамбовское Богородицкое, Серафимовское и Кишиневское Хр.–Рождественское) развивали собственную издательскую деятельность. Другие имели свои библиотеки и читальни. В особенности заслуживала внимания благотворительная деятельность некоторых братств. Например, Санкт-Петербургское братство во имя Царицы Небесной имело приют для детей идиотов и эпилептиков, призревавший до 450 несчастных детей; Тамбовское крестовоздвиженское братство содержало училище для слепых; Ставропольское Андреевское — столовую, убежище и дом для беспомощных и т. д. Многие сельские братства начали обращать особенное внимание на развитие приходской благотворительности. При 15 же приходских церквах Толстовской епархии были основаны женские или сестринские братства, участвующие в коих навещали больных, ухаживали за ними, собирали необходимые средства на погребение неимущих умерших и т. д.

Во внимание к особым условиям деятельности западно-русских братств Св. Синод оказывал им ежегодное пособие по 250 руб. на каждое. Некоторые из братств состояли под покровительством императора, императриц и др. высочайших особ.[1]

Такова, в самых кратких словах изложенная, история возникновения, развития и деятельности православных русских братств. Она показательна не только для изображения проводившейся в Русской Православ-

[1] «Церковные Ведомости», 1914 г. № 18–19. С. 845–856; № 20. С. 903–913.

ной Церкви работы. Она, кроме того, свидетельствует о непрекращающемся в Православной Церкви сознании необходимости привлечения мирских сил к церковной работе, особенно обострившемся в трудные периоды церковной жизни. Фактически братства пытались исполнять ту работу, религиозно-просветительную, миссионерскую и благотворительную, которую должен был выполнять каждый приход, группируя для этого все свои силы. Но 700 братств не могли сделать того, что было под силу 47000 приходов. Братства напоминали собою составленный из добровольцев отряд, но не регулярную армию, и тем более, не вооруженный народ. Их деятельность была почтенна и полезна, но для данного времени совершенно недостаточна. И ее недостаточность вопияла о скорейшей организации православного прихода.

Русская Православная Церковь в ее отношении к инославным исповеданиям

В дореволюционной русской жизни было обычным явление, что инославные христиане так сближались с православной средой, что почти сливались с нею. Это в особенности можно было наблюдать в армии и флоте. И в армии, и во флоте не было ни одной части, где бы не служило несколько немцев, поляков, латышей и т. д., не принадлежавших к Православной Церкви. Воинские чины — протестанты, католики, кальвинисты — не только солдаты, но и офицеры, наряду с православными аккуратно посещали свою полковую православную церковь, относясь к ней именно как к своей, соблюдали православные праздники и обычаи; в военное время пред сражениями даже офицеры нередко исповедовались и приобщались у полковых — православных — священников; полковые командиры из инославных христиан сплошь и рядом проявляли исключительную заботливость об украшении полковых храмов и старались оказывать всякое содействие священнику в его пастырской деятельности.

Бывали случаи, когда полки избирали в ктиторы полковой церкви неправославных офицеров. В 1880–1890-х годах ктитором военной церкви в г. Павловске (около С.-Петербурга) состоял капитан К. П. Фан-дер-Флит[1], про-

[1] Потом генерал-адъютант, помощник Главнокомандующего войсками С.-Петербургского военного округа.

тестант, набожный и преданный Православной Церкви человек. В августе 1913 г. командир одной из стоявших близ г. Владивостока воинских частей от имени офицеров просил протопресвитера военного и морского духовенства утвердить ктитором их церкви избранного офицера-лютеранина, как наиболее любящего церковное дело. Просьба была исполнена. Даже офицеры-магометане, вопреки принятому представлению о магометанской нетерпимости к прочим верам, старались не отставать от своих православных товарищей в посещении полковых богослужений и иногда проявляли трогательное внимание к Православной Церкви. Командир лейб-гвардии конного полка, генерал Хан Нахичеванский[1], магометанин, подобно капернаумскому сотнику-язычнику, построившему евреям синагогу (Лк. 7, 2–5), соорудил на свои средства в Красносельском лагере для своего полка прекрасный лагерный храм. Артиллерийский генерал-лейтенант Али-Ага Шихлинский, бывший в царской Ставке помощником вел. кн. Сергия Михайловича по артиллерийской части, аккуратно посещал богослужения штабной церкви. То же делала и его жена, дочь кавказского мусульманского муфтия. Оба они всякий раз ставили свечи: она — пред иконой Божией Матери, а он — пред иконой святителя Николая. Приезжая в какой-либо город, они прежде всего направлялись в православную церковь, чтобы там поклониться пред этими иконами и возжечь пред ними свечи. Высокая порядочность, скромность и редкое благородство генерала Шихлинского исключали всякое подозрение в его желании кому-то этим понравиться. Подобных примеров можно было бы привести множество.

[1] Во время великой войны генерал-адъютант, командир гвардейского конного корпуса.

Строгие законники, слепо следующие девизу — «fiat justitia, pereat mundis», могут увидеть в некоторых из приведенных примеров попирание церковных канонов, прикосновение к святыне нечистыми руками. В действительности же тут происходило объединение около имени Божия и около св. храма людей, разделенных временными, не божественного происхождения перегородками, каковому объединению ищущий церковного мира и усиления братской любви не мог не радоваться. И надо признать, что полковые храмы чрезвычайно сближали тех, которые в своих исповеданиях были разделены.

Упоминать ли о множестве, особенно в кругах высшего русского общества, смешанных браков, где разновер ие супругов отнюдь не мешало им любить и уважать друг друга. Законники видели в совершении таких браков нарушение древних канонов.[1] Но чуждый канонической буквы мог и приветствовать их, ибо они, несомненно, способствовали сближению христианских исповеданий, распространению и расширению христианской любви. Никаких совращений от таких браков не происходило. Что же касается воспитания детей от смешанных браков, то можно было наблюдать, что наиболее стойкие и серьезные в православной вере чаще всего у нас происходили от именно таких браков, в особенности православных с протестантами и кальвинистами. Очевидно, неправославная сторона умела сообщить при религиозном воспитании ребенку такой придаток, который углублял и закреплял его православные религиозные устои. Вообще, в сознательных кругах русского народа православие и инославие мирно уживались друг с другом, как исповедания;

[1] 72 пр. VI и 22 прав. IV Всел. собор. См. Журн. и проток. Т. II, 323 и IV объедин. засед. С. 31. Мнение архиеп. Антония.

в существе которых «один Господь, одна вера, одно крещение, один Бог и отец всех» (Еф. 4, 5–6). Исключение составляли сектанты и старообрядцы, отличительными чертами которых были обособленность и нетерпимость.

Хуже обстояло дело с отношениями между представителями Православной Церкви и представителями инославных исповеданий, духовными лицами. Тут как будто гораздо больше делалось для углубления, чем для уменьшения пропасти, разделяющей христианские Церкви. Между православным священником, с одной стороны, католическим ксендзом или протестантским пастором, с другой, еще иногда можно было наблюдать добрососедские и даже приятельские отношения. От таких отношений выигрывали обе паствы: православная и инославная, ибо при мире пастырей устранялись разные несогласия, недоразумения и посягательства и между паствами. Но такие отношения между служителями Христовыми, только принадлежащими к разным исповеданиям, являлись исключением. Обычно же последние с недоверием, подозрительностью, недоброжелательностью и даже иногда с враждою относились один к другому, видя друг в друге не соработников хоть и на разных, но ведущих к одной цели, дорогах, а противников и врагов.

Отношения же между нашими иерархами и высшими представителями инославных церквей почти всегда и везде были далекими, наружно — сухо официальными, скрытно-враждебными. Тут доминировал взгляд, что православному епископу не подобает входить в общение с представителями «еретических» обществ, а «еретиками» мыслились все неправославные. Нельзя сказать, чтобы русское православное богословие было на стороне такого воззрения. Там боролись два взгляда. Один — широкий и светлый, представленный блестящими именами: Московского митр. Филарета, Киевского митр. Платона

(Городецкого), Санкт-Петербургского митр. Антония, еп. Феофана Затворника, прп. Серафима Саровского, протопр. И. Л. Янышева, проф. Осинина, В. В. Болотова, прот. Сергиевского и прот. П. Я. Светлова, светских богословов А. Востокова, А. Н. Муравьева, В. С. Соловьева, Н. Н. Неплюева, ген. Киреева и пр.[1] Эти богословы развивали следующие положения: не только Православная Церковь, но и западные исповедания принимают такое или иное, большее или меньшее участие в жизни Вселенской Церкви, и, при всех своих отклонениях, они не лишены истины и благодати; христианские исповедания — как бы перегородки в храме единого Бога, далеко не достигающие высоты самого храма[2]; в Восточной Церкви лишь больше условий спасения, чем в Западной; Православная Церковь — прочный мост через реку, а инославные исповедания — тропинки, по которым можно и заблудиться; вероучительные особенности западных христианских обществ не уничтожили в них возможности праведной и спасительной жизни, поэтому нельзя думать, будто все инородцы достанутся сатане и ангелам его».[3]

Ярким выразителем противоположного крайнего взгляда является бывший архиепископ Волынский, потом Харьковский, затем митр. Киевский Антоний (Храповицкий). Его вероисповедальная проблема не сложна: Вселенская Церковь — православная; истина, как и возможность спасения, только в ней. «Говорят о других христианских церквах. Церковь едина, других христианских церквей нет, есть еретические сонмища». Отсюда выводы: все западные христиане — еретики. «Церковь ерети-

[1] Материал по этому вопросу можно найти в книге проф. П. Я. Светлова: «Где Вселенская Церковь...» Сергиев Посад, 1906. С. 20, 52–56.

[2] Последняя мысль — митр. Киевского Платона.

[3] Ген. Киреев. Журн. и проток. Объединен. заседание. С. 30.

ков никогда христианами не называет». И далее: «Лаодикийский собор говорит, что еретики — не христиане».[1] Митр. Антоний считал даже болгар, отделившихся из-за насилий над их Церковью от Цареградского патриарха, отпавшими от Церкви[2], или то же, что язычниками.

Митрополит Антоний — книжник и совопросник века сего. Вопреки очебиющей ясности, что канонам нельзя усвоять догматического авторитета и объявлять «Кормчую Книгу» богодуховною[3] что есть каноны, которые ныне мы, вслед за Григорием Богословом, можем назвать канонами мертвыми, т. е. переставшими управлять жизнью Церкви при новых условиях[4], он большинство своих богословских умозрений утверждает на канонах, как на незыблемых основах, не замечая при этом, что сам он, как редко кто иной, подрывает незыблемость канонов, когда объявляет неприкосновенными твердынями благоприятные для его рассуждений каноны и с легким сердцем отметает неугодные. Примеров такого обращения митр. Антония с канонами можно было бы привести множество. А для объяснения порождаемых его теорией несуразностей и противоречий установившейся церковной практике и жизни митр. Антоний иногда прибегает к таким своеобразным толкованиям, которые не могут не удивлять даже не богослова. В Предсоборном Присутствии он, например, заявлял: «Таинство крещения, совершаемое еретиками, не имеет значения, а если оно не повторяется при присоединении к правой вере, то потому, что заменяется таинством покаяния».[1] Эту точку зрения он пространнее развивал в переписке с американским секретарем всемирного христианского союза[2], утверждая, что чрез то же таинство покаяния присоединяемым к Православной Церкви подается и благодать миропомазания, а принимаемым «в сущем сане» и благодать священства. Митрополит Антоний не замечал того, что такое толкование, не разрешая вопроса, вызывает ряд новых недоумений: почему совершаемое над православными таинство покаяния производит только свойственное ему действие, а инославным оно может подавать, кроме того, одним и благодать крещения, другим — и крещения и миропомазания, третьим — и благодать священства, вплоть до епископской; от кого это зависит, чтобы таинство покаяния так расширяло свои действия; кому известен секрет, чтобы действие этого таинства задерживать в известных, нужных для данного случая границах, чтобы, например, вместо дьяконской благодати не преподать кому-либо и епископскую, и наоборот; нужны ли нам чины особого посвящения в диаконы, потом в иереи, наконец, в епископы, когда благодать для этих степеней можно сообщать гораздо проще — чрез таинство покаяния; не ведет ли эта теория к отрицанию всех таинств и оставлению одного — таинства покаяния и пр.? Но, сопоставляя богословские изъявления митр. Антония и его действия, приходится заключить, что сам он не всегда придавал значение своим богословствованиям. Иначе как, например,

[1] Ген. Киреев. Журн. и проток. Объединен. заседание. С. 31, 38. По-видимому, митр. Антоний тут имел в виду 31 прав. Лаод. собор. Но толкования Зонары и Вальсомона в Аф. Синт. III, 198, 199 не дают оснований для подобного понимания этого правила. См. Правила Православной Церкви с толкованиями Никодима, епископа Далматинского-Истрийского. Т. II. С. 103, С.-Пб., 1912.

[2] «Новое Время» (Белград) от 21.09. 1924 г. С. 2. «Со святых мест».

[3] Разъяснению этого положения в Предсоборном Присутствии было уделено много внимания. Так смотрели на каноны ученейшие наши архипастыри: Димитрий Херсонский, Иаков Казанский, Сергий Финляндский и выдающиеся профессора: В. В. Болотов, Н. Н. Глубоковский, А. И. Бриллиантов и пр. и пр. См. Журн. и проток. Т. I, 98—100; 111, 8, 346. IV соедин. засед. 46 и др.

[4] Архиеп. Димитрий Херсонский. Журн. и проток. Т. I, 98.

[1] Журн. и проток. Т. IV. Объединенное заседание. С. 36.

[2] Она была напечатана отдельной брошюрой, кажется, в 1915 г. в г. Харькове.

объяснить факт, что он считал болгар отпавшими от Церкви и, значит, согласно его теории, язычниками и в то же время не возбранял единомышленным с ним и ему подчиненным русским епископам священнодействовать с болгарскими священниками и сам аккуратно слал братские праздничные приветствия болгарскому синоду? Чем это объяснить: шалостью или легкомыслием?

Митрополит Антоний самый яркий представитель взгляда, что западные Церкви не принадлежат ко Вселенской Церкви. Подобный взгляд высказывали и другие, правда, не перворазрядные, богословы, как, например, профессора: А. Гусев, В. Керенский и др. Первый взгляд поэтому надо было бы считать основным в русском богословии. Но, особенно в последние пред революцией годы, наша иерархия, возглавлявшаяся благочестивым, но узкоконсервативным митр. Владимиром, на практике склонялась скорее к второму, чем к первому взгляду.

Приведем два весьма характерных факта. 21 февраля (ст. ст.) 1913 г. их величества принимали от своих верноподданных в Белом огромном[1] зале Зимнего дворца приветствия по случаю исполнившегося 330-летия царствования Дома Романовых. Зал был переполнен высшими чинами империи, как пребывавшими в Петербурге, так и съехавшимися со всех концов России. В западном углу зала поместилась группа высшего православного духовенства: члены Св. Синода с митр. Владимиром[2] во главе, С.-Петербургские викарные епископы, протопресвитеры, а шагах в 10 от этой группы — группа высшего римско-католического духовенства — епископов и прелатов с митрополитом Ключинским во главе. Две духовные группы

[1] Вмещавшем более 3.000 чел.

[2] С 23 ноября 1912 г. он был С.-Петербургским.

стояли как два враждебных лагеря, не сделав никакого взаимного приветствия, отворачиваясь друг от друга. Тяжело было наблюдать эту картину. Я не был лично знаком ни с одним из присутствующих католических епископов, но они все заочно хорошо знали меня, как и я их, чрез прокурора римско-католической консистории г. Фан-дер-Фласа, бывшего моим духовным сыном и часто знакомившего меня с делами римско-католической Церкви. Я подошел к ним. Отрекомендовавшись митрополиту и прочим духовным лицам, я обратился к первому: «Ваше В-ство, простите за мою откровенность: не смущает ли Вас вот эта картина: мы — служители одного и того же Христа и молимся одному и тому же Богу, а вот наши и ваши стоят друг пред другом хуже, чем как совсем чужие люди?» — «Да. Но что же делать? Вы же видите, что ваши не хотят знать нас. Почему бы им не подойти к нам?» — ответил митрополит. «Вот я и подошел к Вам. А теперь почему бы Вам к ним не подойти?» — «Вы — другое дело. Мы знаем Вас и к вам подошли бы. А к ним? Вдруг они отвернутся... Каково тогда будет наше положение?» Так и разошлись обе группы, не оказав друг другу никакого внимания.

Еще более, пожалуй, характерен другой случай.

В 50-х годах прошлого столетия начались попытки к сближению, с целью объединения, Церквей англиканской и православной. В 1897 г. ездил в Лондон официально на юбилей королевы Виктории, а в сущности для сближения с епископальными англиканами, Финляндский архиеп. Антоний (Вадковский). В 1913 г.[1] прибыли в Петербург, с тою же целью сближения, три англикан-

[1] Думаю, что я не ошибаюсь относительно годов поездки архиеп. Антония в Лондон и англиканского епископа в Петербург.

ских епископа. Для гостей обер-прокурором Св. Синода В. К. Саблером был предложен в обер-прокурорском доме на Литейном духовный концерт митрополичьего хора, а после концерта там же был сервирован чай. В числе приглашенных были все члены Св. Синода с митр. Владимиром во главе и высшие представители столичного духовенства. Во все время чая беседу с гостями вели обер-прокурор и изредка вмешивался архиеп. Финляндский Сергий. Остальные епископы упорно молчали. Когда же нашим иерархам было предложено сняться вместе с англиканскими епископами, митр. Владимир решительно отказался. Это ему уже представлялось могущей соблазнить «малых сих» демонстрацией.

Каноническо-законническая точка зрения, на которую в отношении западных исповеданий, вопреки доминировавшему в русском православном богословии взгляду, любили становиться наши иерархи, помешала совершиться одному большому церковному делу.

Возникшее после Ватиканского собора старокатоличество отвергло католические догматы о непогрешимости папы, о непорочном зачатии Божией Матери, как и другие заблуждения римско-католической Церкви. Со времени Боннских конференций (1874–1875 г.) начинаются усиленные сношения старокатоликов с Православной Церковью с целью соединения. Православность старокатоликов вполне выясняется, и наш Св. Синод признает их «борцами на Западе за православную истину». Казалось бы, оставалось ускорить соединение. Соединение старокатоликов с Православной Церковью явилось бы огромным торжеством для последней. Отсюда следовало, что надо было устранить всякие законнические формальности, которые в том или ином отношении могли оказаться обидными для старокатоликов. Но у нас не были способны на подобные «жертвы». 30 июня 1902 г.

Константинопольский патриарх обратился к нашему Св. Синоду с вопросом: как быть и что думать о старокатолической общине? Синод ответил лишь 25 февраля 1903 г., что «только наша восточная Православная Церковь, неповрежденно сохранившая всецелый залог Христов, есть в настоящее время Церковь Вселенская»[1], — другими словами, — что старокатолики — вне Вселенской Церкви и принимать их надо по третьему чину, как еретиков, сектантов и раскольников. И старокатолический вопрос и доселе остается на мертвой точке.

Отыскивая причины нетерпимого отношения большинства высших представителей нашей Церкви к таким же представителям западных исповеданий, как и к самим этим исповеданиям, не можем не остановиться на двух обстоятельствах, которые мешали нам узнать, понять и правильно оценить западные исповедания. Первое — это наша церковная разобщенность с Западом и как будто намеренное нежелание познакомиться с ним. Прежде всего, наш высший церковный орган — Св. Синод не пытался даже подготовить лиц, которые, изучив иностранные языки, могли бы входить в непосредственные сношения с представителями западных Церквей и исповеданий. Незнание иностранных языков было особенностью русского духовного мира — тем недостатком, от которого свободны все прочие меньшие православные Церкви. Не владея разговорными иностранными языками и не делая заграничных поездок, русские церковные деятели, не исключая и академических профессоров, не изучали на месте западной церковной жизни и не имели понятия о ее достижениях. Большинство же совсем не знали Запада, ни того запаса пламенной истинно-христианской веры,

[1] «Церковные Ведомости», 1903 г. № 23 и 24.

которая несомненно еще существует у западного христианства: не знали и того, как сильна еще христианско-этническая подкладка западной семейной и общественной жизни, что ясно было видно некоторым изучившим Запад верующим русским мирянам.[1]

Ознакомлению русской Церкви и науки с западными Церквами и исповеданиями могли бы помочь наши посольские священники, существовавшие при всех решительно посольствах. Они имели возможность наблюдать и изучить местную церковную жизнь и стать ценнейшими информаторами для Русской Церкви. Но, за самыми незначительными исключениями, сами они не догадывались заняться таким делом, а предержащая церковная власть не побуждала их к нему. Не удивительно после всего этого, что мы, семинаристы, не получали в своей школе доброго теоретического ознакомления с западными исповеданиями. В семинарских учебниках разности этих исповеданий были одни преувеличены, другие неверно освещены, третьим придано неподобающее значение.[2] Например, и досель придается огромное значение католическому догмату о filioque. Но можно ли говорить о нем как об одной из главнейших причин разделения Церквей, когда учение о filioque появилось на Толедском соборе (589 г.), а разделение произошло лишь в 1053 г., когда, следовательно, этот догмат на протяжении почти пяти веков не мешал Церквам оставаться в единении? Или взять даже индульгенции. Появились они как будто не в целях спасения душ верующих, а ради обогащения папской казны. А способ распространения их, каким пользовался в 1517 г. известный доминиканец Тецель, конечно, мерзок и отвратителен. В

[1] Журн. и проток. Т. IV. Объединенное заседание. С. 30. Свид. ген. Киреева.

[2] См. об этом в книге проф. прот. П.Я. Светлова «Христианское вероучение». Т. I. Киев, 1910. С. 187–209.

Православной Церкви, говорят, индульгенций нет. Но совсем недавно в г. Софии мне представился такой случай. Я исповедовал грека «хаджи», т. е. побывавшего в г. Иерусалиме. Когда, закончив исповедь, я должен был прочитать разрешительную молитву, мой исповедник протянул мне аккуратно в четверо сложенный лист плотной бумаги: «Вот это прочти». Лист оказался печатной на славянском языке за собственной подписью грамотой Иерусалимского патриарха Дамиана, в которой моему исповеднику прощались все вольные и невольные грехи. Мне кажется, что эта грамота немногим отличается от индульгенции. И у нас, поискав, только в ином виде и форме можно найти некоторое подобие папских индульгенций. И т. д. Между тем, из всех таких, нагроможденных одна на другую, преувеличенных или неверно истолкованных разностей в душах питомцев духовных школ — будущих пастырей и архипастырей — еще в юные годы вырастала громада, которая могла казаться неприступною стеною, отделяющею их от западных христиан. Неудивительно, что наши иерархи, при своем посвящении дающие архиерейскую клятву строго блюсти догматы, каноны и вообще чистоту православной веры, избирали более простой путь, следуя канонам, запрещавшим общение с еретиками.

Враждебные отношения Церквей были великим несчастьем для всего христианского мира. Церкви расходовали и силы, и средства свои на отражение взаимных нападений, стараясь оттягать что-либо друг у друга. А общий враг — воинствующий атеизм, пользуясь междуусобием Церквей, делал все новые и новые завоевания. Вместо того, чтобы всюду распространять мир и любовь, церковные вояки сеяли вражду и ненависть и, разоблачая, понося, а иногда и клевеща, якобы для защиты и возвеличения своих Церквей и Божьего имени, все более и более раздирали нешвенный Христов хитон и прини-

жали имя вечно единой Церкви. События революционного времени, потрясшие весь мир, породили некоторые новые движения и в христианской Церкви. Междуцерковные всемирные съезды, в которых принимают участие и иерархи зарубежной Русской Церкви и других православных Церквей, не боясь появляться на фотографиях рядом с представителями других христианских исповеданий и даже иметь молитвенное с ними общение, — это уже большой шаг вперед в деле сближения Церквей. Католическая Церковь пока не принимает участия в этих съездах, но и ее высокие представители при встречах с православными не скрывают горячего желания настоящего папы (Пия XI) сблизиться с Православною Церковью, причем стараются доказать, что представления православных об отступлениях римско-католической Церкви преувеличены и все ее разногласия с Православной Церковью посредством благоразумных уступок легко могут быть устранены.[1] С другой стороны, наши православные архипастыри и пастыри, живя в католических странах, несомненно, за годы изгнания ближе и лучше ознакомились с католичеством, узнав и его положительные стороны, и действительный размер его отступлений. И то, и другое также — большой шаг вперед. Но в прошлом вырыта столь глубокая пропасть, посеяно столько вражды, закреплено так много подозрений и недоверия, что сближение может произойти после еще очень долгих усилий с обеих сторон. Многое, впрочем, будет зависеть от того, что скажет по этому вопросу исповедница великая Русская Церковь.

Остается сказать несколько слов об отношении Русской Православной Церкви к сектантам и раскольникам.

[1] Говорим это после нашей интереснейшей беседы с архиеп. Ронкалли, представителем папы в Болгарии.

В XVIII–XIX в. на русской земле наплодилось бесконечное количество всевозможных сект. Некоторые из них, как секты хлыстов, прыгунов, скакунов, подгорновцев любушкина согласия, скопцов и пр., отличались явно безнравственным, другие имели антигосударственный характер, проповедуя анархические учения. Бесконечно разнообразясь в своей догматике и морали, все сектанты сходились в одном: в отрицании Православной Церкви и в неизменно враждебном отношении к ней. Если же некоторые из них, как хлысты, беседники и пр., заявляли о своей принадлежности к Православной Церкви, приступали к таинствам, исполняли православные обряды и даже оказывали особое усердие к посещению православных храмов, то все это делалось, чтобы усыпить бдительность церковных властей. В действительности же и эти сектанты относились к Православной Церкви враждебно, а к ее святыням и действиям — кощунственно. Сходились все сектантские общества и в том, что их развитие шло за счет Православной Церкви посредством отторжения от нее ее членов.

Многие из сект имели местный характер и не могли угрожать большими опасностями Православной Церкви, ибо их крайние учения не могли увлечь здравомыслящих иль уравновешенных людей. Но некоторые из них угрожали большими потрясениями Церкви. Пальма первенства в этом отношении принадлежала так называемому «Евангельскому движению в России». Зародившись в шестидесятых годах XIX в. под именем штундизма на юге России, в начале нашего столетия оно уже давало о себе знать во всех частях Российской империи. В 1907 г. на конференции в Петербурге различные разветвления этого движения объединились в один «Всероссийский евангельский Союз», а из слияния другого течения штундизма с пашковцами образовался «Евангельский Союз». Оба

эти союза уже пред революцией представляли могучую, прекрасно сорганизованную и для Православной Церкви крайне опасную силу. Обоими союзами на первый план было выдвинуто миссионерское дело. «Всероссийский Евангельский Союз» имел свое специальное «Миссионерское общество» с отделами во всех губерниях, имевшее свой фонд и управление, на обязанности которого лежала подготовка проповедников и руководство ими. Для подготовки миссионеров были открыты немцами (в Лодзи и Ревеле) богословские семинары, а в Харькове имелось профессиональное училище для детей. Кроме того, для миссионеров же устраивались периодические курсы. «Евангельским Союзом» в 1905 г. были основаны в Санкт-Петербурге «Христианский студенческий Союз» и «Кружок курсисток». Союзами издавался целый ряд журналов: «Христианин», «Братский листок», «Баптист», «Радостная весть», «Сеятель», «Ежедневное библейское чтение» и др.; на севере и юге России имелись свои книгоиздательства, и, кроме того, немало распространялось ими изданий Гамбургского международного трактатного общества. Пропаганда велась ловко, умело, настойчиво, со свойственною неофитам неутомимостью и ненасытностью. Для большей действенности миссионерского слова пускались в ход и деньги, для чего на юге была учреждена особая «Центральная касса помощи православным».[1] Известные наши миссионеры решительно утверждали, что эти сектанты пользовались большими субсидиями от германского правительства Бисмарка и Вильгельма. Если это верно, то возникает подозрение, что евангельские христиане преследовали не только религиозные, но и политические цели. Не в связи ли с этим

[1] С. В. Булгаков. «Настольная книга для священнослужителей». С. 1676–1679.

киевские сектанты в 1916 г. на одном из собраний грозили православным священникам: «Скоро вы, подобно пророку Исаии, будете скрываться в дуплах деревьев, а мы пилою будем перепиливать вас».[1]

Мирного сожительства у Православной Церкви с сектантами не могло быть: Церковь не могла не обличать еретических противонравственных и анархических сектантских учений, как не могла не защищать своего имени, своей правды и своих границ. Борьба была неминуема, и она велась беспрерывно.

Отношения Православной Церкви к старообрядцам должны были бы быть совсем иными. Старообрядцы не отметали ни одного догмата Православной Церкви. Их основоположники, не сумев отрешиться от привязанности к букве, не смогли понять произведенных патр. Никоном исправлений богослужебных книг, заподозрили Православную Церковь в измене истине и откололись от нее. Под влиянием же тех притеснений и гонений, которым подвергались как первые вожаки старообрядства, так и последующие старообрядцы от церковной власти вплоть до 17 окт. 1906 г., в расколе утверждалось и до последнего времени поддерживалось убеждение, что в Православной Церкви живет антихристов дух. В политическом отношении огромное большинство старообрядцев, исключая последователей некоторых сект беспоповщинского толка, были самыми верными гражданами Российской империи, строгими националистами, добросовестнейшими исполнителями своих гражданских обязанностей.

Что грань, отделявшая Православную Церковь от старообрядцев, была не столь существенной, об этом сви-

[1] Рапорт главного священника Юго-Зап. фронта в авг. 1916 г. протопресвитеру военного и мор. духовенства.

детельствуют такие явления, как беглоповщина, австрийская, или белокриницкая, иерархия, с одной стороны, и единоверие, с другой. Беглопоповцы с давних пор духовно окормляются «беглыми» священниками Православной Церкви. Приемлющие австрийскую иерархию подкупили в 1846 г. лишенного кафедры босногараевского митрополита Амвросия, от которого и началась эта иерархия. Если и те, и другие позаимствовали для себя пастырей от Православной Церкви, значит, они не так уж далеки от нее и не так уж они непримиримы с нею. А в единоверии, начавшемся в конце XVIII в. и широко развившемся в XIX в., обе стороны, — и православные, и старообрядцы, — не имея ничего своего и каждая оставаясь при своем, протянули друг другу руки примирения и зажили общею церковною жизнью. Православная Церковь могла мириться с обрядовыми особенностями старообрядцев.

Интересен факт: после 17 окт. 1906 г. старообрядцы сознавались, что этот закон, положив конец гонениям их, их обессилил — лишил их главной точки опоры во вражде к Православной Церкви. Между тем, борьба со старообрядцами велась Православной Церковью на протяжении 2 с половиной веков, вплоть до самой революции: принимались часто в отношении старообрядцев самые жестокие меры, изрыгались на старообрядцев хулы, писались в обличение их заблуждений о двуперстии, сугубой аллилуии и пр. огромные ученые трактаты; содержались во всех академиях и семинариях специальные кафедры, а в епархиях — специальные миссионеры. В действительности же, как показывает единоверие, обоим сторонам, чтобы сблизиться, надо было прийти к убеждению, что обряды — не догмы, что веру можно выражать посредством разных обрядов, что можно славить Господа и двойной аллилуией, как тройной и двуперстием привлекать Божию благодать, как и троеперстием, молиться пред новыми, раз они освящены, как и пред старыми иконами, что в разное время и разные Церкви пользуются разными обрядами, не порывая чрез это единства. Прежде всего необходимо было высшей церковной власти решительно заявить, что все изрекавшиеся ранее соборные (соборов 1456 и 1667 гг.) клятвы и частных лиц хулы на молящихся двуперстно и на других приверженцев старого обряда изрекались «по недоброму разумению», теперь же, «при более ясном понимании значения обрядовых разностей ничего зазорного и еретического в этих обрядах не видит, ничего отрицательного в отношении их не принимает и не разделяет, научая тому и чад своих; прежние же отрицательные выражения совершенно отменяет и вменяет, яко не бывшие».[1] Если бы Православная Церковь 250 лет тому назад заговорила таким языком, возможно, что и раскола бы не было. Во всяком случае, в наше время обращать сердца старообрядцев к истине можно было не прещениями и не учеными доводами, к которым они относились с недоверием, как к человеческим мнениям[2], а любовно и благодатно. Это признавали сами старообрядцы — вожаки поповцев, когда в 1905–1906 г. заявили, что клятвы собора 1667 г. более всего мешают им соединиться с Православной Церковью.[3]

[1] VI Отдел Предсоборного Присутствия в заседании 3 мая 1906 г. вынес постановление о желательности, чтобы Всероссийский собор высказал такое именно мнение относительно старых обрядов (Журн. и прот. Т II, 244–245). Здесь мы приводим выдержку из этого постановления.

[2] Вот пример. В июле 1908 г. происходил публичный диспут между синодальным миссионером, прот. Ксен. Крючковым, и представителем старообрядцев, архим. Михаилом (Семеновым). Архим. Михаил в доказательство своей мысли привел цитату из сочинения профессора Санкт-Петербургской дух. академии прот. Е. П. Аквилонова «О церкви». Прот. Крючков, бывший старообрядец и оставшийся ярким выразителем старообр. взглядов, на это возразил: «А кто этот Аквилонов? Св. отец?» — «Нет, профессор С.-Пб. академии». — «Мне, брат Михаил, профессора твои не надобны. Ты мне говори от св. отцов, а не от Аквилонова», — закончил Крючков. И видно было, что старообрядческая часть аудитории была очень сконфужена этим выпадом.

[3] Журналы и протоколы заседаний высоч. утвержден. Предсоборного Присутствия. II, 233.

Присяжными, так сказать, борцами с сектантами и старообрядцами были наши миссионеры, а их излюбленным способом — публичные диспуты. Многие православные не без оснований высказывали большие сомнения относительно пользы для православного дела таких диспутов — в особенности со старообрядцами. Обращение заблуждающихся — дело чрезвычайно тонкое, требующее исключительно осторожного и непременно нежного и любовного подхода к заблудившейся душе. Публичный же диспут — состязание, притом всенародное, в котором неминуемо разыгрываются страсти, у состязающихся является желание блеснуть своим знанием и искусством поставить в неловкое положение, поднять на смех противника. Результаты таких словесных турниров оказываются сомнительными и в других отношениях. Конечно, поражение православного миссионера, что всегда возможно, на диспуте не могло служить к славе и пользе Православной Церкви. Но и самая блестящая его победа не всегда кончалась торжеством для православного дела. Случалось иногда так: приезжал в какой-нибудь приход миссионер; устраивалось собеседование; миссионер разбивал и высмеивал противников; подобно фейерверку, приводил в восторг православных и уезжал, чтобы затем, может быть, никогда не показаться в этом приходе. Плоды такой победы приходилось затем пожинать местному пастырю. Разбитые и оскорбленные противники, по отъезде миссионера, чтобы реабилитировать себя и свое дело, начинали ожесточенную пропаганду, а защитником православного дела оказывался один мало искусный в логомахии пастырь. А то был такой случай. В 1890-х годах в Витебскую духовную семинарию на кафедру истории обличения раскола был назначен молодой I-й магистрант Санкт-Петербургской духовной академии (выпуска 1888 г.) Иван Тарасьевич Никифоровский. Чрезвычайно даровитый[1], находчивый, высокохристиански настроенный, всегда кроткий и деликатный, он с особым благородством, чуткостью и осторожностью повел свои публичные собеседования со старообрядцами. Православные были в восторге от его блестящих диспутов; старообрядцы с интересом собирались на них. Любовь к Ивану Тарасьевичу была всеобщая. А каков был результат трудов этого «Божиею милостью» миссионера? Старообрядцы говорили Ивану Тарасьевичу: «С тобой, Иван Тарасьевич, мы хоть сейчас соединились бы, а с Православной Церковью... это другое дело...» После же вскоре последовавшей кончины Ивана Тарасьевича его преемникам по семинарской кафедре и Витебским миссионерам стало почти не под силу дискутировать с бывшими совопросниками Ивана Тарасьевича, староверами: так они, благодаря диспутам Ивана Тарасьевича, усовершенствовались в диалектике.

Беседы же неудачных миссионеров могли и на православных людей производить самое тяжелое впечатление. Я и сейчас с горьким чувством вспоминаю два диспута синодального миссионера прот. Ксенофонта Крючкова[2], которые он вел в июле 1908 г., во время Киевского миссионерского съезда с двумя представителями старообрядчества: сначала с архим. Михаилом (Семеновым)[3], а потом с Ф. Мельниковым.[4] На первом диспуте сразу же стало яс-

---

[1] Во время ученья в дух. уч-ще, семинарии и академии он неизменно всегда занимал первое в разрядном списке место. С.-Петербургская и Московская дух. академии в 1890-х годах предлагали ему свои кафедры по истории и обличению раскола. Болезнь не позволила принять предложения: он скончался в тридцатилетнем возрасте.

[2] Бывшего старообрядца, начетчика, по какому-то печальному недоразумению ставшего синодальным миссионером.

[3] Бывшим профессором Санкт-Петербургской духовной академии, весьма талантливым человеком.

[4] Весьма известный старообрядческий апологет, писатель.

но, что о. Крючков привык приспосабливаться ко вкусам серой массы, падкой на грубые шутки и плоские остроты. Он старался не убедить, а поймать на слове, скомпрометировать, высмеять своего противника. На меня этот диспут произвел впечатление какого-то впервые виденного мною, кощунственного издевательства. Диспут с Мельниковым Ф.Е. начался заявлением последнего: «Помни, Ксенофонт, что я тебе не Михаил! Если ты позволишь себе и со мной говорить так, как ты вчера говорил с ним, то смотри... не уцелеть твоей длинной бороде...» Такие диспуты Православной Церкви не прибавляли славы, а для цели, которую они должны были преследовать, они были вредны. Поэтому, может быть, и прав был тискадский (Режицк. у., Вит. губ.) старообрядец, говоривший мне: «Что ваши миссионеры? Приедет, взбудоражит всех, наговорит всякой всячины, да еще обидной для нас, и уедет... Если бы их не было, скорей бы мы соединились».

Совершенно особые природы сектантства и старообрядчества требовали разных отношений к тому и другому со стороны Православной Церкви. Сектантство принципиально отрицало Православную Церковь, было агрессивно и непримиримо. С ним нельзя было Православной Церкви не вести борьбы. Старообрядчество находилось лишь в разделе с Православной Церковью, в ссоре, которую надо было смягчать снисхождением, любовью и лаской, честно разъясняя и устраняя причины, породившие ссору.

Если же искать лицо, которое могло бы оказаться истинным миссионером, способным выполнить нужное для Церкви дело, то таким лицом мог быть прежде всего и главнее всего организованный и возглавляемый добрым пастырем приход. Сектантство зародилось и разрасталось не только на почве человеческого суемудрия, но и на почве различных наших церковных неустройств — не-

соответствующей званию жизни иных наших духовных лиц и мирян, крайнего обрядоверия одних и индифферентизма других, недостаточного проявления в православных обществах деятельной любви и пр. Устранение в приходе указанных недостатков и развитие положительных сторон приходской жизни и одновременно с этим ознакомление прихожан с основными заблуждениями сектантских общин — лучшее средство охраны прихода от сектантского на него влияния. В организованном и возглавляемом добрым пастырем православном приходе успех сектантов невозможен.

Для привлечения же старообрядцев нужен прежде всего добрый православный пастырь. Не отвечающие Церкви беспоповцы столковались без пастырей; поповцы и австрийцы не могут не сознавать фальши своего положения. Добрый православный пастырь не может не привлекать сердца и тех, и других. Вспоминается тот же тискадский беспоповец, который говорил мне: «Если бы еще лет десять пробыл в нашем селе о. Мелитон[1], пожалуй, все бы мы[2] перешли в православие».

С выдвижением на первый план в миссионерской работе прихода с его пастырем роль патентованных миссионеров скорее повысилась бы, чем понизилась. И пастырям, и прихожанам необходимы опытные и надежные эксперты-руководители, которые помогали бы им узнавать природу и устремления угрожавшего приходу противоцерковного течения, руководили бы их действиями, снабжали бы их необходимою литературою и в крайних случаях выступали в благородное, отвечающее духу

[1] Тискадский православный священник, простец-иеромонах, кроткий, благочестивый, бессребреник и благотворитель, спешивший ко всякому на помощь, не различая, православный он или старообрядец.

[2] Тискадские староверы.

Православной Церкви, ее неистощимой любви и благостности единоборство с неугомонными противниками.

Жизнь великой исповедницы Православной Церкви в СССР, насколько можно судить по доходящим до нас оттуда отрывочным сведениям, внесла значительные коррективы в ее отношения как к старообрядцам, так и к сектантам. Общие для всех верующих в Бога гонения и страдания значительно сгладили там религиозную рознь и даже сблизили разнообразно верующих необходимостью защищаться от одного и того же, одинаково для всех опасного противника. Там теперь нередко явление, что в одном и том же совещании участвуют православный священник, католический ксендз, протестантский пастор, сектантский наставник, старообрядческий начетчик или священник и даже еврейский раввин и подписывают общую резолюцию.

Более же ценно другое тамошнее достижение: там теперь именно приходы со своими пастырями стали самооборонящимися единицами против всяких угрожающих Православной Церкви течений и веяний.

Ведомства протопресвитеров придворного, военного и морского духовенства

В Российской Православной Церкви имелись два ведомства, подобных которым не было ни в одной из других православных Церквей, — это ведомства: а) протопресвитера придворного духовенства и б) военного и морского духовенства.

Особенность их состояла в том, что их главы — протопресвитеры подчинялись непосредственно Св. Синоду, хотя они и носили лишь пресвитерский сан. Но и их подчиненность Св. Синоду значительно ослаблялась их подчиненностью: первого — министру Императорского Двора, а второго — Военному министру, и еще более — их близостью к императору. Всякое давление на них Св. Синода могло быть ослаблено вмешательством этих министров и самого государя.

По рангу российских чинов протопресвитеры приравнивались к архиепископам. Значит, они были чем-то вроде кардиналов.

Ведомство протопресвитера придворного духовенства не было многочисленным. К нему принадлежало духовенство собора Зимнего дворца (в Санкт-Петербурге), московских Благовещенского и Архангельского соборов и разных придворных церквей — всего не много более 40 священников и почти столько же диаконов.

Придворное духовенство могло бы играть значительную роль: 1) оно находилось в исключительно бла-

гоприятных материальных условиях, будучи вполне обеспечено и содержанием, и квартирами, и пенсиями, и 2) в его среде находились духовники и государя, и вел. князей, имевшие возможность оказывать большое на них влияние.

Придворные священники, располагавшие большим досугом и свободные от забот о насущном куске хлеба, могли бы с успехом трудиться на ученом поприще, равно как отдаваться церковно-общественной деятельности, и, пользуясь широкими связями в высшем обществе, достигать в последней больших результатов.

Но российское безвременье отразилось и на придворном духовенстве. До 1910 г. придворное духовенство славилось своим возглавителем, маститым, ученейшим, известным далеко за пределами России протопресвитером Иоанном Леонтьевичем Янышевым, до 4 окт. 1906 г. совмещавшим три должности: заведующего придворным духовенством, царского духовника и законоучителя царских детей. Старческая дряхлость и потеря зрения заставили его в октябре 1906 г. отказаться от заведования придворным духовенством и законоучительства в царском дворце. Но все же до конца своих дней (1910 г.) он оставался придворным протопресвитером и своим ореолом прикрывал немощность подчиненного ему ведомства. Впрочем, еще при жизни о. И. Л. Янышева обнаружилась скудость этого ведомства: заместителем о. Иоанна Леонтьевича по должности заведующего придворным духовенством 4 октября 1906 г. был назначен саккеларий собора Зимнего дворца, протоиерей Петр Афанасьевич Благовещенский, после смерти о. Иоанна Леонтьевича ставший придворным протопресвитером, — свыше семидесятилетний старец (род. 9.06.1836 г.), кроткий и благочестивый, но не выделявшийся никакими дарованиями или заслугами, скоро совершенно одряхлевший и физически, и умственно. На должность законоучителя царских детей не нашлось подходящего кандидата среди придворного духовенства, и был взят со стороны — профессор Санкт-Петербургской духовной академии, протоиерей А. П. Рождественский, в 1910 г. замененный протоиереем епархиального ведомства А. П. Васильевым. На должность же царского духовника 1 янв. 1911 г., после смерти о. Иоанна Леонтьевича, был назначен придворный прот. Н. Г. Кедринский, с первых же дней своего высокого духовничества обнаруживший полную непригодность для столь высокого и еще более ответственного поста. Слишком простоватый, малокультурный, иногда наивный, заискивавший не только у фрейлин, но и у низшей придворной прислуги, он не сумел стяжать уважения ни у своих царственных духовных детей, ни у придворных. О нем говорили с улыбкой, с ним никто не считался. Более неудачного выбора царского духовника нельзя было сделать. Он более пришелся бы деревне, чем царскому дворцу. Кажется, единственной заслугой его служения в должности царского духовника надо признать его решительно-отрицательное отношение к Распутину, хотя только дружба с Распутиным могла продлить исполнение им занятой должности. 2 февр. 1914 г. он был заменен прот. А. П. Васильевым. Беспримерный факт смены царского духовника был замаскирован назначением о. Кедринского на учрежденную для этого случая должность помощника заведующего придворным духовенством. А в утешение за отрешенным царским духовником было оставлено право пользоваться придворной каретой, что как будто в полной мере компенсировало мелкое самолюбие о. Н. Г. Кедринского.

Новый царский духовник А. П. Васильев, остававшийся и законоучителем царских детей, не был бесцветной личностью.

Сын крестьянина Смоленской губ., ученик знаменитой Татевской школы проф. С. А. Рачинского, он с детства отличался большой набожностью, благодаря чему и был направлен С. А. Рачинским в духовную школу. Учился в духовной семинарии, а затем в Санкт-Петербургской духовной академии, которую закончил (в 1893 г.) со званием действительного студента, не подав кандидатского сочинения.

До назначения ко двору он состоял священником церкви Санкт-Петербургской Крестовоздвиженской общины Кр. Креста и законоучителем женской гимназии княгини Оболенской (С.-Пб., Басков пер.). Кроме того, он принимал большое участие в духовных беседах для рабочих Путиловского завода. В Петербурге он скоро стал известен как прекрасно настроенный священник, любимый народом проповедник и талантливый законоучитель. На многих интеллигентных людей он производил сильное впечатление необычной манерой совершения богослужения: патетическими возгласами, громким чтением тайных литургийных молитв и т. д. Его наружный вид не оставлял желать лучшего. Не получи он назначение ко двору, он, несомненно, стяжал бы еще большую славу доброго столичного пастыря. Но на придворных должностях он не увеличил своей славы. Как законоучителю наследника царского престола, ему не доставало широты богословского кругозора, политического воспитания и даже, решаемся сказать, нужного для этой роли огромного здравого смысла. А как царский духовник, он столкнулся с роковым явлением, которого не смог ни понять, не оказать ему нужного противодействия. Это была распутинщина, несомненно помогшая развернуться революции.

Очень трудно разобраться в вопросе, что сделало о. Александра В., одного из лучших священников предреволюционного времени, скорее почитателем и сторонником Распутина, чем его противником и обличителем: мистицизм ли, несомненно отличавший о. Александра, или боязнь, начав борьбу против Распутина, потерять высокое место. Может быть, и то, и другое. Обратимся к фактам. До самого последнего времени отношения царского духовника и Распутина были более чем дружественными. Распутин часто бывал в его доме; жена и дети о. Александра, встречаясь с Распутиным, целовали его руку. В мае 1914 г. начальник Канцелярии государя кн. В. Н. Орлов и Товарищ председателя государственной Думы кн. В.М. Волконский просили военного протопресвитера повлиять на весьма уважавшегося ими царского духовника, чтобы он изменил свое отношение к Распутину, этому роковому для трона человеку.

В следующие два дня военный протопресвитер в своей квартире наедине, конфиденциально беседовал о Распутине с царским духовником, любезно отозвавшимся на его приглашение. Каждая из бесед продолжалась с 8 ч. вечера до часу ночи.

В первой беседе о. А. П. Васильев упорно доказывал, что Распутин — Божий избранник, наделенный сверхъестественной силой, что поэтому близость Распутина к царской семье и его влияние на нее совершенно естественны и понятны. Отец А. П. Васильев не называл Распутина святым, но из разговора выходило, что он относится к Распутину как к святому. На возражение: «Какой же он праведник — всем известный пьяница, завсегдатай кабаков, скандалист и развратник», о. Васильев дал интересный ответ. Нисколько не отрицая пьянственно-блудных похождений Распутина, он, однако, находил что безобразные действия последнего не мешают ему оставаться Божиим избранником: у каждого человека бывает свой недостаток, чтобы он не превозносился... У Распутина —

эти недостатки. Приведенные слова царского духовника получат особое значение, если вспомнить, что и царь и царица так же смотрели на похождения Распутина.

17 марта 1916 г. при докладе военного протопресвитера, что близость Распутина к царской семье чрезвычайно волнует армию, что Распутин всем известен как безобразный пьяница и развратник, государь спокойно заметил: «Да, я об этом слышал». Ясно было, что безобразия Распутина нисколько не смущали государя и его супругу.

Таким образом, царский духовник и царь с царицей были солидарны во взгляде на Распутина. Вопрос лишь в том, кто кому помог утвердиться в таком взгляде: духовник ли — своим высоким духовным детям или наоборот. Вернее последнее. Прот. А. П. Васильев был не только царской волей вознесен на головокружительную для смоленского крестьянина высоту, но и, кроме того, царем и царицей чрезвычайно обласкан — притом не только он, но и вся его семья. Пред царем и царицей он благоговел. А благоговейное отношение царя и царицы к Распутину заставляло его благоговеть и пред последним. Мистические же его воззрения и разные хитросплетения давали ему возможность оправдать безобразные, не вязавшиеся с богоизбранничеством выходки Распутина.

Возможно, что тут играло роль и нечто другое: прот. А. П. Васильев был обременен многочисленной семьей: жена и, кажется, восемь человек детей, — благоденствовавшей при тогдашнем его положении. Борьба с Распутиным означала борьбу с императрицей. Надежды на успех было не много, а опасности были неизбежны, вплоть до потери высокой должности. Что подобный расчет был возможен, это покажет дальнейшее.

При второй беседе о. А. П. Васильев согласился, что близость Распутина к царской семье дискредитирует ее и опасна для трона, причем дал честное слово впредь всеми доступными ему средствами содействовать отстранению Распутина от царской семьи.

Данное обещание, однако, не изменило отношений о. Александра к Распутину. О. Александр не был активно-боевой натурой.

Следующая встреча о. Александра с военным протопресвитером, вскоре отбывшим в Петроград, произошла в апреле 1916 г. в царскосельском Феодоровском Государевом соборе. По окончании вечернего богослужения оба они остались для ночлега в Царскосельском дворце. Отец Александр, видимо, избегал разговора. Забежав к протопресвитеру на две-три минуты, он успел обменяться всего несколькими фразами. Последняя его фраза была: «Вы напрасно думаете, что Распутин падает. Очень ошибаетесь: он теперь, как никогда, силен».

Распутин был убит в ночь с 16 на 17 декабря 1916 г. 9 или 10 января 1917 г. военный протопресвитер прибыл в Петроград для участия в заседаниях Св. Синода. В первый же день после прибытия его навестил царский духовник и сразу же заговорил о Распутине: «Пожалуй, лучше, что этот человек навсегда отстранен от царской семьи», — причем рассказал несколько эпизодов в подтверждение того, что общение царской семьи с Распутиным невероятно подрывало ее престиж.

Последний царский духовник закончил свою жизнь трагически: в 1918 г. он был расстрелян.

После смерти протопр. П. А. Благовещенского на его место был назначен (17.II.1915 г.) настоятель Петропавловского придворного собора, кандидат богословия Александр Александрович Дернов (род.15.II.1857 г.). Это был благоговейный пастырь, ревностный член Санкт-Петербургского общества распространения религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви, до резкости прямолинейный в защите своих взглядов,

сразу отмежевавшийся от Распутина и его духовных сторонников. Но ни в Царском Селе, ни среди духовенства он не мог иметь того авторитета, каким пользовался его знаменитый предшественник о. И. Л. Янышев.

Остальное придворное духовенство... Все придворные священники отличались степенностью, лоском, выдержкой — этого требовала придворная служба; диаконы щеголяли своими бесподобно могучими голосами. Придворные богослужения совершались по сокращенному чину, но всегда стройно, благолепно и изящно. Проповедей при придворных богослужениях не полагалось. От придворного священника требовался минимум пастырской работы: совершение богослужений. Некоторые придворные священники этим и ограничивались, в остальное время предаваясь праздности и барству. Другие помимо своей службы занимались законоучительством в петербургских учебных заведениях. Все придворные священники, а в особенности пресвитеры собора Зимнего дворца, считали себя белой костью среди белого духовенства. Их материальное обеспечение и привилегированное положение давали им на это право, но интеллектуально-моральный уровень придворного духовенства не соответствовал их высокому мнению о себе, ибо после смерти о. И. Л. Янышева среди них не оставалось ни одного, который бы блистал или ученостью, или какой-либо исключительной деятельностью. Столичное епархиальное и военное последнего времени духовенство в этом отношении весьма преимуществовали пред придворными.

Оскудению талантов в придворном духовенстве несомненно помогал способ назначения придворных священников. Весьма часто туда назначались по протекции, причем протежирующими официально оказывались великие князья или высшие придворные чины, а в действительности иногда их лакеи, горничные и разные

иные служилые люди. А еще — тоже нередко в придворные священники назначались «со взятием», т. е. женившиеся на дочерях заслуженных придворных протоиереев. В том и другом случае заведующему придворным духовенством приходилось, скрепя сердце, утверждать выбор, сделанный слабо разбирающимся в пастырстве светским лицом, а то и еще хуже: лакеем, горничной или протоиерейской дочерью, руководившейся чувствами и соображениями совсем не пастырского порядка.

В общем же придворное духовенство своим личным составом и своей деятельностью блестяще подтвердило ту несомненную, к сожалению еще многими не понятую, истину, что никакими привилегиями и никаким материальным обеспечением нельзя разогреть пастырскую энергию и вызвать подлинную, творческую пастырскую деятельность, если иными духовными путями не разожжен огонь в пастырском сердце и если к пастырскому служению привлечены не жаждущие пастырского подвига люди.

В ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства в 1912 г. числилось 25 соборов, 420 полковых, 33 судовых церкви и 174 церкви при разных учреждениях: школах, госпиталях, военных тюрьмах и дисциплинарных батальонах, местных командах, богадельнях и т.п., всего 653 храма. При этих храмах состояло: 145 протоиереев, 585 священников, 5 протодиаконов, 129 диаконов и 99 псаломщиков.[1]

Военные и морские храмы были разбросаны по всему необъятному пространству Российской Империи: от Сахалина и Владивостока до германской, австрийской и румынской границ; от Архангельска до Сарыкамыша, Кушки и Нарынского укрепления Семиреченской области.

---

[1] Памятная Книга воен. и мор. дух-ва на 1912 г. С.-Пб., 1912.

Число церквей, как и духовенства, с каждым годом увеличивалось по мере открытия новых штатов. Во время великой войны в фронтовых и тыловых частях армии и флота работало более 4.000 человек.

Деятельность военных и морских священников, по сравнению с деятельностью священников епархиальных и придворных, была трудной и, несомненно, более ответственной.

Трудность ее заключалась в следующем. Военные и морские священники находились в двойном подчинении: полном — протопресвитеру и значительном — командиру части, в которой служил данный священник. Большинство военных начальников ценили работу священника и с благородною деликатностью относились к его положению. Но встречались среди них и такие, которые, не зная церковных законов и не понимая задач и духа православного пастырского служения, иногда предъявляли к своему пастырю требования излишние, несуразные. В таких случаях священнику требовалась особая мудрость, чтобы и долг соблюсти, и добрых отношений не нарушить, и начальника не дискредитировать.

Главная же трудность пастырского служения в армии и флоте заключалась в том, что там священник должен был сразу найти и твердо установить золотую середину в своих отношениях и к офицерам, и к нижним чинам, чтобы быть для первых и добрым духовником, и добрым товарищем, а для вторых менее всего начальником и всегда попечительным отцом, заботливым другом, — для тех и других всегда — добрым пастырем. Там, где отношения священника к офицерам принимали характер амикошонства, а отношения к нижним чинам утверждались на начальствовании, там пребывание священника в военной или морской части не оправдывало своей цели.

Ответственность пастырского служения военных и морских священников вытекала из тех задач и обязанностей, какие на них возлагались. Военный, как и морской священник, должен был быть не только совершителем богослужений и треб для воинских чинов, неустанным проповедником долга, чести, верности присяге, самоотверженного служения Родине, совестью своей части, но и учителем, воспитателем в той великой русской школе, какою являлась для огромной части русского мужского населения армия. Первая, очевидная для всех задача армии и флота — быть боевой силой, способной защитить державу от всяких врагов. Но наряду с боевой подготовкой и русская армия, и русский флот делали и другое огромное дело. Ежегодно принимая в свои ряды сотни тысяч молодых людей, в значительном проценте неграмотных и невежественных[1], армия и флот обучали их грамоте, сообщали им разные знания, дисциплинировали и культивировали их. В этом случае армия и флот дополняли ту работу, которую недоделывала хромавшая на оба колена наша предреволюционная народная школа. И в отношении воспитания воинского духа, и в отношении общего обучения и воспитания нижних чинов священник в воинской, как и в морской части, мог играть выдающуюся роль.

Один из лучших наших воинских начальников, командир одного из образованных в феврале 1904 г. Восточно-Сибирских стрелковых полков, полковник ген. штаба Н. Я. Лисовский[2], расставаясь с получившим

[1] В начале этого столетия «в некоторых местах почти 70 проц. из поступающих в полк не только не знали молитв, но и не имели ни малейшего представления о религиозных началах» (Столетие Военного министерства. Управление церквами и православным духовенством военного ведомства. XIII. [Составил А. А. Желобковский. С.-Петербург, 1902.]).

[2] В великую войну командовавший корпусом. († янв. 1920 г.)

другое назначение священником этого полка, в присутствии всех офицеров полка сказал ему: «Вашей службы на поле брани не забудет полк: Вы, может быть, не представляете, что вы сделали для полка, — вы дали лицо полку». Назначенный в начале 1914 г. командиром 176 пехотного Переволоченского полка, полковник ген. штаба М. Д. Бонч-Бруевич[1] лично просил протопресвитера: «Принимая полк, я первым делом умоляю вас: дайте мне хорошего священника — хороший священник не меньше, чем командир, может сделать для полка». В таких и подобных отзывах не было преувеличения. Умный, идейный, энергичный и самоотверженный священник всегда ценился нашим воинством и оказывал большое влияние на него. Его авторитет признавался как православными, так и инославными чинами полка; к его голосу прислушивались, с его словом считались и его примером увлекались. Великая война дала много примеров огромного влияния священника на свою часть. Бывали даже случаи, когда своим выступлением священники решали участь сражений.

Если для рядового приходского священника необходима была специальная и серьезная подготовка, хотя обстановка приходской службы в общем была известна, равно как необходимо было руководительство его работой, то и то, и другое сугубо было необходимо для военного и морского священника как ввиду особой ответственности его служения, так и ввиду совершенно особых условий его службы.

Что же делалось в Военно-духовном ведомстве в том и другом направлении?

[1] В великую войну занимал должность нач. шт. фронта, а в 1918 г. ставший при большевиках ВЕРХОВНЫМ Главнокомандующим.

Остановимся на последнем периоде существования этого ведомства, начиная с 1890 г., когда, с введением «Нового положения об управлении церквами и духовенством военного и морского ведомства», оно вышло на широкую дорогу, а его глава — главный священник — стал именоваться протопресвитером военного и морского духовенства.

Первым протопресвитером был магистр богословия Александр Алексеевич Желобовский, возглавлявший ведомство с 1888 г. по день своей кончины (в мае 1910 г.). Богато одаренный, остроумный, обладавший оригинальным, проникновенным и выразительным даром слова, он в первую половину своего правления, пока старческая дряхлость не надломила его сил, очень много сделал для ведомства, в особенности в отношении улучшения материального положения духовенства и его вдов и сирот. Надо здесь заметить, что средина управления ведомством А. А. Желобовского протекла при Военном министре (с 1897 по 1904 гг.), генерал-адъютанте А. Н. Куропаткине — этом удивительном человеке по его отношению к религии, Церкви и духовенству, всегда высоко ценившем деятельность священника и всегда старавшемся оказать ему поддержку. Успехом большинства своих начинаний о. А. А. Желобовский был всецело обязан этому министру. Благодаря, например, мощной поддержке А. Н. Куропаткина с 1 июля 1899 г., взамен действовавших, были введены новые табели увеличенных окладов жалованья и столовых денег Военному духовенству[1], а равно и но-

[1] До того времени, согласно приказу по Военному ведомству от 26 февраля 1888 г., за № 45, которым объявлялось высочайше утвержденное Положение о служебных правах и окладах содержания военному духовенству, приказом по морскому ведомству от 10 февраля 1890 г. за № 20 распространенное и на морское духовенство, и военное, и морское духовенство получало такое содержание:

вые усиленные оклады казенной пенсии, права на которую по высочайше утвержденной 26 февр. 1901 г. табели[1] были распространены и на псаломщиков.

Из других начинаний о. А. А. Желобовского, свидетельствовавших о его заботах о материальном состоянии подчиненного ему духовенства, надо упомянуть: а) о расширении, при его содействии, Покровского приюта в Санкт-Петербурге, дававшего убежище 15 семействам[2]; б) об изыскании средств на воспитание сыновей военного духовенства; в) об устройстве в 1901 г. похоронной кассы для служащих в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства; г) об открытии в 1892 г. в Старицком уезде Тверской губ. военного свечного завода с предназначением ожидаемых от него прибылей на просветительно-благотворительные цели.[3] Все эти начина-

	Жалов.	Стол.	Всего:
1) Штатный протоиерей и протоиер. благочинный по чину полковника	687 р.	546 р.	1233 р.
2) Протоиер.нештатн. и св-к благоч. по чину подполковника	531 р.	420 р.	951 р.
3) Св-к по чину капитана, рот. ком.	366 р.	366 р.	732 р.
4) Штатн. диакон по чину поручика	312 р.	183 р.	495 р.
5) Диакон нештатн. по тому же чину, но без столовых	312 р.	—	312 р.
6) Псаломщик, приравненный к подпрапорщику	240 р.	—	240 р.

Кроме того, предоставлялось право на получение прибавок — первой за выслугу 10 лет и второй — 20 лет, по одной четверти оклада жалованья.
С 1 июля 1899 г. вводились следующие оклады:

	Основ.	Усилен.
1) Настоятелю военного собора и прот.благочинному	1200 р.	1536 р.
2) Нештатн.протоиерею и св-ку бл-ному	1080 р.	1344 р.
3) Священнику	900 р.	1080 р.
4) Штатному диакону	720 р.	877 р.
5) Нештатному диакону	600 р.	732 р.
6) Псаломщику из духовного звания	240 р.	360 р.

Кроме того, священникам дисциплинарных батальонов и военных тюрем полагался оклад столовых денег в размере 180 руб., а настоятелям военных соборов, протоиереям и благочинным по 96 руб. Кроме того, выдавались квартирные оклады. (Там же, с. 34–35, 44–45.)

[1] Приказ по Военному ведомству № 100.

[2] Управление церквами и православным духовенством Военного ведомства. С. 41.

[3] Там же. С. 42–44.

ния свидетельствовали о попечительности о. протопресвитера о нуждах подчиненного ему духовенства, часто являющихся тормозом при исполнении пастырями своего служебного долга. Но с церковной и государственной точки зрения все указанные мероприятия не могли считаться первостепенными, ибо задача и военного, и морского духовенства была — служение армии и флоту, а не его личное благоденствие. С этой точки зрения большой интерес представляют заботы о. протопресвитера о религиозно-нравственно-патриотическом воспитании военных и морских чинов и его достижения в этой области.

Надо отметить, что и в этом отношении управление о. А. А. Желобовского не было бесцветным.

Начнем с того, что о. протопресвитер начал предъявлять более строгие требования к кандидатам священства, чтобы каждый священник в полку мог быть не только совершителем богослужения и требоисправителем, но и учителем и руководителем своих пасомых в их религиозно-нравственном воззрении и христианской жизни. В этих видах по Военно-духовному ведомству в 1899 г. было объявлено, что впредь священнические места в Военном ведомстве будут предоставляться лицам по преимуществу с высшим академическим образованием или окончившим семинарский курс по первому разряду.[1]

От священников о. протопресвитером требовалось: а) благоговейное совершение богослужений, б) проповедание слова Божия и в церкви — в форме проповедей, и вне храма — в виде внебогослужебных бесед и религиозно-нравственных чтений, а также в преподавании закона Божия в учебных командах[2], наконец, в посещении свя-

[1] Управление церквами и православным духовенством Военного ведомства. С. 48.

[2] «Вестник воен. духов.» 1890 г

щенниками мест заключения (карцеров и др.), лазаретов и госпиталей, где дорого и спасительное слово назидания и утешения.[1] Для преподавания Закона Божия в учебных командах о. протопресвитером была выработана новая программа461, а из помещавшихся в «Вестнике воен. духовенства» (за 1890–1900 гг.) лучших проповедей военных священников составлены три сборника, с целью дать подходящий материал воинам для назидательного чтения, а священникам для их беседы.[2]

В 1901 г. о. протопресвитером была составлена и объявлена военному духовенству программа собеседований с воинскими чинами вместе с кратким списком подходящих для таких собеседований световых картин.[3]

Под влиянием о. протопресвитера начали с 1899 года повсюду устраиваться полковые певческие хоры, а в некоторых церквах — и общее пение за богослужениями важнейших молитв: «Верую», «Отче наш» и др.

Под действием же о. протопресвитера при военных церквах появилось множество церковно-приходских школ для детей солдатских и соседних обитателей. Обучение и воспитание в этих школах велось, под руководством священников, священническими женами и дочерьми, офицерами и их женами и взрослыми дочерьми.[4]

Зародившиеся в 1858 г. по почину протопресвитера В. Б. Бажанова военно-церковные библиотеки в управление о. А. А. Желобовского, под его воздействием, начали расширяться и умножаться. Благодаря тому же о. протопресвитеру, при некоторых военных церквах появились братства, причем некоторые из них, как, например, Ко-

[1] Управление церквами и православным духовенством Военного ведомства. С. 53.
[2] Там же. С. 51–52.
[3] «Вестник воен. духов.» № 22. 1901 г.
[4] Там же. № 8, 1890 г.; № 8 и 16, 1891 г.; № 4 и 17, 1892 г.

венское-Петропавловское, развили широкую просветительно-благотворительно-миссионерскую деятельность.[1]

С 1 января 1890 г. о. протопресвитером было начато издание периодического журнала «Вестник военного духовенства», а еще раньше, в 1889 г., им же, для выяснения задач современного пастырства в применении к специальным условиям военного быта, чрез взаимный обмен мыслями и наблюдениями, были введены братские собрания военного и морского духовенства. На этих собраниях рассмотрены и решены многие вопросы: о преподавании Закона Божия в учебных командах, об устройстве церковных библиотек при всех военных церквах на церковные суммы с целью распространения книг назидательного содержания между чинами, о предупредительных мерах против распространения лжеучений в войсках, об образовании особого фонда для помощи в случаях тяжких несчастий, о мерах борьбы со штундизмом, о введении пения вечерних молитв в образной комнате всеми православными чинами, о непроизводстве в воскресные и праздничные дни учений и смотров, о необходимости образования военных певческих хоров и т.д. Братские собрания не ограничивались одним Санкт-Петербургом, но время от времени проходили и в других местах: Москве, Киеве, на Кавказе и иных больших центрах.[2]

Наконец, для сближения и ознакомления с духовенством и для обмена мыслями с военными начальниками о. протопресвитером от времени до времени производились религиозные поездки.

Венцом же всех достижений о. А. А. Желобовского было учреждение по высочайшему повелению 23 февр.

[1] Управление церквами и православным духовенством Военного ведомства. С. 53–54.
[2] Там же. С. 55–56.

1900 г. особой Комиссии под председательством члена Военного Совета, генерала от инфантерии графа Татищева для обсуждения вопросов, касающихся удовлетворения религиозных нужд войск, и для поднятия религиозно-нравственного воспитания войск. Этим достижением о. протопресвитер был всецело обязан необыкновенно чуткому к религиозным нуждам армии тому же Военному министру А. Н. Куропаткину.

Ген. ад. А. Н. Куропаткин в начале 1900 года препроводил о. протопресвитеру копию с доклада Главного штаба на высочайшее имя. В этом докладе представлялось необходимым изыскать средства для постройки церквей при всех частях войск, в которых по штату положены священники, и для расширения существующих войсковых храмов, для чего признавалось необходимым разработать тип военной церкви, поместительной и недорогой. Точно так же представлялось необходимым изыскать средства для введения священников в штаты тех частей войск, в которых таковых не было положено: в артиллерийских бригадах, отдельных батальонах, казачьих полках и т. п. Затем представлялось необходимым разработать вопрос об организации для войсковых церквей певческих хоров из нижних чинов под управлением офицеров-любителей и знатоков церковного пения. Кроме того, считалось необходимым распространить заведенный в некоторых войсковых частях порядок пения на литургии наличными нижними чинами молитв «Верую» и «Отче наш». Признавалось затем необходимым разработать вопрос об улучшении контингента церковников из нижних чинов, заменив их, по возможности, штатными псаломщиками. Для разрешения указанных вопросов полагалось бы учредить при Главном штабе особую Комиссию под председательством члена Военного Совета, генерала от инфантерии графа Татищева при участии протопресвитера военного и

морского духовенства и представителей: от Главного штаба, Главного Инженерного Управления и высочайше утвержденной при Военном Совете комиссии по постройке казарм и других лиц, могущих доставить необходимые данные по настоящему делу.

На подлинном собственною его императорского величества рукою написано: «Дай Бог в скором времени удовлетворить религиозные нужды войск, что я считаю делом в высокой степени важным. 23 января 1900 года».

Комиссия графа Татищева разработала поставленные вопросы. Она выработала тип военной церкви, «образцовой не по роскоши и убранству, а по вместительности и экономичности сооружения». Проектируемый план был рассмотрен и одобрен государем. Началась постройка военных церквей. В 1901 г. по высочайшему повелению было отпущено на это дело 200 тыс. руб., а в 1902 и 1903 гг. по 450 тыс. руб. Постройка каждой церкви обходилась в 40 тыс. руб.

По другим вопросам Комиссия выработала следующие меры:

1) Организовать в войсках внебогослужебные собеседования, по одному разу в неделю в каждом батальоне, каждое продолжительностью не менее одного часа. Собеседования эти, обнимая собою элементарный курс Закона Божия по программам, разработку коих взял на себя о. протопресвитер, должны быть включены в план распределения зимних занятий;

2) отправлять по возможности всех православных нижних чинов, а в особенности новобранцев, с их учителями в праздничные дни к обедне и накануне их ко всенощной; нижние же чины из иноверцев должны быть посылаемы в инославные храмы, а за неимением таковых в войска должны быть командируемы иноверческие священнослужители;

3) наблюдать, чтобы в войсковых церквах отводились нижним чинам места впереди посторонних прихожан, откуда каждый мог бы отчетливо слышать богослужение; посторонних же прихожан допускать только в том случае, если окажется избыток места за размещением нижних чинов;

4) наблюдать, чтобы нижние чины были проводимы в церковь до начала богослужения и не расходились бы до окончания;

5) возможно шире распространить существующий в некоторых частях войск обычай выдавать каждому нижнему чину по просфоре после причащения; установить, чтобы в военных церквах нижние чины, прикладываясь к кресту, были оделяемы частицами антидора;

6) ввести в военных церквах хоровое пение всеми нижними чинами общественных молитв; равно установить обязательное пение хором всеми присутствующими нижними чинами молитв, утренней, вечерней, пред обедом и ужином; организовать в каждой части хоры из ротных песенников, под руководством офицеров;

7) воспретить в часы праздничных церковных служб всякого рода смотры людей и наряды на домашние и хозяйственные работы;

8) установить, чтобы, за крайними исключениями, говение вместе с приобщением продолжалось шесть дней;

9) требовать соблюдения постов, по крайней мере, всего Великого поста;

10) разрешить командирам частей выписывать на хозяйственные суммы, сверх установленного отпуска, книги для чтения нижних чинов из числа рекомендованных циркулярами Главного штаба;

11) в видах поддержания связи нижних чинов с оставленными ими на родине семьями давать предпочтение женатым при увольнении в кратковременный отпуск; дозволить нижним чинам и особенно новобранцам отправлять бесплатно (на средства части) определенное количество писем в год;

12) обратить внимание на часы досуга нижних чинов (особенно в праздники), отвлекая от бесцельного шатания по городу, устройством разного рода развлечений, игр, состязаний, чтений с туманными картинами и т.п.; большую пользу нравственному подъему может принести ознакомление с историей русских войск (особенно своей части) в рассказах и воспоминаниях о доблестных подвигах;

13) преследовать всякого рода брань и сквернословие;

14) обратить внимание на религиозно-нравственное воспитание малолетних учеников школы солдатских детей;

15) обратить внимание на религиозно-нравственное воспитание юнкеров и кадет военно-учебных заведений.

«Меры эти, как не вызывающие новых постоянных расходов казны, государь император, по всеподданейшему докладу Военного министра, в 28 день апреля 1901 года, высочайше повелеть соизволил теперь же принять к руководству в войсках, в виде опыта на три года, в пределах по усмотрению командующих войсками в округах, с тем чтобы по прошествии трехгодичного срока вновь пересмотреть, если в том встретится надобность, вопрос религиозно-нравственного воспитания войск на основании результатов произведенного опыта».[1]

Достигнутому о. протопресвитером, при мощной поддержке ген.-адъют. А. Н. Куропаткина, результату нельзя было не придавать огромного значения. Сам о. А. А. Желобовский так расценивал его: «Все меры,

[1] Циркулярный отзыв Гл. штаба командующим войсками всех военных округов от 18 мая 1901 г. № 27930.

указанные в циркуляре Главного штаба, — пишет он, — по частям в большей или меньшей степени, уже находили приложение в жизни войск, но, не будучи оформлены в распоряжении, имеющие обязательное значение, они в своем применении зависели от доброй воли командиров, от житейского такта и пастырской ревности священников и от многих причин случайного характера. Циркуляр собрал эти разрозненные доселе добрые мероприятия в одно целое, а высочайшее повеление придало им значение руководственных правил религиозно-нравственной жизни войск в качестве постоянных и необходимых агентов ее развития».[1] С такой оценкой нельзя не согласиться. Циркуляр вводил религиозно-нравственную жизнь войск в определенные рамки, создавал благоприятную обстановку и условия для пастырской работы, обязывал военных начальников к неуклонному содействию священникам в деле религиозно-нравственного воспитания войск. Надо ли говорить еще о важности постройки множества новых поместительных и удобных военных храмов и учреждения священнических штатов в тех частях, где до того времени священников не было.

Работа Комиссии графа Татищева, в которой главная роль принадлежала протопр. А. А. Желобовскому, сделала заслугу последнего огромной.

Но как ни важны и необходимы были выработанные Комиссией графа Татищева и высочайше утвержденные мероприятия, они одни не могли обеспечить действенного успеха в религиозно-нравственном воспитании войск. Формами и нормами не творится жизнь. Они — вехи и подпорки, но кроме них нужны живые, идейные, горящие духом, способные к творчеству лю-

[1] Управление церквами и православным духовенством Военного ведомства. С. 65.

ди — деятели, каковыми в религиозно-нравственном воспитании войск должны быть священники, нужен тщательный подбор таких деятелей и тщательное руководство ими. Что же было сделано о. протопресвитером в последующие годы в том и другом отношении?

К сожалению, приходится констатировать, что старческая дряхлость очень рано ослабила и энергию, и духовные силы о. протопресвитера.

Работа Комиссии гр. Татищева была последним его блестящим делом. После этого немощность кладет свою печать на все его управление. Даже весьма благие, обещавшие большой успех прежние его начинания теперь оказываются бесплодными. Его ревизионные поездки становятся ничем не лучше худших архиерейских; обещавший блага ведомству свечной завод к концу жизни о. протопресвитера приходит к краху, дав в 1910 г. вместо прибыли убыток в 9.000 р. и накопив за прежние годы долгу Люненбургской воскобелильне 240.000 р.; братские собрания собираются о. протопресвитером очень редко, по 1–2 раза в год, и служат лишь отбыванием номера; благое, объявленное в 1899 г. решение о. протопресвитера набирать для улучшения священнического состава в ведомстве кандидатов из окончивших курс академий и студентов духовных семинарий[1] не приносит нужных плодов, ибо при назначении теперь начинают играть бóльшую роль протекция, родство, землячество, чем дарования и действительная пригодность к службе кандидата. Жизнь ведомства в это время начинает течь более по инерции, будучи направляема ощутительнее не всегда разбиравшимися в пастырском деле правителем канцелярии и столоначальниками, чем главою ведомства, самим о. протопресвитером.

[1] Т. е. окончивших курс семинарий по первому разряду.

Первое и самое главное, что мог, при поддержке Военного министра, ген.-ад. А. Н. Куропаткина, сделать и должен был сделать о. протопресвитер, — это создать школу или продолжительные курсы для подготовки кандидатов священства, ввиду совершенно особых условий, обстановки службы военного и морского священника, среды, в которой он служит, запросов и вопросов, с которыми он сталкивается. В этой школе кандидатам священства должны были бы быть преподаны: идеология военного пастырства, психология воинов и войск, военно-пастырская апологетика, военная гомилетика и катохетика и в известной части военная история. Но этот вопрос и не подымался. Это тем более странно, что было твердое намерение на купленной усадьбе в г. Кременце Волынской губ. устроить женское духовное училище для сирот военных священно-церковнослужителей[1], которые могли получать образование в любом женском духовном училище или гимназии. Без такой школы набиравшиеся о. протопресвитером из разных епархий священники, поступая в воинские или морские части, оказывались в совершенно новой для них среде и сами должны были определять курс своей работы и своих отношений к пасомым, что не всем и не всегда счастливо удавалось.

Административно-руководительная сторона в ведомстве протопресвитера военного и морского духовенства страдала бóльшим дефектом, чем в епархиальных ведомствах. Военные и морские священники были разбросаны по всему лицу русской земли. Подсобными же органами протопресвитера, кроме Духовного Правления, исполнявшего функции духовной консистории, были благочинные. На каждую дивизию полагался особый

[1]Управление церквами и православным духовенством Военного ведомства. С. 41–42.

благочинный. Значит, почти 1/4 священников[1] были благочинными. Дальность расстояния и множество благочинных затрудняли возможность живого и частого общения о. протопресвитера с ними. А необходимость назначать одного из четырех священников благочинными сопровождалась иногда назначением на ответственную благочинническую должность людей, к ней не подготовленных, нуждавшихся в усиленном наблюдении за ними и руководстве протопресвитера.

В годы же второй половины своего управления ведомством с каждым годом все больше дряхлевший протопресвитер скорее тяготился общением с подчиненными ему пастырями, чем искал его; жизнь и нужды армии перестал изучать; опыта лучших пастырей не впитывал и не старался расширить его. В эту пору он готов был предоставить священнику какой угодно простор деятельности, лишь бы не обеспокоили его самого. Новоназначенным, отъезжавшим к месту службы священникам он обыкновенно давал краткое наставление: «Смотрите, чтобы все было спокойно!» Это значило: делайте, что хотите, только бы военное начальство из-за вас меня не беспокоило. Когда пишущий эти строки, отъезжая, в звании благочинного, в феврале 1904 г. на русско-японскую войну, обратился к протопресвитеру с просьбой дать ему нужные наставления, благостный о. протопресвитер ограничился одним наставлением: «Запаситесь чечунчовым бельем, чтобы вошь не заела». А когда он же, как главный священник 1-й Манчжурской армии, натолкнувшись на целый ряд серьезнейших вопросов, раньше не предусмотренных и не разрешенных, в 1905 г. обратился

[1]В дивизии было четыре священника, один из них назначался благочинным. Для иных военных и морских церквей (не полковых) назначались особые благочинные, с подчинением им большого количества священников.

к протопресвитеру с просьбой дать соответствующие указания, последний ответил достойным увековечения письмом: «Досточтимый о. Георгий Иванович. Император Николай Павлович однажды сказал: «Доколе у меня есть Филарет Мудрый (митр. Московский) и Филарет Милостивый (митр. Киевский), я за Церковь спокоен». Так и я скажу: доколе у меня главные священники — о. Георгий Шавельский и о. А. Журавский[1], я за армию спокоен. Ваш доброжелатель протопресвитер А. Желобовский». Никаких других разъяснений не было получено.

А между тем именно в это время требовалась усиленная работа протопресвитера. Военное и морское духовенство в образовательном отношении превосходило епархиальное, но талантами не особенно блистало.

Работа не только отдельных военных и морских священников, но и всего ведомства нуждалась в усилении и усовершенствовании. 1900-е годы были бурными. В эти годы выросло много новых запросов, изменился и состав армии, т. е. нижних чинов, в значительном проценте являвшихся в армию грамотными. Для священнических бесед с нижними чинами теперь требовалась новая программа и новый материал, ибо «казенные», по катехизису и св.истории, часовые вечерние, после дневных занятий, беседы нередко усыпляли и раздражали, а не назидали нижних чинов. Русско-японская война доказала необходимость особой инструкции для работы священников на поле брани, ибо без этой инструкции часты бывали случаи, когда одни священники занимались ничегонеделанием, а другие не своим делом: одни просиживали в обозах 2-го разряда, вдали от своих частей, а другие принимались командовать ротами и т. д.

[1] Главный священник 2-й Маньчжурской армии.

Последним делом о. А. А. Желобовского было назначение в 1906 г. особой комиссии под председательством прот. А. А. Ставровского из главных священников б. Манчжурских армий и других виднейших представителей Санкт-Петербургского военного и морского духовенства для переработки положения о военном и морском духовенстве. Но работы этой комиссии остались под спудом.

О. протопресвитер А. А. Желобовский оставил память о себе как о блестящем деятеле, который, однако, пережил самого себя.

Место о. А. А. Желобовского в мае 1910-го года занял профессор Санкт-Петербургской духовной академии и Санкт-Петербургского Историко-филологического института, протоиерей церкви Кавалергардского полка, доктор богословия Евгений Петрович Аквилонов. Человек большой учености, богатырь по внешнему виду, рыцарь по отношению к людям, честный и неподкупный, он страдал одним недостатком: он был кабинетным ученым, но не общественно-государственным деятелем, какой требовался на посту протопресвитера. Может быть, потом в нем проявился бы и этот дар, но злой недуг — саркома — быстро победил его могучий организм, и он на 49-м году жизни 30 марта 1911 г. отошел в вечность. Трогательны были его последние минуты. Почувствовав приближение смерти, он взял в руки зажженную свечу и начал сам себе читать отходную. Со словами: «Упокой, Господи, душу раба Твоего, протопресвитера Евгения» он отошел в вечность.

22 апреля 1911 г. состоялось высочайшее повеление о бытии протопресвитером военного и морского духовенства магистру богословия, протоиерею Суворовской при Императорской Николаевской военной академии церкви Г. И. Шавельскому (род. 6.I.1871 г.), занимавшему одновременно кафедру богословия в Санкт-Петербургском Императорском филологическом институте

и должность Члена Духовного Правления при протопресвитере военного и морского духовенства.

Новый протопресвитер имел некоторый опыт по управлению духовенством, приобретенный им на русско-японской войне, где он состоял сначала полковым священником и благочинным, а затем с 1 декабря 1904 г. до окончания войны[1] Главным священником 1-й Манчжурской армии, в которой числилось до 100 полковых и госпитальных священников. Там, на войне, он смог заметить многие недочеты как в организации, так и в работе военного духовенства. Служба в должности Члена Духовного Правления и участие в разных комиссиях после войны еще более расширили его опыт.

Программу своей деятельности протопресвитер кратко выразил в своей речи к собравшемуся его приветствовать в первых числах мая 1911 г. военному и морскому духовенству. «Я, — сказал он, — в первую очередь ставлю две задачи для своей деятельности: 1) насколько возможно, облегчить работу военного и морского духовенства и сделать ее возможно более плодотворной для армии и флота; 2) привлечь в наши ряды лучшие духовные силы, которые украсили бы наше ведомство. Если я достигну того, что, привлекши свежие могучие силы, сам окажусь одним из слабейших в ведомстве, тогда я буду считать, что я наилучшим образом исполнил свою задачу. Некоторые из вас ожидают, что я всю свою энергию направлю на изыскание способов лучшего материального обеспечения духовенства. На это я отвечу: когда мы покажем прекрасную, плодотворную работу — обеспечение само придет к нам: высшая власть не оставит без награды наших трудов».

[1] До конца февраля 1906 г.

Для осуществления этих задач протопресвитеру необходимо было ознакомиться на местах с условиями службы подчиненного ему духовенства, с его работой, с действительными духовными нуждами армии и флота, с личным составом духовенства. С этой целью в первые три года своей службы до начала великой войны протопресвитером был совершен ряд поездок. За это время он успел обревизовать военные церкви Москвы, Киева, Одессы, Севастополя, Дальневосточные, не говоря уже о многочисленных церквах г. Петербурга и его пригородов. Протопресвитер побывал также почти на всех судах Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского флотов.[1] А для лучшего ознакомления со службой судового священника протопресвитер провел в июле 1911 г. несколько дней в плавании на предоставленном Морским министром в его распоряжение для этой цели транспорте Балтийского флота «Океан». Объезжая, протопресвитер посещал церкви, школы, воинские части, госпитали, тюрьмы; совершая богослужения, вел беседы не только со священниками и военными начальниками, но и с офицерами и нижними чинами, а в городах, где имелось несколько военных священников, обязательно устраивал братские собрания.

Такие поездки имели большое значение не только для войск и духовенства, но и для самого протопресвитера, который, наблюдая работу лучших пастырей, обогащался их опытом и достижениями, которым затем давал применение во всем ведомстве.

В частности, протопресвитером обращалось особенное внимание: а) на совершение богослужений — чтобы последним придать наибольшее благолепие и назида-

[1] Это было совершенной новинкой для флота. Прежними протопресвитерами не был посещен ни один военный корабль.

тельность; б) на ведение священниками бесед с нижними чинами — чтобы сделать эти беседы более жизненными и действенными; для этой цели священником кронштадтской Богоявленской церкви С. Т. Тутилиным, под руководством протопресвитера, был составлен и напечатан особый «военный» катехизис применительно к духовным нуждам воинских чинов, а самим протопресвитером дан ряд руководственных указаний к ведению бесед; в) на приучение священников к неизменно внимательному и отзывчивому отношению ко всем нуждам воинских чинов; г) на бережное и острожное отношение священников к своему сану и к своему положению в военной семье.

Наряду с этим протопресвитером принимались решительные меры к обновлению личного состава, в особенности на наиболее ответственных местах, нередко занимавшихся лицами, неспособными к нужной деятельности. При выборе же новых кандидатов обращалось самое строгое внимание не только на их образовательный ценз и аттестацию епархиального начальства, но и на действительную пригодность для предназначавшейся им деятельности.

Каждый кандидат, прежде чем получить назначение, подвергался самому строгому искусу: сначала его испытывал сам протопресвитер в своем кабинете, обращая внимание на его внешность, развитие, интеллигентность, его понимание пастырского дела, а затем он, в присутствии протопресвитера или Члена Духовного Правления, совершал богослужение и произносил исповедь. И только благополучно прошедший чрез все такие испытания мог получить место в ведомстве протопресвитера. За все эти годы ведомство военного духовенства пополнилось многими замечательными пастырями.

Больным местом в ведомстве являлось судовое духовенство. Большинство священнических мест во флоте

были нештатными, скудно оплачивавшимися. Чаще всего их занимали иеромонахи, нередко полуграмотные, невежественные, по своему умственному развитию стоявшие ниже большей половины матросов. Такие пастыри не могли иметь влияния на свою паству — напротив, часто служили для нее соблазном. После доклада протопресвитера государю, а потом Морскому министру нештатные места во флоте были заменены штатными, что дало возможность затем совершенно обновить состав судового духовенства.

Другим больным местом в ведомстве был свечной завод, приближавшийся к краху. Протопресвитер сменил все управление завода, и в 1914 г. вместо убытка завод уже дал чистого доходу до 200.000 руб.

В Великом посту 1914 г. протопресвитером было положено начало новому просветительскому делу — богословским чтениям для офицеров г. Санкт-Петербурга. Чтения эти велись по четвергам от 5–6 ч. вечера в огромном зале армии и флота (на Литейном) и привлекли множество слушателей. Первое чтение было посещено самим Главнокомандующим вел. кн. Николаем Николаевичем.[1]

Разразившаяся война помешала протопресвитеру осуществить многие намеченные меры и произвести в ведомстве нужные реформы.

Но нельзя не упомянуть об одном начинании, которое, явившись полной новинкой для ведомства, осуществилось накануне войны и имело огромное значение для работы военного духовенства на поле брани, — это было

[1] «Церковные Ведомости», 1914 г. № 10. С. 599–562. После протопресвитера, читавшего на тему: «Вера и неверие», лекторами выступали: проф. Каз. ун-та прот. А. В. Смирнов, св-к-законоуч. Морск. корп. Д. И. Удимов и В. П. Быков, читавшие на тему: «Христианство как высшее выражение религ. истины», «Душа и бессмертие», «Великий мировой обман».

о 1[1] съезде в г. Санкт-Петербурге военного и морского духовенства. В съезде участвовало 40 выборных от всех военных округов представителей военного духовенства и 9 — морского. Девять секций съезда обсуждали вопросы: 1) о составлении памятки военному священнику; 2) о богослужении; 3) об учительстве военного пастыря; 4) о библиотеках; 5) о миссии в войсках; 6) о правовом положении военного священника; 7) о благотворительности ведомства; 8) об организации свечного дела в ведомстве; 9) о положении морского духовенства.[2] Работы съезда под председательством протопресвитера продолжались с 1 по 14 июля 1914 г., а 15-го июля съезд в полном составе представлялся в Петергофском дворце государю императору.

Большинство мероприятий, выработанных съездом, остались не осуществленными, ибо чрез пять дней по закрытии съезда разразилась война, отвлекшая и протопресвитера, и все военное духовенство от дел внутреннего порядка, а затем разразилась революция. Но составленная съездом памятка военному священнику сыграла большую роль. О ней следует распространиться.

Как мы уже говорили, в бытность свою Главным священником 1-й Манчжурской армии, протопресвитер обратил внимание на неурегулированность работы священника на поле брани, открывавшую возможность каждому священнику действовать по-своему: одному ничего не делать, другому хвататься не за свое дело. Положение о полевом управлении войск не предусматривало всех обязанностей военного священника на поле брани, а некоторые его параграфы вопияли об отмене. Как на курьез, укажем, что по этому Положению госпи-

[1] Такого съезда в ведомстве никогда раньше не было.

[2] «Церковные Ведомости», 1914 г. № 27. С. 1225–1226.

тальным священникам не полагалось антиминсов, а между тем именно в госпиталях и возможно, и нужно чаще совершать литургию. Протопресвитерских наставлений священникам на время войны (русско-японской) не было дано. После упомянутого нами выше бесплодного обращения к протопресвитеру Главный священник 1-й Манчжурской армии, на свой риск и страх, предъявил полковым и госпитальным священникам свои требования: полковым — чтобы они всегда находились при полках, а не при обозах, во время же боя — не дальше от боевой линии, как на передовом перевязочном пункте, а время от времени обходили окопы; чтобы они заботились об уборке раненых с поля сражения и о погребении умерших, о кончине которых возможно обстоятельнее извещали бы их родственников; чтобы при полках организовывали общества помощи семьям убитых и увечных чинов полка и т. д. и т. д.; госпитальным — чтобы запаслись антиминсами и возможно чаще совершали литургии, по окончании которых обходили бы с крестом и антидором палаты больных; чтобы ежедневно навещали всех больных, стараясь каждому оказать посильную помощь: участливым словом, писаньем писем на родину и т. п.; чтобы возможно торжественнее погребали умерших и затем подробнее извещали их родственников; чтобы организовывали при госпиталях походные библиотечки и т. д. Такие требования сначала вызвали нарекания на Главного священника, якобы перегружающего подведомое ему духовенство непосильными, а в некоторых случаях опасными для их жизни обязанностями. Когда же священники начали добросовестно выполнять эти требования, оказавшиеся совсем не непосильными, они заслужили большую благодарность военного начальства и трогательную признательность воинов и их родственников.

В 1912 г. вышла небольшая книжка протопресвитера «Служение священника на войне», в которой он изложил свой взгляд и опыт, приобретенные на русско-японской войне. Сущность ее можно выразить в немногих словах: что должен и что может делать священник на войне. Рассуждения иллюстрировались примерами из этой войны. Книжка произвела большой эффект в образованном обществе, совсем не представлявшем тех возможностей, которые открываются для работы священника на войне. Известный публицист В. В. Розанов по поводу этой книжки поместил в «Новом Времени» восторженный фельетон.

Эта книжка легла в основу рассуждений съезда при составлении им памятки. Съезд немного прибавил к тому, что уже было признано необходимым и практиковалось в 1-й Маньчжурской армии. Но дело не в этом. Важно было то, что съезд всецело воспринял идею необходимости расширения работы священника на войне, проникся этой идеей, а все его участники чрез несколько дней после начавшейся войны выступили на театр военных действий в качестве помощников протопресвитера: главных священников фронта, штабных священников, благочинных, и начали осуществлять намеченную программу.

Начавшаяся великая война потребовала от протопресвитера особой работы. Тотчас по объявлении войны ему высочайше повелено было находиться при ставке Верховного Главнокомандующего. И, оставив Духовное Правление с помощником протопресвитера во главе для ведения текущих дел, он с походной канцелярией 31 июля 1914 г. вместе с Верховным Главнокомандующим отбыл на театр военных действий.

Пребывание протопресвитера во все время войны в центре управления армиею и его постоянные посещения войск на местах военных действий дали ему возможность постоянно быть в курсе действительных духовных нужд армии, нужным образом организовывать управление духовенством и непосредственно следить за работой духовенства в действующей армии.

Высочайше утвержденным Положением об управлении войск в военное время в качестве пособных органов управления духовенством предусматривались, кроме дивизионных благочинных, назначаемые на время войны Главные священники фронтов как ближайшие помощники протопресвитера. Каждому из них предоставлялось управление духовенством фронта. Избирались они протопресвитером, назначались Св. Синодом и находились в полном подчинении протопресвитеру. В русско-японскую войну каждая армия имела своего Главного священника. По новому Положению, действовавшему в великую войну, священникам при штабах армий не предоставлялось никаких административных функций — они предназначались лишь для совершения богослужений и отправления треб для чинов штаба армии.

В первые же месяцы войны обнаружились многие недостатки такой организации. В районах армий оказалось множество частей: запасных, не приданных к дивизиям госпиталей, этапных и эвакуационных пунктов, запасных батальонов и т.п., священники которых проходили свое богослужение без благочинического надзора, ибо дивизионные благочинные могли заведовать только духовенством своей дивизии[1], а других благочинных не было. Между тем именно священники этих выросших на время войны частей в особенности нуждались в надзоре и руководстве, так как все они явились в армию по мобилизации из епархий и не были подготовлены к новой для них работе.

[1] Полковыми священниками и священниками дивизионных госпиталей.

Протопресвитер возложил обязанности благочинных над всеми этими священниками на штабных священников, обязав их кроме того помогать главным фронтовым священникам в наблюдении за строевым духовенством армий.

В тылу армий, с другой стороны, в особенности в городах, также оказалось скопление различных воинских частей и учреждений, священники которых тоже не имели благочиннического надзора и не были объединены в работе, что создавало много затруднений даже для военного начальства. Протопресвитером для таких пунктов были учреждены должности гарнизонных благочинных, ответственных за работу священников данного гарнизона и пред духовным, и пред военным начальством.

Во все время великой войны, с мобилизацией множества новых воинских частей и учреждений и постоянной эвакуацией заболевших, раненых и увечных священников, немедленно замещаемых новыми, число военного и морского духовенства чрезвычайно увеличилось: вместо 730 священников мирного времени к концу войны там числилось свыше 4000 священников. Новые кандидаты требовались беспрерывно, десятками. Протопресвитер не имел возможности вызывать к себе — в ставку — для испытания каждого кандидата. Приходилось полагаться на выбор епархиальных начальств. Но последние не всегда серьезно относились к назначению священников в армию. Не вникая в то, что война — экзамен для народа и что на нее должны выйти отборные, подготовленные, вдохновенные, большинство епархиальных начальств, напротив, получив синодальный приказ выслать по требованию и указанию протопресвитера какое-то число священников, пользовались случаем, чтобы освободиться от залежалого и подпорченного товара, и сплавляли в армию самых негодных: алкоголиков, сварливых и ленивых, подсудных

и т. п. В русско-японскую войну из епархиальных начальств, поставлявших священников для 1-й Маньчжурской армии, только Екатеринославское епархиальное начальство прислало молодых, образованных, воспитанных и усердных пастырей. Из присланных же другими епархиями священников оказалось много таких, которые стали не только излишним, но и вредным балластом для армии. То же приблизительно могло повториться и в великую войну. Правда, в самом начале войны Кишиневский архиепископ Платон в августе 1914 г. прислал 29 выбранных самим духовенством по одному от каждого округа молодых, образованных, энергичных и самоотверженных священников для бесплатного служения в армии. Прежде чем отправиться на театр военных действий, они прошли под руководством местных врачей, во главе с доктором Ф. Ф. Чорба, трехнедельные курсы для оказания первой помощи раненым. Затем в благочиннический округ был выбран, по тому же принципу, еще 41 священник. Неудивительно, что кишиневские священники заявили себя на театре военных действий с самой лучшей стороны. Уже в конце сентября 1914 г. протопресвитер телеграфировал Кишиневскому архиепископу: «Труды бессарабского духовного отряда в боевой линии выше всякой похвалы». Некоторые из кишиневских священников, как отцы Михаил Няго, Георгий Ксифи, погибли на войне от заразных болезней, а о. Александр гр. Торноруцкий 19 октября 1916 г. был сражен насмерть неприятельской пулей у деревни Ворончин, когда он с крестом в руке вел свой 318 Черноморский пехотный полк в атаку.

Но, к сожалению, подражателей Кишиневскому архиепископу и его духовенству не нашлось. А некоторые епархиальные начальства действовали совсем по-иному. Полоцкое, напр., епархиальное начальство, обязанное в 1915 г. Синодом дать для армии пять священников, пред-

ложило протопресвитеру — как оказалось по высланным, по требованию последнего, послужным спискам — таких священников: одного 62 л., другого 68 л., третьего 69 л., четвертого 71 г. и пятого 47 л., но этот пятый находился под запрещением. Протопресвитер отказался принять их в армию, разъяснив полоцкому начальству, что действующая армия не приют для престарелых и не духовный дисциплинарный батальон. Другие епархиальные начальства также нередко подражали полоцкому епархиальному начальству.

Опыт русско-японской войны заставил протопресвитера принять самые решительные меры, чтобы побудить епархиальные начальства со всей строгостью относиться к выбору отправляемых на театр военных действий священников: не старше 50 лет, получивших полное (среднее) образование и успевших заявить себя энергичной и полезной деятельностью. Моральная поддержка государя императора и неизменная отзывчивость Св. Синода дали возможность протопресвитеру урегулировать это дело. Но, конечно, наряду с весьма достойными — идейными и самоотверженными работниками и после этого иногда попадали в армию и бездельники, искатели приключений или наживы или просто бездарные люди.

Составленная съездом «Памятка» военному священнику в общем обстоятельно определяла обязанности полкового и госпитального священника, но все же она не предусматривала всех возможностей для его плодотворной работы, обнаружившихся в великую войну. С другой стороны, она совсем не касалась специальных обязанностей священников таких частей и учреждений, как, например: запасных батальонов, эвакуационных и этапных пунктов, санитарных поездов и т. п., равным образом обязанностей священников при штабах армий, гарнизонных священников, армейских проповедников. Последняя

должность была учреждена по представлению протопресвитера в 1916 г., когда под влиянием утомления и неудач начал сдавать дух армии. На должность армейских проповедников были назначены самые выдающиеся проповедники из епархиального и военного духовенства. Они должны были разъезжать по фронту — каждый в районе своей армии — и проповедями подымать дух воинов. Институт армейских проповедников блестяще оправдал себя. Английский военный агент полк. Нокс отзывался о нем как о гениально задуманной организации.

Для упорядочения и облегчения работы священников указанных выше частей и учреждений, а также гарнизонных и иных вновь назначенных благочинных, как и армейских проповедников, протопресвитером был составлен ряд инструкций, точно определявших обязанности и права по всем этим должностям.

Такие инструкции были в особенности необходимы и драгоценны для священников, прибывших из епархий и совершенно не знакомых с условиями и обязанностями священника в армии в военное время.

Не ограничиваясь инструкциями и приказами, к концу войны составившими целую книгу, протопресвитер старался поддерживать постоянное живое и непосредственное общение с войсками и их пастырями. Этой цели служили совершавшиеся им каждый месяц поездки по фронту. Протопресвитер посещал находившиеся на боевой линии воинские части, совершал — иногда и под обстрелом — богослужения, вел беседы[1], обходил окопы, непременно посещал госпиталя, от военных начальников и священников узнавал духовные нужды

[1] Бывали дни, когда протопресвитеру удавалось — даже в зимнее и осеннее время — посетить 10—12 воинских частей и в каждой, под открытым небом, совершить молебствие и произнести речь.

войск, на месте знакомился с работой священников и с возможностями тех или иных ее изменений или улучшений. Появление протопресвитера на боевой линии и особенно в окопах, нередко под обстрелом, производило ободряющее впечатление на войска, а священников обязывало не страшиться передовых линий.

Самым ценным в таких поездках было живое общение протопресвитера со священниками. Обычно, окончив объезд намеченных частей дивизии, а чаще корпуса, он собирал около себя всех священников посещенных, а иногда и соседних частей. Собрание происходило в вагоне, в помещении какого-либо штаба, а летом нередко на лужайке или на опушке леса, под деревом. Здесь протопресвитер делился с пастырями своими наблюдениями, предположениями, знакомился с методами и видами работы пастырей на поле брани, узнавал их нужды и волновавшие их вопросы; их опытом проверял свои наблюдения и требования и постоянно старался обласкать, поддержать, укрепить и вдохновить их в насколько трудной, столь же и ответственной и опасной работе. Братские беседы протопресвитера с пастырями, начавшись с заходом солнца, затягивались иногда за полночь. Много труда было в них вложено, но и много добрых плодов они принесли. Такие же братские беседы велись протопресвитером и в тыловых городах после посещения им разных тыловых частей и учреждений.

Одновременно с этим протопресвитером все время принимались меры для объединения и оживления деятельности главных фронтовых священников. С этой целью, появляясь на фронте, протопресвитер, обычно по окончании объезда, встречался с Главным священником, чтобы сообщить ему свои наблюдения, дать ему нужные указания и выслушать его доклад. Время же от времени Главные священники вызывались протопресвитером для

совещаний и обсуждения разных неотложных вопросов в ставку. На одном из таких совещаний было решено: в феврале-марте 1917 г., ввиду предполагавшегося великого наступления наших войск, созвать съезды представителей духовенства и церковных ктиторов всех фронтов[1], чтобы чрез этих представителей оживить и усилить работу всего фронтового духовенства. Состоялся лишь съезд Северного фронта 26 февраля и Западного — в мае. Собраться остальным помешала революция. Все же уже в революционное время, в июле 1917 г., протопресвитером был созван в г. Могилеве, в ставке Верховного Главнокомандующего, большой съезд (более 50 человек) выборных представителей от всего фронтового и тылового военного и морского духовенства. Съезд заседал около 10 дней в помещении женского духовного училища. Председательствовал, по избранию, Главный священник Румынского фронта, профессор Санкт-Петербургской Дух. академии, протоиерей П. И. Лепорский. Большой зал заседаний был все время переполнен посторонними слушателями: офицерами, несмотря на революционное возбуждение, солдатами. Места брались с бою. Тут ярко обнаружился результат постоянных и упорных усилий протопресвитера привлекать все яркое, выдающееся в ряды подчиненного ему духовенства. В конце съезда попросил слова один офицер, не пропустивший ни одного заседания. «Отцы! — обратился он к членам съезда, — Каюсь пред вами: я доселе не верил в Бога, пренебрежительно относился к духовенству. Своими вдохновенными, огненными речами вы потрясли меня, вы перевернули мою душу... Я стал верующим... Земно кланяюсь вам!»

[1]Беседы были назначены: для Северного фронта — в г. Пскове 26 февр.; для Западного — в г. Минске 5 марта; для Юго-Западного в г. Бердичиве 19 марта и Румынского в г. Кишиневе 25—26 марта.

Эффект съезда получился необыкновенный. На съезде выявился целый ряд огромных талантов и чрезвычайно жертвенный порыв всех собравшихся тут представителей военно-морского духовенства. Но никакими эффектами и никакими талантами духовных лиц уже нельзя было остановить охватившего армию безумия, принявшего характер стихийной силы. Поэтому беспримерный, можно сказать, по блеску съезд не дал тех результатов, какие он мог бы дать в нормальное время: участники съезда получили огромное нравственное удовлетворение: посторонние, посещавшие заседания съезда, убедились, что военное духовенство — огромная сила; некоторые, как тот офицер, из неверующих превратились в верующих. Но... этим дело и ограничилось: меры духовного, пастырского воздействия и влияния тогда уж на фронте оказывались бесплодными, везде и над всем царила лишь грубая и дикая сила.

Общефронтовый съезд 1917 г. военного и морского духовенства был его последней, прекрасной лебединой песнью.

Стараясь поднять на желательную высоту работу духовенства на поле брани, протопресвитер употреблял в то же время усилия, чтобы подготовить условия для последующей мирной работы.

Его давно занимал вопрос о стареющих священнослужителях ведомства. Действительная служба становилась для них непосильной, бездеятельность в отставке их пугала. В 1914 г. протопресвитер начал усиленный сбор пожертвований посредством самообложения находящихся на фронте и в тылу и в военное время прекрасно обеспеченных священников. На собранные большие суммы он в 1914 г. приобрел в Тверской губ., Старицком уезде, вблизи от военно-свечного завода, имение в 150 дес. земли. На этом прекрасно расположенном участке была начата постройка священнического поселка для отставных священнослужителей, и в центре его — большого инвалидного дома для воинских чинов, с церковью, школой, садом, пасекой, скотным двором и разными мастерскими. Предполагалось дать каждому священническому семейству квартиру из трех или четырех комнат с маленьким огородом и садиком. А инвалидный дом со всеми при нем службами должен был стать центром, где бы каждый из священников мог приложить свои силы и заполнить свой досуг.

Для нуждающихся же в курортном лечении в 1915 г. в г. Ессентуках были приобретены три дома с небольшим при них садиком.

Государь император, узнав об этих начинаниях, разрешил протопресвитеру от его высочайшего имени обратиться ко всем начальникам всех находящихся на театре военных действий, воинских частей и учреждений с просьбой, чтобы каждый из них отчислил в распоряжение протопресвитера на просветительные и благотворительные цели некоторую часть своих хозяйственных сумм.

Надо заметить, что в воинских частях, в особенности в полках, артиллерийских бригадах и разных батальонах, к концу войны должны были накопиться колоссальные хозяйственные суммы. Как на пример укажем на 149 пех. Черноморский полк, который в первой половине 1915 г. уже имел около 500.000 руб. хозяйственных сумм.[1] А по закону, все хозяйственные суммы воинских частей по окончании войны отчислялись в казну.

Призыв протопресвитера, подкрепленный высочайшим именем, встретил бы у всех решительно начальников самый горячий отклик. Едва ли нашелся бы начальник, который отчислил бы менее 5.000 руб. Не-

[1] Так сообщил протопресвитеру в мае 1915 г. командир этого полка полк. И. Д. Чистяков.

сомненно, нашлись бы такие, которые отчислили бы и по 50.000 руб. А ведь всего разных частей и учреждений в армии было более 3000. Какой колоссальный капитал должен был оказаться в руках протопресвитера! Этот капитал дал бы ему полную возможность не только создать священнический поселок и инвалидный дом, но и осуществить целый ряд других назревших необходимых начинаний: начать собственное книгоиздательство, отвечающее нуждам армии и флота, приобрести в собственность типографию, открыть армейскую духовную семинарию со специальными предметами и особой дисциплиной для подготовки военных и морских священников, расширить дело призрения вдов и сирот и пр. и пр. Революция помешала осуществиться всему этому.

На театре военных действий число кадровых, подготовленных священников с каждым днем все убывало и убывало. Выбывали из строя заболевшие, раненые и увечные, убитые, взятые в плен. На их место назначались из епархий новички, не имевшие понятия о службе в армии. К концу войны число кадровых священников на театре военных действий не превышало 10% общего числа. И если остальные 90%, прибывшие из разных епархий, чуждые армии пастыри смогли сразу сориентироваться в обстановке, уразуметь свои новые обязанности и с воодушевлением поработать для армии, то этим они в огромной степени были обязаны вручавшимся им точным инструкциям и постоянному руководству их духовными начальниками.

О деятельности военного духовенства на поле брани пусть скажут цифры и авторитетнейшие отзывы:

I. Орденом Святого Великомученика Георгия 4-ой ст. за все время существования этого ордена до великой войны было награждено всего 5 священников;

1) в зойну 1912—1913 гг. священник 19 егерского полка Вас. Васильковский;

2) в войну 1829 г. священник Тобольского пех. полка Иоанн Каминский;

3) в Севастопольскую кампанию — прот. Могилевского полка Иоанн Пятибоков;

4) в ту же кампанию — 45-го флотского экипажа иеромон. Иоанникий Савинов;

5) в русско-японскую войну 11-го Вост. Сиб. полка свящ. Стеф. Щербаковский.

В великую войну четырнадцать священников получили этот орден.

II. В русско-японскую войну был убит только один военный священник, и то русской же пулей во время ложной ночной тревоги. Это был священник 35-ой пех. дивизии о. Любомудров. В великую войну погибли около сорока военных священников. В русско-японскую войну контуженных и раненых было не более десяти, в великую войну тех и других около 400 человек. Некоторые, как прот. С. Соколовский (7-го Финл. стр. полка), потерявший на французском фронте кисть левой руки, были ранены два и более раза.

III. Огромное количество (около 200) попавших в плен священников также свидетельствует, что они исполняли свой долг — находились на боевой линии, а не в отдаленных тыловых частях.

Верховные Главнокомандующие — государь император и вел. кн. Николай Николаевич высоко ценили работу военного духовенства в великой войне. «От всех приезжающих ко мне с фронта военных начальников Я слышу самые лучшие отзывы о работе военных священников в рядах армии», — одни эти слова были сказаны государем военному протопресвитеру. Еще решительнее отзывался о военном духовенстве вел. кн. Николай Николаевич.

Дважды, в присутствии членов штаба, он обращался к протопресвитеру: «Мы в ноги должны поклониться военному духовенству за его великолепную работу в армии».

Деятельность военного духовенства во время великой войны поучительна в двух отношениях. Во-первых, она показала, что и в пастырском делании сорганизованность и внимательное руководство являются одним из самых главных условий успеха. При точном разъяснении обязанностей каждого деятеля и неуклонном наблюдении за его работой и малоподготовленные, и неопытные быстро проникаются пониманием своих обязанностей, приобретают навык и достигают добрых результатов. Во-вторых же, она опровергла ту ошибочную, но весьма распространенную теорию, что до самого последнего времени Русская Церковь проходила свое служение под гнетом светской власти, лишавшей ее свободы и задерживающей ее развитие. Протопресвитер военного и морского духовенства должен был более всех испытывать гнетущее давление светской власти, ибо он в течение всей войны состоял при Верховном Главнокомандующем, обязан был подчиняться ему и его Начальнику штаба, а в своих действиях и распоряжениях постоянно соприкасаться со всеми высшими начальниками армии, каждый из которых мог оказать ему противодействие. Но за всю войну нельзя указать ни одного случая, когда бы мероприятие протопресвитера не было высшею властью поддержано или его просьба не была исполнена. Тем более не было случая, чтобы его авторитет был принижен или он сам был принужден к какому-либо не отвечающему духу и интересам пастырского дела действию. Случаев обратного порядка можно указать множество. В 1914 г. Верховный Главнокомандующий, узнав, что городской голова одного из городов Западного края не исполнил дважды обращенной к нему просьбы протопресвитера

отвести для военного кладбища более приличное место[1], приказал отстранить голову от должности и выслать его в одну из сибирских губерний. В 1916 г. генерал-инспектор артиллерии вел. кн. Сергий Михайлович, услышав от протопресвитера, что один генерал — командир артиллерийской бригады — позволяет себе третировать и оскорблять бригадного священника, приказал произвести самое строгое расследование. Виновность генерала подтвердилась, и он был немедленно уволен от службы. Государь император, вел. кн. Николай Николаевич, как и начальники их штабов, видя стремление военного духовенства доступными ему средствами послужить Родине и армии, старались во всем его поддерживать, но не стеснять или ограничивать. Им подражали все без исключения высшие военные начальники.

Отдельно надо сказать об императрице Александре Феодоровне. Она в особенности близко принимала к сердцу духовное дело в армии. Никогда не вторгаясь в прерогативы протопресвитера, она при каждой встрече с ним делилась своими сведениями о духовных нуждах армии и в самой деликатной форме иногда высказывала свои пожелания. Ей, например, принадлежала мысль: о всенародном молении в июле 1915 г., о привлечении монахов к служению в армии для уборки с поля сражения раненых и убитых, о назначении священников в санитарные поезда, о заготовлении в тылу запасных Даров для полковых священников и т. д. Был всего единственный случай, когда императрица, чрез близкое к ней лицо, обратилась с просьбой перевести в один из стоявших в Царском Селе стрелковых запас-

[1] Взамен отведенного рядом со свалочным местом, куда свозили городские нечистоты и где зарывали дохлых собак.

ных батальонов близкого к Распутину иеромонаха. Так как влияние Распутина в этом деле было несомненно, а иеромонах не отличался добрыми качествами, протопресвитер не исполнил просьбы, деликатно объяснив обратившемуся к нему лицу и императору причину своего отказа. И императрица ничем не выразила после этого своего неудовлетворения.

Последний самодержавный всероссийский император

Русская Православная Церковь во всех проявлениях своей жизни теснейшим образом была связана с государством, самодержавный император которого по основным законам (ст. 42) считался «блюстителем православия и всякого в Церкви благочиния», а в акте о наследии престола даже именовался «главою Церкви».

При столь тесном союзе Церкви с государством и вытекающих отсюда разнообразных возможностях влияния самодержавного монарха на Церковь нельзя совсем отделить ту или иную эпоху Церкви от личности современного ей императора. Его характер, настроение, взгляды, весь его духовный облик не могли не оказывать своего влияния на течение церковной жизни.

Российский император имел возможность непосредственно или посредством подчинявшегося ему Синода направлять жизнь Русской Церкви по определенному руслу. Все это обязывает нас дополнить нарисованную картину состояния Русской Православной Церкви в предреволюционные годы краткой характеристикой закончившего предреволюционный период императора Николая Александровича, поскольку эта характеристика может касаться истории Русской Церкви и так или иначе помочь освещению ее.

XIX век не знал относившихся равнодушно к Церкви русских императоров. Императоры Александр I, Николай I и Александр II были верующими и преданными

Церкви монархами. Александр III отличался особой набожностью и высокими семейными христианскими добродетелями. Император Николай II вырос в атмосфере подлинного русского благочестия, отличавшего весь уклад жизни семьи его отца. Благочестие было привито ему с детства, и оно не покидало его до последних минут его жизни. Женитьба императора нисколько не помешала развитию его набожности, так как императрица Александра Феодоровна также от своей семьи унаследовала горячую религиозность и своим влиянием на супруга лишь закрепляла, но не расслабляла его религиозное чувство.

Религиозность царя и царицы имела у каждого из них свои оттенки. Царь веровал смиренно, просто и непосредственно. Становясь на молитву или входя в храм, он совершенно отрешался от своего царского величия — тут он хотел быть как все — только смиренным рабом Божиим. Наблюдавшие царя умилялись, когда он «Слава в вышних Богу» на всенощной, «Верую» и «Отче наш» на литургии обязательно выслушивал, стоя на коленях; как он, подходя к чаше, делал земной поклон, лбом касаясь пола; как он смиренно, отнюдь не напоказ[1], после целования креста или Евангелия, лобызал руку священника. Всевозможные удары судьбы, в каких в его царствование не было недостатка[2], он принимал с удивлявшим наблюдавших его в те минуты спокойствием, фатально веруя, что все совершается по воле Божией. Его любимым праведником был многострадальный Иов, в день памяти которого (6 мая ст. ст.) он родился, а его излюбленным утешением — евангельское «претерпевый до конца, той спасен будет» (Мф. 10, 22). Церковность была неотъемлемой, как увидим дальше, частью его жизненного уклада.

[1] Нельзя тут не вспомнить про другого, также благочестивого, царя Николая I. Однажды встречавший его в облачении, с крестом какой-то провинциальный архимандрит отдернул свою руку, когда Николай I, приложившись к кресту, хотел ее поцеловать. Не отходя от креста, император после этого вполголоса сказал архимандриту: «Давай, дурак, руку: народ смотрит!»

[2] Ходынская катастрофа, русско-японская война, революция 1905–1906 гг., тяжкая и неизлечимая болезнь единственного сына — наследника престола, великая война со всеми ее неудачами и т. д.

Императрица представляла иной религиозный тип. Она верила глубоко, непоколебимо, восторженно, в некотором отношении — истерично. Она все рвалась ввысь, ждала знамений и чудес, искала провидцев и чудотворцев. Приняв православие, она чрезвычайно полюбила полное символики православное богослужение — в этом отношении она совершенно сходилась со своим царственным супругом. Но в то время как тот веровал спокойно, без экстаза и в богослужении находил успокоение, отдых, а посещение богослужений считал исполнением обязательного христианского долга, она во время богослужений как бы отрывалась от земли и уносилась в заоблачные сферы; для нее часы, проведенные в храме, были временем подлинной духовной, отрешенной от всего земного жизни.

В 1890–1900-е годы в русской церковной жизни, как и в жизни русского высшего светского общества, весьма ощутительно обозначилось увлечение мистицизмом. В церковной жизни оно проявилось в монахомании — в усиленной вербовке так называемых ученых монахов и во все чаще раздававшейся проповеди, что только монашеское состояние есть истинное состояние созданного по Божию образу человека. В высшем же светском обществе оно давало о себе знать в увлечении спиритическими упражнениями и в отыскивании святых на земле — прозорливцев, чудотворцев и т. д. В эти годы чрез разные великосветские салоны прошли, кроме всем известного Распутина, иером. Илидор, косноязычный Митя, полуграмотный архим., потом епископ, Варнава и др. В это же время получили большую извест-

ность Дивеевская монахиня Паша, Ялтинская парализованная матушка Евгения, привлекавшие много посетителей, которым они предрекали будущее.

Развившийся мистицизм нашел благоприятную почву в душе императрицы — во врожденном ее стремлении к таинственному и в ее личных переживаниях как царицы и матери.

Значительное различие религиозных характеров у царя и царицы однако не нарушало полного согласия между ними. В главном они сходились: в искренней и крепкой вере и неподдельной любви к Церкви. Различия же покрывались их горячей любовью друг к другу, уступчивостью и покорностью царя.

В своем домашнем быту царская семья представляла подлинную домашнюю церковь. Супруги нежно и верно любили друг друга, дети боготворили своих родителей; родители отдавали всю свою душу детям. Император каждую свободную от царственных забот минуту старался посвящать семье. Императрица неусыпно следила за воспитанием детей, просиживая на их уроках или сама занимаясь с ними. Детям усиленно прививались скромность в одежде, простота и приветливость в обращении, отзывчивость на горе, навык к труду. Все члены царской семьи садились за стол и вставали из-за стола не иначе, как осенив себя крестным знамением, а вечером все вместе совершали вечернюю молитву, причем некоторые молитвы пелись ими. В воскресные и праздничные дни, как и в канун их, царская семья обязательно посещала церковь. Даже во время великой войны в ставке государь не нарушал этого правила. Когда же два или три раза за полтора года пребывания в ставке по исключительным причинам ему пришлось пропустить субботнее всенощное бдение, он всякий раз конфузливо извинялся пред протопресвитером: «Никак не мог прийти на всенощную; и так чувствуешь себя после этого худо, точно совершил какое-либо огромное преступление; меня церковь успокаивает и ободряет». Императрица же одна или с детьми, кроме того, ежедневно посещала ту или другую церковь, где, ставши в уголок и стараясь быть незамеченною, отдавалась молитве. В Феодоровском Царскосельском соборе для нее рядом с алтарем была устроена особая комната-молельная, где она выстаивала службы, следя за ними по лежавшим тут на аналое развернутым богослужебным книгам.

Иногда богослужения для царской семьи совершались в маленькой домовой церкви Царскосельского Александровского дворца. Тогда обыкновенно составлялся домашний импровизированный хор с участием императрицы и великих княжен — дочерей.

Царская семья была христианской не по внешнему только укладу своей жизни, но и подлинному внутреннему настроению. Царь и царица боялись кого-либо обидеть и поэтому старались вперед сгладить возможную обиду. Этим именно объясняется та особенная ласка, которою царь окружал министров накануне их отставки. Непримиренность с кем-либо из «обиженных» весьма огорчала их. Ктитор Феодоровского Государева собора полк. Д. Н. Ломан рассказывал, что императрица Александра Феодоровна, идучи в соборе пред исповедью в Великом посту 1916 г., обратилась к императору: «Как тяжко идти на исповедь, зная, что есть человек, который обижается на тебя. Если б Хвостов сказал хоть одно слово, я с радостью примирилась бы с ним». А. Н. Хвостов в конце февраля этого года был уволен от должности Министра Внутренних дел за то, что он подготовлял убийство Распутина.

Для характеристики церковного, богобоязненно-смиренного настроения царя и царицы можно привести несколько фактов.

10 июня 1913 г. протопресвитер военного и морского духовенства освящал величественный кронштадтский Морской собор. При освящении присутствовали царская семья, все великие князья и великие княгини, все министры, Государственный Совет, Дума, высшие морские и военные чины. Храм был переполнен. Протопресвитер по окончании литургии говорил проповедь. Когда он произнес слова: «Этот уносящийся и уносящий к небесам величественный храм, ставший домом Творца неба и земли, будет отныне вещать о бесконечной силе и славе Царя Небесного, нашего Господа; в нем не только каждый смертный, но и сам царь земной, при всем своем блеске и величии, должен почувствовать свое бессилие и ничтожество пред Царем Небесным», — после этих слов точно электрический ток пробежал по наполнившей храм толпе. Многие тревожно переглянулись: о бессилии и ничтожестве царя земного пред Царем Небесным не принято было говорить в присутствии царя. А на царя и царицу, как потом стало известно, эти слова произвели самое сильное, в лучшем смысле, впечатление. Второй пример. В придворных церквах богослужение совершалось по сокращенному, «придворному» чину, чтобы оно не затягивалось более часа. Придворный этикет не терпел изменений. И ни одному придворному священнику не приходило ранее в голову в чем-нибудь изменить указанный традицией чин. Царский духовник (с 2.II.1914 г.), протоиерей А. П. Васильев, нарушил этикет, значительно удлинив богослужение. И это только понравилось царской чете.

От богобоязненных царя и царицы можно было ожидать многих благодеяний для Церкви. Они, если угодно, и изливались щедро. В царствование императора Николая II Церковь могла быть уверенной, что ее державный покровитель защитит ее от всяких посягательств и от всяких врагов, внешних и внутренних. Служители

Церкви видели немало царских благодеяний: таковы были, например, постоянные заботы государя о лучшем материальном обеспечении духовенства; таковы его многочисленные жертвы церквам и монастырям, таковы же бесчисленные награды, которыми в последнее царствование были буквально засыпаны духовные лица, и т. д.

Но Церкви Божией в известные моменты нужны бывают не мощная защита и богатые щедроты всесильного покровителя, а мудрая и мощная рука преобразователя. Излишняя опека, как в жизни человека изнеженное воспитание, может расслаблять организм церковный. Здоровый же организм сам может победить вредные для него влияния. А Русская Церковь в то время переживала такой период, когда для нее — для разных ее частей, как это мы уже видели, неотложно требовался длинный ряд самых серьезных преобразований.

Почему же благочестивый, преданный Церкви император Николай II не вступил на этот путь? Этому мешало многое в его настроении, характере, наконец, в его методе управления государством.

Как уже говорилось, император Николай II веровал просто, крепко, непоколебимо, детски-искренно. Его вера не знала никаких сомнений.

При такой вере он удовлетворялся минимумом того, что могла давать Церковь: благолепным богослужением и благословениями пастырей Церкви, и не мог остро чувствовать нужды в разносторонней церковной деятельности, какая тогда настоятельно требовалась для его государства. Каковая же сторона тогдашней церковной жизни могла только успокаивать его: везде он видел великолепные храмы, сам наблюдал торжественно-пышные богослужения, его буквально засыпали несшимися со всех концов России от разных церковных обществ выражениями верноподданнических чувств, а Св. Синод — кроме того, бес-

конечными представлениями к наградам «доблестных» архиереев, иереев и разных иных людей церковного чина. Уже одни эти наградные представления, в которых не жалелось красок для восхваления представляемых, у лица, не проникавшего в толщу государственной жизни, не замечавшего всех церковных язв, могли создать убеждение, что Церковь блещет талантами и преуспевает в творческой деятельности. Узнавать же подлинную, без прикрас, жизнь царям вообще нелегко, ибо они отгорожены высокой стеной от людей и жизни. А император Николай II искусственной надстройкой еще выше поднял эту стену. Это было самою характерною особенностью его душевного склада и его царственного действования. Это произошло помимо его воли, благодаря его манере обращения со своими подданными.

Даже совершенно убежденных, что император Николай II горячо любил Россию и для ее блага во всякую минуту готов пожертвовать собственною жизнью, весьма удивляло слишком спокойное, как бы безразличное его отношение к самым тяжким ударам, постигавшим его государство. Он со стоическим спокойствием прочитал телеграмму, извещавшую о Цусимском разгроме флота; вел. кн. Николаю Николаевичу, потрясенному катастрофой под Сольдау (15/28.08.1914 г.) он телеграфировал на его извещение: «Будь спокоен; претерпевший до конца той спасен будет»; убийство Столыпина в Киеве (в 1911 г.) и неожиданная в разгар войны смерть гениального воссоздателя и души Балтийского флота, адмирала Н.О. Эссена (в 1915 г.) вызвали минутное огорчение, за которым последовали полное успокоение и забвение. Государь чрезвычайно легко расставался с самыми близкими своими сотрудниками и сразу же легко забывал их. Во всем этом иные видели патологическое явление, отражавшее удар, нанесенный ему в Японии.[1] Другие объясняли это высоким христианским настроением государя, относившегося к несчастиям подобно Иову: «Господь дал, Господь и взял; да будет имя Господне благословенно» (Иов. 1, 21). Вера, несомненно, укрепляла имп. Николая II в несении им всех тяжестей царского венца.

Но одною верою всего объяснить нельзя: вера удерживает христианина от безнадежной скорби (1 Сол. 4, 13), а не от скорби вообще. Понять настроение императора, кажется, поможет нам собственное его чистосердечное признание. Однажды он сказал Министру иностранных дел С. Д. Сазонову: «Я стараюсь ни над чем серьезно не задумываться, — иначе я давно был бы в гробу». Значит, стоическое спокойствие государя было результатом не одной крепкой веры, но и сознательной, в целях сохранения здоровья, тренировки.

Но государь и всегда оберегал свой покой, стараясь отстранять все, что могло взволновать его, нарушить его душевное равновесие. Стоило понаблюдать его беседы с представлявшимися ему, чтобы совершенно убедиться в этом. Своего собеседника он ставил в строго определенные рамки. Разговор начинался исключительно аполитичный. Государь проявлял большое внимание и интерес к личности собеседника: к этапам его службы, к подвигам и заслугам, если они были, к его семейному положению и месту его службы; вспоминал личные встречи с ним или с частью, где он служил, с его сослуживцами и т. д. Но стоило собеседнику выйти из этих рамок — коснуться каких-либо недугов текущей жизни, как государь тотчас менял или прямо прекращал разговор.

---

[1] В бытность его наследником, во время путешествия по Японии.

И таков был государь не только в обращении с посторонними людьми, но и с самыми к нему близкими лицами его свиты. «Нас все обвиняют, что мы не влияем на государя, — говорил 21 ноября 1916 г. командир конвоя его величества, свитский генерал А. А. Граббе, один из самых близких к государю лиц. — А что мы значим? С нами кушают, гуляют, шутят, но о серьезных вещах с нами не говорят. А попробуй сам заговорить, как тебя и слушать не станут или просто-напросто оборвут вопросом о погоде или еще о каком-либо пустяке. Для дел серьезных есть другие советники: Гришка, Аннушка[1], — вот им во всем верят, их слушают, с ними считаются». Как иллюстрацию к этим словам можно привести следующий случай. Кажется, 10 декабря 1916 г., беседуя после обеда со своими гостями, государь подошел к состоявшему при его особе ген.-адъют. Н. И. Иванову, бывшему Главнокомандующему на Ю.-З. фронте, кавалеру ордена св. Георгия 2-ой ст. Надо сказать, что ген.-адъют. Иванов переживал тогда сердечную тучу. Многие открыто обвиняли его, что он — заслуженный генерал — в ту страшную пору не решался сказать государю подлинную правду. Подошедши, государь заговорил с ним. Говорили обо всем — не серьезном. Но вот генерал обмолвился: «В стране и на фронте, ваше величество, настроение очень неспокойное». «Что за причина? Недостаток продовольствия?» — спросил государь. «Никак нет. Внутренние настроения», — ответил ген. Иванов. Государь на левом каблуке повернулся в сторону, соображая что-то, а потом, опять обратившись к ген. Иванову, спросил: «А какая в прошлом году в это время была погода на Юго-Западном фронте?» — «Хо-

[1] Распутин и фрейлина А. А. Вырубова.

лодная», — ответил ген. Иванов. «До свиданья!» — сказал вдруг государь, протягивая генералу руку.

Бывали, впрочем, случаи, когда государь выслушивал и неприятные, исторгавшие у него слезы доклады. Так было, например, с докладами вел. князя Николая Николаевича и П. М. Кауфмана в ноябре 1916 г. Но государь умел заставить себя весьма скоро забыть слезы и восстановить нарушенное спокойствие.

Право деловых разговоров с государем предоставлялось «специалистам», т. е. стоявшим во главе ведомства и учреждений лицам, по вопросам, относившимся к порученному им делу. Если докладчики касались чужих дел, государь их слушал, пока они говорили приятное и утешительное. Когда же затрагивали больные стороны и освещали их в невыгодном свете, с ними государь поступал так же, как с ген. Ивановым, или же, в лучшем случае, смягчал отзыв своими замечаниями, вроде: «Ну, это, Бог даст, исправится» или «Может быть, это вам так показалось» и т. п.

Такого рода манера общения со своими подданными лишала императора возможности узнать в неприкрашенном виде жизнь своей державы с ее недочетами, нуждами, с угрожавшими ей опасностями. Каждый «специалист» докладывал о тех недочетах, которые он собирался устранить или для устранения которых требовалась царская поддержка. На последней войне, как жаловался ген. М. А. Алексеев, в большинстве поступавших к нему реляций наши успехи преувеличивались, а неудачи сглаживались или совсем замалчивались. То же, несомненно, было и в мирных докладах царю. Если бы тот или другой начальник чистосердечно изобразил все язвы, продолжавшие разъедать его ведомство и им не устраняемые, — этим он обвинил бы себя самого.

Все сказанное всецело приложимо и к церковному делу. Государю можно было рассказать тот или иной анекдот из церковного быта. Если анекдот был остроумный, это ему могло понравиться. Но говорить о неустройствах церковных мог только официальный докладчик — «специалист», каким считался обер-прокурор. Когда в сентябре 1916 г. один из членов Св. Синода заговорил с императрицей о необходимости неотложных реформ в церковной жизни, она ответила: «Переговорите об этом с новым обер-прокурором Св. Синода». Император дал бы тот же ответ.

Видел ли государь церковные недочеты? Знал ли он об устарелости нашего епархиального управления, о тяжкой болезни нашей духовной школы, об отсталости наших монастырей и пр. и пр.? Если он имел об этом некоторое представление, то недостаточно ясное и его не беспокоившее. Кто мог нарисовать ему ясную картину печального состояния Церкви? А. А. Вырубова, неизменная советница царской семьи? Но она была узка и проста, да и не знала она и не понимала подлинной церковной жизни. Распутин, с мнением которого тоже считались? Но он — безграмотный мужик — мог говорить о своем сельском священнике, а не о переустройстве всего церковного корабля. Обер-прокурор Св. Синода? Но почти все они после знаменитого К. П. Победоносцева занимали обер-прокурорское кресло без всякой подготовки, без знания и понимания церковной жизни и оставляли его, не успев толком опомниться и кругом осмотреться. Епископы? Но их встречи с императором ограничивались чрезвычайно редкими минутными аудиенциями и шаблонными разговорами. Митрополиты не представляли в этом отношении исключения, кроме, разве, того, что они чаще удостаивались аудиенций. Да и докладывать епископам царю о непорядках в епархиальном управлении, о беспорядках в школе, о духовном убожестве большинства наших монастырей и т. д. не значило ли бы жаловаться на самих себя? Из литературы? Но духовных изданий, куда, несмотря на всю строгость цензуры, время от времени проникали статьи, рисовавшие печальные стороны церковной жизни, государь не читал. А художественная литература, которую он хорошо знал и очень любил, редко и поверхностно касалась церковных явлений. Если же до слуха государя и доходили разговоры о неустройстве в Церкви, то при его оптимистическом «Бог даст, наладится» и при его доверии к «специалистам» стоило обер-прокурору Св. Синода и даже митрополиту сказать, что эти неустройства не опасны и устранимы, чтобы государь успокоился. Государь всегда был более склонен верить хорошему, приятному, утешительному. Это могло быть весьма симпатично для человека и совсем небезопасно для правителя.

Провести нужные Церкви реформы могли обер-прокурор или первенствующий член Синода, в особенности после того, как последнему было предоставлено право личного доклада государю. Если бы они доказали государю неотложность известных реформ и затем проявили нужную настойчивость в отстаивании своих взглядов, государь оказал бы им всякую поддержку, даже и в ущерб своим самодержавным правам. Тень патриарха Никона не испугала бы его. К несчастью для Русской Церкви, Господь не послал ей такого обер-прокурора и такого митрополита.

Императрица Александра Феодоровна... Ее влияние на своего супруга было огромным. Она все время была озабочена состоянием Церкви. Она стремилась сделать Церковь более активною в удовлетворении религиозных нужд верующих. Нередко она настаивала на принятии разных необходимых мер в Церкви. Как уже говорилось, по ее требованию во время великой войны были введены

священники в санитарных поездах, начали заготовлять в тылу запасные Дары для воинских частей, были высланы в помощь военным священникам отряды монахов для служения в передовых лазаретах и для уборки раненых с поля сражения[1], было устроено всенародное во всей России моление 8 июля 1915 г. Она же настаивала на посылке священников для военнопленных в Германию и Австрию и напоминала Синоду и богатым монастырям об их долге помочь устройству походных церквей и снабжению воинов действующей армии и военнопленных образками и крестиками[2] и т. д. Несомненно, под ее если не прямым, то косвенным влиянием в царствование императора Николая II начали быстро размножаться и возрастать женские монастыри и монастырские общины, все шире и шире развивавшие служение ближнему.

Добавим еще, что императрица искала людей, знающих церковное дело и понимающих церковные нужды. Письма ее к императору полны намеков на это. Проводя архиеп. Питирима в Петроградские митрополиты, она пишет о нем: «он истинный молитвенник»[3], «он единственный подходящий человек».[4] И после отзывается о нем: «Он так умен и у него такой широкий образ мыслей».[5] Рекомендуя Жевахова в товарищи обер-прокурора, а Раева в обер-прокуроры, она пишет о первом: он «знает все насчет церковных вопросов»[6] и еще: «мы с ним обо всем подробно беседовали, — он знает все церковные вопросы и

[1] Мысль о посылке таких отрядов, впрочем, принадлежала Распутину. Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. I, 173.

[2] Там же, I, 295.

[3] Там же, I, 297.

[4] Там же, I, 307.

[5] Там же, I, 367.

[6] Там же, I, 216.

насчет духовенства и епископов a fond»,[1] а о втором — «он... отлично знает Церковь с детства»[2], он интересен и так хорошо понимает все необходимые вопросы».[3] С новоназначенным обер-прокурором Волжиным она беседует три четверти часа. «Дай Бог, — пишет она после этого, — чтобы все его хорошие намерения удались и чтобы он имел силу осуществить их... Видно, что он полон лучших намерений и прекрасно понимает нужды нашей Церкви... Мы затронули все наиболее жизненные вопросы о нашем духовенстве, беженцах, Синоде и т. д.»[4] Все это свидетельствует, что императрица следила за жизнью, хотела помечать нужды верующих и старалась усилить деятельность Церкви. Не ставить это в заслугу императрице нельзя, но нельзя и не признать, что одного этого было слишком недостаточно для действительного обновления Церкви. Церковь нуждалась в переустройстве синодального и епархиального управления, реорганизации мужских духовных учебных заведений, оживлении пастырской деятельности и жизни прихода, обновлении наших монастырей, в особенности мужских, и мн. др. У императрицы же порывы были высокие, но знание русской церковной жизни и язв, ее разъедавших, поверхностное и кругозор ограниченный. Императрице могли показаться глубокомысленными и серьезными самые поверхностные рассуждения о церковных делах лиц, даже далеких от Церкви или слишком мало понимающих ее природу и нужды, — стоило лишь этим лицам угадать ее настроение, в тон этого настроения заявить о своем церковном на-

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. I, 277.

[2] Как сын митрополита Палладия. Там же. II, 132.

[3] Там же, II, 175.

[4] Там же, I, 273.

правлении и желании возвысить Церковь, после чего попросить ее благословения[1] или выразить свою любовь и почтение к ее «другу»[2].

Здесь необходимо остановиться на отношениях императрицы к Григорию Распутину, которые оказывали большое влияние на ход и государственной, и церковной жизни.

Надо отметить, что императрица Александра Феодоровна была увлечена — можно сказать, захвачена, поглощена — двумя идеями: а) что она и государь («мы») «Богом возведены на престол и должны твердо охранять его и передать его неприкосновенным сыну»[3], ни в чем никому не уступая ни в отношении самодержавных прав государя, ни в отношении границ империи[4]; б) что, как сказал «один из Божьих старцев в книге «Les Amis de Deu», «Государство не может погибнуть, если его повелитель направляется Божьим человеком».[5]

Таким «Божьим человеком», который должен был, для блага Российского государства, направлять ее царственного супруга, императрица признала Распутина. В его богопосланничество и почти в «человеко-божество» она уверовала совершенно и свою веру выражала настойчиво. Он — «человек, посланный Богом», «Бог его вдохновляет», — не раз напоминает она императору.[6] «Слушайся нашего друга, верь ему, у него твой интерес и интерес России лежат близко к сердцу. Бог для чего же нибудь по-

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. I, 273.
[2] Распутину.
[3] Письма имп. Александры Федоровны к имп. Николаю II. II, 263.
[4] Там же. II, 53.
[5] Там же. I, 138; II, 245.
[6] Там же. I, 122; II, 75, 192 и др.

слал его нам — только мы должны обращать больше внимания на то, что он говорит... И очень важно, что мы имеем не только его молитвы, но и его совет».[1] «Когда он говорит, что не следует чего-либо делать, и когда его не слушаются, то всегда впоследствии видишь свои ошибки».[2] «Неисполнение желания «друга» будет фатально для нас и для страны».[3] Императрица хочет, чтобы в требующее от правителя особой трудности, трудное военное время государь во всем советовался с «Другом» и точно следовал его советам. «Он[4], — пишет царица, — сожалеет, что ты не говорил с ним немного больше обо всем, что ты думаешь и намерен сделать, и о чем предполагаешь говорить с твоими министрами, и о переменах, которые ты предполагаешь сделать. Он так усердно молится за тебя и за Россию и может больше помочь, когда ты откровенно говоришь с ним».[5] «Я вполне доверяю мудрости нашего «друга», который владеет Божьим даром давать советы, полезные для тебя и для нашей страны».[6] «О, дай ему больше руководить тобой»[7], — пишет она в другой раз.

В особенности ценит императрица молитвенное заступничество Распутина. Тут иногда «Друг» фигурирует у нее рядом с Господом Богом и Пресв. Девой Богородицей. «Бог с тобой и наш «Друг» за тебя — все хорошо... Не сомневайся — поверь и все будет хорошо»[8]; «Бог пусть даст мне силы... убедить тебя сделать так, как того

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. I, 118.
[2] Там же. I, 134.
[3] Там же. I, 119.
[4] Распутин.
[5] Письма имп. Александры Федоровны к имп. Николаю II. I, 131.
[6] Там же. I, 163.
[7] Там же. I, 138.
[8] Там же. I, 161.

желают наш Друг и Господь Бог»[1]; «Святая Дева охраняет тебя и Гр/игорий/ молится за тебя»[2]; «Образ и наш «Друг» помогли мне быстро узнавать людей», — пишет царица своему супругу.

Царица восторженно, слепо верит в молитвы и благословения Распутина и все время сообщает государю, что «Друг» молится за него, благословляет его и что она просит «Друга» помолиться за него.[3]

«Как я хотела бы, чтобы ты приехал хотя бы только на два дня, только для того, чтобы получить благословение нашего «Друга», это бы дало тебе новые силы»[4], — пишет царица. Чрез царицу «Друг» «посылает благословение всему православному воинству».[5] Во время тяжких боев под Варшавой в ноябре 1914 г. «Аня» (Вырубова), по поручению императрицы, телеграфирует Распутину, что положение очень серьезно и «что его просят молиться».[6] И «Друг» говорит, «что у нас будут лучшие известия с фронта».[7] Ловкий «Друг» после этого совсем вошел в роль повелителя и бурь, и ветров. «Друг, — пишет потом царица, — все думает и молится о войне. Он говорит, что мы должны ему сейчас же сказать, если случится что-нибудь особенное, — поэтому она (Аня[8]) сказала ему насчет тумана, и он выбранил за то, что не сказала сразу, — говорит, что туманы больше не будут мешать».[9] Это было в декабре 1915 г. А в июле 1916 г. «Аня» телеграфирует

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. II, 174.
[2] Там же. II, 246.
[3] Там же. 88, 94, 99, 159, 258, 335 и др.
[4] Там же. II, 212.
[5] Там же. II, 108.
[6] Там же. I, 42.
[7] Там же. I, 50.
[8] Вырубова.
[9] Письма имп. Александры Федоровны к имп. Николаю II. I, 243.

«Другу» насчет погоды. «И я надеюсь, — добавляет царица, — что Бог благословит фронт солнечным днем».[1]

Императрица придает особенное значение вещественным знакам распутинского благоволения. Она даже в кратковременное отсутствие государя высылает ему образ Иоанна Воина от «Друга».[2] По вступлении императора в должность Верховного Главнокомандующего царица пишет ему: «У тебя есть данный Гр/игорием/ образ св. Николая, чтобы оберегать и направлять тебя».[3]

«Не забудь хранить около себя образ нашего «Друга» как напутствие к предстоящему наступлению».[4] Потом она посылает ему «крошечную бутылочку», в которую она отлила немного данной «Другом» мадеры, чтобы тот выпил «разом за Его здоровье», «ландыш и корочку также от него»[5], а в другой раз яблоки и цветок.[6]

Царица дает егерям образ в футляре, подбитом лентой, которую «Друг» благословил.[7]

Но молитвами, благословениями, предсказаньями и амулетами дело не ограничивалось. В то время, как государь — Верховный Главнокомандующий со своим штабом и министрами в ставке решал вопросы, касавшиеся фронта, тыла и всего государства, — в это самое время утопавший в пьянстве и разврате, безграмотный тобольский мужик в Царском Селе или из села Покровского, куда он иногда уезжал, изрекал свои политические, стратегические, экономические, административные решения,

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. II, 140.
[2] Там же. I, 87.
[3] Там же. I, 161.
[4] Там же. II, 23.
[5] Там же. I, 369.
[6] Там же. I, 348.
[7] Там же. I, 331.

которые, как откровения свыше, немедленно сообщались государю царицей в императивной форме. «Наш «Друг» всегда был против этой войны, говоря, что из-за Балкан не стоило миру воевать»[1], — пишет царица. «Друг» говорит, что для нас хорошо, что Китченер погиб, так как позже он бы наделал России вреда».[2] «Наш Друг предпочел бы, чтобы мы взяли в свои руки румынские войска, тогда мы будем в них увереннее».[3] «Друг» все время решает вопрос, когда надо созвать и когда распустить Гос. Думу.[4] «Друг» просит тебя приказать, чтобы начали наступление возле Риги... просит тебя серьезно приказать нашим наступать. Он говорит, что мы можем и должны наступать». Просьба «Друга» внушена ему ночным видением».[5] В другой раз «Друг» «находит, что было бы лучше не наступать слишком настойчиво».[6] В январе 1916 г. «Друг» жалеет, что начали это движение, кажется, не спросивши его, — Он бы сказал, что нужно подождать. Он всегда молится и обдумывает, когда придет хороший момент».[7] «Друг» надеется, что мы не станем переходить Карпаты и не попытаемся овладеть ими».[8] По поводу новых приказаний, которые дал государь ген. Брусилову, «Друг» говорит: «Очень доволен распоряжением Папы, видет хорошо». И наоборот, «очень недоволен тем, что Брусилов не послушался приказания остановить наступление».[9] Царица хочет задать государю много вопросов по поводу его планов, касающихся Румынии, «наш «Друг» так хотел бы знать об этом».[1] У царицы нет секретов от «Друга»: полученный ею от дворцового коменданта секретный маршрут государя она показывает только одному «Другу», «чтобы он повсюду тебя охранял»[2], — сообщает она государю. А между тем это было не всегда безопасно. В 1916 г. ген. Алексеев жаловался военному протопресвитеру: «Не знаю, что предпринять, — сегодня мы наедине говорим с государем, а завтра это становится известным в Петрограде».

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин; 1922. I, 287.
[2] Там же. II, 109.
[3] Там же. II, 170.
[4] Там же. I, 138, 315, 316, 317, 325 и др.
[5] Там же. I, 312.
[6] Там же. II, 150.
[7] Там же. I, 357
[8] Там же. II, 156.
[9] Там же. II, 197

Государю же сообщаются придуманные «Другом» решения разных продовольственных вопросов касательно повышения цен на мясо[3], доставки муки, масла и сахара.[4] Иногда «Друг» долго совещается с министрами.[5] Еще чаще дает советы, кого назначить в министры и кого из министров убрать.[6] «Друг» вовремя разглядел их карты и пришел, чтобы спасти тебя, умоляя тебя выгнать Н/иколашу/»[7], т. е. вел. кн. Николая Николаевича. «Друг» говорит, что Протопопов спасет Россию».[8]

Императрица непоколебимо верит каждому слову своего «Друга»[9] и своему царственному супругу внушает, «что надо всегда делать то, что он (т. е. «Друг») говорит, — его слово имеет глубокое значение»[10], что «Друг»

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. I, 299.
[2] Там же. I, 293.
[3] Там же. I, 95.
[4] Там же. I, 275.
[5] Там же. I, 115–135, 359; II, 122 и др.
[6] Там же. I, 133, 239, 303, 306, 309, 310, 339; II, 4, 23, 32, 45, 98 и т. д.
[7] Там же. I, 219.
[8] Там же. II, 221.
[9] Там же. II, 245.
[10] Там же. I, 331.

помогает ему нести свой тяжелый крест».[1] «Если бы у нас не было его (т. е. «Друга»), все бы уже давно было кончено, — я в этом совершенно убеждена»[2], — таково заключение императрицы.

Из такого взгляда на Распутина как на чрезвычайного Божьего избранника, служащего опорой и трона, и государства, у царицы следовали дальнейшие заключения.

Вражда к Божьему человеку не может принести счастья и Божьего благословения ни самому враждующему, ни делу, которому он служит. «Не враг ли он нашего «Друга», это ведь приносит несчастье»[3], — тревожно спрашивает царица о новом Военном министре, ген. Поливанове. «Работа человека, который так страшно настроен против нашего «Друга», как бедный Алекс/еев/, не может быть благословенной»[4], — замечает она.

«Человек, который стал просто предателем Божьего человека, не может быть угоден Богу, и его дела не могут быть хороши», — пишет царица о вел. кн. Николае Николаевиче.[5] Она верит, что кара Божья непременно обрушится на таких людей. Во внезапно обострившейся болезни вел. кн. Павла Александровича она видит Божье наказание за то, что он не отстоял человека, которого царь почитает.[6] Разгром Черногории она считает возмездием черногорскому королю и его семье за то, что его дочери[7] «пошли против «Друга», зная, кто он такой».[8]

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. I, 14.
[2] Там же. II, 228.
[3] Там же. I, 124.
[4] Там же. II, 229.
[5] Там же. I, 153.
[6] Там же. I, 313.
[7] Вел. кн. Анастасия и Милица Ник., жены вел. кн. Николая и Петра Николаевичей.
[8] Письма имп. Александры Федоровны к имп. Николаю II. I, 356.

И следующий вывод: враги того, кто служит опорой трона и государства, приносят вред, они вместе с тем — враги царя и царицы. «Если бы только они знали, как они вредят, вместо того чтобы помогать тебе, все эти слепцы с их ненавистью к Гр/игорию/»[1], — отзывается царица о вел. кн. Николае Николаевиче и единомышленных с ним. Отношение того или иного лица к Распутину служило решающим моментом в определении симпатии или несимпатии к нему императрицы. Последняя всех соприкасавшихся с нею делила на друзей и врагов Распутина. Первых ожидали любовь, почет и уважение, вторые отстранялись как подозрительные, ненадежные и опасные. «Враги нашего «Друга» — наши собственные враги».[2] Самарин — «мой враг и враг Григория, а чрез это также и твой»[3], — пишет она государю. И еще о еп. Трифоне.[4] «Он против нас, раз против Гр/игория/».[5] Иное дело распутинские друзья. Штюрмер «очень ценит Гр/игория/, а это большая вещь».[6] Протопопов[7] и Штюрмер[8] «оба вполне верят в чудесную, Богом посланную мудрость «Друга».[9] Царица ожесточенно защищает каждого из них, несмотря на огромный вред, приносимый первым, и бесполезность второго. Она продвигает в Петроградские митрополиты незначительного архиеп. Питирима, потому что тот «почитает «Друга»[10], и

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. I, 137.
[2] Там же. I, 133.
[3] Там же. I, 215.
[4] Викарий Московской еп.
[5] Письма имп. Александры Федоровны к имп. Николаю II. I, 132.
[6] Там же. I, 359.
[7] Министр внутренних дел.
[8] Министр-Председатель.
[9] Письма имп. Александры Федоровны к имп. Николаю II. II, 22.
[10] Там же. I, 210.

после говорит как об особой доблести уже ставшего митрополитом Питирима, что он «Другу» давал завтрак – всегда сажал Гр/игория/ на первое место и все время был удивительно почтителен к нему».[1].

О рекомендуемом ею в обер-прокуроры Св. Синода директоре женских курсов Раеве она пишет, что «Друг» больше часа говорил с Раевым, – он («Друг») говорит, что это воистину посланец Божий и так хорошо говорит о всех церковных вопросах, в таком духовном смысле».[2] Императрица рекомендует в обер-прокуроры старого и беспринципного генерала Н. К. Шведова, ибо он «хорошо изучил историю Церкви, у него известная коллекция молитвенников...», а главное – «бесконечно предан (называет нашего «Друга» отец Гр/игорий/ и говорит хорошо о нем».[3] Она включает в число кандидатов на обер-прокурорское место даже скромного поповича-академиста П. В. Гурьева, управляющего Синодальной Канцелярией, и опять по той же причине: «любит нашего Друга».[4] Благодаря уважению к «Другу», по настоянию императрицы, Томский одряхлевший архиепископ Макарий, не имевший высшего богословского образования и не заявивший себя нужными для митрополичьего сана заслугами, стал Московским митрополитом, неуч Варнава чрез пять лет архиерейской службы – архиепископом, и т. д.

Отношение же императрицы к противникам Распутина – неизменно враждебное. Она принимает всевозможные меры, чтобы высоко религиозный, благородный и умный А. Д. Самарин не попал в обер-прокуроры

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. I, 335.
[2] Там же. II, 165.
[3] Там же. I, 250.
[4] Там же. I, 207.

потому, что он «пойдет против нашего «Друга» и будет заступаться за епископов, которых мы не любим, – он такой настоящий «москвич» и так узок».[1] Самарин однако сделался обер-прокурором, после чего не изменил ни своих чувств, ни своего отношения к Распутину, в чем императрица совершенно убедилась вскоре, при разборе в Синоде Варнавинского дела о прославлении архиеп. Иоанна Тобольского. После этого царица становится непримиримым врагом Самарина и не перестает требовать его удаления до тех пор, пока не достигает своей цели.[2] Епископ Саратовский Гермоген, осмелившийся сказать государю «все против Григория»,[3] несомненно по настоянию императрицы, был сослан в Жаровицкий монастырь Гродненской епархии. Она же, как мы уже видели, требовала отстранения от мест архиеп. Агафангела и Никона, обнаруживших при допросе еп. Варнавы свои недобрые чувства к Распутину.[4] Она не любит и епископа Трифона, «так как он всегда говорил и теперь говорит в армии против нашего «Друга».[5] Она затаила злобу против самых известнейших в то время и образованнейших архиепископов – членов Синода Сергия Финляндского и Антония Волынского, не симпатизировавших «Другу». Она предостерегает своего супруга от назначения кого-либо из них экзархом Грузии на место Питирима: «они бы все там испортили своим духом».[6] Отстраняя эти кандидатуры, она выдвигает protégé «Друга», бесцветного,

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. I, 131.
[2] Там же. I, 205–257.
[3] Там же. I, 207.
[4] Там же. I, 215.
[5] Там же. I, 132.
[6] Там же. I, 307.

16 Зак. 53719

но «храброго к вину» (Сир. 31, 29) Гродненского архиепископа Михаила, который царскую немилость к заточенному епископу Гермогену усердно усиливал своею немилостью, проявляя ее регулярно и грубо.[1]

Она резко изменяет свое отношение к военному протопресвитеру, как только, после его доклада государю, убедилась в его отрицательном отношении к Распутину.

Даже родственники противников Распутина подпадали под подозрение императрицы. Выбирая заместителя Самарину, она пишет: «Хвалят также краснолицего Прутченко[2], — только его брат и жена говорили гадости насчет нашего «Друга».[3]

Говоря о высших духовных лицах — противниках «Друга», императрица теряет самообладание и не жалеет эпитетов, чтобы награждать ими этих лиц. Архиеп. Никон — «мерзавец»[4], судившие Варнаву члены Синода — «эти животные».[5] Во время вечернего Евангелия на Страстной неделе 1916 г. она много думает «о нашем «Друге»: как книжники и фарисеи преследуют Христа, притворяясь, что они такие совершенства (и как они от этого теперь далеки). Да, в самом деле нет пророка в своем отечестве».[6]

Даже окружение благочестивейшей и благонамереннейшей, но отрицавшей Распутина вел. кн. Елисаветы Феодоровны, родной сестры императрицы, становится для последней «скверной ханжеской кликой».

[1] Еп. Гермоген со слезами жаловался в июне 1915 г. пишущему данные строки.
[2] Попечителя Рижского учебного округа.
[3] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. I, 218.
[4] Там же. I, 359.
[5] Там же. I, 226.
[6] Там же. II, 69.
[7] Там же. I, 132.

Трудно осуждать императрицу. Она искренне верила в святость Распутина, верила, что это «Божий человек»[1], «пророк в своем отечестве»[2], и была безгранично ему благодарна за целебную помощь, которую он оказывал ее больному единственному сыну — наследнику престола. Но факт остается фактом. В преклонении пред «другом» и его духовной силой императрица потеряла самое себя. Когда дело касалось религии и Церкви, она на все смотрела его глазами, говорила его языком — он для нее был абсолютным, непререкаемым авторитетом. «Друг» сказал, что архиеп. Питирим «достойный человек и большой молитвенник»[3], что Раев «воистину посланец Божий»[4], что только посвященный и ничем решительно себя не заявивший еп. Мелхиседек «в будущем будет чудесным митрополитом»[5], — и императрица упорно добивается назначения Питирима митрополитом, Раева — обер-прокурором, а еп. Мелхиседека называет будущим митрополитом[6] и т. д. «Друг» разрешает ей даже вопрос: быть или не быть семи митрополитам в России, что проектировал Синод.[7]

Друг же избирает кандидатов на самые высшие кафедры. Царица пишет своему супругу, что у «Друга» «никого нет, кого бы он мог рекомендовать на место Питирима»[8], «за исключением, может быть, того, который был в Беловеже».[9] Макарий и Питирим, как уже мы видели, заняли митрополичьи кафедры с благословения «Друга» и т. д.

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. I, 134.
[2] Там же. II, 69.
[3] Там же. I, 307.
[4] Там же. II, 169.
[5] Там же. II, 190.
[6] Там же. I, 207.
[7] Там же. II, 45.
[8] То есть в экзархи Грузии.
[9] Архиепископа Гродненского Михаила. Письма имп. Александры Федоровны... I, 307.

Духовное порабощение царицы Распутиным, при его огромном влиянии на императора, было великим несчастьем для Церкви. Ужасно было то, что назначение на самые высшие церковные должности могло зависеть от благоволения и рекомендаций невежественного тобольского мужика, который восхвалял не достойнейших, а не гнушавшихся ему поклониться и искуснее ублажить. Но еще ужаснее было, что вследствие этого на верхах церковных стала быстро распространяться распутинщина — духовный разврат. Искренних и продолжительных почитателей Распутина среди высшего, образованного русского духовенства не могло быть: слишком различны были духовный облик Распутина и идеология православного богослова. Епископы Феофан (Быстров) и Гермоген (Долганов) приняли, было, его за святого, но, присмотревшись, очень скоро отвернулись от него и уже навсегда остались его противниками. Исключение, пожалуй, представлял Московский митрополит Макарий, оставшийся верным Распутину до конца дней его. Но он напоминал собою одного генерала А.[1], который признавался военному протопресвитеру: «Я человек верующий и верноподданный, — верую так, как верует царь: царь — православный и я — православный; если бы царь принял магометанство, и я стал бы магометанином». Не обладавший ни житейской, ни книжной мудростью, вышедший «из грязи в князи» — из семинаристов в московские митрополиты, обязанный своим высоким митрополичьим саном Распутину, — престарелый митр. Макарий оказывал последнему почет и внимание, потому что это был царский «Друг», а его — благодетель. Но среди иерархов и приближавшихся к иераршему сану оказались и такие, которые устремились к низким поклонам и изъявлениям любви к царскому «другу» исключительно в надежде сподобиться за это «великих и богатых милостей». Находились и такие, которые потом хвастались, что не ошиблись в расчете. Викарий Московский, еп. Алексий (Кузнецов/Дмитровский[1]) не стеснялся открыто заявлять: «Подружился я с Григорием и не жалею: без него я сидел бы настоятелем какого-либо захолустного монастыря, а благодаря ему я сейчас Московский епископ, имею богатейшую квартиру и 18 тысяч в год на расходы».[2] Другие приспосабливались молча, не крича об этом, а иные и совсем прикровенно. В расчетах никто не ошибался. Совсем недавно, в конце 1911 г., бывший опальным, Владикавказский архиеп. Питирим, подружившись с Григорием, 23 ноября 1915 г. получает первую в России Петроградскую митрополичью кафедру. Серенький, из семинаристов, Томский архиеп. Макарий за ту же доблесть возводится в Московские митрополиты. Занимавший с 1902 г. по май 1911 г. последовательно три викарства, в мае 1911 г. уволенный от должности викария и после того переводившийся из одного монастыря в другой[3], наконец, признанный за свои беспутства неспособным даже к управлению захолустным монастырем, еп. Исидор (Колоколов) в 1916 г. Распутиным вводится в царский дворец и после того сподобился такой чести, какой не удостаивался даже просвещеннейший и благороднейший Петербургский митрополит Антоний (Вадковский): императрица после этого принимает в Царском Селе у себя или в квартире А. А. Вырубовой еп. Исидора чуть ли не каждую неделю, проводя с ним «при-

[1] Алексеева, бывшего во время русско-японской войны начальником 5 Вост.-Сиб. стрелк. дивизии, а после нее командиром 3-го Кавказского корпуса.

[1] С 25 ноября 1916 г.

[2] Так сообщали пишущему эти строки московские знакомые еп. Алексия.

[3] Состав Св. Прав. Синода и Российской церк. иерархии на 1915 г. С. 345.

ятные» вечера[1], в «хорошей и спокойной беседе», при «таком мирном, согласном настроении».[2] Не случись убийства Распутина, а затем революции, «милый»[3] еп. Исидор мог бы оказаться и на митрополичьей кафедре. Такой же чести — двухчасовых запросто бесед с императрицею удостаивается и только что посвященный и еще решительно ничем не заявивший себя еп. Мелхиседек[4] — новый друг Распутина и т. д.

В конце 1916 г. ставленники Распутина уже фактически держали в своих руках управление. Обер-прокурор Св. Синода Раев, его Товарищ Жевахов, Управляющий Канцелярией Св. Синода Гурьев и его помощник Мудролюбов были распутинцами. Эту же веру исповедывали митрополиты Питирим и Макарий. Целый ряд епископов епархиальных и викарных были клиентами Распутина. Намечены уже были новые митрополиты. «Что же ты не постарался для Серафима?»,[5] — обратился в конце ноября 1915 г. к Распутину ктитор Феодоровского собора, полк. Д. Н. Ломан, недовольный тем, что Петроградским митрополитом был назначен Питирим, а не Серафим. «Пусть обождет! Вот умрет Московский[6], — тогда и ему дадим»[7] — был ответ Распутина. Еп. Мелхиседека императрица называла «будущим митрополитом».[8] Все это уже становилось несчастьем для Церкви. Теперь лучшие представители Церкви — талантливые, просвещенные,

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. II, 214.
[2] Там же. II, 211, 226.
[3] Там же. II, 229.
[4] Там же. II, 221.
[5] Чичагова, архиеп. Тверского, с образованием Пажеского корпуса.
[6] Престарелый Макарий, переживший однако и Ломана, и Распутина.
[7] Передаем со слов Ломана.
[8] Ее предсказание сбылось: сейчас он митрополит в революционной обновленческой церкви.

чистые и неподкупные, не мирившиеся с распутинским засильем или просто не искавшие распутинского благоволения, — или ставились под подозрение, или оставлялись в тени. На вершину же власти выплывали ничтожества, карьеристы, искатели приключений, люди с сожженной совестью (Тим. 4, 2), готовые служить каким угодно «богам», лишь бы достичь своих честолюбивых замыслов и корыстных целей.

И к такому положению Церковь была приведена не каким-либо своим злостным врагом, а православною, благочестивою, стремившеюся к ее устроению и, вне всякого сомнения, желавшею ее расцвета и благоденствия, императрицею.

Разделял ли государь распутинское увлечение своей супруги?

Факт тот, что государю все время приходилось выдерживать атаки против Распутина. О чрезвычайном вреде близости Распутина к царской семье, о его пьяных дебошах и оргиях, как и о его сношениях с разными темными дельцами, императору говорили: императрица Мария Феодоровна, вел. кн. Елисавета Феодоровна и Ольга Александровна, вел. кн. Николай Николаевич и Николай Михайлович, Министр Двора гр. Фредерикс, Дворцовый Комендант ген.-адъют. В. А. Дедюлин, начальник походной Канцелярии Его Величества,— свитские генералы кн. В. Н. Орлов и А. А. Дрентельн, министры — Коковцев, Сазонов, Макаров и Покровский, командир Корпуса жандармов свитский генерал В. Ф. Джунковский, фрейлина Софья Ивановна Тютчева, начальники штаба Верховного Главнокомандующего — генералы М. В. Алексеев и В. И. Гурко, обер-прокурор Св. Синода А. Д. Самарин, Председатель Думы Родзянко и мн др. А из духовных лиц: епископы Феофан (Быстров), Гермоген и военный протопресвитер.

На эти доклады государь реагировал по-разному. Чаще всего он выслушивал докладчика по видимости совершенно спокойно и молча. На сообщения о дебошах, оргиях и т. п. иногда отвечал коротким: «Я это знаю». Военного же протопресвитера после его доклада спросил: «А вам не страшно было идти ко мне с этим докладом?» Иногда, как в середине июля 1915 г., после доклада гр. Фредерикса, обещал удалить Распутина. Бывали и такие случаи, что доклады[1] исторгали у государя слезы и он со слезами обнимал и целовал докладчиков. Но от всех докладов результат получался один: Распутин продолжал оставаться в своем чине «царского Друга» и с каждым днем входил во все большую и большую силу. Докладчиков же постигала неутешительная участь. Некоторые жестоко расплачивались за свою смелость сказать царю правду: С. И. Тютчева была удалена от должности воспитательницы царских детей, Джунковский — Товарищ Министра внутренних дел и командир корпуса жандармов — уехал на войну командовать бригадой 8 Сиб. стр. дивизии; самые близкие к государю лица — генералы кн. Орлов и Дрентельн были отправлены: первый на Кавказ, а второй на театр военных действий командовать лейб гвардии Преображенским полком; Самарин — уволен от должности обер-прокурора Св. Синода; вел. кн. Николай Михайлович — выслан из Петрограда на юг в свое имение; П. М. Кауфман[2] чрез месяц после своего, вызвавшего у государя слезы, доклада был выслан из ставки, а затем вычеркнут из списка участвующих в заседаниях членов Гос. Совета[1]; вел. кн. Елисавету Феодоровну почти перестали принимать в Царском Селе; даже смещение вел. кн. Николая Николаевича стояло в большей связи с его походом против «Друга», чем с военными неудачами, и т. д. Других докладчиков пока терпели. Но императрица немедленно зачисляла их в синодик своих врагов, а у императора, после их доклада, оставался осадок горечи, и он, при решительном натиске императрицы, готов был расстаться с каждым из них. До самых последних дней государь предпочитал расставаться с самыми верными и преданными ему сотрудниками, чем расстаться с Распутиным. Между тем, казалось бы, многое должно было отталкивать государя от Распутина: государь терпеть не мог грязи, в чем бы она ни проявлялась, — Распутин же был развратный, грязный мужик; государь был образованный, ясно и просто мыслящий человек, Распутин был невежествен, в словах и мыслях сумбурен; государь был всегда благороден и деликатен. — Распутин груб и нахален. Распутин мог производить впечатление на истерические или особо впечатлительные, болезненно-мистические натуры — государь не был ни истериком, ни особенно впечатлительным человеком. Казалось, должны были заставить государя задуматься и, по меньшей мере, возможно сдержаннее относиться к Распутину и те страшные, зловещие слухи и разговоры, которые, сплетаясь около имени Распутина, с каждым днем все сильнее захватывали и волновали и общество, и Государственную Думу, и печать, и, наконец, всю армию и, дискредитируя бывший для народа священным авторитет царя и царицы, явно разрушали устои царского трона.

[1] 7 ноября 1916 г. доклад вел. кн. Николая Николаевича и 9 дек. 1916 г. П. М. Кауфмана, б. Министра нар. просвещения, первого чина Двора, члена Гос. Совета в 1915—1916 гг., состоявшего при Ставке в качестве заведующего краснокрестною частью в армии.

[2] Бывший Министр, первый чин Двора, во время войны возглавлявший краснокрестовское дело в армии.

[1] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. II, 269.

Не подлежит никакому сомнению, что государь не питал к Распутину тех восторженно-благоговейных чувств, какими было преисполнено сердце императрицы, и не испытывал большой нужды в общении с ним. Иначе нельзя было бы объяснить того факта, что в течение 1 1/5 лет пребывания государя в ставке Распутин ни разу там не появлялся, и в разговорах со своими приближенными государь ни разу не произнес его имени. Но, с другой стороны, было бы ошибочным утверждение, что государь совсем равнодушно относился к Распутину. «Их величества говорили, — пишет самый близкий человек к семье императора Николая II, фрейлина А. А. Вырубова (Танеева)[1], — что они верят, что есть люди, как во времена апостолов, не непременно священники, которые обладают благодатью Божией и молитву которых Господь слышит. К числу таких людей, по их убеждению, принадлежал и M. Philippe, доктор философии, который бывал у их величеств».[2] К их же числу их величества скоро отнесли и Распутина.

Что и государь верил в чрезвычайность благодатных дарований Распутина, это видно из того, что он относился к нему, как обыкновенно относятся к духовным лицам: просил его молитв и благословения и даже, будто бы, иногда целовал его руку. Об этом приходилось слышать от приближенных государя. Это же подтверждает и А. А. Вырубова в своей книге.[3] Для их величеств, — добавляет Вырубова, — Распутин был «олицетворением надежд и молитв».[4]

[1] Танеева (Вырубова). «Страницы из моей жизни», 1923. С. 81.

[2] Известный французский авантюрист, имевший на царскую семью в начале 1900-х годов большое влияние. См. Письма имп-цы А. Ф. I, 117, 135, 202; II, 53, 75, 242, 262. Граф С. Ю. Витте. «Воспоминания», 1922. Т. II, 251.

[3] А. Танеева (Вырубова). «Страницы...» С. 91. Она лишь не упоминает, что государь, получив благословение, целовал руку Распутина.

[4] Там же. С. 84.

И все же государь непременно расстался бы с Распутиным, если бы заступницей последнего не являлась властная, настойчивая, непреклонная императрица, совершенно подчинившая себе слабовольного своего супруга. Близкие к государю лица рассказывали, что одному из «докладчиков», настаивавших на удалении Распутина, именно П. А. Столыпину, — он ответил: «Лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы».[1] Иногда государь, как это мы видели в истории назначения Самарина, даже давал обещание расстаться с Распутиным, но после этого следовал решительный протест императрицы, и царское слово оставалось не исполненным. Вспоминаются слова вел. кн. Николая Николаевича в беседе с военным протопресвитером 7 ноября 1916 г.: «Дело не в Распутине, а в ней, только в ней; уберите ее, посадите ее в монастырь, и государь станет иным, и все пойдет по-другому. А пока всякие меры бесполезны».

Полонив царицу, а чрез нее и царя, Распутин оказывал большое влияние на управление Русской Церковью. Как ни печален этот факт — ни отвергнуть, ни замаскировать его нельзя. В последний предреволюционный год Распутин фактически назначал и обер-прокурора, и митрополитов, и высших чиновников синодального ведомства.

Что же такое представлял собою Распутин? В чем секрет его необычайного в истории временщичества?

В тогдашнем светском обществе довольно распространен был взгляд, что Распутин был ловким проходимцем, сумевшим подчинить себе и царя и царицу, а с последней даже вступил в нечистую связь.

Последнее является злостной клеветой на царицу, ни душой, ни телом не повинную в приписываемом ей

[1] М. Бок. «Жизнь П. А. Столыпина» (Воспоминания об отце). «Возрождение», 1936. 17. II. № 3911.

грехе. В 1915 г. бывший начальником походной канцелярии государя и самым близким к нему лицом кн. В. Н. Орлов, считавший величайшим несчастьем дружбу Распутина с царской семьей и ненавидевший царицу как главную виновницу такой дружбы, говорил пишущему эти строки: «Я много дал бы, если б я имел какое-либо основание сказать, что царица находится в нечистой связи с Распутиным. Но я не могу это сказать, ибо этого нет и не было». Адмирал Нилов и другие близкие к царской семье лица, подобно кн. Орлову, с ужасом следившие за распутинской историей, также решительно отвергали всякие подозрения относительно нечистых отношений между царицей и Распутиным.

Но почти так же неверно представление о Распутине как о ловком проходимце. Проходимцы сами идут к цели, лукавя, притворяясь, маневрируя, лицемеря, не брезгая средствами, не останавливаясь пред мерами. Распутин же от начала и до конца своей беспримерной карьеры оставался прямолинейным, являясь в кругу царской семьи и в домах своих почитателей и почитательниц всегда тем, чем он был, и отнюдь не скрывая даже безобразнейших качеств своего характера и нрава. И не его была вина, что одни прониклись к нему благоговением за то, что у него было, и даже приписали ему то, чего у него не было, а другие спешили поживиться за счет его авторитета в царской семье.

Равным образом было бы весьма ошибочно думать, что Распутин представлял только тип русского мужика «себе на уме». В известной степени хитрости и ловкости ему нельзя было отказать, но не на этих двух качествах выросла его слава. Не подлежит никакому сомнению, что Распутин был крупной, своеобразной и доселе вполне неразгаданной натурой, пленявшей одних и удивлявшей других. Обратимся к фактам.

Первыми очаровываются Распутиным епископы Гермоген и Феофан, ректор Санкт-Петербургской Духовной академии, а также весьма образованный, умный Петербургский священник Роман Медведь. Все они пленились высокой религиозной настроенностью Распутина, его богословствованиями от «нутра», его прозрениями, и все согласно признали в нем человека Божьего, притом весьма оригинального. Потом их, как и других духовных почитателей «старца», оттолкнули от него пьянственные и распутные его дела, которые они отказывались примирить с его святостью. Но и после разрыва, и даже доселе приходится слышать от некоторых из бывших близкими к Распутину, что они никак не могут объяснить той богословской догадливости, остроты ума и проникновенности, какие тогда проявлял Распутин.

На людей же экзальтированных или не обладающих острой наблюдательностью Распутин мог производить большое впечатление даже своей внешностью. От всей его фигуры, от его движений, слов и речей веяло какой-то особой таинственностью: острые, можно сказать, страшные, засевшие в глубоких впадинах глаза; узкий лоб, нависшие волосы, оригинальная, длинная, прямая борода; отрывистая, туманная, загадочная речь; резкие движения; постоянные упоминания о Боге. Суждения его смелы, дерзновенны, повелительны. Он их высказывал авторитетно, не считаясь ни с личностью, ни с положением своего собеседника. Распутин не просто говорил, а изрекал, вещал; не советовал, а приказывал, требовал. Все это изумляло одних, ошеломляло других, покоряло третьих; на уже порабощенную волю он действовал подавляюще.

Но Распутин мог удивлять не только оригинальностью и экспансивностью своей фигуры и натуры, но и меткостью, оригинальностью, политической зрелостью и дальновидностью своих суждений, совершенно нео-

бычных для полуграмотного мужика и изумлявших самых умных людей. Граф С. Ю. Витте, которому нельзя отказать в огромном уме, пред войною говорил одному из своих знакомых о Распутине: «Вы не можете себе представить, какой ум имеет этот замечательный человек. Он лучше всех понимает Россию, ее дух, ее чувства и ее исторические задачи».[1] Менее талантливым поклонникам, а в особенности истеричным поклонницам такие суждения Распутина казались вещаниями свыше, своего рода откровениями. К ним прислушивались, внимая каждому слову; в туманном видели иносказание, в неясном искали высшего смысла. А умный и не менее хитрый мужик иногда намеренно затемнял мысль, облекая ее в туманные формы.

На окруженных угодничеством, лестью и покорностью царя и в особенности царицу Распутин сразу произвел огромное впечатление смелостью, независимостью, безапелляционной авторитетностью своих суждений. Еще пред войной царица как-то говорила своему духовнику: «Он (Распутин) совсем не то, что наши митрополиты и епископы. Спросишь их совета, а они в ответ: «как угодно вашему величеству». Ужель я их спрашиваю затем, чтобы узнать, что мне угодно?» Царю и царице ни один министр и ни один митрополит не говорил так смело, не держал себя пред ними так независимо, не требовал от них так повелительно, как это делал Распутин.

Окончательно же Распутин покорил сердца царя и царицы тою помощью, которую он неоднократно оказывал их неизлечимо больному сыну — наследнику престола. Он много раз предсказывал приступы болезни у цесаревича и не раз исцелял его, когда выдающие-

[1] Ген. А. И. Спиридович. «Революцията дебне...» № 44. Фельетон в «Слово» за 1936 г.

ся врачи, во главе со знаменитым лейб-хирургом, профессором С. П. Федоровым, сознавали себя бессильными облегчить страдания мальчика и даже отчаивались за исход болезни. Противники Распутина в таких предсказаниях и исцелениях подозревали обман и мошенничество, в которых будто бы помогали Распутину Вырубова, тибетский врач Бадмаев и другие соучастники. Но сам проф. С. П. Федоров[1], отнюдь не бывший сторонником «старца» и по складу своей натуры совершенно не способный к мистическим увлечениям, смотрел на дело иначе. Он признавал несомненное наличие у Распутина и дара прозрения, и дара исцелений.[2] И не подлежит сомнению, что Распутин обладал совершенно исключительной силой, открывавшей ему возможность самого необычайного воздействия на других.

Иной вопрос: откуда была эта сила — от Бога или от чрева? Поклонники и поклонницы указывали на ее источник в необыкновенной вере и святости Распутина. Конечно, они ошибались, ибо у Распутина не было ни веры, ни святости подлинного проповедника. Кажется, вернее другое предположение — что эта сила развилась не на религиозной, а на физиологической почве. В 1928 г. нам пришлось услышать интересное мнение русского профессора-медика Н., изучающего личность Распутина и в особенности секрет его необыкновенного влияния на людей. Этот профессор подошел к выводу, что сила Распутина — его чрезвычайная, граничащая с прозрением чувствительность, его способность воздействовать на других — развилась на половой почве, на отличавшей его феноменальной половой энергии. Тайну распутинской силы должна

[1] Лейб-хирург, состоявший при государе.

[2] Как он решительно заявлял военному протопресвитеру 24.II.1917. г.

раскрыть наука. Но царица твердо и окончательно уверовала в богоизбранничество своего «Друга», уверовала, что он — святой человек, сильный пред Богом своей молитвой, что молитвой он может не только ее сына исцелять и всю ее семью охранять, но и туман на фронте разгонять, и погодой управлять, и обеспечивать победы русскому оружию, как и целостность Российской державе.

Под влиянием царицы и император усвоил подобный взгляд на Распутина.

А Распутин в это самое время не стеснялся выявлять отвратительные, дикие черты своего безудержного нрава и иногда не боялся обнаруживать их даже пред царицей. Его гадостям и пакостям не было числа. Беспутство его скоро стало всем известно. Его половая распущенность была ненасытной; вакханалии и оргии были его стихией. Пьянствовал он у себя дома в кругу своих поклонников и поклонниц, в ресторанах, — на глазах у всех. Развратничал всюду, не исключая общественных бань, набрасываясь на всякую женщину, не брезгая и профессиональными проститутками. Это несомненный факт, что однажды Распутина мыли в бане двенадцать высокопоставленных дам и девиц.[1] Во время шальных попоек Распутин любил хвастаться своей близостью к царской семье. «Хошь — сейчас Сашку[2] или девок[3] к телефону позову», — иногда обращался он к своим собутыльникам или, указывая на свою шелковую, расшитую рубашку, говорил: «Это мне Мама сама вышила».[4]

[1] Этот факт удостоверял нам почитатель Распутина царский духовник А. П. Васильев. Распутин не отрицал этого, объясняя, что это надо было для смирения барынь: «они княгини и графини меня — мужика мыли».

[2] Царицу.

[3] Вел. княжен — дочерей.

[4] Содержатель ресторана в Петербурге «Медведь» и в Москве «Яра» был частым свидетелем таких выходок Распутина. «Я страшно боюсь, — говорил он нам, — что когда-нибудь один из моих кельнеров не сможет снести такого издевательства над царской семьей и раздробит бутылкой голову Распутина».

Рассказы о безобразнейших бесчинствах Распутина быстро распространялись по городу, становились достоянием всех кругов общества, не могли они не достигать до ушей и царской семьи. Да и сам Распутин — по крайней мере в последнее время — не старался скрывать своих безобразий от царской семьи. Нам известен такой случай. 5 ноября 1916 г. Распутину была назначена царицей аудиенция в квартире Вырубовой в 4 ч. дня. Угостившись сверх меры на обеде, устроенном полк. Ломаном[1] в трапезной церковного дома при Феодоровском государевом соборе, он явился на аудиенцию с опозданием почти на час в нетрезвом виде и тотчас потребовал себе белого вина. Выпив стакан за стаканом всю бутылку, он — совершенно охмелевший — повторял царице: «Напиши Папе[2], что я пьянствую и развратничаю, развратничаю и пьянствую».[3] Царица после этого писала: «Только что видела нашего «Друга»... Он был очень весел после обеда в Трапезе — но не пьян».[4]

Кроме того, императору приходилось не раз выслушивать официальные, документальные[5] доклады министерств и шефов полиции о скандальных, роняющих авторитет царской семьи, расшатывающих трон, безобразнейших похождениях царского «Друга». Но и все более разраставшиеся и расползавшиеся слухи, и личные наблюдения, и доклады высших должностных лиц не могли поколебать в глазах царской семьи авторитета Распутина. В 1916 г. государь на новые доклады о вакханалиях и оргиях Распутина отвечал или молчанием, или корот-

[1] По случаю закладки церкви-приюта Вырубовой для воинов.

[2] Государю.

[3] Передаем, как рассказывал нам царский духовник 9 или 10 янв. 1917 г.

[4] Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Кн-во «Слово». Берлин, 1922. II, 230.

[5] На основании запротоколированных наблюдений за Распутиным тайной полиции, с приложением фотографических снимков.

ким: «Да, я это знаю». А благоговение царицы к Распутину продолжало все более и более возрастать, и она не стеснялась уже выявлять его всенародно. «5-го ноября 1916 г. — передавал царский духовник, о. А. П. Васильев, — происходила закладка строящегося А. А. Вырубовой приюта для инвалидов. Для совершения чина закладки был приглашен викарий Петроградской епархии, еп. Мелхиседек. Ему сослужили: я, настоятель Феодоровского собора прот. А. Ф. Беляев и два иеромонаха. Ждем, стоя в облачениях, в приготовленном шатре императрицу с детьми. Но раньше приезжает Распутин и становится на назначенном для царицы месте. В два часа дня прибыла царица с четырьмя дочерьми и Вырубовой. Подойдя к епископу, она поцеловала поднесенный последним крест, а затем обменялась с епископом принятым в таком случае приветствием, т. е. императрица поцеловала руку епископа, а епископ — руку императрицы. Тоже сделали и все четыре вел. княжны. От епископа императрица направилась к Распутину, который продолжал стоять, как стоял, небрежно, отставив вперед одну ногу. Распутин протянул царице руку, а та почтительно поцеловала и отошла в сторону. Вслед за царицей к Распутину подошли ее дочери и также приложились к его руке. И это произошло на глазах не только духовенства, но и собравшегося на закладку народа: офицеров, придворных, инженеров, солдат, рабочих и посторонней публики. После закладки, — рассказывал дальше о. Васильев, — ко мне подошел один офицер из присутствовавших тут. «Батюшка, что же это такое? — обратился он почти со слезами ко мне, — у меня было две святыни: Бог и царица... Последней теперь не стало... пойду пьянствовать!» Это был знаменательный, предостерегающий голос из толпы. Но умная царица не хотела понять опасности своего поведения. Вспоминаются вечные слова: quum perdere vult, dementat.

Секрет упорного преклонения царицы и царя пред Распутиным станет, может быть, более понятным, если мы представим весьма сложный, заколдованный круг роковым образом складывавшихся влияний и явлений, создававших духовную атмосферу, от которой не могла освободиться царская семья, и мешавших царю и царице спокойно и объективно определить удельный вес их «Друга».

Начнем с того, что высшее петроградское общество в своем отношении к Распутину не было единодушным. В то время как одна его часть возмущалась близостью «старца» к царской семье и свое возмущение открыто заявляла при всяком удобном и неудобном случае, — другая, немалочисленная, часть лебезила, пресмыкалась пред «старцем» и о своем почтительном отношении к нему старалась довести до царского слуха. Среди поклонниц и поклонников, почитательниц и почитателей «старца» можно было увидеть не только экзальтированных или истеричных женщин и девиц, не только карьеристов, надеявшихся сыграть на царском «Друге», но и, как мы уже видели, целый ряд министров, обер-прокуроров Св. Синода, членов Государственного Совета, генералов, митрополитов, архиепископов, епископов, наконец, самого царского духовника. Приемная Распутина бывала переполнена высокопоставленными поклонниками и просителями. Распутин был желанным гостем во многих великосветских салонах. Царь и царица не чувствовали себя одинокими в почитании своего «Друга». В особенности их ободряло почтительное отношение к Распутину двух митрополитов и духовника. Близкий к царскому двору ктитор Феодоровского собора полк. Ломан однажды откровенно признался: «Пока не было м. Питирима, еще можно было бороться с Гришкой[1],

[1] Распутиным.

теперь же он непобедим». Для набожного царя и царицы митрополичья санкция праведности их «Друга» много значила.

Противники же Распутина боролись с ним не всегда благоразумно и даже не всегда серьезно. В 1915–1916 гг. в петербургских великосветских салонах разговор о Распутине был самым модным. Рассказывались были и небылицы; критиковались не столько действия Распутина, сколько царь и царица, что могло только озлоблять последних. Салонные разговоры быстро распространялись по городу, потом по стране и, наконец, по фронту, всюду подрывая царский ореол.

Между прочим, нередко обвиняли Распутина в нечистой связи с царицей и даже в посягательстве на царских дочерей. Эта грубая и нелепая ложь могла возбудить только бурю негодования в царской чете и, как всякое очевидно ложное обвинение, послужить только в пользу обвиняемого.

Обычно же совершенно справедливо обвиняли «старца» в пьянственных дебошах и прелюбодейных похождениях. Сам «старец» цинично объяснял эти излишества: «Так Богу угодно», или: «Это необходимо для умерщвления плоти». В высшем же обществе тогда разврат и попойки были столь обычным явлением, что их считали шалостями, а не пороками. И царь с царицей в известном отношении были правы, когда обвинителям Распутина в данном случае отвечали: «Врачу, исцелися сам!» А сановно-духовные сторонники Распутина находили способы, чтобы оправдать его и в том и в другом. «Я не отрицаю ни пьянства, ни разврата Распутина, — говорил пишущему эти строки царский духовник в мае 1914 г., — но... у каждого человека бывает свой недостаток, чтобы не превозносился. У Распутина вот эти недостатки, но они не мешают проявляться в нем чрезвычайной силе Божией».

Распутинские сторонники — люди с сожженной совестью — прибегали и к более решительным мерам, чтобы оправдать «старца». В сентябре 1915 г. вдова герцога Мекленбург-Стрелицкого графиня Карлова показывала мне данную ей императрицею для прочтения книгу архим. Алексия (Кузнецова) «Юродивые святые русской Церкви».[1] В этой книге самой императрицей цветным карандашом были подчеркнуты места, где говорилось, что у некоторых святых юродство проявлялось в форме половой распущенности. Тут уже мы видим попытку утвердить апологию «старца» на богословско-научном фундаменте. Митрополиты Питирим и Макарий, как и целый ряд архиепископов и епископов, своим почтительным отношением к «старцу» доказывали царице, что они не придают значения его соблазнительным прегрешениям. Немалое значение имели для царицы и бесчисленные изъявления верноподданности и любви, чем ближе к революции, тем больше поступавшие к ней от разных крайних правых организаций и союзов, сельских и церковных общин, как и отдельных лиц, а также те многочисленные торжественные встречи, которые при ее проездах умело устраивали ловкие администраторы. В том и другом она усматривала протест народных масс против интригующего, прогнившего и продажного высшего общества[2] и косвенно — оправдание отношений ее семьи к Распутину. В результате поход против Распутина не ослабил, а скорее усилил любовь царицы к своему «Другу» как к невин-

[1] Кажется, я точно передаю заглавие книги. Ловкий архимандрит писал эту книгу не для науки, а чтобы угодить царице и Распутину и на этом сделать карьеру. Скоро он и получил кафедру викарного в Москве. Но, по словам проф. Н. Н. Глубоковского, он представлял эту книгу и в Петроградскую духовную академию для соискания магистерской степени. Академия провалила этот нечистоплотный труд.

[2] Так отзывалась об этом обществе 21 ноября 1916 г., несомненно, со слов императрицы, А. А. Вырубова в беседе с военным протопресвитером.

ной жертве человеческой злобы и зависти. Царица отвернулась не от Распутина, а от высшего общества, решив, что опорой трона является простой народ, а не утратившая национальное чувство прогнившая аристократия, не способная оценить Божьего избранника и враждующая против него только потому, что он, выходец из простого народа, близок к царской семье.

Таким образом, не только царь с царицей, но и больное время и прогнившее общество помогали Распутину подниматься на головокружительную высоту, чтобы затем в пропасть низвергнуться и в известном отношении увлечь за собой и российский царский трон.

Царь и царица не смогли понять Распутина и поставить его на соответствующее место. Но оба они оставались чистыми, искренними и благонамеренными до конца. В тысячу раз виновнее их все раболепствовавшие пред Распутиным по низким и корыстным побуждениям, в видах личной выгоды старавшиеся оправдать в нем неоправдываемое и продолжить влияние на царя и царицу злого гения России.

Итоги прошлого и чаяния будущего

В русской церковной жизни дореволюционного времени наблюдалось два недостатка: один — идеологического, а другой — тактического, жизненно-практического характера. Каждый из них имел свои последствия.

Первый недостаток состоял в том, что в церковном мировоззрении того времени небо как бы вытесняло землю: всюду и всегда много говорилось о достижении Небесного Царствия и мало делалось для устроения Царства Божия на земле. Больше того, нередко усердными не по разуму ревнителями благочестия и вечного спасения проповедовалось пренебрежение к земле и ко всему земному, что уже отдавало фальшью, ибо разными земными благами и разными достижениями материальной культуры не гнушались пользоваться даже самые строгие, отрекшиеся от мира насельники св. обителей.

Проповедь крайнего аскетизма, как обязательного идеала для каждого человека, и вытекавшее отсюда безучастное, а то и отрицательное отношение ко многим явлениям — радостям[1] и достижениям культурной жизни — приводили ко многим едва ли желательным последствиям: а) Церковь, не откликавшаяся на все нужды и явления действительной жизни, часто сторонившаяся ее, в значительной степени оторвалась от общества; между нею и обществом образовалась своего рода пропасть, мешавшая им понять друг друга. Удаляясь от действительной жизни, Церковь тем самым как бы уклоня-

[1] Пример должного отношения к радостям и утешениям в человеческой жизни Христос дал в Кане, когда претворил воду в вино, чтобы дать возможность участникам брачного торжества продолжить веселье (Ин. 2, 1–11). Жизнь человека не может состоять из одних благочестивых воздыханий — ему необходимы и житейские радости и развлечения. Долг Церкви христианизировать их — ввести в норму, предупредить излишества.

лась от завещанного ей Христом Спасителем долга христианизировать человеческую жизнь во всех ее видах и проявлениях, или — что то же — устроять Царство Божие на земле как необходимый этап для вечного Небесного Царствия. Не оказывая, вследствие этого, всего благотворного влияния, какое она могла бы оказывать на жизнь государственную, общественную и частную, на различные отрасли труда, знания и на различные взаимоотношения, Церковь, естественно, теряла значительную долю авторитета, уважения и влияния, которыми она должна пользоваться как у государственной власти, так и у народа. Односторонняя, сводившаяся к проповеди аскетизма и отречения от мира, церковная идеология для одних была неприемлема, для других — непосильна. Первые отходили от Церкви, вторые ограничивали свою церковность одной внешней стороной — формой, обрядом. Последней крайности, как мы видели, не избежали даже многие насельники св. обителей, добровольно обрекшие себя на аскетический подвиг. Страшно приходить к последнему выводу, могущему соблазнить кого-либо, но он неотступно преследует меня. Я был бы очень счастлив, если бы этот вывод оказался неверным. Но все же я упомяну о нем. Это, преобладавшее в нашей церковной идеологии и постоянно отражавшееся в церковной проповеди, снисходительно-пренебрежительное отношение к земному и тленному, в том числе, пожалуй, и к дисциплине, порядку, системе, строгой гармонии в жизни, — не под их ли продолжительным влиянием развились: склонность русских людей более к религиозным рассуждениям и обрядовому благочестию, чем к подлинной разносторонне-деятельной христианской жизни, наши «кое-какство» и «авось», наша беспечность в отношении устроения своего благополучия и использования тех бесчисленных и материальных, и духовных богатств, которыми Господь безмерно щедро наделил наш народ, наша фаталистическая покорность судьбе и непротивление злу, наконец, наблюдаемая в нашем духе некоторая склонность к своеволию и анархизму и т. д.

Второй недостаток относился к характеру церковной работы, которая велась по трафарету, шаблону, по наитию, а не по постоянно проверяемой и совершенствуемой системе. В работе высшего церковного органа — Синода это в особенности сказывалось в его отношении к терявшим смысл своего существования духовным семинариям, для оздоровления которых он не принимал нужных мер; к монастырям, отсталость которых не уменьшалась, а прогрессировала, а также к подготовке достойных кадров для пополнения и, — решаемся сказать, — оздоровления все более мельчавшего нашего епископата. В области владычного управления это выявлялось во владычествовании, заменявшем мудрое управление и отеческое попечение, требовавшиеся от носителей архиерейского сана. А в пастырском делании — там каждый работал по своему плану и разумению, чаще всего — без нужного руководства, без проверки, и необходимой проверки, сверху.

Отсутствие строгой планомерности и известного рода бессистемность в нашей церковной жизни, как и в церковной работе, сделали наш церковный корабль устаревшим, во многих своих частях прогнившим, плывшим более по течению, чем по ведущему к цели курсу.

Говорить о ремонте этого корабля не приходится, ибо от него ничего не осталось, — все сломано и уничтожено революцией, и лишь немногие уцелевшие матросы — архипастыри и пастыри — продолжают напоминать о нем. На месте разрушенного в огне и страданиях начинает созидаться новый церковный корабль, который со временем неминуемо восстановит многие части и формы прежнего церковного корабля — монастыри, духовные школы и проч. Надо быть уверенным, что Русская Церковь в лице своих архипастырей, пастырей и верующего народа, в эти годы несущая тягчайший крест, какой доселе, кажется, никогда не выпадал на долю никакой другой Церкви, узнала самое себя, уразумела пути и способы борьбы со злом и влияния на человеческие сердца, как и лучше нас сознала все ошибки и промахи прошлого. Но еще Гете сказал: «Die Menschheit schreitet immer fort und der Mensch bleibt immer derselbe».

Постоянное повторение прежних, даже роковых ошибок — это некоторого рода привилегия человека. Кто изучал историю, тот хорошо знает это. И не исключена возможность, что с наступлением времени, когда Русская Церковь получит

права свободной жизни и беспрепятственного развития, новые церковные деятели, увлекшись восстановлением разрушенного, начнут рабски копировать старое, не устраняя его недочетов. Последнее, если бы — не дай Бог, — оно случилось, было бы горше первого. Опасение, чтобы подобное не повторилось, побудило меня воспроизвести предреволюционное прошлое родной Церкви, не скрывая его недочетов и неустройства. Это же побуждает меня и в заключение своего труда подчеркнуть не только общие, только что указанные дефекты прошлого, но и некоторые частные пункты, на которые должно быть обращено особое внимание при устройстве будущей возродившейся Русской Церкви.

Первое, и самое главное, в чем надо избежать ошибок прошлого, это духовная школа. Будущая духовная школа должна служить исключительно интересам Церкви, а не сословным интересам духовенства, ибо первые безгранично важнее вторых. И в образовательном, и в воспитательном отношении она должна быть поставлена так, чтобы она подготовляла и по развитию, и по настроению достойных пастырей. Тип прежней духовной семинарии потребует изменения и в общем, и в частностях. Новая духовная школа должна стать только пастырской школой, в которую должны приниматься только юноши, обнаруживающие любовь и склонность к духовному делу. В частности, в ней, по сравнению с прежней духовной семинарией, должен быть изменен и круг преподаваемых предметов[1], и методы преподавания, и, главнее всего, воспитательное дело.

После учебной школы потребуется изменение и школы служебной. Одинаково заслуживал осуждения как тот порядок, что закончившие семинарский курс юноши прямо со школьной скамьи назначались на самостоятельные священнические места, так и другой, когда эти лица, в целях практической подготовки к пастырскому служению, определялись на псаломщические и церковно-учительские места под начало таких пастырей, у которых нечему было учиться. Первые выступали на свое ответственное служение без опыта, для вторых такая служебная подготовка иногда оказывалась гибельной. В данном случае нельзя иначе, как с вниманием, отнестись к традиции англиканской, униатской и иных западных Церквей, где всякий священник, прежде чем получить самостоятельное священническое место, проходит предварительно разные церковные должности, кончая должностью викарного, под руководством разумного, опытного и достойного священника-настоятеля.

[1] Естественные науки и элементарная медицина, несомненно, займут в семинарской программе подобающее место.

В связи с усовершенствованием церковно-служебной школы встает вопрос о коренной реформе благочинического института. В прежнее время благочинные были несравненно более консисторскими чиновниками, исполнявшими функции хозяйственного и полицейского характера, чем духовными руководителями подчиненного им духовенства. Такой тип благочинного должен кануть в вечность. Церковными финансами приличнее заниматься диаконам, которых апостолы для того и поставили, чтобы они «пеклись о столах», а пастырю — преемнику апостолов надо пещись о душах, проповедуя слово Божие (Деян. 6, 2). Полицейский же фиск в церковном деле может быть заменен братскою любовью, авторитетным воздействием и лишь в крайнем случае начальническим внушением и прещением.

По всем доходящим до нас из Советской России сведениям, положение епископа там, в сравнении с дореволюционным прошлым, совершенно изменилось. Там теперь епископ — не вельможа, магнат, а подвижник, слуга, смиренный раб Божий. И отношения епископа к пастве и клиру там в корне изменилось. Епископы стали попечительными отцами, молитвенниками, друзьями и для пасомых, и для подчиненного им духовенства, истинными преемниками св. апостолов не только по благодатному дару, но и по образу архипастырского действования.

Чтобы русские епископы и по миновании переживаемой поры сохранили апостольский образ, должны быть приняты все меры, дабы не восстановился институт «ученого» монашества в том виде, в каком его застала революция. Пока в епископо-

пы поставляются только монахи, институт ученого монашества будет необходим. Но уже самое его назначение — давать кандидатов на высшие иерархические должности — обязывает высшую церковную власть пополнять его способными и достойнейшими и этих способнейших затем тщательнейшим образом подготовлять к высшему в духе св. апостолов служению, тщательно и решительно отсевая мякину от чистого зерна, ревнуя только об одном — о благе церковном. В прошлом засильем монашества в Церкви хотели обновить и возвысить Церковь. Результат получился обратный: монашеское засилье привело к омирщению монашества, не прибавив славы Церкви.

В связи с вопросом об «ученом» монашестве встанет вопрос вообще о монастырях. С возрождением Церкви монастыри в России, конечно, возродятся. Православная Церковь не может оставаться без св.обителей, как всякое государство без укрепленных мест. И верующие православные души не смогут обойтись без монастырей, ибо одним из них монастыри будут нужны для отречения от мира, а другим — для духовного отдыха и обновления.

Возродившимся русским монастырям предстоит восстановить все то доброе старое, которым отличались прежние лучшие наши обители, и развить то, чего монастырям последнего времени недоставало: просвещение и активность в просветительно-миссионерско-благотворительской области. Надо оставить взгляд, что монастырь — убежище для монахов, ищущих спасения собственных душ, и что монаху достаточно благочестия. Большим в Царствии Небесном будет тот, кто будет всем слугою (Мф. 20, 26), а послужить лучше сможет тот, кто более просвещен и научен. Благочестие — это познание Бога умом. В румынской православной Церкви в одном из монастырей уже устроена специально монашеская семинария, воспитывающая молодых монахов. Будущие русские монастыри должны широко открыть свои двери отнюдь не одним простецам, но и образованным людям и указать в монастырском делании каждому свою работу соответственно его способностям и развитию. А пути монастырской деятельности отчасти намечены и проложены такими прежними обителями, как Леснянская, Вировская и другие, о которых сказано раньше.

Наряду с устроением своего собственного бытия Русской Православной Церкви придется разрешить ряд внешних вопросов. Первый из таких вопросов — это примирение со старообрядцами, отделившимися от Православной Церкви по недоразумению и доселе не соединившимися с нею по взаимному ожесточению. Общность страданий, одинаково обрушившихся на нас и на них, в значительной степени сгладила остроту разделения и духовно сблизила старообрядцев с православными. Теперь и тем, и другим несравненно легче найти общий язык для беседы и понимания друг друга. Последнее тем скорее может удаться, что, насколько нам известно, сами старообрядцы сознали несерьезность основных пунктов, которые доселе отделяли их от Православной Церкви и которые, как показывает пример единоверия, никогда не считались Православною Церковью серьезными. Старообрядцы представляют наиболее национально сохранившуюся и чрезвычайно стойкую в вере часть русского народа. Соединение их с православными было бы огромным приобретением православной Церкви, весьма ценным и в государственном отношении. Для достижения этой цели Православная Церковь должна будет проявить максимум прощения, снисхождения, любви и предупредительности, какие только послужат к увеличению ее престижа и величавого достоинства.

Другой серьезный вопрос — это установление добрососедских отношений с инославными исповеданиями, в особенности с наиболее нам близкими, как англиканство, старокатоличество. Революционное время многое сделало, чтобы разрушить средостение, отделявшее православную Церковь от других христианских исповеданий. Оно показало, что христианские исповедания — естественные союзники в служении делу Христову, а стремление к единению завещано нам Спасителем. Зарубежною Православною Церковью за время революции уже многое сделано для общения с инославными исповеданиями, послужившего только к благу: к взаимному опознанию и уважению, к взаимной поддержке и поучению. Великой Православной Церкви, окруженной ореолом мученичества, не трудно будет закрепить завязавшиеся отношения, которые, с Божьей милостью и помощью, приведут к благим результатам.

Во всяком случае, они положат конец изолированности Православной Церкви и всем, вытекавшим из этой изолированности, последствиям: когда мы судили об инославных исповеданиях понаслышке, обвиняли их по шаблону и не узнавали часто ценнейших достижений, отличавших их жизнь. Разъединение усиливало вражду, общение же разовьет любовь и послужит к обоюдной пользе.

Наученная уроками прошлого и умудренная пережитыми страданиями, Русская Православная Церковь — верим и на Господа уповаем — поведет свой корабль по руслу чистого православия, которое она представит в том величии, красоте, чистоте и силе, какие приличествуют истиннейшей Церкви Христовой.

19.VII.1937.
София.

Оглавление

Предисловие 3
От автора 9
Вступление 12
Русская Церковь в прошлом. Ее заслуги в отношении русского народа и всего Православия. 16
Состав Русской Церкви; ее имущество и богатство; ее положение в ряду других православных церквей и ее задачи 27
Русская Православная Церковь и русская государственная власть 38
Святейший Синод. Синодальный строй: его особенности и недостатки 56
Святейший Синод в предреволюционное время 71
Деятельность Святейшего Синода 80
Обер-прокуроры Святейшего Синода (1911–1917 гг.) 107
Недостатки синодальной работы. Конец предреволюционного Синода 138
Епархиальное управление: архиерей, консистория, секретарь консистории, благочинные 148
Консистория и ее секретарь; благочинные 175
Приходское духовенство 194
Сельский священник 202
Деятельность белого и, в частности, сельского духовенства 231
Духовные школы 248
Духовные академии 292
Русские монастыри дореволюционного времени 305

Материальные богатства монастырей.....311
Роль русских монастырей
в церковной, государственной и народной жизни.....317
Сравнительная оценка русских монастырей
старого типа и монастырей нового направления 347
Приход.....363
Русская Православная Церковь
в ее отношении к инославным исповеданиям 385
Ведомства протопресвитеров придворного,
военного и морского духовенства.....409
Последний самодержавный всероссийский император 457
Итоги прошлого и чаяния будущего.....503

Отпечатано с диапозитивов
издательства «Артос-Медиа»
в типографии АО «Молодая Гвардия»
Формат 84x108/32. Объем 16 п.л.
Печать офсетная. Гарнитура Octava. Бумага писчая.
Заказ 53719 Тираж 3000 экз. Подписано в печать 15.04.2005 г.
Адрес АО «Молодая Гвардия»: 127994, Москва, Сущевская, 21.
Адрес издательства «Артос-Медиа»:
105318, г. Москва, ул. Щербаковская, дом 53, корп. 5.
Качество печати соответствует качеству оригинала.